

*Моим родным, ушедшим и
здравствующим, посвящаю.*

Сергей Луцкий

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

В ТРЁХ ТОМАХ

ПЕРВЫЙ ТОМ

Луцкий С.А.

Избранная проза. В трёх томах. 2015. 480 с.

Сергей Луцкий – известный югорский прозаик, лауреат литературных премий. Его произведения публикуются в центральных и региональных литературно-художественных журналах и альманахах, переводятся на иностранные языки.

В первый том избранной прозы вошли лирико-философские миниатюры о северной природе и человеке в ней. А так же лучшие рассказы, написанные автором в разные годы.

Запретный ларец Сергея Луцкого

Поэт сказал: «Большое видится на расстоянии». Эта есенинская фраза приходит на ум, когда знакомишься с книгами Сергея Луцкого, нашего современника, жителя сибирской земли, именуемой Югрой.

Его проза – явление далеко не местного значения. Думаю, она перешагнёт не только географические рамки, но и временные, войдя в капитальный фонд литературы.

Основания для таких утверждений есть. Дело не только в мастерском владении писателем словом. Высокий потенциал духовности героев Сергея Луцкого. Они – современные Гамлеты, неуспокоенные в своих вопросах к жизни, к вызовам времени. Пытающиеся взломать запретный ларец – тайну человеческого бытия.

Они – это все мы в застывшем потоке времени, талантливо запечатлённом нашим земляком.

1

Биография Сергея Артёмовича Луцкого имеет свой узор, который неповторим у каждого из нас. С той только разницей, что биография писателя это ещё биография его творчества.

С.А. Луцкий родился 31 октября 1945 года в селе Дзыговка Ямпольского района Винницкой области в семье военнослужащих. По его словам, «сочинять стал ещё в детстве, лет в десять-одиннадцать». И что интересно, начинал не со стихов, как это часто бывает, а с прозы, стихотворству же отдал дань позже, «ведь в юности без этого никак невозможно». Оригинален Луцкий и в том первом творческом импульсе: «Считается, что основной мотив, который движет прозаиком, это желание выразить свои мысли. Вспомним Пушкина: проза требует мыслей и мыслей. У меня же получилось иначе.

Первотолчком, похоже, стало стремление к гармонии. Подобное более присуще стихотворцам, у них для этого больший арсенал выразительных средств, но у меня вышло именно так. Мысли появились позже, с житейским опытом. В начале же – звучание фразы, точная деталь, настроение. В этом смысле главный персонаж романа “Причастный” Юра Руснак мой альтер эго¹».

Как многие писатели, Сергей Луцкий освоил несколько специальностей, что закономерно – прозаику необходим жизненный опыт. Работал фрезеровщиком и инженером-технологом на машиностроительном заводе, служил в армии, был ответственным работником Госкомиздата РСФСР, а затем и Министерства печати России. Его дебют в центральной прессе – рассказ «Ясная жизнь», опубликованный в журнале «Юность» в 1973 году.

В то время Луцкий учился в Литературном институте им. М. Горького. Творческий семинар, в котором он участвовал, вёл Виль Липатов. «Липатов, на мой взгляд, из разряда писателей, которые как личности интереснее и значительнее всего ими написанного, – вспоминает Сергей Артёмович. – Между нами, скорее, было отталкивание, чем притяжение. Но по гамбургскому счёту, Липатов много мне дал как прозаику».

Своими учителями Луцкий считает русских классиков Н. Гоголя, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, И. Бунина, В. Набокова. Из писателей-современников выделяет Юрия Казакова и Юрия Трифонова. Вообще, по его мнению, находится в ауре русской литературы – счастье: «Мощная, великая литература, целый континент».

Луцкий как писатель формировался в годы, когда социалистический реализм был единственно возможным художественным методом. Но настоящий талант трудно уложить в прокрустово ложе идеологии. И в то время существовали различные течения и подходы в отражении мира. Сергей Артёмович, к счастью, не растворился в идеологическом потоке, предпочёл издаваться немного, но сохранить своё лицо.

¹ Из частной переписки автора с С.А. Луцким

И вот теперь, когда стало многое можно, он не заблудился, не растерялся. В беседе как-то заметил: «Было бы наивно отрицать влияние западной культуры (и литературы в частности) на русскую. В силу особенностей России оно существовало всегда. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, другие наши классики многому научились у французов, англичан и немцев. Это дало толчок русской литературе, которая во второй половине девятнадцатого века превратилась в ведущую. И, в свою очередь, стала оказывать влияние на мировую культуру. Скажем, классик англоязычной литературы Д. Голсуорси считал себя учеником Льва Толстого. Основательно повлияли на мировую литературу Достоевский, Чехов, некоторые другие наши большие писатели.

Иными словами, происходит взаимопроникновение и взаимодействие русской и западной литератур, и происходит оно постоянно. Дело в конце концов не в приоритетах. Главное, чтобы это было на пользу той и другой литературам. Схожие процессы существуют и сейчас. Мир всё больше приобретает черты единого культурного пространства, так что избежать взаимовлияния невозможно. Разве что понадобится вновь возвести железный занавес. На нынешнем этапе, думаю, влияние по преимуществу ощущаем мы. Современная русская литература стала более раскованной и склонной к экспериментам. Говорю не о той, которую называют постмодернистской. Речь о классической традиции, у истоков которой Гоголь, Лев Толстой, Чехов, Шолохов, Леонов и другие наши мэтры. Классическая традиция, на мой взгляд, отнюдь не исчерпала себя, она обладает серьёзным потенциалом для движения вперёд»².

По признанию Луцкого, реалистическая традиция в её историческом развитии ему ближе всего. Он не отрицает экспериментов, но сами по себе они интересуют его мало. Это видно уже по его первой книге «Десять суток, не считая дороги». Она вышла в 1980 году тиражом 50 тысяч экземпляров в издательстве «Современ-

ник», самом крупном в ту пору издательстве РСФСР. Предисловие написал Виль Липатов. Сейчас, конечно, автору далеко не всё в этой книге нравится. В последующие сборники он брал из неё только один рассказ «Лёнька и Миша-безногий».

В «московский» период жизни (а это двадцать пять лет, с 1969 по 1994 годы) Сергея Луцкого кроме «Юности» печатают газеты и журналы, среди которых «Красная Звезда» и «Сельская жизнь», «Крестьянка» и «Мир Севера», «Октябрь» и «Советский воин»... Он публикуется также в еженедельнике «Литературная Россия», в коллективных сборниках и альманахах. Его рассказы переводятся на украинский и арабский языки, на язык дари (Афганистан).

Казалось бы, всё определилось в жизни писателя: и служебная карьера, и признание его таланта – есть своя аудитория, ценят коллеги и критика. Но судьба делает резкий зигзаг – Луцкий вдруг со всей семьёй переезжает из ближнего Подмосковья почти на край света: в Нижневартовский район, в никому не известное село под названием Большетархово. Правда, село-то не очень уж и глухое, и работа ему находится: Сергей Артёмович становится обозревателем газеты «Новости Приобья». Но поступок всё равно удивительный.

Николай Коняев в предисловии к книге С. Луцкого «Ускользящее время», размышляя о переезде писателя, вспоминает обычай, который существовал у художников средневековой Японии: «Добившись в определённой местности признания, выработав свой стиль, они уходили туда, где их никто не знал, и начинали всё заново. В пределах отпущенного срока они пытались прожить ещё одну творческую жизнь, отразить окружающее под другим, новым углом зрения».

В одном из интервью Луцкий, говоря о своём решении, выскажет примерно ту же мысль: «...изо дня в день ездить в Министерство печати на службу, видеть вокруг себя одни и те же лица, заниматься одними и теми же по сути делами... Это выматывающее душу однообразие стало сказываться и на литературной ра-

---

2 Цукор А. Алла Цукор – Сергей Луцкий. Не левее сердца // Литературная Россия. 2007. – № 47 (2331)

боте. Мне захотелось встряхнуться, начать писать по-новому. Тем более что цензура в её классическом виде исчезла, а это давало свободу выбора тем и изобразительных средств... Сработало, видимо, также извечное российское стремление к перемене мест. Однако я слухавил бы, сказав, что дело только в этом. Разумеется, были и сугубо житейские причины, побудившие сместить Подмоскovie на Югру...³ .

И Сергей Луцкий, сделав свой выбор, не обманулся: Сибирь оказалась для него благодатным местом. Она дала новые впечатления, помогла обновить художественную палитру. Луцкий активно включается в литературную жизнь региона, пишет «сибирские» рассказы и повести, выступает как литературный критик и как редактор-составитель коллективных сборников. А в 2000 году вышла долгожданная (с перерывом в 20 лет после первой) книга прозы «Яблоко в жёлтой листве» с предисловием Еремея Айпина.

По определению самого автора, в ней «он уже нынешний, более зрелый». За «Яблоком...» последовали другие сборники: «Ускользящее время» (2005), «Варианты Надежды Вилоровны» (2005). В 2008 году опубликован сборник миниатюр и эссе «Параллельные миры». Затем свет увидели книги «На восток от Гольфстрима» (2010), «Причастный» (2010), «Пока светло» (2014).

Повестями Сергея Луцкого заинтересовалась популярная «Роман-газета» и опубликовала повести «Затмение» и «Снохач Бусыгин». Его произведения печатают окружной альманах «Эринтур», толстые журналы «Урал», «Сибирские огни», «Наш современник», другие издания. В 2003 и 2010 годах писателю была дважды присуждена премия губернатора автономного округа в области литературы. А в 2006 году он становится лауреатом Всероссийской премии имени Д. Мамина-Сибиряка за книгу избранной прозы «Ускользящее время», «правдиво и талантливо изображающую нравственные искания современников».

Жизнь в Сибири, как уже отмечалось, сказалась на

творческой манере Сергея Луцкого. Произведения, написанные в Югре, тематически разнообразней, стилистически более раскованы. Сам писатель эти перемены объясняет двояким образом: «Во-первых, изменилось время, стало можно писать о том, что раньше было под запретом и опубликовано быть не могло. Во-вторых, меняюсь и я сам, смею надеяться, моё акме ещё не перевалило верхнюю точку и стремительно не пикирует. А это новые горизонты»⁴.

2

Современные критики, размышляя о прозе Сергея Луцкого, многое уже успели подметить в его творческой манере. «...Книги задевают за живое»; автор «мастерски накладывает художественный вымысел на реальную почву, а потому повести читаются почти как документалистика»; «крушение эпохи СССР Луцкий представляет без претенциозности, в бытописании обычных людей – Кирюхина, немолодого Трифоньча, Надежды Вилоровны...»⁵; «при общей эпичности повествовательной манеры проза Луцкого глубоко лирична»⁶.

Действительно, герой Сергея Луцкого обыкновенен, он живет среди нас. С ним не происходит никаких экстраординарных или мистических событий. Читатель, испорченный остросюжетными бестселлерами, взяв в руки его книгу, может её отложить: мало действия, нет детективного азарта. Луцкий вообще традиционен: для русской классической литературы всегда был важен человек, его душа, а не ловко закрученный сюжет, не хитрая интрига. И в его книгах важно не само действие как таковое, а поступок, слово, мысль.

Поэтому особую роль в произведениях Сергея Луцкого играет не событие, но *бытие*. С эпическим принципом повествования в его прозе соседствует лири-

4 Из частной переписки.

5 Цукор А. Затмение, или обратная сторона сути. // Литературная Россия. – 2006. – №23. (июнь).

6 Иванов В. Место экзотики // Литературная Россия. – 2001. – №50. (дек.)

3 Цукор А. Алла Цукор – Сергей Луцкий. Там же.

ческий, в котором образ развёртывается не столько динамически, сколько создаётся с помощью нанизывания и увязывания характерных поступков и деталей. Произведения заставляют вчитываться, всматриваться в героев, в их окружение. Здесь важна всякая мелочь, большую роль играет художественная деталь. Вначале может даже показаться, что «нитки торчат», но нет, оказывается, и они вплетены в общий венок. И если в произведениях Сергея Луцкого ружьё висит на стене (вспомним Чехова), то оно обязательно выстрелит.

Поэтому, несмотря на то, что по тематике и стилю повести и рассказы Луцкого до середины 1990 годов и после отличаются, в отношении его героев разница незначительна⁷. «Ранние» и «зрелые» произведения относятся к совершенно различным эпохам, но их герои (при всех индивидуальных особенностях) чем-то схожи между собой. В книгах писателя нет абсолютно правых и абсолютно виноватых. Как и в жизни, у каждого своя правда. Все герои ищут для себя выход. Каждый, разумеется, плутает по-своему, но все они блудные дети на дорогах России.

Герои ранних произведений Луцкого, в основном, молодые люди. «Лёнька и Миша-безногий» (1979), «Только две зимы» (1980), «Игорь Турчин» (1979-1984), «Будни, или Сразу после армии» (1972-1984)... Герои этих рассказов и повестей печалются и мечтают соответственно своему возрасту и времени: о двух стаканах мёда, или о конце юношеского братства, или о том, чтобы стать мастером спорта. И главным, наверное, для писателя было понять, чем живёт его поколение, ведь мечты молодого человека – это и характер времени, и проекция будущего.

Основной персонаж повести «Игорь Турчин» – старшекурсник техникума, кандидат в мастера спорта,

---

7 Коняев Н.И. считает, что «Новый Луцкий, на мой взгляд, начинается во второй половине 90-х... Они (поздние произведения. – И.Р.) свободны, раскованы и заметно отличаются от написанного прежде». Коняев Н.И. Неизвестное о известном Луцком // Сергей Луцкий Ускользящее время. Избранная проза. – Екатеринбург, «Издательство “Баско”», 2005. – С. 3–4.

которому ничто в жизни не дается легко: и учёба (были проблемы с математикой), и само существование (надежда только на себя, поэтому приходится учиться и одновременно работать в кочегарке), и спорт (строгий режим и тренировки). Но Игорь не унывает: ещё немного – и он станет мастером спорта. Цель поставлена, и дорога к ней пряма. Кажется, всё просто и ясно. Но вот появляется новичок Муляр, которому успехи в штанге даются без всяких усилий. Муляр ни в чём себя не ограничивает, аскетизм Турчина ему чужд, более того, он извлекает выгоду из своих способностей.

В душе главного героя возникают недобрые чувства – ситуация напоминает нам классическую: Моцарт и Сальери. Тем более что автор сам намекает читателю на неё эпитафией из Пушкина, а затем и монологом Эдуарда, сменщика Игоря по кочегарке: «...Оказывается, опасно сильно любить, да!.. Опасно до конца быть преданным дорогому для тебя делу. Цельность и безоглядность опасны! При известной, конечно, доле самолюбия и твёрдости характера. Оказывается, чрезмерная любовь делает человека ревнивым к любому другому, кто занимается таким же делом. И не дай бог, если этот другой делает твоё дело лучше, чем ты! К тому же не прилагая особых усилий. Так, походя. Оскорбительно, можно сказать! Богохульственно! Справедливости нет, мир рассыпается на части, жить незачем – хаос!.. Ты стараешься, из кожи лезешь, по-человечески не живёшь, а он, гуляка праздный, легко, свободно...».

Высказав мысли Сальери, Эдуард, кажется, попадает в самую точку. Турчин предан штанге, целеустремлён – и вдруг его планы (а вместе с ними мир ценностей) рушатся, потому что в жизни «работают» какие-то другие законы. Но Игорь не Сальери, он не собирается убивать противника, тем более что тот не просто, с его точки зрения, разгильдяй, но и ничтожество, что подтверждается фактами: Муляр нечист на руку. Да и прочтение Эдуардом пушкинского «Моцарта и Сальери» вызывает сомнение. Может ли быть «богохульственным» то, что противник Игоря не достоин своего дара?

Скорее, богохульствует Сальери, считая, что «правды нет и выше». В повести гораздо важнее другое противопоставление: *цель* и *смысл*.

К Турчину, бывшему сержанту, приезжает за советом Вакалюк, служивший под его началом. Вакалюк не знает, что делать, как ему жить. Для Игоря такие вопросы звучат странно. «... Я пошёл учиться. Трудно было, а я смог. И ты сможешь, если человек. Или думаешь, всё уже знаешь? Дошёл до предела?

– Не думаю. – Вакалюк усмехнулся и опустил голову. – Ну, ладно, получу я шестой разряд. Даже институт закончу. Дальше что? Лучше мне от этого будет? Счастливым стану?

– Ты получи сначала! Ты закончи! Говорить потом будем. Трепаться просто!.. Видеть не могу людей, которые свою лень оправдывают, философию на мелком месте разводят. Работать надо! Стремиться!.. Ты человек, воля у тебя есть или нет?»

Так происходит подмена *смысла* жизни *целью*. Оттого, что многие герои Луцкого подспудно чувствуют пустоту окружающей жизни, отсутствие в ней высокого смысла?.. Для Турчина, который почти не ведаёт, что существуют относительные истины, само стремление к чему-либо и есть смысл жизни. Но для большинства его сверстников даже этого стремления к цели не существует. Придя из армии, по словам Вакалюка, многие или женятся, или пьют. Правда, и для Турчина его жизненная установка относительно того, что нужно стремиться стать кем-то, достигать чего-то, начинает рушиться. Девушка, которая ему нравилась, по сути торгует собою, честный учитель математики остаётся без жилья, никчемный, по его понятиям, Муляр оказывается талантливым штангистом... Но герой пытается себя убедить, что можно добиться цели, не вступая в сделку со своей совестью, честно, а мир стоит на незыблемых основах. Перед читателем предстает драма в системе тех координат, которые установил для себя персонаж.

Почти те же вопросы возникают у героя повести

«Будни, или Сразу после армии». Андрей Русков, ровесник Турчина, только что вернулся из армии. Поначалу его пьянит свобода, ему кажется, у него неисчислимое количество возможностей: «...езжай куда хочешь, хоть на БАМ, хоть севера покорять...». Но Андрей не торопится выбирать, он наслаждался этим состоянием: «Он теперь хозяин жизни, а жизнь – она проста и понятна, как камешек на ладони...».

И поначалу всё так и было – просто потому, что жизнь после армии казалась щедрым подарком. Но как только Андрей огляделся вокруг, всё оказалось не таким уж простым. На работе им пытается командовать жена бывшего прапорщика Людмила, а начальство вместо того, чтобы её приструнить, старается замять конфликт. Николай Кузьмич, его сменщик, которого он уважал за военное прошлое, выясняется, служил всегонавсего начфином, а смазливая, казавшаяся доступной Анюта оказалась не такой. Нина Голосуева, соседка его крёстной, бросила Петю Чаева – знаменитого футболиста, как только тот запил и его выгнали из команды...

Цепь разочарований в жизни на гражданке вызывают в Андрее тоску. «И всё больше он недоумевал: неужели никто из этих людей не понимает, какая скучная у них жизнь? Какая безысходная и душная?.. Где яркость и необыкновенность?» Вообще за два года, пока он служил, многое изменилось: те, кого Андрей презирал, смогли «выбиться в люди» (Наташа и Вовка Губенковы), новая молодёжь даже веселится теперь иначе, никаких застолий с тостами, а фуршет и танцы. Героем нового времени является Дима – заместитель главного инженера на их заводе, он же жених Нины Голосуевой. Ничего плохого о нём не скажешь, человек Дима достойный, но что-то в нём не так. С точки зрения Андрея, слишком уж он правильный и обыкновенный.

Армейские мечты Андрея, столкнувшись с обыденностью, разбились, но он всё равно не хочет приспособляться к новым обстоятельствам. С точки зрения Нины Голосуевой, Андрей не хочет взрослеть, недаром в детстве его прозвали «Чадо». Нина пытается ему объ-

яснить: «В жизни нет ничего постоянно хорошего или постоянно плохого». Но как мораль примирить с этой диалектикой? «А как насчёт порядочности и честности?» – спрашивает Андрей. Он поражён тем, что Нина относится к людям, как к вещам: «Отслужил свое – выбрасывает! Или в комиссионку – может, и подберёт кто похуже...».

Но сам Андрей, отрицающий чужой прагматизм и безнравственность, наивно полагает, что жизнь дана человеку только на радость: «Почему смиряться надо? Почему мучиться?.. Разве люди живут, чтобы страдать? Зачем такая жизнь?» В поисках этой другой жизни он решает уехать на Север, не думая о том, что ответствен за Валу, с которой случайно завёл роман, и за их будущего ребёнка.

В этой повести стереотипы, ломаясь, ломают и главного героя. Значит ли это, что действительно нет абсолютных истин? Или герой слишком наивен, беспомощен, заиклен на идеализируемом прошлом, которое «только выдумка»?.. Однако возможен и другой взгляд. В «Буднях...», как и в «Игоре Турчине», дана драма страсти – страсти в широком понимании этого понятия. Страсть, овладевшая человеком и не подчинённая уму, способна сделать его несчастным. Ключ к пониманию драмы Турчина и Андрея Рускова косвенно даёт и нобелевская речь У. Фолкнера. Та её часть, где классик мировой литературы говорил о последних звуках, которые будут слышны на развалинах мира. Это будет голос не смирившегося человека.

Одним словом, читатель вправе сам решать, кто они, Игорь Турчин и Андрей. Эгоцентрики, заикленные на своих чувствах и представлениях о жизни? Или же искренние, мятущиеся люди, отстаивающие своё представление о том, каким должен быть мир?..

В восьмидесятые годы у героев Сергея Луцкого юность с её радостями и неприятием взрослой жизни, отходит на второй план. Появляется новое: стремление преодолеть дисгармонию мира, найти хоть какое-то равновесие, согласие и красоту в себе и ближайшем

окружении. И в этом смысле рассказ «Яблоко в жёлтой листве» (1984) – лучшее выражение писательского поиска. Этот рассказ не просто иллюстрация настроения героя. По исполнению рассказ можно назвать произведением, написанным в лучших традициях русской классической литературы. Автору удалось показать зарождение чувства в человеке, потерявшего смысл существования вместе с гибелью близких.

Этому возрождению, возвращению к жизни автор нашёл выразительный образ-символ – яблоко, спрятанное от людских глаз в жёлтой листве осеннего дерева. Во многих культурах яблоко – чаще положительный символ, обозначающий радость, совершенство, бессмертие, миролюбие, достаток, любовь. В рассказе Луцкого никем не замеченное яблоко аккумулирует все эти значения и осознаётся героем, как чудо: «Ему было приятно, что из десятков проходящих по тропинке людей яблоко открылось только ему. Слово это был непонятный, но добрый знак».

Яблоко, увиденное Якуниным, оказалось волшебным: оно помогло справиться с отчаянием, дало возможность вновь почувствовать запах, цвет и волнующую глубину жизни. Наконец, герой открыл в себе способность любить. Тонкий психологизм, лиризм, суггестия – черты этого замечательного рассказа. Каждая деталь здесь выверена, каждый мотив варьируется и развивается, создавая образную симфонию. А в ней две главные темы: любовь и смерть. Каждая из них отражается, с одной стороны, в образах яблока, дачи друга, света, льющегося на чистый лист ватмана, лежащий на кульмане, открывшегося неба; с другой – бывшего тестя, опустошённой бутылки молока («мутной» – так же мутно на душе героя), кладбища, цветов, осени, заката. Но побеждают любовь и жизнь.

Рассказ «Яблоко в жёлтой листве» дал название сборнику, как уже отмечалось, вышедшему в 2000 году. О манере письма, в котором выдержан не только заглавный рассказ, но и большинство произведений этого сборника, точно подмечено: автор «пишет клас-

сическим языком, довольно трудным, пусть и прекрасным. Он пишет действие для того, чтобы наслаждаться скорее не действием, а словом. Читаешь — красиво. Но разве красота в наши дни привлекает человека?

Нет, не ко времени»⁸.

Много в этих словах критика верного. Тяжело раз-
ве что согласиться с тем, что «не ко времени». Красота
всегда привлекает человека и от времени зависит мало.
Другое дело, что привлекает не всякого человека. Как
не всякому дано понять и чувства героя рассказа, дав-
шего название сборнику.

3

По глубине авторского замысла и писательскому ма-
стерству «Яблоку в жёлтой листве», думается, не усту-
пают и многие другие рассказы. В банальную, казалось
бы, историю супружеской измены С. Луцкий сумел
вложить мысль, выходящую далеко за пределы зауряд-
ного адюльтера («Случай с Олей Густешовой»). Смысл
рассказа не в том, что бывшая парикмахер, а ныне слу-
жащая одного из столичных департаментов Ольга всё
делает для того, чтобы женить на себе своего шефа. Рас-
сказ намного серьёзней и значительней.

Ольга замужем, но её муж Славка, в прошлом ком-
сомольский работник, не сумел вовремя сориентиро-
ваться, когда его коллеги в позднегорбачёвскую пору
становились банкирами, государственными чиновни-
ками высокого ранга или предпринимателями, быстро
забыв об идеях, которые ещё недавно проповедовали.
Ольге, поначалу считавшей, что ей повезло: попала в
интеллигентную семью (свёкор – кандидат наук, пре-
подаёт в институте, свекровь – переводчица с фран-
цузского), сейчас презирает родителей мужа и его
самого. Ей, прагматику и цинику, смешны едва ли не
подпольные собрания коммунистов с непременным пе-
нием «Интернационала», в которых участвует свёкор.

⁸ Кондаков В. О заметках из чужого дневника // Литературная
Россия. 2001. – № 28 (2004). (13.07.01)

Смешна демократка свекровь, до ельцинского расстре-
ла Верховного Совета участвовавшая во всех демокра-
тических митингах. Вызывает жалость, смешанную с
презрением муж Славка, так и не занявший достойного
места в новой жизни. И она выбирает успешного Анто-
на, бывшего Славкиного одноклассника.

Если бы этой авторской идеей рассказ и ограничи-
вался, можно было бы говорить о перелицованном в
духе времени «Поединке» Куприна. Но выбор женщи-
ной более перспективного мужчины только пролог к
дальнейшим событиям рассказа. Славка не во время
оказывается дома: «На какое-то время она потеряла го-
лову. Это только в анекдотах смешно, когда муж прихо-
дит домой и застаёт любовника. «Одевайся, посидишь
на балконе! – зашептала она и бросилась, комкая, со-
бирать валяющуюся на паласе Антонову одежду. – Бы-
стро! На!..» Глупо, конечно, и тоже из анекдота – прятать
любовника на балконе. Позже Ольге будет неприятно
вспоминать об этом. Антон усмехнулся и отстранил её:
«Не пори горячку». Он оделся и вышел в прихожую...
Она щёлкнула за Антоном задвижкой и принялась бы-
стро одеваться... Здесь её не должно быть. Пусть муж-
чины разбираются сами...»

Но разобрались Антон и Славка совсем не так, как
рассчитывала Ольга. Вернувшись за документами до-
мой, она остолбенела. Ольга «ждала чего угодно, но то,
что Антон ещё здесь, более того, они со Славкой рас-
певают песни их пионерского детства, заставило рас-
терянно остановиться... «Старик, – вдруг отчётливо
послышался нетрезвый Антонов голос, – я перед тобой
виноват, старик! Я не имел права так поступать. Ударь
меня, я сволочь!..» У Ольги внутри всё оборвалось. Она
сделал шаг к кухонной двери, задержала дыхание. «Ты
не виноват, Тошка! Любовь всегда права! – Это уже
Славка. – Я пас. Вы любите друг друга. Я не буду мешать,
я не эгоист херов – уйду!..» – «Категорически возражаю!
Дай мне по морде, старик». – «Я не эгоист! Любите друг
друга. Я к матери уйду, квартира ваша!..» – «Оля твоя,
старик! Я виноват, извини, Оля – твоя жена...»

Ворвавшись на кухню, Ольга переводит злые глаза с мужа на любовника. «То, что она сейчас услышала, было оскорбительно само по себе. Но за всем этим всплывало ещё одно, намного хуже. Её *сдали!* Её сдали оба!.. Какое к чёрту благородство, какая на фиг порядочность. Просто оба от неё отказались! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!..»

Циничной, выросшей практически в люмпенской семье Ольге (в одной из сцен автор даёт почувствовать атмосферу этой семьи), неведомы понятия самопожертвования, искренности, добросердечия. Привыкшая изворачиваться, жить двойной жизнью, идти по головам, она не верит в раскаяние Антона и благородство Славки. Ей куда привычнее думать, что муж и любовник просто-напросто отказались от неё, «сбагривают» друг другу.

Рассказ «Случай с Олей Густешовой» – история о пропасти, лежащей между интеллигентным человеком, старающимся жить по совести, хотя порой и ошибающимся, – и человеком корыстным, духовно убогим, безнравственным. Противостоянию между подобными людьми тысячи лет. Оно стало темой многих выдающихся произведений искусства. Сергей Луцкий сумел внести свой вклад в разработку этой вечной темы.

Полная противоположность Густешовой – Вера Тимофеевна, героиня рассказа «С утра до вечера». Описан один день деревенской женщины, жизнь которой наполнена драматическими событиями.

День Веры Тимофеевны начинается обыкновенно, с хозяйских забот. Прежде чем идти убираться в школе, она ставит на газ большую кастрюлю с картошкой для кабана, которого откармливает в основном для семьи пьющей дочери. В школе её зазывает в свою каморку на чай сторожиха баба Поля, которую все недолюбливают за недобрый характер. Баба Поля «нетерпеливо поглядывала на Веру Тимофеевну, собираясь, видимо, что-то спросить... «Так ты говоришь, мать родила тебя в рубашке? Счастливая, значит, должна быть?» – «Да вроде не жалуюсь, – сказала Вера Тимофеевна, удивляясь

таким разговорам: с чего бы вдруг? – У меня не хуже, чем у людей». – «Ну да, счастливая! Сколько тебе годовто?» – вроде как бы обрадовалась баба Поля. – «Сорок шестой». – «Вот, молодая. А мужика нет. Такой смертью помер – хуже нельзя. Счастливая!..»

Вера Тимофеевна ничего на это не сказала. Несколько секунд посидела с неподвижным лицом. Потом молча поднялась и пошла к чулану возле туалетов, где хранились веники и ведро со шваброй.

Сторожиха её не удерживала, будто и не сама только что зазывала на чай. Было во всем её виде что-то нехорошее, злорадное».

Муж главной героини рассказа и в самом деле погиб страшно. Пьяный шофёр грузовика сбил мотоцикл, на котором Вера Тимофеевна и муж ехали посмотреть только что родившегося внука. Сразу протрезвев, шофёр выскочил из кабины, «увидел ничком лежащую женщину в кювете и пытающегося приподняться мужчину на обочине, быстро оглянулся – дорога была пустынна – и решил, что свидетелей ему не надо. Развернул грузовик и направил его на мужа Веры Тимофеевны. Проехал по нему передними колесами и сдвоенными задними. И ещё раз...»

Столкнувшись с беспомощностью милиции, оказавшейся неспособной найти преступника, героиня отступает от желания наказать «этого зверя». Ведь мужа всё равно не вернуть... Она смирилась и с тем, что в её доме живёт ленивая никчемная свекровь, хотя у той есть родные дочери, которые могли бы приютить мать, но слишком хорошо знают её. Героиня с радостью забирает к себе внука Мишку, стоило только беременной, но продолжающей пить дочери попросить об этом...

Вера Тимофеевна мягкосердечна, незлоблива и оттого ей симпатичны похожие на неё люди. Например, молодой школьный учитель Юрий Сергеевич. Он нравится не только своим поведением и мыслями, но и «благообразным, с бородкой, лицом, вежливостью, негромким голосом. Жаль только, такие учителя долго в школе не задерживались. Не приживались почему-то в

посёлке. Положенные три года отработывали и уезжали обратно в город».

Но совсем не похожа на Веру Тимофеевну её сватья, энергичная, «авторитетная», всегда разговаривающая криком – привычка у неё такая. Сыновья Веры Тимофеевны и сватья призывались в одно время, так сватья не постеснялась поехать в военкомат просить, настаивать, ругаться, чтобы сына направили служить куда-нибудь недалеко – «оказывается, есть такое положение, сейчас это можно». В итоге сватья добилась своего. А сын Веры Тимофеевны Боря попал служить в одну из горячих точек, десантник. О том, чтобы он вернулся живым и здоровым, теперь все мысли матери.

Существует в рассказе не только «противовес» Вере Тимофеевне, но и молодому учителю Юрию Сергеевичу. Это военрук Валерий Геннадьевич. Он, бывший офицер, уволенный из армии во время ельцинских чисток, сумел наладить в школе сборку телефонов. Ребятам, принимающим участие в сборке, платит деньги. Собирается платить и Вере Тимофеевне за уборку мастерских, где телефоны собирают. Военрук любит повторять: «Крутиться надо, пахать, а не яйца высиживать!..»

Он нередко спорит с молодым учителем: « – Стратотерпец и богоносец, верно я тебя понял? – Военрук, подавшись всем телом к Юрию Сергеевичу, весело смотрел на него. До прихода Веры Тимофеевны у них, похоже, шёл какой-то свой разговор, может быть, спор. – Кроткий и многотерпеливый, говоришь? Готовый всё прощать? Интересно! Похвальные качества, уважаю таких людей. Вот только объясни мне такую вещь, Юра. Что же такие люди всё время в дураках остаются? А? Объясни, дорогой!..»

Юрий Сергеевич молчал, улыбался, крутил в руках стакан с водкой на доньшке. Потом поднял почему-то глаза на Веру Тимофеевну и тихо сказал:

– За вас. Будьте здоровы и счастливы».

К сожалению, счастливой Вере Тимофеевне не быть. Опуская многие сцены и сюжетные перипетии, отметим

только, что заканчивается рассказ телефонограммой из райвоенкомата. В ней Вере Тимофеевне предлагается забрать из морга местной больницы тело её сына, «погибшего при исполнении воинского долга».

Всей цепочкой событий рассказа автор ненавязчиво констатирует: совестливые деликатные люди обречены проигрывать схватку с жизнью. Констатирует с сочувствием к этим людям. Побеждают в такой схватке, как правило, другие. Но надо согласиться и с тем, что проступает помимо авторской воли: если бы не было таких как Вера Тимофеевна мир просто бы сошёл с ума. Всё-таки он держится на праведниках, на жертвователях, хотя самим жертвователям живётся не сладко, а иначе и быть не могло. Но и современные «деловые люди», идущие к цели по чужим головам, всегда ли выигрывают? Им ой как мешают прекрасодушные и благородные Антоны и Славки. И уже трудно понять, кто кем вертит: то ли характеры героев влияют на их судьбы, которые замысловато пересекаясь, изменяют траекторию движения; то ли жизнью людей управляет неведомая сила. В этом отношении интересен рассказ «Река».

Издавна на берегу безымянной реки примостился посёлок, но вдруг по неизвестным причинам Река начинает менять русло, подмывает рыбоучасток с его производственными постройками и потемневшей от времени конторой. «Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он (берег. – И. Р.) казался освежёванным боком огромной туши, цветом напоминая старый подкожный жир. Нависавший сверху дёрн походил на остатки шкуры. Окончательно сползли в воду последние строения рыбоучастка, обрыв подбирался к росшей выше кедровой гриве». Образ разрушаемого берега приобретает черты убитого равнодушной беспощадной Рекой могучего животного, ассоциирующегося с прежней жизнью этих мест.

По ночам, напоминая далёкую канонаду, слышны обваливающиеся в воду пласты берега. Рушится в воду не только рыбоучасток, ломается и складывавшаяся десятилетиями жизнь людей прибрежного села. Всё это

происходит на фоне передач радио о съездах народных депутатов, речей Горбачёва, часто мелькающих непривычных словах «перестройка и ускорение», «общечеловеческие ценности», «ваучеры». Слушая радио, старая женщина, у которой квартировал главный герой рассказа Олег, вздыхает: «Что деется, что деется... В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к чёрту на кулички упекут. А сейчас...»

Меняющаяся, как и течение Реки, жизнь открывает новые возможности. Однако они связаны с потрясениями в спокойном прежде селе. При дележе собственности подсобного хозяйства нефтяников, «было много крика, женских слёз, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, полезло наружу. Доходило до драк и стрельбы. Один из свежеиспечённых фермеров захватил гараж с тракторами и другой техникой и стрелял в каждого, кто пытался подойти». Становится фермером и бывший бондарь рыбоучастка Киндинов, приятель Олега. Но не надолго. Подперев снаружи двери, его сжигают заживо вместе с домом. Поджигателей не нашли, да особенно и не искали.

Рушащаяся, как и берег Реки, нравственность жителей села ломает личную жизнь Олега. Вернувшись как-то с вахты домой, он застаёт свою жену, выпускницу местной школы, с одноклассником. Позже выяснилось, в их доме побывали и другие ребята села. Олегу жалко оставлять непредсказуемую и в тоже время привлекательную для него Реку «с сумеречной жизнью её заводей и живунов, вокруг которых собиралась во время заморов рыба, завихрения глубинных струй, выходящих на поверхность полированным неслышным бурлением, равнодушную мощь воды, неспешно двигавшуюся с востока на запад».

Но и ловить на себе насмешливые взгляды Олегу тоже не хотелось. Он уезжает из меняющегося вместе с Рекой села, став как бы одним из отломанных кусков берега, которые Река, смывая, уносила вдаль.

Ещё более сложную конфигурацию представляют собой судьбы людей, связанных между собой пределами

какого-либо исторического периода. И здесь писатель ломая стереотипы, создаёт парадоксальное восприятие образа Великой Отечественной войны, при этом не замахиваясь ни на исторические факты, ни на святое святых – память об ушедших. Речь идёт о рассказе «Счастье». Его герой – подросток Борька на 9 мая приезжает с матерью к бабушке помогать сажать картошку. Мальчишка радуется яркому весеннему дню, молодому солнцу, белому цветку вишни под окном. Однако нахлынувшее чувство счастья затемняют странные рассказы взрослых о недавно закончившейся войне.

Бабушка рассказывает, как упросила красноармейца не убивать в её хате пытающегося спрятаться румынского солдата. Красноармеец соглашается, получив за это курицу. Выходит, жизнь человека, пусть даже врага, оценивалась стоимостью курицы, думает Борька. Но не только это поражает его в рассказах старших о войне. Узнав, что с убитых снимали одежду и сапоги, он размышляет: «Получается, было две войны. Одна, о которой говорят в школе, передают по радио, пишут в книжках. И другая, о которой рассказывают такие люди, как бабушка или мама, она на фронте была в хозяйственном взводе, старшина над прачками. Их война неинтересная, какая-то будничная, приземлённая, без подвигов и героизма, лишь бы не убило пулей или осколком. Жлобская какая-то».

Эти размышления Борьки усугубляются известием о том, что он, оказывается, родился только потому, что была война! Первая жена не стала дожидаться его отца с фронта, а мамин жених погиб. Открывшаяся диалектика потрясает душу подростка, но он вскоре забывает это. Животная радость жизни переполняет Борьку. В бушующей красками и запахами майской природе он опять чувствует себя счастливым!..

Заметим в скобках, к теме масштабных несчастий, меняющих мир, Сергей Луцкий возвращается в повести «По материнской линии». Её главный герой размышляет: «Думать об этом странно, желать, пусть задним числом, кощунственно, но ныне живущие должны быть

благодарны, что всё произошло именно так. И мясорубка войны, и бесчеловечное раскулачивание, а если заглянуть глубже – и ордынское нашествие, и княжеские междоусобицы, и Петр Первый, ломавший страну через колено, и многое другое, чем наполнена история. Всё это нужно было, чтобы родился именно ты и живущие теперь люди. Дикость, бред, а тем не менее».

Надо отдать должное писательской смелости Луцкого. Он говорит о том, о чём большинство литераторов предпочитают умалчивать. Ныне живущие обязаны своим появлением на свет глобальным несчастьям, сотрясавшим страну. Не будь этих несчастий, жили бы сейчас другие люди, не родившиеся из-за глобальных бед. И что должны чувствовать наши современники: вину перед теми, кто не родился, или благодарность русской истории, что она сложилась именно так?..

4

Традиционными по форме рассказами творчество Сергея Луцкого после его переезда на Север не ограничивается. Заметной вехой стали его миниатюры и эссе, объединённые под общим заглавием «Параллельные миры».

В сибирской деревне всё по-другому – время течёт здесь иначе, чем в городе, позволяя писателю увидеть и вздыхающую среди выпавшего снега бурёнку, и синичку, дёргающую из оконной рамы вату, и необыкновенные зимние закаты. Услышать шуршание невидимых кристалликов льда, образующихся от человеческого дыхания в пятидесятиградусный мороз... Всё это копится и постепенно складывается в циклы лирико-философских миниатюр «Деревенские этюды», «Простые вещи», «С натуры», «Мимоходом», «50+»

Эти миниатюры и эссе – открытия природного мира и себя в нём: «Какие мы всё-таки самонадеянные, – пишет автор. – Нам кажется, что никакой другой жизни, кроме нашей, человеческой, не существует. А деревья, облака, молчаливое течение реки, крик коростеля в

вечерних лугах – всего лишь необязательный фон для нашего бытия. По правде говоря, суетливого, неглубокого, но кажущегося нам таким важным».

Эти новые произведения представляют собой тонкие наблюдения над природной жизнью: «Я никогда не жил так близко к природе. Познание человека через природу, думаю, основная тема моих «Деревенских этюдов»⁹.

Главное в лирико-философских миниатюрах – зоркость глаза и отзывчивость души автора. «И только размеренность письма и наблюдательность Луцкого помогают замечать эти с виду несущественные детали. Многое из того, что всё время проносилось мимо, не заостряя на себе внимания. Как камешек в туфле, как соломинка в одежде, волосок на воротнике — всё это уже знакомые вещи... Мы вспоминаем себя в юности, представляем себя в старости. В миниатюрах время высекается отдельными своими частями»¹⁰.

Взгляд становится острым тогда, когда он проходит через другую среду – сердце. И от этого преломления происходит открытие, как в миниатюре «Обычное»: «Есть в жизни примелькавшиеся вещи, которые отстранённо понимаешь умом. Например, то, что старик не всегда был стриком. Что раньше был крепким мужчиной, до этого молодым парнем, ещё раньше – пацаном... И вдруг будто глаза у тебя открываются. Осознание всего того, что понимал умом, проходит уже через душу, сердце. И тогда ужасаешься обычным вещам».

Однако произведения, объединённые общим названием «Параллельные миры», – не только и столько о природе. Здесь традиция не прищвинская, а явно какая-то другая. Автор пытается философски осмыслить бесконечную тему: человек и природа, отсюда и название «Параллельные миры». Но он и не последователь Руссо, не противопоставляет цивилизацию

9 Поливанова С. Народ поймали на приманку // «Новости Югры». 2003. – №54.

10 Кондаков В. О заметках из чужого дневника // Литературная Россия. 2001. – № 28 (2004). (13.07.01

дикой природе. С. Луцкий не призывает покинуть душные города, потому что цивилизация для него не только неистребимая пошлость («Бессмертное», «Стадо»), но и «помощь друг другу, и зависимость друг от друга». Они-то, по мысли автора, и являются условиями существования нашей цивилизации, «самой гуманной из всех, что были на земле» («Цивилизация»). И хотя автор признает, что «Сделанное человеческими руками выглядит без человека сиротливо. Оно чуждо природе, великой и равнодушной» («Дрейфующий во льдах»), всё-таки в его лирико-философских миниатюрах параллельные миры пересекаются.

В природе Луцкий находит то же, что и в человеке: стремление к свободе («Мэрка, хлеб и свобода»), восприятие времён года («Так хочется в лето!»), особенности возраста («Каждому своё»), область чувств («Ситуация»).... Писателя больше всего занимают некие общие законы, объединяющие всё живое на земле. Наблюдая роение мошек, автор отмечает: «Между ними и нами – бездна. Но есть и общее: дышим, двигаемся. Они по-своему, мы – по-своему, но любим...». Его привлекают общеполитические категории: время, жизнь, смерть («Время – одно из имён смерти»), вера, проявление вечного в вещах обыкновенных, на первых взгляд, незначительных: оттаявшие запахи, знакомый обрыв у реки, сосульки...

Автор «Параллельных миров», подобно древнему мудрецу, учит тому, чему его научила жизнь, что он сам открыл в результате долгих раздумий. В то же время лирический герой – самый обычный человек, наш современник. Имя и фамилия его совпадают с именем и фамилией писателя, да и биография та же. Хотя рассказчик – не равен автору и потому, что между ним и писателем всегда «дистанция огромного размера», и потому, что он больше похож на лирического героя, а рассказы-миниатюры – настоящие стихи в прозе. Здесь можно вспомнить об особенностях авторского «я» в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева, о которых Д.Д. Кузнецова писала так: «...Стихотворения в прозе

представляют собой особый тип автопсихологического повествования. Писатель сознательно строит свой образ как лирическое «я», реализующееся в цикле миниатюр, которые выступают в форме дневника и тем самым создают образ становящейся, подвижной, текучей внутренней жизни человека...»¹¹. Однако разница, безусловно, есть и в манере изложения и в форме мысли.

В чем же секрет этих миниатюр? Казалось бы, чего проще – каждая миниатюра Луцкого имеет сходное строение: картинка – рефлексия автора – осмысление. Иногда финал имеет четкую афористическую формулу: «Все-таки великое дело – чувство меры. Только с ним и возможна гармония», «Терпеливые буксиры на реке – метафора жизни». Но вот тон, голос автора... Они неповторимы, имеют множество оттенков, как снег, как северное небо.

Произведения «Параллельных миров» пронизаны лиризмом, особой задушевностью, которая одухотворяет, облагораживает все, что видит и слышит автор. И трудно сказать, эта душевность у автора от его острого зрения и слуха, дающих возможность уловить одухотворенность окружающего и запечатлеть ее: «В такие минуты верится, что есть душа. И что она бессмертна» («Закаты»). Или же это идет от щедрости души лирического героя, который награждает мертвую природу духовной жизнью («Душа лета»)? Даже отворотительное в мире человека не нарушает этой общей гармонии, а растворяется в дружном хоре двух миров, исполненных красоты и любви.

5

Книга «Ускользящее время», вышедшая в свет в 2005 году, названа почти по-прустовски¹². Время здесь

¹¹ Кузнецова Д.Д. Цикл стихотворений в прозе как автопсихологическая форма // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». – 2010. – № 2 (8) стр.171-185
¹² Имеется в виду многотомный роман знаменитого писателя – модерниста XX века Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

выступает не только в роли социально-исторического фона, но отражает и внутреннюю жизнь героев. Автор создаёт текучий образ времени, чаще всего враждебный человеку. При этом нельзя сказать, что произведения Луцкого антиисторичны: 1990–е годы – не только фон, на котором разворачиваются события рассказов и повестей, но и мотивировка поступков и перемен в характерах героев.

Однако, если посмотреть на все повести Луцкого, представленные в этой книге избранной прозы («Затмение», «Снохач Бусыгин», «Варианты Надежды Вилоровны», «Страсти по Василию», «Будни, или Сразу после армии», «Игорь Турчин»), а также повесть «Портрет на фоне 90-х», напечатанную в журнале «Урал» и вошедшую в авторский сборник «На восток от Гольфстрима», – все они независимо от того, в какое время были написаны и о каких годах рассказывают, посвящены выбору человека, оказавшегося на жизненном распутье. Кстати, однотомник «Ускользящее время» состоит из повестей и рассказов, написанных более чем за два десятилетия (1980-2004 годы)¹³. Его содержание дает основание считать, что мы имеем дело с современной вариацией архетипа «блудный сын», хорошо известного по классической литературе¹⁴.

1990-е годы только усиливают конфликт между человеком и временем. Поэтому главным героем Луцкого является человек, стремящийся понять и догнать ускользящее время. В повестях постоянно сталкиваются стереотипы, навязанные социумом или идеологизированной литературой, с реальным положением

13 Все цитаты по книге: Луцкий С. Ускользящее время. Избранная проза. – Екатеринбург, «Издательство “Баско”», 2005. – 528 с. Кроме повести «Портрет на фоне 90-х»: Эринтур. Поющее озеро. Альманах писателей Югры. – СПб.: ООО «Минерал», 2007. – Вып. 12. – С. 54–154.

14 Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. – Петрозаводск: Петрозаводский ун-т, 1994. – С. 151–158.

вещей, их разрушающими, с одной стороны, а с другой – с незабываемыми истинами. И герои повестей зачастую оказываются между ними, как между молотом и наковальней.

Уже в семидесятые и восьмидесятые в стране не было никакой веры в коммунизм (самый короткий анекдот той поры – коммунизм). И человек, интуитивно ощущая возможные перемены, искал и не мог найти твердой почвы. Но вот наступила эра свободы, которую так жаждали советские граждане. Казалось, счастье должно свалиться всем на головы, но реальность оказалась не такой, как её себе представляли. И, бродя среди обломков разрушенного мира, русский человек никак не может отыскать свои несохранившиеся ценности. Старшее поколение в буквальном смысле растерялось, многие оказались не готовыми к жизненным испытаниям, духовно и физически растратились и канули, так и не поняв: за что им это?..

Беспощадно время и к героям повести «Затмение». Из одних оно сделало хищников, из других – жертвы, поскольку те не смогли вовремя расстаться с прежними представлениями о чести и совести, которые уже «не работали» в новом мире. И вот из уверенной в себе, успешной личности талантливый инженер подмосковного НИИ Кирюхин превратился в «маленького человека», зависимого от продавщицы в поселковом магазине, где продают дешёвое молоко, от Гены Ратникова, бывшего коллеги, теперь коммерсанта средней руки. Наконец, от бригады, оценивающей его работу, а, следовательно, определяющей величину зарплаты. И пусть Кирюхин ещё способен принимать разумные решения (например, отправить сына подальше от бандитских разборок), сам он не знает, как жить дальше.

Герой понимает, что стать хищником или как-то приспособиться, чтобы выжить, ему не дано. Так же, как не дано сыну заняться бизнесом или товарищу Кирюхина Юре уехать в Новую Зеландию на заработки. Но и быть жертвой тоже не хочется. Оправляясь в больницу к сыну в поздний час, он прихватывает с собою

газовый пистолет: «Кирюхину хочется, чтобы на него сейчас напали, уж тогда бы выместил всё, что накопилось. Пистолет не понадобится, он будет рвать зубами, грызть глотки...» Неужели правы те, кто считают, что в экстремальных условиях человек превращается в животное и весь тонкий культурный слой рушится под воздействием инстинктов?

Критикой уже было подмечено, что в поведении героя «доминируют рефлекс – сексуальный (попутные мысли на протяжении повести крутятся вокруг секса, который стал для героя невозможным), самосохранения (страх безработицы, страх лишения крова, еды, страх за сына, попавшего в неприятность, угрожающую жизни). Под давлением стрессовых обстоятельств Кирюхин почти без сопротивления превращается из человека разумного в человека-животное...»¹⁵. Это значит, что те ценности, с позиции которых Кирюхин судит новое время, не укоренились в нём самом. К себе самому у него претензий нет: соблазнение жены друга он не считает преступлением. Отсюда название повести: «Затмение», а не «Землетрясение», хотя землетрясение, сдвиг глубинных тектонических плит является лейтмотивом, образом-символом повести. Старая почва уходила прямо из-под ног, нужно было спастись. Но спастись можно только при условии неукоснительного следования вечным истинам – их-то как раз затмили проснувшиеся инстинкты.

Василий из повести «Страсти по Василию», прибывший из заключения в родную станицу Солончаковскую (он отбывал наказание за то, что во время оккупации служил полицаем), гордый и сильный человек. Его внутренняя сила привлекает Аллу, женщину с непростой судьбой, которая ради него даёт отставку выгодным любовникам. Василий на зубок выучил правила игры в футбол, который к тому времени завоевал сердца его земляков. В этих правилах он видит отсвет справедливости, которая должна быть главным в мире.

¹⁵ Цукор А. Затмение, или обратная сторона сути. // Литературная Россия. – 2006. – №23. (июнь).

Однако первая же игра между своей и чужой командой, к которой допустили его в качестве судьи, обнажила давний конфликт между ним и станичниками. Честность и принципиальность Василия как судьи были восприняты земляками однозначно: предатель, «полицай»! В итоге героя «ссылают» работать кладбищенским сторожем. Но эта непрестижная работа даёт ему возможность установить последнюю справедливость, с которой солидарен его приятель Миша-безногий:

«– Возле акаций место дал?

– Ну.

– Хорошее место – песок, сухо!.. А кому возле борта дашь? Кто сгниет в момент и косточки от него не останется, га?»

Но жизнь Василию не даёт вершить «правосудия», он сам гниёт заживо, так как заболел в лагере проказой. Когда диагноз становится известным Алле, та его отталкивает, и Василий вообще исчезает из станицы.

И здесь, в далёкой станице, время крушит своих героев, и здесь бушуют страсти, сталкиваются идеальное представление о жизни и реальность. Василий презирает земляков, которые только и умеют, что подчиняться обстоятельствам и долбить в местном карьере камень, зарабатывая силикоз. Для него они – быдло. Но и современная молодежь («стиляги», которых почему-то ненавидят в станице) – то же быдло, так как понимает только силу (эпизод с покупкой Василием велосипеда). Давняя обида точит Василия и руководит им. Он пытался встать над станичниками, стать их праведным судьей, заодно осудить время и, скажем так, овладеть им. Но этого не дано никому.

В повести «Снохач Бусыгин» также властвуют инстинкты и также её главный герой Трифоныч не знает, куда себя деть и что делать. Хотя он не то, что Кирюхин, у него есть работа, вполне его устраивающая. Неудачна женитьба на женщине, которая вышла за него только потому, что деваться было некуда, и оттого жизнь Трифоныча проходила без любви и взаим-

мопонимания. От пустого брака родился и сын Олег – пустой человек. В отличие от отца, трудом добившегося благополучия, Олег мечтает разбогатеть быстро: «С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны же когда-нибудь сказаться и его гены! Разве можно, чтобы на нём, Трифоныче, всё закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и бог знает сколько ещё поколений работающих и рассудительных мужиков...».

Герой повести не одобряет вкусы нового поколения, ленивого, бездумного, доверчиво смотрящего на жизнь иностранцев. Его раздражают все эти компьютеры, томагочи: «... в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было бы и посмеяться, если бы всё не так неотвратно и горько». Но больше всего героя тревожит мысль о том, что на нём заканчивается работающий, правильный род Бусыгиных. Не потому ли в его голове возникла странная мысль жениться на своей невестке? Он делает ей предложение, а несколько позже «подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало. Ее надо ценить и любить, что дети от неё должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка...».

Но по такому же рациональному принципу он сам на звероферме отправляет «под колотушку» лисов, которые перестали быть хорошими производителями; собирается «убрать» корову, которая не приносит телят. Параллель с животным миром в повести очевидна. Когда Трифоныч наблюдает за чернобурками, то удивляется: «... что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке? Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал. Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во всё живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа? Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по

башке?.. Трифоныч чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурок. У всего должна быть цель, а здесь её нет».

Но ведь это человек для собственного обогащения сделал бессмысленной жизнь чернобурок. Какая же цель у Бусыгина? Продолжить род с женой своего сына? Сама по себе эта цель говорит о непременном вырождении такого рода, как и вообще человеческого. Работник Трифоныча, психованный Андрей, живёт с коровой Комолой, не потому ли она не приносит приплода? К Трифонычу совершенно откровенно набивается в любовницы недалёкая Валентина. Женщина в годах, она сожалеет о том, что слишком рано родилась, а то можно было бы пойти на панель: «Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали...» Этот самый телевизор в доме Бусыгина работник Андрей повесил по-американски под потолок, где, по замечанию героя, иконы раньше висели.

Таким образом, дело всё не в конфликте нового и старого, нет. В повести показано, как из ошибок прошлого: репрессий, войны крестьян против своих сограждан, рождаются ещё более непростительные ошибки в настоящем, угрожающие полной деградацией нации. Недаром после того, как свёкор пытался приласкать невестку, а затем с сыном они едва не убивали друг друга, Трифонычу явились его умершие отец и дед: « – Сегодня ты бабе показал свою силу... На работу теперь только и способный. Там за этим внимательно следят. – И дедушка Пётр неопределённо машет рукой куда-то в сторону». Упоминание о работе здесь следует понимать, как проявление того же инстинкта самосохранения, которому следовали когда-то его дед и отец, когда их семья сеяла овес втайне от советской власти, чтобы выжить. Но смысл человеческого существования не только в продолжении рода и работе – об этом напомним Бусыгину дед Пётр.

Прошрое и настоящее ещё более переплетены в повести «Варианты Надежды Вилоровны». Как и в дру-

гих повестях Луцкого, в ней взаимодействует сразу несколько сюжетных мотивов: мотив выбора спутника жизни и личного счастья, мотив блуждания в семейных тайнах, мотив повторяемости заблуждений дедов и внуков. И привычный конфликт между старым и новым развёрнут по-своему. Общество разделилось на сочувствующих разным политическим группировкам: коммунистам, демократам, либералам. Время предстало как бы в разных масках, соответствующих героям повести.

Вот – противник демократов, патриот Сироткин, сотрудник журнала «Химия и природа». А вот – яростная демократка Ярошенко, главный редактор этого же журнала, получившая за свои статьи награду Европейской экологической гильдии. А вот – её заместитель, «серый кардинал» Родневских. Все считают, что она тоже разделяет демократические взгляды начальницы и её ближайшего окружения, но на деле всё оказывается не так. Поняв, что происходит в стране, Родневских реализует «демократические» принципы – грабит доверчивых сослуживцев и клиентов.

Главная героиня повести Надежда Вилоровна поначалу тоже убеждённая демократка. Не ясна только позиция её «последнего варианта» – мужчины, подающего слабые надежды на будущее. Героиня про себя окрестила его Мерзавцем. «Поначалу он смахивает на уголовника. Крепкое лицо, короткий нос, тонкая, будто волосы только-только отросли, стрижка... Надежда в лёгкой панике, она не понимает, кто он на самом деле. А он будто специально сегодня себя называет консультантом пиаровской фирмы, завтра тренером по кикбоксингу, послезавтра театральным художником. Не считая того, что в Домжуре представился ей как специальный корреспондент стоковского еженедельника. Даже сколько ему лет, Надежда толком не знает». Зато позже она узнает, что он занимается ещё и рэкетом.

С Мерзавцем Надежда стала встречаться, потому что у неё не было вариантов, потому что была одино-

ка, потому что он привлекал её своей необычностью, некоторой таинственностью. Хотя одновременно зыбкость отношений её раздражала и унижала. Было в Мерзавце нечто демоническое. Ведь это именно он навёл её на мысль о том, что она – подкидыш, то есть человек свободный от исторических корней, а потому не несёт ответственности за сегодняшнюю сумятицу. Это он внушил мысль, что между нею и её подругой Лилей существуют подсознательная лесбийская связь – мысль, которая чуть не разрушила их дружбу.

Мерзавец – само воплощение времени: манит, но ничего не даёт; искушает, нашёптывает скабрёзости, над всем насмеяется. Надежда постоянно его с кем-то путает, она видит его почти в каждом прохожем – настолько Мерзавец типичен и многолик. Недаром герой не имеет собственного имени. Он – демон. Он – время, которое пытается сбить с дороги, запутать человека, стремящегося к правде и справедливости.

Но где они, правда и справедливость? В этой жизни всё так перемешано. Сама Надежда, приветствующая демократические преобразования в стране, носит непривычное отчество Вилоровна, потому что её дедушка был большевиком и сыну дал имя в честь Владимира Ильича Ленина. Первая часть имени Вилор – это аббревиатура фамилии, имени, отчества «организатора революции». Наивность демократических воззрений Надежды подчеркивается её неоспоримым сходством (внешним и внутренним) с дедушкой Степаном Мефодиевичем, картузником по профессии, который в молодости ни с того ни с сего бросил нормальную жизнь, перестал кроить околышки и подкладки, ходить по воскресеньям в трактир, осознав, что всё не так. Он решил, что «мир устроен несправедливо, люди должны друг друга любить, а не подавлять и не издеваться». Ради этой мечты идёт на разлуку с невестой курсисткой, сосланный властями, живёт в полудикой деревне...

Но и демократические преобразования начались в СССР тоже из недовольства жизнью. Хотя Мерза-

вещь иронизировал над этим: « – Всякое удовольствие, мадемуазель, оплачивается. – Что ты имеешь в виду? – Вашу ностальгию, Надун, по поводу безвозвратно канувших в прошлое библиотечных дней со сном до обеда, полубогеменной обстановкой в конторе и либерального начальства периода стагнирующего социализма. Ах, как я вас понимаю, как понимаю! Ведь скучно в сытом стойле, не так ли?.. Понимаем-с, ветер перемен. Точнее, зуд оных. В поле вольное, на зеленую траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зелена трава? Мираж один, фата-моргана. И, прошу заметить, всегда в чьих-то интересах. Наживка-с...». И Октябрьская революция, и перестройка при всех их различиях принесли возможность свободно одним решать свои проблемы за счёт других.

К концу повести Надежда что-то начинает понимать. Она видит, что мелькание масок времени может завести её в тупик, как и дедушку Степана Мефодиевича. Вожди произносят красивые слова, за которыми прячется только корысть. И что наивные чистые люди, увлекаясь прекраснотушными идеями, становятся очередной жертвой политических интриганов. Политические группировки – не больше чем игра в варианты, которые по большому счёту невозможны, потому что есть что-то большее, что называется судьбой. К счастью, Надежда смогла остановиться и услышать голос судьбы, приняв участие в Алёне, девочке, оставшейся без близких.

Время бежит, бесконечно изменяя облик мира, и человек не может угнаться за ним.

Он едва успеваешь привыкнуть и что-то понять, как уже нужно принимать новые условия жизни.

А может, вообще не стоит бежать за временем, но думать и жить для вечности?..

В другой повести о 1990-х годах – «Портрете на фоне 90-х» – предстаёт ещё один заблудший, жаждущий правды и не находящий её герой. Повесть построена таким образом, что недавнее прошлое Олега Шляхтина (попытка встать на защиту Белого дома) и

настоящее (жизнь в селе Прилепино и борьба с местной властью) изображаются параллельно, заключая в себе свой конфликт.

У главного героя личная жизнь не удалась. С первой любовью Властой, которую он встретил во время армейской службы в чешском городе Клатови, его разлучила дурацкая игра в тайное общество, организатором которой был Олег. Из-за этой-то игры его перевели в часть, находящуюся в Советском Союзе.

Невозможность вернуть любовь, неумение бороться за неё повлекли за собой новую ошибку – женитьбу на нелюбимой, чужой по духу женщине. Лена, его жена, оказалась инициативным и рациональным человеком, цель её – состоятельная жизнь. Сначала она открывает собственное кафе, затем, став бизнес-леди, выходит замуж за совладельца коммерческого банка и большую часть времени с Павлушей, сыном Олега, проводит за границей.

Может быть, этого всего и не случилось бы, если бы они жили в другое время. Но чужой, враждебный ветер перемен ворвался в их жизнь и всё разрушил. Это он заставлял людей ради денег рвать друг другу глотки, забывать о вещах очевидных и святых. Не пощадил он даже Олега деда Казимира, в прошлом участника войны, морского лётчика. Когда тот возвращался из Москвы с празднования 9 Мая, хулиганы стали срывать с него ордена: «Если бы немцы победили, мы бы жили хорошо!».

Этот ветер времени толкнул жену Лену «крутиться», это по его вине был закрыт завод, на котором Олег спокойно трудился. Этот ветер даже имел имя: Ельцин. И когда началась заваруха в Москве, Олег с другом Генкой Родимцевым отравились защищать опальный Верховный Совет, отстаивать правду. А закончилось всё гибелью Генки и побегом Олега из Москвы в Сибирь.

От возможных репрессий он скрывается в глухом сибирском селе Прилепино, до которого можно добраться только на вертолёте или по зимнику. Там его

приютил и помог устроиться на работу Эдька Коковихин, товарищ, с которым он служил в одной части. Но и на новом месте Олег не может жить спокойно, ему хочется, чтобы люди поняли, как важно изменить этот мир. Верно, потому он и становится внештатным корреспондентом районной газеты, что заставляет прилепinceв относиться к нему с особым вниманием. Глава администрации Прилепино пытается изменить направление публикаций Олега: «Люди только претензии привыкли предъявлять, никак после перестройки остановиться не могут. А хорошего не замечают».

Конфликт в Прилепино начинается с бытовой ссоры, но, разрастаясь, приобретает социально-психологический характер. Он проливает свет на человеческую позицию Шляхтина, по сути не солидарного ни с одной политической группировкой. Его неприятие Ельцина ещё не говорит о том, что он за коммунистов. В беседах с заместителем главного редактора газеты, куда Олег посылал свои материалы, эта позиция проясняется достаточно чётко. «Дико живём. С человеком у нас никогда не считались и не уважали. Ни при царе, ни при коммунистах, ни сейчас. Это нормально, что через столько лет не все солдаты похоронены?..»

Шляхтин не согласен, что русский народ – ослабленный, что «расслабуха не для нас, сойдём с мировой арены, такая у нас судьба, такой менталитет!..». Олег думает иначе: «Ради какой такой цели жертвовать всем? Чтобы весь мир Россию боялся? Зачем это простым людям? Тем более, что и это проходит. Боялись Рим, боялись Египет – что от них осталось? Надо жить теперь, сейчас, как все живут, как должны жить. Как в Европе, как в тех же Штатах. Мы что, второй сорт? Унтерменшны? Почему власть не может с уважением относиться к народу, а обязательно давит, унижает, обирает? Будто завоевали страну и делают, что хотят. Придумали себе великую цель, то третий Рим, то коммунизм во всём мире и этим свой сволочизм оправдывают...».

Ответа на свой вопрос Олег в Прилепино не полу-

чает. Его воспринимают здесь как чужака, как разрушителя устоявшейся жизни. И улетает он не домой в Чифилёвск, а в Абхазию, в которой народ не мирится с неправдой. Финал в повести открыт, герой находится в поисках истины и самого себя.

Как видим, герои Луцкого – люди беспокойные и страстные. При всей своей обычности, они не только где-то служат, за что-то борются, кого-то любят, они ещё и думают, пытаются понять, зачем они живут, в чём смысл существования. В своих поисках они ошибаются, сбиваются с пути и часто начинают винить главных своих врагов – обстоятельства, власть, то есть персонифицированное время, произнося ему приговор. Многие герои даже пытаются встать над ним, овладеть им.

Время в повестях Сергея Луцкого становится лейт-мотивом, своеобразной философией, которая реализуется в близких ей мотивах и сюжетных ходах. Но не сами события больше всего волнует героев Луцкого, а, повторимся, *бытие*. Отсюда и эпичность прозы нашего земляка. В отличие от своих героев автор спокоен. У него нет абсолютно правых и абсолютно виноватых. Как в жизни, у каждого своя правда.

6

Ищет свою правду и герой повести «По материнской линии» Анатолий Григорьевич Анохин, руководитель фольклорной практики, приехавший со студентами за тридевять земель на родину бабушки. Бабушкина родина встречает приехавших довольно странно: на окраине села путники встретили похоронную процессию. Знак сам по себе нехороший, к тому же «похороны» отдавали кощунством – они оказались развлечением местного «помещика» Серёги Дыбова, который и разыгрывал роль усопшего. «Покойник, профиль которого виднелся в гробу, вдруг сел, опёрся руками на обтянутые кумачом края и крикнул музыкантам:

– Без туфты! Всё по правде, как на самом деле! А то хрен вам, а не деньги!..»

Однако странности фольклорной практики на этом не закончились. Сначала Анохина озадачила аспирантка Ирина, откровенно добивавшаяся особых отношений с ним, руководителем её кандидатской диссертации. Потом внезапно исчез один из студентов, «прикольный парень» по фамилии Побочный. Позже выяснится, что он попал чуть ли не в рабство к тому самому «помещику» Серёге Дыбову за попытку с местными ребятами украсть поросёнка из его фермерского хозяйства.

А главное, по ночам Анохина стал преследовать один и тот же сон. В нём Анатолий Григорьевич пытается открыть шкатулку грубой работы, цеплял крышку пальцами, ломая ногти, вставляя в щель между крышкой и стенкой нож, поворачивал рукоятку, пробуя открыть шкатулку. Но ничего не получалось, та не поддавалась. А когда крышка, наконец, открывалась, и Анохин пытался заглянуть внутрь, из шкатулки раздавалось утробное ворчание, высывалась поросшая волосами рука и захлопывала крышку. Морозный ветер по телу, ужас леденит душу, стягивал кожу на голове Анохина.

«Вынырнув из сна, он, как и в прежние разы, явно чувствовал пальцами шершавую поверхность шкатулки». Этот сон преследовал Анохина лет пятнадцать – с тех пор, как он стал заниматься фольклором. И это совпадение (совпадение ли?..) смущало героя. Устное народное творчество кладёшь не только народной мудрости, но и зеркало народной жизни, народного миропонимания. С самого начала занятий фольклором Анохина удивляло то, что в фольклорных сборниках «чётких границ между дурным и хорошим не существовало. В одном случае народ утверждал, что терпение и труд всё перетрут, а в другом, что от трудов праведных не бывает палат каменных. Практически на любой нравственный посыл находилась диаметрально противоположная.

Занятия фольклором сделали болезненным вопрос, который Анохин задавал себе и раньше. Кто он, русский человек? Что из себя представляет? Смирный всепрощенец или от безграничной удали рвущий на себе рубаху герой? Богоносец или помнит все обиды и ждёт случая, чтобы отомстить? Готов подчиниться всем и всему, понуро смиряться, как щедринская коняга, или вся соль в староведах? Они не приняли реформ Никона, десятками тысяч уходили на окраины, в дикие леса и пустоши, были гонимы, гибли, сжигали себя в скитах, но не отступились от того, чему были верны со времён Владимира».

Чтобы дать самому себе на это ответ, Анохин и повёз студентов на родину своей раскулаченной в начале 30-х бабушки Зои. Хотя это стоило ему добрых отношений в деканате – фольклорную практику дешевле было провести ближе к их северному городу, а не ехать на юг необъятной области. Но в последние годы Анохин всё настоятельнее чувствовал необходимость *почувствовать места*, откуда пошёл их род. Может быть, для того, чтобы окончательно *расставить акценты* в мучивших его мыслях о русском народе?..

Вопросы, которыми задавался Анохин, можно назвать вечными в нашей русской жизни и даже риторическими. Да и существует ли ответ на вопрос, которым также задаётся герой: «Почему для русского человека нет ничего важнее, чем величие государства? Потому, что устроить свою жизнь, как в Европе, не получается? Что это единственная отдушина для гордости и достоинства?.. Отчего мы ставим знак равенства между собой и государством? Тешимся его силой, влиянием? Они по определению преходящи, как всё вокруг».

Чем больше вопросов задавал себе и своим собеседникам Анохин, тем сильнее в нём становилось чувство тревоги, которое, наконец, разрешилось звонком жены. Их любимая и единственная дочь попала в больницу из-за передозировки.

Навязчивый сон про не открывающийся ларец Анохин стал расценивать как предупреждение: не лезь,

здесь запретное! Ведь не случайно из ларца каждый раз с утробным ворчанием появляется рука и захлопывает крышку обратно. «Да и кто он такой, – корит себя герой, – чтобы судить о народе и русской цивилизации? Великие умы она ставила в тупик. Разве не об этом слова Тютчева? А Чаадаев? А «Путешествие из Петербурга в Москву», которого стали в последние годы стесняться?.. Почти вся классическая литература об этом».

Казалось бы, Анохин сломлен. История с дочерью, которую он воспринимает как грозное предупреждение, заставляет его отступить от проклятых вопросов. Но, оказывается, лишь временно. Возвращаясь с юга, где Анохины всей семьей отдыхали после выздоровления дочери, Анатолий Григорьевич из окна вагона видит, как с путей собирают в тёмные целлофановые мешки останки человека, положившего голову на рельсы.

И вновь тут как тут мысли о народе, о стране, в которой возможно такое страшное самоубийство. А главное, что заставило неведомого человека поступить так, какие причины? Сугубо личные или же это протест против чего-то более значимого, пропитавшего всю страну?.. Не думать об этом Анохин не в состоянии, такова его сущность. Не открывающийся ларец, который дал бы ответ на природу российского бытия, уже не кажется ему грозным предупреждением. Может, сон – простая случайность, совпадение, «не всяко лыко в строку»?

Как уже отмечалось, не один таков у Сергея Луцкого Анохин. Многие его герои мучаются вопросами о смысле жизни, о том, что делать и где искать источник бед в собственной судьбе, в судьбе всего народа. К этим вопросам подталкивает сама жизнь. Не знает, как прокормить семью в быстро меняющемся мире Кирюхин. Рассматривает варианты замужества Надежда Вилоровна, так и не остановившись ни на одном. Пытается понять причины своей не заладившейся писательской судьбы молодой прозаик Юрий Руснак., герой романа «Причастный».

В этом романе предстаёт не гений, гонимый толпой, как это было принято в романтической литературе. Герой «Причастного» Юрий Руснак – начинающий литератор, относящийся к литературе, как «относился влюблённый вассал к жене своего сюзерена – с восхищением и благоговением». Однако капризная дама его сердца не спешит ответить взаимностью.

Следует отметить, тема искусства, творчества занимает в произведениях Луцкого особое место. Что и понятно. Во-первых, он сам творческий человек. Во-вторых, с античных времён вплоть до романтиков XIX века Поэт, Творец – сын богов, пророк, носитель высшего познания и откровения. Он даёт «творенью мёртвому язык», знает судьбы мира. Отзвуки подобного отношения к творческим людям сохранились до наших дней.

Уже в сравнительно раннем рассказе «Мы с Толиком Белинским» предпринимается попытка поразмыслить о непростой, зачастую противоречивой природе творчества. О горькой участи творца говорится и в эссе «Любите искусство, господа!» Главным же, ключевым произведением на эту тему у Луцкого, несомненно, является роман «Причастный».

Но прежде чем подробно говорить о нём, вспомним ещё об одном проявлении интереса Сергея Артёмовича к тайнам творчества. Речь о его литературно-критических статьях, вошедших в нынешний трёхтомник.

Занимаясь «Литературной страницей» в пору своей службы в газете, Луцкому пришлось «перелопатить» немало самодеятельной прозы и стихов. Иногда этот труд вознаграждался открытиями: «Я прочитал их (стихотворения Виктора Козлова. – И. Р.) – и ахнул. Да ведь это настоящая поэзия!.. Я вполне отдавал себе отчет в том, что, изголодавшись в сибирской глубинке по настоящей литературе, могу ошибиться – на безрыбье, как известно, и рак рыба. Потому на какое-то время отложил стихи в сторону. Однако, прочитан-

ные несколько дней спустя, они подтвердили первое впечатление: Виктор Козлов – однозначно талантливый человек!..»

Статья «Ипостаси Виктора Козлова» – по сути очерк творчества талантливого поэта и прозаика, известного далеко за пределами родного Мегиона. Его стихи и проза, профессионально и доброжелательно проанализированные С. Луцким, убедительно свидетельствуют о незаурядном таланте этого человека.

Писатель чутко реагирует на чужое творчество, он с интересом читает как начинающих авторов, так и маститых современников. Так, сборник молодых прозаиков «Утренний ветер» (2006) заинтересовал писателя стремлениями, высшими ценностями, которыми живут герои. В статье «В поисках смыслов. О произведениях молодых югорских прозаиков» ему важно было понять, чем «дышит» нынешнее поколение, определить его нравственные приоритеты – приоритеты человечества завтрашнего дня. И это автору удается.

Статья «И это всё о нём» посвящена творчеству Николая Коняева. Задача критика в ней усложняется, ведь речь идёт о мастите, известном писателе, много лет возглавлявшем окружную писательскую организацию, отмеченном многими литературными премиями.

Поставив перед собой цель «осмыслить духовную сущность, нравственные критерии и писательский потенциал» Н. Коняева, Луцкий это делает вполне по-писательски, сравнив его прозу с обжитым деревенским домом: «Ты не знаешь наверняка, что ждёт тебя в той или этой комнате и какой вид откроется из окна. Но совершенно уверен: и там, и здесь встретишь понятные, близкие твоему читательскому сердцу порядки и вещи. Ощущение естественное, причины очевидные».

И далее Луцкий вводит нас в писательскую кухню, посвящая непосвящённых, каким образом, из чего слагается мастерство писателя, у которого, на первый

взгляд, всё просто: «Проза Коняева из того разряда, когда каждая фраза, вырванная из контекста, ничего из себя особого, казалось бы, не представляет. Но в совокупности с другими создаёт плотную художественную ткань, отличающую настоящую прозу от суррогата...»

Однако зная многое в своей профессии, сам Сергей Артёмович, по всей видимости, мучается загадкой писательского дара и судьбы того, кто одарён. Именно это основное в упомянутом выше романе «Причастный».

Главный герой романа Юрий Руснак окончил Литературный институт и остался в столице, чтобы осуществить свои планы: писать и печататься. Подобно большинству начинающих, он страдает от жестокого безденежья. Оно усугубляется отношениями с участковым, который считает Юрия тунеядцем. Непросты отношения и с хозяевами квартиры, за которую Руснак не платил уже несколько месяцев.

И всё равно столица СССР тех времён для писателя – предел желаний: «Мы, бумагомаратели, лицедеи, художники и прочие обольстители человеческих душ, едущие со всей страны в Москву, те же евреи. Нашли себе землю обетованную...» В романе предстаёт Москва конца 1970-х начала 1980-х годов вместе с характерным литературным бытом, чем-то напоминающим булгаковский МАССОЛИТ. Однако не Воланд создает сеанс гипноза, но Луцкий: пластика, яркие детали – и перед читателем полная иллюзия ушедшей в небытие советской литературной жизни.

Взять хотя бы сюжет сценария на творческом конкурсе во ВГИК, который главный герой дарит симпатичной ему, но беспомощной в литературном отношении девушке. Юрий перекраивает гоголевский сюжет о художнике по лекалам советской идеологии. Парень, окончивший Суриковское училище, женившись, пытается заработать, но пробиться без имени трудно, и он идёт на компромисс. Соглашается заняться реставрацией росписи в церкви, таким образом предав свой

талант и оказавшись в итоге наказанным. Во многом этот сюжет реализуется в судьбе самого главного героя, ведь талант любого творца во все времена подвергается искусом деньгами, славой. И демонический (гоголевско-булгаковский) мотив невидимо присутствует в произведении Луцкого. Перед нами роман о художнике, не желающем предавать свой дар, и ещё – о непризнанном таланте.

Герою не понятно, почему одним удается всё, а другим хронически не везёт: «Я не понимал, откуда в человеке, который может рыгнуть за столом, часами нудно говорить, когда давно всё ясно, слыхом не слыхивал о Торнтоне Уайлдере и Набокове, – откуда то, что делает его повести желанными для журналов и издательств. Так когда-то я не понимал одного пацана в пионерском лагере, чемпиона по шашкам. Он выигрывал у всех, в том числе у меня. Я садился рядом, следил за его игрой, спрашивал: «Почему ты так пошёл?» Тот пожимал плечами: не знаю, захотелось. И выигрывал... Я чувствовал болезненную тягу к Довгошее. У меня не получилось, я бросил сочинительство, послал всё к чёртовой матери, а у него всё хорошо. Я Довгошеею разве что на просвет не рассматривал, как в своё время Алеша Пешков страницы книги. Может, дело в местности, где Довгошея вырос, в окружении, Толиной родне, в земляках, в воде, которую он пил, в самом названии посёлка?.. Недоумок. Я хотел понять природу дара, а тайна сия велика есть – аксиома, давно набившая оскомину». С этим мотивом сплетается и другой, пушкинский: «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботы суетного света / Он малодушно погружён...»

Действие романа завязывается в сакральном для героя пространстве, где происходят тусовки писателей: кафе ЦДЛ, рядом с будущим местом работы героя, знаменитым Домом Ростовых. В одном из его флигелей располагалась Литературная консультация Союза писателей СССР. Проводником в святая святых становится бывший сокурсник Юрия Руснака Стёпа Хмелик. Это

типичный делец от литературы. Именно Хмелик предлагает Руснаку аферу: за 400 рублей сдать вступительные экзамены на сценарный факультет ВГИКа вместо отпрыска одного богатого человека из Азербайджана. Юрий соглашается, поскольку это помогло бы избавиться от долгов. Но, не смотря на успешно сданные экзамены, его подопечный не был зачислен в вуз, и Юрий не получает всех обещанных денег.

Впрочем, благодаря именно этой афере он познакомился с человеком, прямо повлиявшим на его дальнейшую судьбу. Заведующий Литературной консультацией Сенчуков принимает его на работу, о чём Руснак даже мечтать не мог. Юрий счастлив, не нужно прятаться от участкового, не нужно думать, где зарабатывать. Но везение Юрия оказалось призрачным, Сенчуков колосс на глиняных ногах: под него «копают» – в Литературной консультации совершилась небольшая революция. Руснак должен выбрать, на чьей он стороне. Но на деле и выбирать не приходилось, ибо, как признаётся сам герой, «особенность гнилой интеллигенции – быть на стороне тех, кого преследуют. Если бы я появился в ЛК, когда преследовал Сенчуков, я бы принял сторону Вени». И вот теперь он, как сподвижник Сенчукова, должен разделить его участь. О нём начинают ходить невероятные слухи. О том, что его ожидает, предупреждает Стёпа Хмелик: «Отнесись серьёзно. Писательский мир такой, в лицо не скажут, а кислород перекроют, будут сторониться, словно ты в говно наступил...»

Герой окунается с головой во все хитросплетения писательского мира, интриги, замешанные на амбициях, тщеславии и прочих грехах любого творческого сообщества. Самое главное – мечта об издании книги оказывается неосуществимой. Надежда на беспристрастную рецензию рушится. «К сожалению, рассказы Юрия Руснака свидетельствуют об отсутствии у автора яркого самобытного дарования. Автор напоминает луну, отражающую чужой свет...» – читает обескураженный герой.

Позже он скажет: «Как теперь понимаю, Бенедикт был не при чём, в издательстве только использовали его максимализм. Не он, так другой, забодать можно кого угодно, даже классика, говорю без преувеличения. Изошрённое иезуитство рецензентов позволяло это сделать. Судьба твоей книги, дорогой тормоз, решилась намного раньше! Сенчуков принял тебя в Литконсультацию против воли директора «Совписа», соответственно, ты стал человеком Сенчукова со всеми вытекающими последствиями. И ты ещё на что-то надеялся!..».

Но как бы ни желал увидеть изданной свою книгу Руснак, как бы не признавался: «Душу бы дьяволу продал. Это не какая-то публикация в журнале – книга!», всё-таки он не пошёл на поводу мудрых советов других удачливых писателей-современников. Нужно же попасть в издательство, потому что «консультация отстойник для неудачников. Тем более, что там, говорят, конфликт...». Ему говорят: «Есть ещё способ, но это на любителя. Пахоменко (директор «Совписа». – И.Р.) сам пишет прозу, правда, слабенькую. Можно напечатать хорошую рецензию на его последнюю книгу. Знаю человека, который так попал в издательство... Видишь мужика с усами? На армянина похож. Это новый заведующий редакцией русской прозы... Я тебе говорю, удобный момент, Пахоменко набирает новую команду! Сейчас главное успеть».

Размышляя уже о прошлых событиях, герой скажет: «Сейчас, годы спустя, понимаю, насколько был глуп. Истинная подоплёка происходящего была от меня скрыта. Это теперь я догадываюсь, что дело не в самолобиях и даже не в месте под солнцем, а в столкновении двух времён, двух эпох». Сенчукова называли сталинистом, а Веня Чачия, возглавивший борьбу с ним, представлял демократическую группировку. Но эти политическое противостояние не было противостоянием бесталанных соцреалистов – гениальным писателям. Увы, Веня, обаятельный, ловкий в отношениях с людьми, был бездарным поэтом. Сенчуков же

служил честно, стремился не пропускать в литературу бездарные произведения. Но – «времена на дворе стояли другие, не жёсткие сороковые-пятидесятые и даже не шестидесятые с их послаблениями. Уже и к серьёзным вещам отношение было снисходительно ироничное, и не только среди пишущего люда – в стране вообще. А тут рукописи каких-то самодеятельных авторов, в большинстве своём графоманов, с какой стати напрягаться? Чего этот Сенчуков добивается?.. Мастодонт, сталинист заскорузлый!»

Руснак не ищет обходных путей. Искренний человек, он не хочет вступать в какие-либо литературные группировки: «Ни в западники, ни в почвенники подаваться не намерен, я сам по себе. Опишу только то, что видел и чему был свидетель. Хочешь читать про народ-богоносца, который чист душой и выше материального ставит духовное, читай Лескова, Распутина и Белова. Хочешь наоборот – возьми бунинскую «Деревню», «Нравы Растеряевой улицы» Успенского или «В овраге» Антона Павловича».

Создаётся впечатление, что герой как бы и не стремился к цели, он всё время движется назад, потому что обстоятельства складываются не в его пользу, подкидывая приманки и уводя в другую сторону. Он в полном смысле слова та самая щепка в бурном потоке житейского моря. Не лучше дела у него складывается и в личной жизни: «полужена» Алла то и дело всплывает в его жизни. Поминки бабушки «полужены», на которые был приглашён Юрий, становятся ловушкой. Через некоторое время он узнаёт, что Алла ждёт ребёнка. В день, когда его постиг сокрушительный удар (рукопись в издательстве была окончательно отвергнута), он узнаёт, что на юге у Аллы был мужчина, и ребёнок, возможно, вовсе и не от него, полумужа. К тридцати годам молодой литератор оказался ни с чем: «Ни семьи, ни настоящей работы, ни собственной книги, которая оправдывала бы отсутствие того и другого».

Все эти обстоятельства заставляют героя попы-

таться кардинально изменить свою жизнь: отречься от литературы, пойти работать грузчиком. Однако уйти от судьбы не удастся... Перед нами «герой судьбы», во всем подобный античному герою. Он не может освободиться ни от своего дара, ни от бесконечных убийственных «вдруг». Ему остается только иронизировать: «Если литература, как нас учили, слепок жизни, то почему жизнь ниже литературы, недостоверней её? Случайность – такой же атрибут литературы, как и жизни. Кто-то из персонажей «Клима Самгина» задаётся вопросом: быть может, случай – псевдоним дьявола?.. В этом что-то есть. Плохо или хорошо, но всё идёт своим чередом, и *вдруг, неожиданно* событие, нарушающее причинно-следственную связь».

Планы Руснака постоянно нарушаются, жизнь преподносит всё новые сюрпризы. Вот Хмелик подкачивается со своими предложениями: то сдача экзамена во ВГИК за кого-то, то благодарное место редактора в издательстве, то сочинение женских романов под псевдонимом Джулия Литл. В одном ряду со всем этим смерть бабушки «полужены» Аллы, меняющая будущее главного героя...

Получается, не писатель творит, а жизнь, и он, призванный изменять эту жизнь, плывёт по её течению. Но чем же тогда является творческая личность? Зачем человеку дается дар? Руководитель творческого семинара в Литинституте Ким Николаевич учил: «Писатель не только повелитель судеб и пространства – он повелитель времени...», но и сам Ким Николаевич, признанный писатель, за этот дар расплачивается довольно жестоко. Руснаку приходит на ум мысль, что «талант это вовсе не дар божий, как принято считать, а, скорее, проклятье», ведь даже «самая гуманная в мире литература» рушит писательские судьбы.

«Какую такую неведомую вселенскую идею нёс я человечеству, – спрашивает себя Юрий Руснак, – чем хотел его осчастливить, чтобы ломать себя и холуствовать? Библейский Иов верил, Бог его испытывает, насылая несчастья. Моя вера – в гармонию сло-

ва. Оказалось, тонкая эта материя – средство, а не цель...». Вера Юрия постоянно подвергается испытаниям жизнью.

Тяга к гармонии действительности чуть было не привела к трагедии, обернулась элементарным рабством. Ограбленный и «поставленный на счётчик», Юрий Руснак вынужден был буквально жить в ларьке, торгуя тушёнкой. А всё зазубренный урок Кима, что жизнь, не литература, а литература не жизнь. В жизни Юрия Руснака оказалось наоборот: знакомый Леонид Васильевич Пярых «так и просился на плакат... Открытое лицо, крепкий подбородок, прямой взгляд. Сразу видно, деньги человек зарабатывает честно, положительный во всех смыслах. В литературе подобный зачин предполагает противоположное – на самом деле негодяй и прощельга». Оказалось, что литература была права!

Эта же тяга к гармоничным, идеальным представлениям мешает Руснаку уловить дух времени, понять народную душу. Он проходит мимо очень важного в каждом человеке, не замечая связи времён: «Маша, Генка, Иван Калистратович, Толик Такташев, другие мужики из бригады грузчиков – какой они народ? Они городские, от корней оторвались. А вот в глубинке, где исконное, ничем не замутнённое, где корни...». И потому, когда он приезжает на родину Довгошеи, то не может понять мотивы, которые движут поступками людей: «У Моргунова хоть стимул был, мужик хочет побыстрее домой. А вот почему стал помогать совсем уж посторонний человек Лёха, было не очень понятно...». В результате: «Чужая жизнь промелькнула рядом, обдав свежестью и тайной».

Потому Юрия раздражает обобщение, которое он находит в книге своего учителя Кима Николаевича: «В одной из своих дальневосточных повестей подробно описывал ход горбуши на нерест, вкладывая в описание особый смысл. Идёт вверх по реке сплошной поток охваченных инстинктом рыб для достижения неведомой цели. Браконьеры перегораживают реку сетями,

медведи десятками забираются в воду и выхватывают трепещущие от боли рыбины – они всё равно идут, ничто их не способно остановить. Потому что есть нечто важнее и выше инстинкта самосохранения. Предназначение. Миссия. Этакий символ безропотного и кроткого народа-богоносца, власти на радость».

Живя в забытой богом деревне и директорствуя в малокомплектной школе, Руснак приходит к окончательному выводу, что народа как такового не существует: «Есть люди, хорошие и плохие, население, как выражаются нынче государственные мужи. Хотя общие родовые черты у тех и других всё-таки присутствуют». Но самое главное: именно предназначение Руснак воспринимает как несвободу. Об этом он думает, беседуя с отцом, от которого унаследовал литературный талант, что ответственность за дар – «ещё и несвобода». Дар лишь щекочет самолюбие.

Из последней главы, названной «Сухой остаток» или «Предварительные итоги», мы узнаём, что главный герой, убегая от своей судьбы (несвободы), прижился в прикамской деревне: «Когда в наших краях появился Интернет, мне и вовсе никуда уезжать не захотелось. Я могу теперь прочесть большинство журнальных публикаций, более того, появилась возможность выставлять в Интернете свои рассказы. И ни пред кем не надо ломать шапку, получать отказы, переживать...». Ведь «известности писателю много не надо, достаточно, чтобы знали в пределах региона. Вся остальная известность – нечто неосязаемое, виртуальное, от чего ни холодно, ни жарко». И эта позиция во многом справедлива – слишком много суеты в писательском мире, а в оценке таланта – личного и необъективного.

Реальность навязывает творческой личности совершенно невыносимые для его совести условия: «Раз уж решил стать писателем, заткни своё самолюбие в задницу и делай, как принято. Оставайся полунищим, но продолжай обивать пороги редакций, заискивай, лебези, говори не то, что думаешь, подстраивайся,

завязывая полезные знакомства, прибежешь к какой-нибудь литературной стае, потому что одиночки не выживают». Всё так, но так же известна всем и Евангельская притча о талантах, вывод из которой гласит: «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Матф. 25, 67). Любой дар требует от человека полного самоотречения, только в этом случае он может быть реализован, и только тогда он «приумножится».

С темой искусства непосредственно связано и само название романа. Прежде всего это причастность к литературе, о которой мечтал герой: «Я хотел быть причастным к литературе, жить в её поле – и это получилось. Я умею писать, классики мои коллеги, пусть они талантливее, но мы одной крови. Каждый, как сказал Чехов, должен лаять голосом, который ему дан, и не стесняться этого».

Но причастность, заметим, то же, что и ответственность, в том числе и за каждое сказанное слово. В конце концов, это ответственность перед народом и всем человечеством, как бы громко это ни звучало, потому что писатель – «...проводник народного самопознания»¹⁶.

Разумеется, многие мысли об искусстве, о современной литературе и литераторах принадлежат не писателю Луцкому, а его герою. Говорить об автобиографичности романа нельзя уже хотя бы потому, что автор ввёл в роман проходной персонаж Серёжу Луцкого, земляка Юрия Руснака. Но сама тема таланта и его выживания – тема болезненная.

При всей спорности, может быть, позиция главного героя наиболее правильная? Он ни перед кем не пресмыкался, не подличал, а продолжал писать в стол. И не каждого писателя знали и любили современники. В конце концов многие писатели были открыты потомками или заново, как Гомер или Шекспир, или даже впервые, как Блейк. Каждый худож-

---

16 Киреевский И.В. «Обозрение русской словесности 1829 года» С. 44.

ник должен решить для себя сам, что ему делать и для чего он пишет.

По крайней мере писатель Сергей Луцкий для себя это определил: «Относительно того, чего я стремлюсь добиться в прозе. Звучит расхоже, но, видимо, того, чтобы в жизни стало больше добра и красоты. Дело это многих поколений людей, работающих в искусстве, и не только. Немедленных результатов ждать не приходится, но капля камень точит. И второй момент: поиск созвучных тебе эмоционально и духовно людей, желание поддержать их, сказать, что они не одни в этом не слишком приспособленном для счастья мире. И самому знать, что ты не один»¹⁷.

*Ирина РЯБИЙ,
кандидат филологических наук, доцент
Югорского государственного университета,
член Союза писателей России*

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

---

¹⁷ Из частной переписки автора с С.А. Луцким.

I. ДЕРЕВЕНСКИЕ ЭТЮДЫ

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет –
Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.*

Ив. Бунин

МЭРКА, ХЛЕБ И СВОБОДА

Каждое утро одна и та же история.

Внимательно смотрит на меня, машет хвостом, но подходить не торопится. Вдруг припадёт на передние лапы и нетерпеливо, с душой, взвизгнет. На его чёрно-белой физиономии явственно борются два чувства: есть хочется – и не хочется садиться на цепь. Ой, как не хочется!..

Однако пора, ночь прошла, набегался. Я достаю из кармана кусок хлеба, а другой рукой поднимаю цепь с ошейником.

Надо видеть его в эти секунды! Носится в нескольких метрах от меня, горестно лает, бросает укоризненные взгляды. Но голод всё же берёт верх, и щенок приближается ко мне. Даю хлеб и тут же накидываю ошейник на крепнущую с каждой неделей холку.

Хлеб мгновенно проглочен, я беру миску и иду в избушку – приготовить что-нибудь поосновательней. Оглядываюсь, и мне становится совестно. Мэрка с цепи не рвётся, он всё понимает, но, Боже мой, сколько тоски и печали в его глазах!..

Кажется, ещё древние римляне сказали: когда есть хлеб, нет свободы. И наоборот.

Увы, Мэрка, увы.

ПОСЛЕДНЯЯ ГУЛЯЩАЯ

Гулящими я зову деревенских коров. В самом деле гулящие. Как только проклюнется трава, так до самых заморозков гуляют сами по себе. Окрестная тайга, пойма Ваха, деревенская улица – где только коров не встретишь. И никаких пастухов при них. Могут прийти во двор на дойку, а могут не прийти – бегай тогда хозяйка, ищи сама, мобилизуй детей

на поиски. А то ведь перегорит молоко в вымени, горьким станет.

Выхожу как-то сентябрьской ночью на крыльцо. Что такое? В тишине характерный звук подбираемой под корешок травы. Сообразил не сразу. Едва угадываемая тёмная масса за оградой медленно движется, дышит, щиплет остатки осеннего бурьяна... И то сказать, через неделю-другую поставят в стайку на долгие месяцы зимней тесноты и несвободы. Коровы, похоже, это чувствуют и напоследок не уходят с улицы даже ночью.

А одну, самую упорную, я видел уже по снегу. Возвращаюсь от колонки с двумя вёдрами воды и опять, как тогда ночью, слышу странные звуки. На этот раз будто без охоты трясут деревцо с сухими листьями. Над первым снегом всё слышно далеко и удивительно ясно. Оглядываюсь – и метрах в ста вижу бурёнку, объедающую спиленную, должно быть, ещё летом и выброшенную за ограду разлапистую ветку.

Пошуршит скоробившимся бурым листом, поднимет жующую морду и медленно посмотрит вокруг. Всё окрест белое, непривычное, нигде ни травинки, тревожно пахнет дымом из печек...

Нет, лучше уж в стайку, думает, должно быть, корова. Там сытнее и спокойней.

И глубоко, всей утробой, вздыхает.

ЖИВОЕ

Двое суток мело, ветер сумасшедше метался вокруг дома, тяжело бился в стены, наносил островерхие, будто спины динозавров, сугробы.

В такие дни мир суживается до размеров комнаты, где только и возможна, кажется, жизнь. А за её пределами – гибельный лёт снега, мутный хаос, вселенская стужа. Жалобно позвякивает печная задвижка, и раскачивается, скрипуче трётся о бревенчатые стены избушки высокий шест с телеантенной.

Но всё проходит. И вот – тихий день, низкое слепящее солнце, чистое небо, почти фиолетовое в зените и бирюзовое по горизонту. Мой безупречный флюгер – флаг над деревенской администрацией – вяло опал, ни малейшего шевеления...

Невероятно!

Выхожу по накопившимся делам во двор. Гремя цепью, появляется из своей будки Мэрка, потягивается, далеко выставив передние лапы, и не собачьи громко, с подвывом зевает. Выглядит он вполне благополучно: двое суток спал, а выбирался из будки во время пурги лишь затем, чтобы полакать горячего.

Больше – никого. Тишина, ни одного живого существа. Непогода словно выморозила всех или замуровала под снегом. Даже молчаливых северных сорок не видно, хотя их раньше было вокруг порядком.

И вдруг такой знакомый незамысловатый голошишко! Я замираю, губы сами собой разъезжаются в улыбку. У дровяника прыгают несколько воробьёв. Здесь снег вымело до земли и оголились сухие кустики трав с семенами. Они-то и привлекли воробьёв. Воробьи суется, теребят былинки, бойко, сметливо поглядывают по сторонам.

Живы курилки, перенесли и мороз, и пургу, опять полны своего воробьиного оптимизма!..

Я стараюсь не двигаться, чтобы не спугнуть их, дать наклеваться семям. Но тут ныряющим лётком пронеслась синица, прозвенела что-то, и воробьи тотчас срываются за ней. Видно, есть где-то корм получше.

Стою, смотрю им вслед. Уже и морозец прихватывает уши, и Мэрка требовательно влаивает, хочет есть. А я всё стою и смотрю в ту сторону, куда исчезли воробьи.

Словно с друзьями расстался.

ПИР В НАЧАЛЕ ЗИМЫ

В стаи сороки собираются чрезвычайно редко. А если уж собрались – значит, что-то произошло. Например, в соседском дворе забили бычка.

Событию самое время. Уже морозно, уложенное в железную бочку и присыпанное снегом (чтобы не вымерзло) мясо будет без проблем храниться всю зиму. А негодную требуху, свернувшуюся чёрную кровь хозяева вывалили за ограду.

Радость великая не только для деревенских собак, но и для сорок. Похоже, они собрались со всей округи. Снег испятнан их пёстрыми телами. Сороки деловито снуют, нахально выдёргивают куски из-под носа у собак. Но те на них не в обиде – всем хватит. Хотя, конечно, для порядка поднимают измазанные кровью морды, рычат и делают вид, что хотят броситься. Сороки отлетают на метр, но секунду спустя опять принимаются за своё.

Пир продолжается день, а то и два. Всё это время за бревенчатой стеной стайки перетаптывается, тревожно взмывает корова. Она никак не может понять, куда подевался её бычок. Хотя могла бы уже привыкнуть – такое происходит каждый год...

Незамысловатый слепок нашей жизни. Одним радость, другим горе. То и другое по одному и тому же поводу.

ЗИМНИЕ ЗАКАТЫ

Удивительные закаты бывают зимой. Чистый нежный свет заполняет полнеба, переходы от розового к палевому, потом к изумрудному и светло-синему почти неуловимы. Впечатление глубины и неохватности простора над притихшей вечерней землёй.

Скучными и ненужными в этот час кажутся и жёлтые огни деревни, и чёрные, резко обрисованные верхушки елей на шафранном фоне внизу заката, и сумеречно синий снег.

Смотрел бы и смотрел, не отрываясь, на чистый простор на западе, на сокровенный нежный свет зари. И молчал бы благодарно, затаив дыхание.

В такие минуты верится, что есть душа. И что она бессмертна.

ДРЕЙФУЮЩИЙ ВО ЛЬДАХ

Про себя я зову его «Фрамом». Взгляд каждый раз спотыкается о него, когда я смотрю с высокого берега Ваха вверх по течению. Вмёрзшее в реку далёкое судёнышко, одинокое на ровном снежном просторе, чужое среди прибрежной тайги и редких следов «Буранов». Отсюда оно кажется странным, загадочным.

Сравнение с «Фрамом», конечно, неточное. Там – Северный Ледовитый океан, мужественный норвежец Нансен, корабль, специально построенный так, чтобы его не могли раздавить мощные льды. Здесь – заурядный работяга буксир, по небрежению или обстоятельствам оставленный зимовать посреди реки...

Всё так. Но почему почти физически чувствуешь одиночество этого брошенного людьми судёнышка, его упорное стремление к обжитому берегу? Тяга, чудится мне, такова, что полуметровый лёд потрескивает под её напором, вот-вот разойдётся зигзагами похожих на молнии трещин.

Так, наверно, и «Фрам» стремился сквозь бесконечный ледяной простор и промороженную полярную ночь к людям, одинокий и неприкаянный среди пурги и выжидающе бродящих вокруг белых медведей.

Сделанное человеческими руками выглядит без человека сиротливо. Оно чуждо природе, великой и равнодушной. Это так ясно понимаешь, глядя с высокого берега на замёрзший вдали кораблик...

ТРЕВОЖНЫЕ ПТИЦЫ

И раз, и другой замечаю на окне синичку. Стремительно появляется в углу рамы, беспокойно крутит головой, словно старается кого-то высмотреть через стекло. В её маленьком быстром тельце, в цепко ухватившихся за крашеное дерево лапках мне чудится что-то тревожное, какая-то недобрая весть.

Ведь было же. В напряжённом ожидании сидела едва ли не вся родня в городской нашей квартире, ждали у телефона, чем закончится тяжёлая операция. И вдруг в стекло стал биться голубь. «То Артёмова душа, – заплакала бабушка, – нет его больше!»

Слава Богу, отец в тот раз остался жив. Но то, что он был между жизнью и смертью, совершенно точно. Позже я сопоставил время. И может, отлетевшая душа превратилась в птицу, понеслась к своим, чтобы попрощаться. Кто знает, как оно бывает там, на грани...

Бросаю все дела и, проваливаясь по колено в свежесвалившем снегу, иду за деревню, на релейку. Не слишком послушными пальцами набираю мамин номер. Немного отпускает, когда слышу её особенно дорогой сейчас голос. «А как у Лёни?» У брата тоже всё в порядке. Несколько секунд сижу неподвижно, будто после тяжёлой, взявшей все силы работы.

– Пап, ты знаешь, синицы дёргают из щелей вату, – встречает меня дома пришедший из школы Никита. – Мы с тобой конопатили окна, а они вытаскивают. Для гнезда, наверно.

Смущённо улыбаюсь. Вон, оказывается, в чём дело!.. Но я не расстраиваюсь, не досаую на птиц. Милые, да хоть всю вату из рам выдергайте! Я вам целую упаковку дам, сам к гнезду принесу!..

Лишь бы всё хорошо было.

МИНУС ПЯТЬДЕСЯТ

Такого в городе не услышишь. Там суетливо и шумно, а нужны тишина и сосредоточенность.

Мороз под пятьдесят. Тихо так, что слышен злой визг снега под чьими-то ногами на другом конце деревни. И то лишь изредка. В такую стужу люди сидят по домам, топят печки, а на улицу выходят при крайней необходимости.

Топим печку и мы. Дров уходит уйма, в очередной раз одеваюсь и иду в сарай к поленице. На минуту задерживаюсь во дворе. Горизонт затянут мутной пеленой, которая бывает только в большие морозы. Ни Шаманской горы, ни леса на той стороне реки не видно. И полная, какая-то неестественная тишина. Таковую, наверно, и зовут мёртвой.

Впрочем, нет. Лёгкий шуршащий звук всё же можно расслышать. Он где-то рядом, но откуда идёт – не могу понять. Звук возникает и пропадает с периодичностью моего дыхания. Отлетит от лица облачко, и секунду спустя – тихий шорох, будто разом лопаются пузырьки в открытой бутылке с минералкой...

Да ведь это замерзает пар от дыхания! Почти сразу превращается в кристаллики льда, и те, невидимые, таинственно шуршат, трутся друг о друга...

Бывает же!

ПОСИДЕЛКИ

Это тоже про сорок. Едва забрезжит куцый январский день, они уже тут как тут. Рассядутся на высокой берёзе через дорогу, самые смелые – на крыше сарая. Мёрзнут, втянув головы во взъерошенные перья, терпеливо ждут, когда я выйду кормить Мэрку.

Наверно, понимают: шансов поживиться немного. Со своей верхотуры видят, с какой жадностью пёс набрасывается на разведённую горячей водой кашу. Но в торопливой неаккуратности Мэрки для сорок своя

корысть. Разлетается в стороны и замерзает на снегу разваренная перловка. Мэрка на такие крохи не обращает внимания, насытившись, прячется в будку. А сорокам того и надо. Дождутся, когда я уйду в дом, осторожно спланируют на забор. Потом – на крыльцо...

Риск большой. Как бы ни был пёс сыт, инстинкт есть инстинкт. Не одна сорока оставила в его зубах свой хвост. Но голод не тётка, зимой поживиться особю негде. Вот и рискуют.

Мне стало жалко сорок. Ведь живые существа. Как все птицы, чудо – умеют летать... С некоторых пор ложку-другую каши выкладываю на утоптаный снег подальше от Мэрки.

Чтобы не зря сорокам мёрзнуть.

ВОРОБЬИНЫЙ СКОК

Не знаю, как вас, а меня в январе охватывает особое чувство. Будто в душе начинает тихо пульсировать радостный родничок.

Позади тёмный декабрь, когда ночь растягивается едва ли не на целые сутки. Солнце поднимается над верхушками близко подступивших к деревне елей всего-то пальца на два. Это в ясный день. А в пасмурный так и вовсе кажется, что немощный рассвет, не набрав по-настоящему силы, сразу переходит в сумерки.

Глухая, безрадостная пора!

Но вот наступает январь. Схлынули праздники, которыми так богата его первая половина. И вскоре явственно чувствуешь – в жизни произошло что-то хорошее.

Дело не в знании, что день начинает прибывать, а следовательно, и весна неизбежна, пусть даже и не скоро. Дело именно в чувстве. Тебе кажется, что и снег блестит теперь по-особому, и небо стало глубже, и деревенские дома как-то повеселели.

В полдень вытягиваешь руку, прикидывая толщи-

ной пальцев расстояние от верхушек елей до солнца. Да, уже не два, а целых три пальца помещаются в прогале. И хотя тени даже сейчас вытянулись почти до другого берега Ваха, смеркаться начнёт заметно позже.

Как говорили наши предки, день в январе прибывает на воробьиный скок. Всего-то. А сколько затаённой, сокровенной радости доставляет это чуткой душе!..

ТРОПИНКИ

Февраль – кривые дорожки... Для малоснежной европейской зимы такое утверждение, быть может, и справедливо. В Сибири же всё по-другому. Задуют февральские ветры, наметёт на тропинки сугробы, а деревенский люд не очень-то старается их обходить, натаптывать новые дорожки. Так напрямик и двигает по старым следам, порой утопая в снегу по колено.

Эта бескомпромиссность показалась мне странной. И я решил поступать иначе. Как-то, встретив на пути наметённый за ночь сугроб, шагнул в сторону, собираясь благоразумно обойти...

Снег вытряхивать пришлось долго. И добро бы только из валенок, а то из карманов брюк и даже куртки. Ухнул, что называется, по пояс.

Что ж, всякий опыт имеет свою цену.

ЖДУТ И НАДЕЮТСЯ

Всего лишь февраль, мороз по ночам такой, что лопаются лёд на Вахе. Всё стынет в мёртвой неподвижности, и кажется, что до весны – как до Марса.

Но постоят два-три солнечных дня, и смотришь, уже краснеют кончики берёзовых веток, исподволь наливаются слабым зелёным светом осины в лесу и тальник вдоль берегов.

Нет им дела ни до морозов, ни до метровых сне-

гов. Как женщина ловит малейший знак внимания со стороны любимого, так и они радостно отзываются на крепнущее солнце.

Всю долгую зиму ждут и надеются. Надеются и ждут.

О ЗИМНЕЙ СВОБОДЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Сразу оговорюсь, речь о «безлошадных». Для владельца «Бурана» особой разницы нет, что начало зимы, что конец. Ему главное, чтобы снег был. А вот для пешехода...

Лучше всего в конце октября. Снега ещё мало, и ходи себе где хочешь – хоть в лес иди, хоть по деревне углы спрямляй. В начале зимы, как летом. Даже свободней. Потому что болота подмерзают, можно ходить уже и по ним. Братъ, например, клюкву там, где она в обычное время недоступна. Делов-то – смахнул с кочки лёгкую порошу и выбирай тёмно-красные ягоды, твёрдые, как бусины.

Но катятся один за другим дни, недели, всё подваливает и подваливает снега. Смотришь, уже и в лес без широких, надёжно держащих лыж-подволоку не сунешься. И по деревне нужно ходить только по дороге или по редким натоптанным тропинкам. Можешь, конечно, двинуть напрямик, если имеется такое желание. Только получится себе дорожке – снега в валенки наберёшь и запыхаешься, штурмуя снежную целину.

И уж совсем строгие времена наступают в феврале-марте. Свобода передвижения жёстко ограничена, будто живёшь по армейскому уставу. Мало того, что морозно, из дома лишней раз не выйдешь, что само по себе уже несвобода. Так ещё ходить изволь только по дороге. Из-за сугробов до берёзы, что в двух метрах от дороги, не доберёшься. О лесе или пойме Ваха говорить не приходится – недоступны. Там снега по пояс. Утонешь.

Одно и остаётся – ждать весну. А с ней свободу ходить, где душа просит.

ТАК ХОЧЕТСЯ В ЛЕТО!..

В том, что наш пёс Мэрка предпочитает тёплый подъезд холодной будке, ничего удивительного нет. Когда неделю температура на дворе под сорок, здесь уж самую морозоустойчивую собаку потянет в тепло. Особенно если она, как Мэрка, немолода, и шерсть у неё не такая густая, как прежде.

Но чтобы синицы...

Подобного не припомню. Стоит открыть на кухне форточку, синицы тут как тут. Прямо аномалия какая-то. Шустро проскальзывают в проём, а натолкнувшись на людей, начинают панически носиться по комнатам. Однако убираться не торопятся. И стоит немалых трудов выгнать их через форточку обратно.

Бывает, синицы прошмыгнут в квартиру, когда дома никого нет. Вот уж когда им раздолье! Начинают во всю хозяйничать. Расклёвывают оставленные на виду пакеты с крупами, пытаются раздолбить кедровые орешки в вазе – это с их-то тоненькими, на вид такими хрупкими клювиками!.. Только насорят везде. И «визитных карточек» в самых неподходящих местах наоставляют.

А как-то синицы наловчились пробираться в квартиру через балкон. Балкон, конечно, уже не улица, но и не квартира с её теплом. Так что синицы придумали? Прodelали, будто аккуратно сверлом просверлили, лаз в марле, которой была ещё летом затянута от комаров форточка, – с комнаты на балкон выходит окно.

Я долго ломал голову, прежде чем обнаружил этот лаз. Вроде, все пути синицам перекрыты, а они опять носятся по комнатам. Мистика!..

Говорят, голод не тётка.

Холод, похоже, к родственникам тоже не относится.

ВЕСНА СВЕТА

На дворе не так уж тепло, двадцать градусов ниже нуля. В ноябре такие градусы не то чтобы повергали в уныние, но настраивали бы на суровую долгую зиму. А сейчас...

Радостно, ярко бьёт в глаза солнце, взлетающее с каждым днём всё выше. Блестят пухлые, нанесённые февральскими ветрами сугробы. И небо уже не зимнее, а лазоревое, глубокое, взгляд в нём тонет, бездонно проваливается.

В избушке, спасавшей всю зиму, сидеть никак не хочется, тянет во двор, на солнце. Выхожу – и сразу же слышу азартную воробьиную разногосицу. Уселись на рябине, звонко обсуждают свои дела, а может, просто радуются жизни, солнцу, предстоящей весне. И наш пёс поблизости. Забрался на завалинку с южной стороны избушки, блаженствует у нагретой бревенчатой стены, умиротворённо щурит тёмные звериные глаза.

Двадцать градусов, а не холодно. Уши на шапке опускать не надо, и всё слышно далеко и чётко. На той стороне реки, метрах в трёхстах, разговаривают приехавшие на «Буранах» за сеном мужики. Снежный простор вокруг залит чистым, праздничным светом. Дома, деревья, грузные копны отбрасывают резкие синие тени, сказочно заиндевелые берёзы похожи на застывшие дымы...

Вот она, первая – по Пришвину – весна. Весна света.

УТКИ

Не знаю, поймете ли меня, особенно если вы охотник. Но каждый раз, когда я вижу колыхающуюся, как бы переливающуюся в воздухе утиную стаю, в голову приходит одна и та же мысль.

Эти небольшие, суетливо бьющие крыльями птицы прилетели к нам, миновав огромные пространства. Едешь, скажем, из Москвы до наших мест в поез-

де – и то устаёшь, хотя не прилагаешь никаких усилий. А им, уткам, каждый метр их воздушного пути надо преодолевать. И расстояния, которые они покрывают, намного большие, чем от Москвы до наших мест. Орнитологи утверждают, что за время перелёта птицы набивают костные мозоли. Не знаю, что болезненней – кровавые мозоли или костные.

И вот прилетели. Родные места встречают их очень приветливо. Большинство рек подо льдом, и надо искать редкие оконца чистой воды. По крайней мере так было в этом году. А тут ещё пронзительный ветер с севера, или вдруг пойдёт снег, морозец прихватит. Человеку что, он в доме спрячется, печку затопит. Уткам же надо терпеливо мёрзнуть, стойко пережить, надеясь, что инстинкт не подвёл, не сорвал раньше времени с тёплых и богатых кормом болот где-нибудь в дельте Нила. И хорошо ещё, если запоздалая весна – единственное испытание. И если опустились утки на дальних озёрах и малых реках, куда человеку добраться непросто...

Гулкие выстрелы рвут майские сумерки. В испуге затаилось всё живое. Ладно бы, голодали семьи у охотников, упрекающими глазами смотрели бы жены, мол, давно не было в доме мяса. Так ведь нет. По крайней мере, у большинства из них. Просто тешат свой инстинкт – пещерный инстинкт убивать.

Выстрел – и падает трепещущее от боли тельце. Выстрел – и оказываются напрасными многокилометровые перелёты, холод и голод ранней весны, мозоли на крыльях...

Не понимаю.

Не хочу понимать

ВЕСНА ВОДЫ

По Пришвину, она приходит после весны света. Но если с весной света всё бывает благополучно, то с весной воды в этом году вышло не очень ладно – припозднилась.

Уже казалось, никогда не растает огромная масса снега, выпавшего за зиму. Но тёплые ветры, всё дольше не уходящее за горизонт солнце день за днём делали своё упорное незаметное дело.

Впрочем, не такое уж незаметное. Где-нибудь в болотистой низинке, по которой за зиму ты привык ходить без опаски, вдруг предательски провалился утоптаный снег. Твои ноги по щиколотку, а то и выше оказывались в воде. Сюрприз не из приятных. Но вместе с тем и обнадеживающий. Значит, весна всё-таки наступила, и не только по календарю!..

Начало мая – пора ручьев. Вода, скрытно накопившаяся, как штормовые колонны перед атакой, вырвалась наконец из-под снега и бурно устремлялась к реке. Обрывистый берег Ваха, уже высохший на солнце, покрывался грязными потёками. Но сам Вах невозмутим в своей ледовой крепости. Вот уже и последние ручьи отшумели, а он всё такой же. Ну разве что лёд потемнел и отошёл местами от берега. Но мощь ледового монолита, протянувшегося на сотни километров, кажется по-прежнему несокрушимой.

Наконец наступает то, во что почти не верилось. Река трогаётся. Подмытый течением и тальми водами лёд на стрежне начинает крошиться и двигается вперёд узким длинным языком. Борьба идёт мучительная, натужная. Движущаяся полоска в сплошном поле льда то и дело останавливается, тяжело громоздя торосы. Порой надолго замирает. Но начало всё-таки положено. Через день шуршащие серые льдины идут сплошным потоком. А ещё через сутки-двое очистившийся Вах отсвечивает пронзительно синей сталью.

Это ещё не всё, весна воды продолжается. Заливает противоположный низкий берег, по пояс в воде стоит серо-зелёный тальник, половодье подступает к берёзовым колкам, покрытым вишнёвым дымом просыпающихся почек...

Из иллюминатора рейсового вертолёта картина захватывающая. Неоглядный простор во все стороны, и в просторе этом неизвестно чего больше – земли или

воды. Перепрыгивая через кедровые гривки, несётся внизу отражённое солнце, вокруг горстки домов мерцают зеркала многочисленных озёр...

И тут со всей ясностью понимаешь, почему односельчане считают, что живут на острове.

ВРЕМЯ

Неумолимость времени, как это ни странно, особенно чувствуешь весной.

После недели тепла и солнца вдруг холодные дни с мокрым снегом и низким небом. Нелюдимо насупились лес вокруг деревни. Кажется, в такую пору весна останавливается и затаивается, будто зверёк, переживающий непогоду.

Но выходишь из дому и понимаешь, что всё не так. Холодно, но со вчерашнего дня заметно прибавилось пепельного цвета побегов на рябине, зеленее стали пригорки, и в пронзительном ледяном воздухе всё тянутся и тянутся на север утиные стаи.

Двойственное чувство охватывает тебя. Радуетесь напору весны, которую ничем не остановить – ни холодом, ни снегом. Но и пугает такой напор – неотступный, цепкий, почти остервенелый.

Это не весна сама по себе. Это – время. Сейчас время расти, зеленеть, тянуться вверх. А с первыми сентябрьскими днями, быть может, раньше – время гибнуть.

И не остановить это движение. Ни даже задержать. Время – одно из имён смерти.

КОНТРАСТЫ

Сколько нареканий можно услышать по поводу северной погоды!.. В общем-то, справедливых. Иной раз температура за сутки прыгнет градусов на пятнадцать, а то и больше. С утра дети бегают по дере-

венским улицам в футболках и шортах, толкнутся возле колонки, галдя и обливаясь водой, а к вечеру на улице хоть шаром покати.

Солнце ещё высоко, но ребятига предпочитает сидеть по домам, смотреть телевизор или играть на «денди» – сменился ветер, знобка дохнуло не такой уж далёкой Арктикой. Чтобы выйти гулять, в пору надевать тёплые куртки. Это в июне-то месяце!..

Помню, как однажды с Никитой сажали картошку. Где-нибудь на большой земле её в эту пору уже окутывают, а мы дождемся, когда минует заряд мокрого снега, и спешим на огород с лопатами. Пройдём два-три ряда – и опять в дом пережидать, когда пронесётся белёсая снежная полоса.

Так и сновали весь день между огородом и домом. Подбадривала нас одна надежда: прямо завтра может наступить лето. Резко, почти без подготовки, как и бывает на Севере.

Примеров сумасбродств погоды можно привести множество. То возьмётся откуда-то смерч, пронесётся над деревней, ломая деревья и срывая с крыш шифер. То уйдёт под снег картошка – в начале сентября землю и зелёную ботву прихватят настоящие морозы...

Но есть и противоположные примеры. Запала в память такая картинка. Разгар зимы, Новый год на носу, а прежде ясный морозный горизонт неожиданно затянуло влажной дымкой, и зачастили, запрыгали с крыш тяжёлые ядрёные капли...

Или то, что было недавно. Солнце не греет, а печёт, над обрывистым берегом носятся в синем небе стрижи. Я вольготно стою на крыльце, по-пляжному одетый, вернее – раздетый. Ну чем не юг где-нибудь под Алуштой!..

Если бы не одно обстоятельство. По реке, что рядом с нашей избушкой, плывут, шурша и позванивая, задержавшиеся в верховьях льдины. И мертвяще, ознобно дышит чёрная непроглядная вода.

Контраст. Ещё какой!

НОЧНАЯ КУКУШКА

Сказать, что весной можно услышать множество птиц, – значит повторить общеизвестное. Кто не знает, что в эту пору птичий гомон заполняет всё окрест. Радясь молодому солнцу и пахучей юной листве, самозабвенно поют, играют горлышками пичуги. Овсянки, синехвостки, синицы... Даже вездесущие воробьи как-то по-новому, бодрее и веселей, выдают своё неизменное «чиф-чиф». Довольны, что переживали, что выдержали самые свирепые морозы.

Односельчане говорят, что к нам залетают даже соловьи и по ночам на опушках можно услышать их пение. Не знаю, не приходилось. А вот другую птицу, о которой и не подумаешь, что она может подавать голос ночью, мне довелось услышать ещё в первый год жизни на Севере.

Конец мая, час ночи. В реке отражается чистый свет то ли вечерней, то ли уже утренней зари. Всё вокруг полуявь, таинство, будто отразившееся в глубоком, потемневшем от времени зеркале. И вдруг начинает куковать кукушка. Её голос в пространстве белой ночи кажется печальным, зыбким, кукушка словно благословляет и заранее прощает грехи всему живущему. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Сочетание алой чистой зари, молочно брезжащих берёзовых колков и этого голоса такое, что совсем не хочется думать ни о яйцах, которые кукушка подкладывает в чужие гнезда, ни о кукушатах, выбрасывающих других птенцов, ни об остальных жестокостях жизни.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку», – печально доносится из-за реки. Будто капли горчащего мёда падают в рассветный воздух.

А ЧЕРЁМУХА...

У Толстого в «Казаках» есть удивительное место. Его герой едет на Кавказ, и ещё среди ровной степи ему вдруг открываются далёкие заснеженные верши-

ны. На что бы с той поры ни смотрел герой, о чём бы ни думал, он постоянно помнит: «А горы...»

Похожее ощущение было у меня, когда цвела черёмуха. Пройдет ли человек по деревянному звучному тротуару у нашей избушки, проедет ли редкая машина – смотрю в окно и сразу же натываюсь взглядом на цветущее дерево.

«Черёмуха!..» – радостно отзывается душа.

Выхожу на крыльцо и первое, что чувствую, это густой, тяжёлый аромат.

«Черёмуха!»

Вожусь у расправляющей нежные листья малины или готовлю грядки под огурцы – вдруг наплывает, подавляя все остальные запахи, мощная душистая волна.

«Черёмуха!..»

Привыкнуть к её запаху невозможно. Он плотным облаком обволакивает двор, огород, часть улицы. Кто только не слетается на этот запах – ровное гудение окружает крону в неброских белых соцветиях.

И всю неделю, пока цветёт черёмуха, меня не покидает ощущение праздника, почти что счастья.

МЕНЬШЕ МЕНЬШЕГО

Только вечером и можно рассмотреть этих мошек. Светятся полупрозрачными крылышками, они толкутся в пологих лучах солнца. Кажется, каждая окутана светящимся нимбом. Вдруг какая-нибудь из мошек резво подскочит вверх в переменчивом роящемся столбике. Потом опять провалится вниз. За ней другая, третья... И так – час или полтора, пока не станет прохладным солнце.

Что означает этот танец едва заметных существ? Для чего? Какая у него цель?..

Я где-то читал, роение мошек (на первый взгляд, бессмысленное) – это брачные игры. Оплодотворённые микроскопические личинки падают в траву. Что-

бы через какое-то время стать новыми мошками. Все-го на день или два – такой у них век.

Среди мыслей, которые возникают, когда видишь этот колеблющийся столбик, есть пронзительные. Как чувствуют мир эти крохотные существа, столь отличные от нас и пришедшие в него на такой короткий срок? Как воспринимают свет солнца, запахи травы, упругость воздуха? Время, наконец?..

Между ними и нами – бездна. Но есть и общее: дышим, двигаемся. Они по-своему, мы – по-своему, но любим...

Как всё-таки странна Жизнь. И непостижима.

СОПЕРНИЦА БАМБУКА

Считается, что быстрее всех растёт бамбук. Его побег прибавляют по несколько десятков сантиметров в сутки. Можно сказать, растут практически на глазах.

А вот у нас чемпионкой по скорости роста можно считать малину. Только утром обследуешь грядки, выдернешь, стараясь поглубже захватить пальцами, мясистые побеги (они пробираются на грядки от ближайшей шпалеры малинника), а к вечеру посмотришь – опять побегов полно! Слово никто их и не трогал.

Фиолетового цвета копьёца пронзили землю, готовы раскинуть быстро зеленеющие листки. Чуть зазеваешься – и начнут глушить морковь или свёклу...

И то сказать, коротко северное лето. А сколько всего малине надо успеть!

Набрать цвет, зацвести, налить ягоды и о будущем позаботиться – этими самыми побегами, рассылаемыми под землёй во все стороны.

РОДНЫЕ И ПРИЁМНЫЕ ДЕТИ

Прополка грядок – дело не мужское. Однако приходится. И я всякий раз поражаюсь изнеженности

ростков свёклы, моркови, укропа – и жизнестойкости сорняков. Дай им волю, вмиг всё на грядках заглушат. Никто сорняки не сеет, никто за ними не ухаживает, а они так и прут. Слово в них заложена какая-то особая сила.

Вспоминаю где-то прочитанное. Один из учеников спросил у Сократа, отчего происходит так. «Кого мать больше любит, родных детей или приёмных?» – вопросом на вопрос ответил великий философ. «Конечно, родных», – сказал ученик, ничего не понимая. «Сорняки – это родные дети земли. А то, что сажает человек – приёмные. Отсюда и отношение земли к тем и другим».

Не совсем, быть может, научно, но остроумно. Или так оно на самом деле?..

СОРОЧОНОК

То, что это сорочонок, понимаешь не сразу. По виду – вполне взрослая птица. Разве что угловатая какая-то, будто после линьки.

А вот ведёт себя для осторожной сороки странно. Села на теплицу и принялась у всех на виду отдиравать клювом целлофан. И особо не боится, когда её гонят. Нехотя отлетит на метр-два, будто одолжение сделает, сядет на забор или край сарая и удивлённо крутит носатой башкой – чего, мол, прогоняете?

Не успеешь оглянуться, эта странная сорока опять на теплице. А то норовит похозяйничать на противне с малиной, которую мы рассыпали сушить. Наглая какая!..

Не сразу сообразишь, что это не наглость, а неопытность и доверчивость. Не знает ещё сорочонок – всего в жизни ему надо опасаться. И человека, и коршуна, и нашего пса Мэрку, из миски которого так заманчиво поживиться.

Недели полторы сорочонок летал вокруг избушки. Потом куда-то исчез.

Дай-то бог, чтобы знакомство с миром закончилось для него благополучно. Чтобы никто не воспользовался простодушием входящего в жизнь существа.

Ведь жестока она, взрослая жизнь. Наивности не прощает.

ВАХТОВИКИ ИЗ АФРИКИ

А может быть, не из Африки, а из Индии. Или какой-нибудь другой тёплой страны, где эти маленькие стремительные птицы проводят большую часть своей жизни. Чем стрижи там занимаются, можно только предполагать. А вот к нам на Север прилетают работать.

Весь бесконечный летний день они мелькают над рекой, лишь на секунду-другую скрываясь в норках в обрывистом берегу. И так два с лишним месяца. Если бы птицы умели потеть, то стрижи эти оба месяца были бы мокрыми от работы. Углубляют или делают новые норки, высидивают птенцов, кормят их, безобразно прожорливых, потом ставят на крыло... Дел невпроворот. Ни минуты покоя.

Разве что за несколько дней до отлёта на юг усядутся всей прибавившейся колонией на провода, издали напоминая нотные знаки. Это мелодия умиротворённости и довольства.

Ещё бы, сделано главное – продолжен род. Ради этого и поработать как следует можно.

КАРТОШКА ЦВЕТЁТ...

Казалось бы, такая проза – картофель. Пусть даже в пору цветения. Но думаешь о модном когда-то обычае при французском дворе – носить на груди бутоны из цветов картофеля. И понимаешь этих давно ушедших людей галантного века.

Кавалеры в напудренных париках и дамы в ши-

роких кринолинах считали верхом утончённости сиреневые и нежно кремовые соцветья с выступающей оранжевой сердцевинкой. Наслаждались их нежным запахом.

Это уже потом польза от плодов картофеля затмит скромное обаяние его цвета. Что и понятно – есть хочется всем, а почувствовать неброскую красоту удел немногих.

Взметнулись над тёмно-зелёной ботвой белые и сиреневые розетки. Тонкий медовый запах плывёт над огородом...

Картошка цветёт. Июль на исходе.

НЕПОСТИЖИМОЕ

Я им говорю:

– Извините, ребята, вы здесь ни к чему. – И вырываю с корнем.

В самом деле, сорнякам на грядках не место.

Но вырывать с корнем удаётся не всегда. Сорняки удивительно приспособлены к жизни и этим вызывают досаду, смешанную с уважением.

У подорожника, например, скорее оборвёшь все листья, а из земли не вытащишь. О пырее не говорю. Чуть зазеваешься, его прочные, словно проволока, корни пронизуют всю грядку. Попробуй потом избавься.

Однажды в августе замечаю в неприметном месте кустик лебеды. Она, видимо, вошла поздно, к тому же давно не было дождя. Это даже не кустик, а росток – чахлый, с несколькими крохотными листиками. Но, удивительное дело, на его верхушке примостились шарики семян.

Росток чувствует, что лето на исходе, и изо всех своих малых сил старается успеть вызреть, дать потомство. Быть может, надеется, что хоть его семенам повезёт, вырастут они в высокие крепкие растения – такими, как природой определено.

Это мы, люди, считаем лебеду сорной травой. Росток себя таким не чувствует. Старается сделать всё, что ему положено. Передать эстафету, не им начатую и не имеющую право на нём закончиться.

Для чего она, эта эстафета, забирающая все силы, но неукоснительная? Куда ведёт, к какой цели?

И существует ли цель?

РЭКЕТ В МАЛИННИКЕ

Отношения с малиной у меня цивилизованные. Я её удобряю, по весне, чтобы не мешали другим, вырезаю лишние побеги. Где надо, делаю подпорки под особо урожайные ветки – кланяться земле, конечно, следует, но не так, чтобы ягоды купались в пыли...

Малина отвечает взаимностью. Благодарит урожаем. Ветки протягивают ко мне крупные рубиновые ягоды – на, бери, заработал. И всё было бы гармонично и по совести, если бы не комары. Эти нарушают идиллию.

Стоит зайти в малинник, как кровопийцы набрасываются со всех сторон. Травя внизу и молодые побеги служат для них засадой. Как от комаров ни отмахивайся, возьмут-таки свою дань. Я уже в избушке, ем малину с молоком или варю варенье, а места укусов ещё долго зудят и чешутся.

Досада двойная. Мало того, что покусали, так ещё крови даром напились. Я-то, прежде чем сорвать ягоды, сколько за кустами ухаживал!..

Видно, потому никто и не жалуется любителей «шары». Ты поработай сначала.

НА ГРАНИ

Среди холодных пасмурных дней вдруг выдаётся яркая солнечная пауза – и радостно встрепенётся душа, уже смирившаяся было с неизбежностью осени, а там и бесконечной зимы.

Броско зеленеет по-сентябрьски сочная трава, в солнечной тишине млеют у оград пёстрые деревья. И даже чёрные ели вокруг деревни не кажутся угрюмыми.

Простор вокруг такой, что, кажется, взмыл бы вверх и счастливо парил над осенней тихой землёй, задыхаясь от любви к этим чистым далям, пропитанному солнцем холодному воздуху, к незамысловатому человеческому житью-бытью.

Но рядом со счастьем – печаль. Потому что понимаешь, ненадолго этот умиротворённый яркий день. Завтра опять стылый ветер, дожди, бесприютность...

И оттого он ещё дороже, такой день. До боли, до комка в горле.

ДЕСАНТ В ЛЕТО

День в сентябре. Холодно и ветрено. Больное солнце изредка мелькает среди быстрых облаков. Безнадёжностью веет от почерневшей крапивы у забора, от огуречных плетей, недавно ещё всю зелёных, буйно расплывшихся во все стороны с грядки, а сегодня – побледневших, почти жёлтых...

Что ж, осень. Северная, ранняя. Тоскливо вскрикнет речная чайка халей, планируя над знобкой, рябой от ветра водой. Воздух острый, предзимний.

И вдруг замечаю пушинки, бойко летящие по ветру. Откуда, почему?.. Для одуванчиков поздно, их парашютики разлетелись ещё в июле. Да и форма другая, эти пушинки мельче, какие-то мятые, неаккуратные.

Выхожу к обрыву над Вахом, и всё становится ясно. Иван-чай, который радовал своим густым лиловым цветом пол-лета, сейчас белёсо опушен вызревшими семенами. На глинистых осыпях у реки его целые заросли, и ветер поднимает вверх тучи светлых пушинок.

Смотрю на их бойкий лёт, и на душе становится теплее. Да, безотраднa осень, да, впереди полгода сне-

гов и стужи. Но эти разлетающиеся пушинки, другие травы, молча роняющие свои семена, – обещание того, что опять всё вокруг зазеленеет и зацветёт. Что опять будут весна и лето, солнце и молодая радость...

В конце концов, не так уж плохо всё в этом мире устроено.

Не так уж и плохо.

II. ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

~

БЛАГОДАРЕНИЕ

Вот я и сам уже дед, а всё вспоминаю свою бабушку Глафиру Матвеевну. Невысокая, грузная, она стоит на коленях перед образами и шепчет:

– Отче наш, Иже еси на небесех...

Позади наполненный бесконечными крестьянскими заботами день, подоена коза, закрыты в хлеву куры. Горит на столе керосиновая лампа, мы с братом (оба приехали на летние каникулы) устроились с книжками по краям стола, читаем.

Вслушиваюсь в полупонятные церковно-славянские слова молитвы и не могу взять в толк, за что бабушка благодарит Бога. День как день, скучноватый, обыденный. В Ямполе, где остались отец и мама, намного интересней – друзья, кино, купание в Днестре...

Бабушка шепчет молитву и крестится. Из-под потолка на неё смотрят непреклонные лица святых. В окладах из фольги дробится свет лампы...

Это я уже потом пойму, за что благодарение. Бабушка, потерявшая на войне мужа и пережившая много других горьких событий, благодарит Бога за самое простое. За то, что ничего плохого за день не случилось. Что жива-здорова сама и не бодем мы, её дети и внуки. Что не голодаем, не мёрзнем, что есть крыша над головой...

Обычные вещи, которые не замечаешь, когда всё хорошо. И которые становятся недостижимым счастьем, если случается беда.

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЙ

Порой знакомые говорят, куда ты, мол, забрался – деревня, такая глушь! Ни театров, ни музеев, ни близких по духу людей!..

Можно подумать, они только и делают, что ходят по театрам и музеям. Статистика утверждает, больше все-

го в московских театрах приезжих. Сами москвичи тяжёлы на подъём. Да и многих ли обитателей сытого мегаполиса по-настоящему интересует культурная жизнь?..

Впрочем, я знакомых не осуждаю. Как-то и себя поймал на сходном чувстве. В тот раз мы пошли за клюквой. Хотя это болото и ближе к деревне, а всё равно пришлось добираться не менее получаса. Редкие, какие-то недокормленные берёзки, высокая жёсткая трава, мелкие ягоды, красные только с одного бочка...

И такая тоска, показалось мне, исходила от всего, такая глушь и заброшенность вокруг! Умер бы от неприкаянности, доведись здесь остаться навсегда. Столицей мира представилась мне в ту минуту наша деревня.

Но чем дольше я присматривался, тем слабее становилось это чувство. Ведь и деревья здесь растут, и трава, и ягоды тихо зреют. Болото совсем не кажется им тоскливой глушью, и никуда они отсюда не хотят. Более того, весь остальной мир для них чужбина, а настоящая жизнь только здесь, на болоте, и существует.

БОИ В АРЬЕРГАРДЕ

Перед глазами до сих пор такая картинка. Перерыв между парами в Литинституте. По лестнице на второй этаж поднимается Валентина Александровна Дынник. Она читает курс западноевропейской литературы, в ней самой есть что-то от этого предмета – достоинство, благородная сдержанность, лёгкая ироничность...

Валентина Александровна так советовала вести картотеку прочитанного. «Рекомендую купить пачку сухого печенья, – сказала она на первой своей лекции. – Печенье можно с удовольствием съесть, а полупрозрачную бумагу, которая под обёрткой, порезать на прямоугольные листочки для карточек, будут долго служить. Польза, как видите, двойная...».

Мы, люди другого поколения, переглядывались – не понимали её усмешливой речи. Дынник переводила с французского, была дружна со многими известными

ми людьми тридцатых-сороковых годов, в том числе с теми, кого репрессировали. Репрессирован был и её брат, человек, по слухам, уникальных способностей. Помню старомодно изысканные комплименты, которыми Валентина Александровна обменивалась с приглашённым как-то на лекцию классиком перевода Вильгельмом Левиком.

... Наша старая профессор поднимается на второй этаж, она твёрдо ставит ногу на каждую новую ступеньку, лицо непреклонно. Она старается доказать, что подниматься по лестнице ей ничего не стоит, что семьдесят – это не возраст и что сдаваться она не намерена.

Не нам, молодым оболдуям, доказать. Себе, судьбе, Богу.

ПАМЯТЬ КРОВИ

– Почему Оксана? Не знаю, бабушка придумала. Она у нас была большая выдумщица, любила необычные имена. Нет, не украинка. Здесь родилась, здесь выросла...

Женщине около сорока, но выглядит она моложе. Может, потому, что крупная, налитая – этакий кустодиевский тип, когда молодят румянец и полное, без морщин лицо. Среди прочего женщина рассказывает, как в юности переживала, что нос у неё не вздёрнутый. У всех подружек вокруг такой, а у неё прямой и короткий. Почему – узнала позже, когда побывала по туристической путёвке в Греции.

– Не поверите, хотелось упасть на колени где-нибудь у Акрополя и целовать камни. Не знаю, что на меня нашло. Казалось, я здесь когда-то жила, только забыла... Посмотрите на меня, разве я похожа на истеричку? А вот такое, потом самой стыдно было.

На истеричку она действительно не похожа – женщины такого сложения истеричками не бывают. Спокойные, рассудительные, немного замедленные. Вернувшись домой, она стала расспрашивать у старших родственников, не было ли в их роду греков.

Оказывается, были. Прадед. В конце двадцатых он приехал в наши края, женился на местной девушке, здесь родил детей, здесь и умер. Кровь, разбавленная русскими, украинцами, татарами, казалось, навсегда заглохла, растворилась в крови чужих народов.

И вот дала себя знать в правнучке. Чтобы опять на десятилетия умолкнуть, жить своей скрытной бесмертной жизнью?..

СТРАДА

Лето в этом году неважное. Однако всё тем не менее спешит, торопится отцвести, созреть, дать потомство – выполнить от века предназначенное. Вон уже прыгают по забору, заполошно стрекочут какие-то худые, словно мокрые сорочата. Пустили по деревне свои семена одуванчики. Нежно, упоительно пахнет цветущий шиповник, в обычное время такой неказистый, колючий.

Страда в теплице тоже. В тишине и покое наливаются помидоры. Там и тут в огуречных плетях видны жёлтые звезды. Цветки терпеливо ждут шмеля, пчелу, на худой конец – муху. Лишь бы перенесла пыльцу, оплодотворила, дала завязаться плоду, а с ним и семенам, этому обещанию новой жизни, её непрерывности.

Утром открываю в теплицу дверь – и невольно отшатываюсь. Незаметная сразу паутина неприятно ложится на лицо. Быстро стираю её рукой. Постарался паук за ночь!..

Его расчёт, в общем-то, верен. Именно через проём двери попадают в теплицу насекомые. Вот паук и натянул свои тенета – надеется пожить. Причём небезуспешно, на сохранившейся в уголке паутине несколько высохших трупиков мошек. Каждое утро я рву эти сети, а паук их всякий раз упорно восстанавливает.

У каждого своя страда.

МЕРА

Долго не могу понять, чем так хорошо пахнет.

Запах тонкий, нежный, едва осязаемый. В огороде ничто так пахнуть не может, да и рано – зелень на грядках только-только пробилась. У черёмухи в палисаднике запах другой, к тому же она уже отцвела. Дело сделано, идёт молчаливое таинство, завязываются плоды, так что завлекательные ароматы черёмухе уже ни к чему.

Как гончая, берущая верхним чутьём, иду на запах. Это непросто – он то есть, то пропадает. Впору рыскать из стороны в сторону, как настоящая гончая, ловить в воздухе нежный ток.

Сухой древесный запах избушки, горьковатый – черёмухового ствола, пресно пахнет затенённая редкая трава в палисаднике... О рябине-то я и забыл! Она притулилась в конце палисадника, именно сейчас и цветёт. Но напоминать, как рябина пахнет, мне не надо. Мылом. И не туалетным, ароматизированным, а зловонным хозяйственным. Однако пахнуть вокруг больше нечему, и я на всякий случай тянусь носом к одному из пышных соцветий...

Лучше бы я этого не делал. И что может привлечь в этой вони букашек, самозабвенно копошащихся в бело-зеленоватых розетках?!

Но чем дальше отхожу от рябины, тем сноснее запах. Разбавленный воздухом, он в конце концов становится приятным, приобретает изысканную пикантность, тонкость...

Всё-таки великое это дело – чувство меры. Только с ним и возможна гармония.

ЩЕНОК

Он – глупейшее милое существо, жизненный опыт которого практически равен нулю. Но кусок хлеба, который ему, сытому, брошен, старательно зарывает в укромном месте. Справившись с делом, открыто, до-

верчиво смотрит. Нос в земле, хвост ходит из стороны в сторону, голова, как у собак бывает, клонится то вправо, то влево. На физиономии – любовь и преданность...

Откуда ему, дурачку, знать, что не всегда может быть сытно? Что возможны времена, когда будет рад корке запорошенного, пропахшего землёй хлеба? Что в этом мире, жестокости которого щенок ещё и в малейшей степени не испытал, ему, малому и слабому, нужно найти покровителя, хозяина, который защитил бы от напастей? И что хозяину необходимо показывать свою любовь и преданность, чтобы тронуть его сердце и обеспечить покровительство не только сейчас, но и на будущее?..

А такие простые слова – инстинкт, желание жить.

КЛЫКИ ВЫРАСТАЮТ РАНЬШЕ...

Целиком выражение звучит так: клыки вырастают раньше, чем зубы мудрости. К сожалению. И даже несчастью. Каждый раз вспоминаю его, когда слышу ёрничание какого-нибудь полуграмотного мальчика или девочки, оценивающих прошлое и его знаковые фигуры. Человек поживший не позволил бы себе говорить подобное по телевидению или в газете. Эти позволяют.

Им ещё невдомёк, что их используют. Молодое, по сути своей животное желание ниспровергать, отвоёвывать место под солнцем, циничные умные дяди берут на вооружение, направляя на то, что этим дядям мешает. Так было во время гражданской войны с её жестокими юными комиссарами, потом – в коллективизацию, когда пионеры писали доносы на отцов, а комсомольцы с остервенением раскулачивали. А оголтелые хунвейбины в Китае? Их руками власть расправилась с интеллигенцией, наследницей великой культуры.

Пройдёт время, у вчерашних мальчиков и девочек прорежутся зубы мудрости. Многие из них поймут, что были неправы. Особенно тогда, когда на них самих власть натравит новых молодых, глупых и клыкастых.

ДОБРОЕ СЛОВО

Оно, как известно, и кошке приятно. С недавних пор я стал нахваливать растения на грядках:

– Вот молодцы! Дожди, холодно, а они держатся. Будет, хорошие мои, вам ещё и солнышко, и тепло. Потерпите, милые, немного!..

Не то чтобы я не знал об опытах учёных-ботаников – просто решил сам проверить. Разговаривал с июньскими несмелыми ростками, как с малыми детьми:

– Ну что ты, дружок, накуксился? А вот мы сейчас удобрим тебя, сорняки с грядки выгоним. Уходите, не хорошие, не мешайте нам расти и сил набираться!..

Послушал бы кто со стороны, подумал бы: крыша у дяденьки поехала. Но вот что любопытно. Лето по-прежнему теплом не балует, а свёкла, капуста, морковь заметно пошли в рост.

Можно сказать и так: просто настала пора, генная память у растений сработала. Но как тогда быть с молодым кустом смородины? Он, казалось мне, не перенёс морозной зимы, не проснулся. Но я не выдернул безжизненный прутик, а каждый день разговаривал с ним.

И что бы вы думали – проснулся мой кустик, выбросил побег! Потянулся к солнцу первыми нежными листиками!..

Прав поэт. Всё в мире движется любовью.

ПРЕДОСЕННЕЕ

Июль на исходе. Казалось бы, впереди целый месяц лета, будет ещё тепло и солнечно. И особые простор и благодать, которые бывают только летом, тоже никуда не денутся. А тем не менее прозрачные раньше ночи с каждым разом становятся всё темнее, всё больше наливаются тяжёлой синевой. Того и гляди появятся первые звёзды.

И ещё. Вдруг замечаешь, что в небе над речным обрывом стало как-то тихо и пусто. Чего-то в нём не

хватает. Не сразу понимаешь – это улетели стрижи. Выкормили, поставили на крыло птенцов и не мелькают больше над рекой, не слышно их голосов.

И тут с особой остротой осознаёшь: лето на исходе. Не много осталось этих благодатных – светлых и просторных – дней. И таким понятным становится отчаянный крик в тоске бросившегося на землю бунинского героя: «Ах, улетели журавли, барин!..»

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Вдруг среди ночи слышишь вертолёт. Думаешь: час неурочный, это скорее всего санрейс. Кому-то в дальней деревне понадобилась срочная помощь, везут человека в городскую больницу.

Два чувства возникают в тебе. Это понятное сострадание к неведомому больному и ещё одно чувство, более мощное и полное, – благодарности людям, нынешней цивилизации.

Сколько мы ей предъявляем претензий (и порой справедливых!), но вот нужно спасти жизнь – и поднимается в ночное небо придуманная человеком машина, ведут её специально обученные люди. Другие люди примут больного, сделают операцию, назначат лечение – всё это благодаря цивилизации. И пациент вносит свой вклад в существующий порядок вещей. В обычное время рыбачит, учит детей, добывает пушнину, работает у нефтяников...

Все мы вместе, как пчелиный улей или муравейник, где у каждого своё предназначение. И если есть в этом что-то обезличивающее, то оно перекрывается общей пользой.

Помощь друг другу и зависимость друг от друга – условие существования нашей цивилизации. Быть может, самой гуманной из всех, что были на земле. Не смотря ни на что всё-таки гуманной.

ВРЕМЯ И МЕСТО

Никто за ним не наблюдает, не отвлекает разговорами (в том и другом случаях человек невольно бывает не вполне собой), и этот сорокалетний мужик сейчас таков, каков есть на самом деле. Характер как на ладони. Мощные надбровья, безжалостный взгляд глубоко сидящих глаз, аскетически впалые щёки фанатика старовера, яростного кавалерийского рубаки или убийцы. Он бездумно смотрит на подступивший к воде тальник (возвращаемся на аппарельке в деревню), на трепещущее на воде солнце. Вполне мирная, даже идиллическая картина. Однако лицо мужика заставляет думать о беспощадных казаках-первопроходцах, об отцах-инквизиторах, о хладнокровных киллерах больших городов.

В деревне он известен тем, что не дурак выпить, в меру бьёт жену и по пьяному делу любит гонять на машине – уже не раз разбивал свою «девятку».

Одним словом, ничего особого. Мужик как мужик. До поры до времени.

ДАВНИЙ СЛУЧАЙ

На Черновицком машиностроительном заводе, где я в юности работал, была одна женщина. Столько времени прошло, а до сих пор помню её фамилию – Карпова. Эта крановщица была по-своему легендарной личностью. Она обладала несгибаемым чувством справедливости и не боялась говорить правду в глаза начальству. За это Карпову на заводе уважали и не раз избирали председателем профкома.

Я тогда был молодой, собственной семьи ещё не было, так что быт меня интересовал мало. Однако знал, что насчёт квартиры или места в детском саду лучше всего идти к Карповой. Тётка грубоватая, но поможет, если действительно надо. Многие с её помощью улуч-

шили, как тогда было принято говорить, свои жилищные условия, получили садово-огородные участки или устроили детей в заводской детский сад.

И вот Карпова умирает.

Я тогда на машзаводе уже не работал, счастливый студент Литературного института, приезжал в Черновцы только на каникулы. Мама, которая на заводе работать продолжала, в один из приездов пожаловалась: «Знаешь, Карпову почти никто проводить не пришёл. Семьи-то у неё не было, одинокая... Погрузили гроб на заводскую машину и отвезли на кладбище. Всего два или три человека было. А скольким помогла!...»

С возрастом я всё чаще вспоминаю тот случай. Сводить всё к обычной человеческой неблагодарности не хочется. Хотя, видимо, и она была. Мне кажется, главная причина в другом. Люди не видят особой заслуги тех, кто помогает добиться справедливости. Им кажется, так и должно быть – ведь они правы. Даже пословица есть: правда, дескать, сама дорогу себе провьёт.

Если бы так, если бы!..

ОБЫЧНОЕ

Сидит старик, с трудом натягивает валенки. Дрожат немощные руки с пугающе проступающими под кожей костями. Прерывистое дыхание тяжело вырывается через беззубый и оттого кажущийся чёрным рот. Запавшие щёки давно не бриты, седая щетина похожа на примятую стерню. В глазах – полное равнодушие ко всему на свете, мёртвая вода...

Тебя вдруг пронзает – а ведь и он был молодым! Азартно тискал девок, до крови, бешено вскрикивая, дрался с другими парнями. Был не дурак выпить. А когда в яруте завалился колхозный трактор, вместе с дружкой поставил его на гусеницы.

Вокруг тогда собрался народ – девки и молодые бабы тоже, – все говорили, что дело безнадёжное, надо посылать в МТС за помощью. Но они с дружкой Федь-

кой лишь перемигивались, подводили под радиатор и кабину слуги и, небрежно кривя губы, шутили. Наконец разом скинули на едва просохшую землю телогрейки и подсели под слуги, со всей молодой дурной силой надавили на крякнувшее дерево...

Глухо звякнув утробой, трактор встал на гусеницы. Девки смотрели на них во все глаза, молодые бабы – с интересом, будто приценивались. И от этих взглядов, от сознания своей силы, от весеннего пьяного воздуха и простора вокруг парней переполняли молодечество и счастье.

Так было. Сейчас – немощная старость, болезни, безрадостное доживание... Но не течение времени, беспощадное и неумолимое, занимает тебя на этот раз. Глядя на старика, думаешь о другом.

Есть в жизни примелькавшиеся вещи, которые отстранённо понимаешь умом. Например, то, что старик не всегда был стариком. Что раньше был крепким мужчиной, до этого – молодым парнем, ещё раньше – пацаном... И вдруг будто глаза у тебя открываются. Осознание всего того, что понимал умом, проходит уже через душу, сердце.

И тогда ужасаешься обычным вещам.

ВЕРА

С юности сидит в памяти картинка. Киево-Печерская лавра, катакомбы, тёмные низкие переходы, выхватываемые фонариком мощи чернецов с открытыми руками – выступающие суставчатые кости обтягивает коричневая высохшая кожа...

Я в составе разношёрстной экскурсии. Душно и жутковато. Особенно поражают одиночные кельи с замурованными входами. Единственный способ общения схимников с миром – небольшие отверстия, похожие на бойницы.

Экскурсовод говорит, что многие монахи проводили в своих подземных кельях годы и десятилетия. Здесь же в одиночестве, без дневного света умирали.

То, что схимники жили в постоянной темноте, без

света солнца, меня поражает особенно. Прикидываю на себя и понимаю – нет, не смог бы. И, молодой, двадцатилетний, думаю, что лучше уж смерть.

Это же какую надо иметь силу воли и какую веру, чтобы жить так!.. О том, каким должен быть замаливаемый грех, не думалось.

ОДИН ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Папа уже болел. После операции его привезли на родину, в Дзыговку, где жила бабушка. Обычно полный, папа за месяцы в больнице очень похудел, медленно ходил с палочкой – плохо слушалась правая сторона. Мог часами в одиночестве сидеть на «долыне» – так называлась дальняя, у речушки, нижняя часть бабушкиного огорода.

О чём он, бедный, тогда думал, столько всего перенёсший за последнее время?..

Настоящего выздоровления не наступало. Папу мучили головные боли, приходилось всё время принимать таблетки. С речью было неважно, папа с трудом, нечисто говорил. Ему не хватало слов, и он здоровой рукой показывал, как ему нехорошо. Мы, конечно, жалели его и во всём помогали. Но здоровые не могут взять на себя даже часть боли близкого человека, как бы ни любили его.

Бывали дни, когда папе становилось лучше, ему удавалось что-то внятно сказать. Случалось это не так уж часто, наверно, потому некоторые фразы запомнились мне. Стоял июль с частыми дождями, погожих солнечных дней было мало, наконец выдался один из них. «Завтра по радио опять обещают дождь», – подосадовала мама. У папы мучительно напряглось лицо, он хотел что-то сказать. «Один хороший день – тоже хорошо», – получилось наконец у него.

Перенёсший многие страдания, он, думаю, вкладывал в эту фразу значительно больше её прямого значения. И когда я ловлю себя на желании постоянной радости и счастья от жизни, вспоминаю эти слова.

НОВОСЁЛЫ

Голуби – птица городская. Как-то привычной их видеть расхаживающими возле лавочек с пенсионерами, которые бросают хлебные крошки и семечки. Или греющими лапы на канализационных люках, если на дворе зима.

А вот в деревнях я голубей видел только однажды. Их хозяин жаловался, что нужен глаз да глаз, чтобы уберечь птиц. Стоит голубю зазеваться, как он оказывался в когтях ястреба, которых в окрестных лесах хватает.

Недавно в наше село кто-то завёз несколько голубиных пар. А может, они сами залетели. Скорее всего, так и было, потому что поселились птицы не в специально сколоченной голубятне, а вольно, на чердаке многоквартирного дома. Первое время я опасался – не стали бы эти безобидные симпатичные птицы добычей хищников. В деревне это не только ястребы, но и кошки.

Однако прошло лето, а число голубей не только не сократилось, но и прибавилось – появился молодняк. Совсем как в городе, сердобольные обитательницы многоквартирного дома стали подкармливать их. Не обошлось, конечно, без вездесущих сорок. Стоит людям, отряхнув ладони, уйти, сороки тут как тут. Шныряют среди неповоротливых голубей, выхватывают из-под носа, точнее – клюва, крошки... Деревенская специфика. В городе сороки голубям конкуренцию не составляют.

Может, благодаря людям голуби и пережили суровую зиму. А на днях под окном на солнечной стороне я услышал такие знакомые звуки, от которых почти отвык за годы жизни в селе, – воркование.

Чтобы не испугнуть, подходить к окну не стал. Просто представил, как похаживает, крутится голубь вокруг голубки, говорит на своём языке что-то невразумительное, сбивчивое, влюблённое – ей такое необходимо и желанное... Весна!

ПОТОМУ ЧТО ПОРА...

Смотрю на опадающие осенние деревья, которых с каждым днём становится всё больше. И на ум приходит прочитанный в детстве рассказ.

Там мальчик уговорил отца выкопать и перенести в дом любимую берёзку. Мальчику не хотелось, чтобы листья на ней пожелтели и опали. Он хотел, чтобы и зимой радовала их шелковистая зелень.

Отец нашёл подходящий бочонок, осторожно выкопал берёзку, пересадил и занёс в тёплый дом. Мальчик был счастлив – не побьют теперь листья утренники, не сорвут их холодные ветры! Всю зиму берёзка будет стоять зелёной и нарядной!..

Но однажды утром он с обидой увидел, что берёзка пожелтела, как и её подруги на воле...

Сейчас уже не помню, к чему подводил читателя автор рассказа. Возможно, воспитывал чувство коллективизма, столь пропагандируемое в те времена. Мол, нельзя быть наособицу от других. Надо делить со всеми общую судьбу. Даже если она и горькая.

Сейчас, зрелым умом, понимаешь, что иначе не бывает. У всех одна участь. Рождаемся, любим, хороним родителей, радуемся внукам... И так – по кругу, поколение за поколением. А если и бывают отклонения, то незначительные, случайные, извечного порядка не меняющие.

И всё же живёт, живёт в каждом из нас тот мальчик из рассказа, желающий изменить этот порядок, задерживать время! Наивный, милый...

Золотым нежным светом горят берёзы. Далеко видны бордовые осины в лесу. Роняет перезревшие сморщившиеся ягоды почти облетевшая черёмуха в палисаднике...

Потому что пора.

ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Вижу отцветшие, во всю пушащиеся одуванчики – и поражаюсь: как всё-таки расточительна природа!

Миллионы белёсых парашютиков разлетаются по деревне. То же с тополиным пухом, устилающим в июле городские улицы, со многими другими растениями. С человеческим семенем, наконец.

Но тут же и мысль: это расточительное изобилие оттого, что природа старается подстраховаться. Ведь сколько пушинок погибнет, не прорастёт. Попадут на бесплодный песок, на асфальт, на воду, затопчутся людьми, скотом – да мало ли.

И всё же в душе поражаешься такой избыточности. Все доводы логики бессильны.

СТАДО

Пожалуй, одни из самых глубоких художественных произведений – сказки. Как ни странно это звучит. И даже не столько народные, сколько авторские. Не перестаю, например, удивляться уму автора «Голого короля». Так проникнуть в массовую психологию дано не каждому.

Тусовочный народ (а тусовки в том или ином виде были всегда) настолько боится прослыть непродвинутым, что готов восторгаться любыми модными проходимцами. Примеров в истории сколько угодно, особенно – в искусстве.

Что как не шарлатанство «Черный квадрат» Малевича? Или эпатажные опусы нашего современника Сорокина. И своим данным вполне посредственного литератора?.. Нет же, «знатоки» находят в них глубины, а туса, боящаяся доверять собственному вкусу (если, конечно, он у неё существует), с умным видом кивает и поддакивает.

Андерсоновский мальчик в конце концов всё ставит на свои места. Чаще всего в его роли – Время.

ГОЛУБИНАЯ ИСТОРИЯ

Оказывается, у миниатюры о деревенских новосёлах – голубях есть своя предыстория. О ней, прочитав мою мини-

атюру в газете, поведала одна из жительниц села. Предыстория эта романтична и заставляет что-то дрогнуть в сердце.

По словам женщины, первую пару в Большетархово привёз городской парень. Ему нравилась дочь рассказчицы, и он решил подарить ей голубей. Возможно, как намёк на желательность отношений, которые бывают между этими безобидными нежными птицами. А может, как символ возвышенной любви, поднимающей нас над землёй, тянущей в небо.

Что именно вкладывал в свой подарок тот неизвестный городской парень, утверждать точно не берусь. Очевидно одно: подарок необычный и со смыслом. Но жизнь по-своему расставляет акценты, она далеко не всегда романтична. Отношениям между парнем и дочерью рассказчицы не суждено было вылиться во что-то более значимое, чем ухаживание. Сейчас у девушки своя семья. Да и городской парень, думаю, не остался одиноким. И он, и она, хочется верить, счастливы.

И всё же мне становится немного грустно, когда вижу возле дома голубей. Рассказанная односельчанкой история – это по сути о каждом из нас. К сожалению, не реализуется молодое чувство, самое нежное и светлое в нашей жизни. Не дано первой любви воплотиться во что-то долговременное, не говоря уж о постоянном, навсегда.

И ничего с этим не поделаешь.

ОБЩЕЕ МЕСТО

Десятки раз слышал фразу: мир принадлежит молодым. И вот недавно в очередной раз попадаю по телевизору на довоенный ещё фильм «Серенада солнечной долины» с оркестром Гленна Миллера.

Лёгкие жизнерадостные мелодии, искрящийся снег, ловкие лыжники двадцати с небольшим лет, невероятные трюки, которые то ли в ресторанчике, то ли в солнечном ярком баре выдают два юрких негра-танцора...

Мир и в самом деле принадлежит молодым! И никакая житейская мудрость, никакая власть над другими, никакие деньги не дают такой полноты чувств!..

ЛЮБИТЕ ИСКУССТВО, ГОСПОДА!

«... Ввиду того, что Вы, Ваша Светлость, принадлежа к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почётный прием всякого рода книгам, наипаче же таким, которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни, положил я выдать в свет Хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского под защитой достославного имени Вашей Светлости и ныне с той почти тщательностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять его под милостивое своё покровительство...»

И так далее – ещё с десятков строк изысканно-веле-речивого текста.

Господи, думалось мне в молодости, зачем самоуничижался Сервантес перед каким-то вельможей?! Он, великий писатель, – и так прогибался перед надутым грандом в гофрированном воротнике и широкополой шляпе с перьями! Где, в конце концов, его испанская гордость?!

Став постарше, я с грустью понял, что художнику – писателю ли, живописцу, актёру – приходится искать покровительства у сильных мира сего. Ведь что такое наше искусство? Эфемерность. Настоящая власть в руках других. Людям искусства приходится угождать им, чтобы заработать на кусок хлеба. Какие уж тут достоинство и гордость. В большинстве случаев они только поза.

В последнее время мне всё чаще думается о другом. Кто знал бы сейчас, спустя столетия, об этом герцоге Бехарском, маркизе Хибралеонском, графе Беналькасарском и прочая, прочая, если бы не Сервантес? Посвящение ему «Дон Кихота» вырвало имя испанского гранда из забвения, в которое канули и более известные в своё время имена.

Любите, любите искусство, господа!..

III. С Н А Т У Р Ы

МУРАВЕЙ

Он большой, тёмно-коричневый, лоснится в дневном свете продолговатое хитиновое брюшко. На большой земле такие муравьи неторопливы, вальяжны и напоминают солидных отцов семейств. Одним словом, отличаются от мелких собратьев не только размерами.

А этот суетливо бегаёт по дощатому настилу, заглядывает в щели, быстро прядает усиками. От него шарахается другая живность, пауки и присевшие передохнуть комары. Муравей то ли ищет, чем поживиться, то ли вход в свою норку потерял.

Я его поведение не одобряю. Ведь можно делать всё это более достойно, неторопливо. Экое несоответствие формы и содержания. Вернее, размеров и поведения.

Но тут же ловлю себя на мысли: это на большой земле можно благодушествовать. Там и лето как лето, и весна с осенью длинные. А у нас все надо успеть за несколько тёплых недель. И норку поправить, и запастись на зиму провиантом, и о потомстве подумать...

Трудись, дружок. Надо.

ПРЕДПРИИМЧИВАЯ БУРЁНКА

Гении бывают не только у людей. И среди животных встречаются уникалы. Где-то я читал, то ли в двадцатые, то ли в тридцатые годы в Германии жил гениальный пес. Он научился печатать на машинке и таким образом сообщал хозяину о своих желаниях.

Не знаю, насколько это правда. А вот в нашей деревне, как мне рассказывали, была удивительная корова. От других она отличалась тем, что могла попасть в любой двор.

Ведь как селяне защищают огороды от потрав? Забором и хорошим крючком на калитке. Так вот, бурёнка

ка догадалась приподнимать рогами калитку, крючок соскакивал – и заходи, делай что хочешь.

А ей много не надо было. Предмет бурёнкиных вожделений – сочная картофельная ботва. Понятно, не отказывалась она и от того, что росло на грядках. Не всякий раз хозяева сразу замечали, что по их огороду ходит корова. И если бы только одна. В открытую калитку заходило порой всё стадо. Случалось, люди спохватывались, когда спасать на огороде уже было нечего.

Не знаю, как закончил свою жизнь гениальный немецкий пес. А вот гениальная большевиктарховская бурёнка... Но не будем о грустном.

БЕЛОМОР

Так Никита окрестил нашего кота. Почему – неизвестно. Я бы его назвал Джентльменом. Он и вправду напоминает английского аристократа. Я никогда не видел его вышедшим из себя. Кот неизменно сдержан и корректен. Даже тогда, когда сын заставляет его лечь на спину, закинуть передние лапы за голову, а задние положить одна на другую. Поза, прямо скажем, для кота экстравагантная.

Но Беломор самообладания не теряет и в такой ситуации. Единственное, что заставляет его забыть о чувстве собственного достоинства, это запах рыбы. Тогда кот принимается тереться о наши ноги, трубой поднимает хвост, просительно мяукает и заглядывает в глаза.

В остальном же – истый аристократ из старинного рода. Он даже туповат, как это случается с представителями вырождающихся родов. Может, например, часами смотреть на блюдец с молоком, решая, полакать или не стоит. К тому же Беломор никак не в состоянии усвоить, что спать надо в ногах у хозяев, а не лезть обязательно на подушку.

Впрочем, случай, о котором пойдёт речь, заставил меня усомниться в тупости нашего кота.

Как-то я сидел на кухне, читал и вдруг краем глаза уловил движение в углу. Между кошачьим блюдцем и засохшим куском хлеба сновала мышь с вытянутой, как у крота, симпатичной мордочкой. Приподнявшись на задние лапки, она опиралась передними на край блюда, пила из него, потом опять скользила к хлебу...

Не знаю почему, но я почувствовал к ней расположение. Может, потому, что мыши нашей семье особо не досаждали, продукты не портили. А может, потому, что я представил, как в тёмном тесном пространстве где-нибудь между брёвнами сосредоточенно трудится, грызёт неподатливое дерево маленький тёплый комочек. Ведь для чего-то живёт, трётся шёрсткой о стенки бесчисленных ходов, наверно, бывает счастлив...

У печки дремал Беломор. Услышав шебаршание, приоткрыл глаза. Представляю, какие чувства обуяли нашего джентльмена. Мышь покусилась на его еду! Это был плевок в лицо, кровное оскорбление!..

Что удержало кота от немедленной расправы, не знаю. Видимо, он был сыт. А может, почувствовал моё настроение. Кошки бывают удивительно чутки к состоянию людей.

Как бы там ни было, я решил кота поощрить за выдержку. Когда мышь нырнула за плинтус, достал из холодильника кусок рыбы и дал ему. Оба мы, как говорится, испытали чувство глубокого удовлетворения. Я потому, что осталась в живых эта малая искорка жизни, – мышь. А Беломор, разумеется, от рыбы.

С тех пор это стало чем-то вроде ритуала. По вечерам мне особенно было уютно читать на кухне, если время от времени слышалось шуршание и из-за плинтуса выглядывала продолговатая, похожая на кротиную мордочка.

Я исподтишка следил, как короткими порывистыми движениями мышь обследовала угол, отыскивала что-то для себя съедобное и принималась быстро работать зубами. Кот, если он находился в это время на кухне, каждый раз получал от меня за лояльное поведение кусок рыбы.

Однажды, когда я сидел за письменным столом в комнате, Беломор принялся тереться о мои ноги и призывно мяукать.

– Ну чего тебе? – Я был недоволен. Беломор меня отвлекал.

Однако кот не отставал. Всем своим видом показывал, что нужно подняться и куда-то идти. Чертыхнувшись (всё равно уже не работа!), я встал и двинулся за ним. Беломор привёл на кухню и остановился в дверях. Он дёргал кончиком хвоста, оглядывался на меня и словно говорил: «Видишь?..»

В углу, забыв о всякой осторожности, хозяйничала мышь.

«А я её, заметь, не трогаю, хотя это очень тяжело – инстинкт, сам понимаешь... – было написано на кошачьей физиономии. – Рыбы дашь?»

Я рассмеялся. Сообразительный, оказывается, у нас котыра! Быстро разобрался, за что рыбой балуют. А я его тупым считал!..

Но смеялся я недолго. А если у нас разведутся мыши, подумалось мне, и Беломор примется будить меня по ночам? Станет подводить к каждой норе, откуда будут торчать усатые мордочки. «Видишь, хозяин, я их не трогаю... Рыбу давай!»

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Отношения нашего пса Мэрки с соседскими собаками безоблачными не назовёшь. Стоит ему появиться за калиткой, как они тотчас набрасываются. В этих свалках Мэрке, как правило, достаётся.

Он для соседских собак чужак, причём вдвойне. Во-первых, живёт в другом дворе. А во-вторых, большую часть времени сидит на цепи. Так что в сближающих собачьих тусовках он участия не принимает.

За исключением зимы. Держать в морозы пса на привязи у меня, что называется, рука не поднимается. Свобода – другое дело. Бегая по деревне, можно согреться. Не говоря уж о других собачьих радостях, без

которых жизнь мало что значит. Но в то же время приходится отбиваться от других псов...

Но наступает весна, и Мэрку опять приходится сажать на цепь. Пёс он, в общем-то, неглупый, однако никак не может усвоить – топтать грядки крайне нежелательно. Наши увещевания ни к чему не приводят.

– Ску-у-чно!.. – заводит первое время Мэрка. И, гремя цепью, пытается освободиться от ошейника.

– Тоска-а-а!.. – откликаются соседские собаки через дорогу.

Они тоже теперь на привязи. Их хозяйева, как и мы, беспокоятся за свои грядки. Соседским собакам особенно тягостна неволя, потому что непривычна. Практически круглый год они бегают на свободе.

– Ску-у-чно!..

– Тоска-а-а!..

Редкостное единодушие заклятых врагов.

И ВОТ ТАКАЯ ВЕСЕННЯЯ ПРИМЕТА

Зимой их не слышно. Может, потому, что близко к окну не садишься – как щели ни затыкай, всё равно от окна тянет. А в марте то и дело начинаешь подходить к стеклу, посматриваешь на занесённые снегом грядки и прикидываешь, где что через месяц-другой посадишь.

Тут-то и слышишь непрерывные, тихие и частые, будто ход ручных часов, звуки. Они едва уловимы. Чтобы различить их, в избушке нужна тишина – ни включённых радио, ни телевизора. Это начали работу жучки-древоточцы – шашли, как называла их моя украинская бабушка Глафира Матвеевна.

Дробят древесину подоконника и рам своими неумимыми челюстями, проделывают в них круглые, будто шилом проткнутые, дырочки. А то вдруг обнаруживаешь на крашеной поверхности подоконника самого жучка-шашеля. В движениях его недоумение. Он тычется в разные стороны, словно наталкивается на невидимые преграды. Жучок явно не понимает, зачем

инстинкт выгнал его из тесного родного тоннеля, куда ведёт. За первым жучком появляется ещё один, потом третий, четвёртый...

Может, усмешливо думаю я, у них настала пора весенней миграции. Почему бы и нет? Мигрируют же, почуввав весну, птицы, рыбы, животные. И что с того, что всё путешествие жучков составит десяток-два сантиметров. До неосвоенного зубастыми собратьями куска подоконника.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО РЫБА ДОРОГАЯ?..

В тёплый мартовский денёк едем с Виталием ставить сети. Гудит «Буран», я и Никита лежим в прицепной коробушке. Рядом – пешни, широкая лопата, чтобы откидывать снег, другой необходимый инструмент.

Коробушку немилосердно трясёт. Почти на уровне глаз бежит вдоль низких бортов снежная целина. Далеко позади остался увязавшийся за «Бураном» наш пёс Мэрка и лишь порой мелькает едва различимой чёрной точкой на белом фоне.

Нам с Никитой спокойно и радостно. Первый раз едем ставить сети, да ещё под лёд. Это для Виталия такое дело привычно – он коренной деревенский житель. Мы с сыном недавние горожане. Если и рыбачим, так только летом, и то на удочку.

Слева прошла Шаманская гора. Из деревни она кажется выше и как-то значительней. Будто крутая спина всплывшего из пучины кита, фонтаном над которой геодезическая вышка. Из коробушки всё проще, обыденней. Едем дальше. Места вокруг уже незнакомые, под стать погоде – хмуроватые, неприветливые. Да и затянущаяся тряская дорога притушёвывает радостное предвкушение.

Наконец, приехали. Виталий заглушил «Буран», ходит по снегу, прикидывая, где долбить первую лунку. Из его объяснений понимаю, что мы не на самом Вахе, а на старице (по-местному – соре), и потому важно сразу

попасть на глубокое место. Не будь снега, почти сравнявшего берег и лёд, сделать это было бы просто. Но сейчас многое зависит от удачи.

Первая лунка идёт легко, играючи. Большими угловатыми кусками отскакивает под пешней толстый лёд – сначала жёлтый, потом всё более и более прозрачный. Попеременно выгребаем металлическим сачком ледовое крошево, отбрасываем в сторону. Вес сачка и пешни почти не чувствуется. Разогреваются, просыпаются мышцы, ликующе втягиваются в работу – хорошо!..

Вот уже и зеленоватая вода забила родничком из первой сквозной пробоины, заполняет лунку. Но тут на лице Виталия замечаю смущение. Пешня упирается в дно. Мелко. Значит, не подведёшь под лёд шест, который должен тянуть за собой верёвку с сетью. Надо бить ещё, отступив от берега подальше.

Никита расчищает снег на новом месте, и мы с Виталием опять начинаем попеременно долбить лёд. С сожалением оглядываюсь на прежнюю лунку. Это даже не лунка, а целая полынья. Иначе нельзя – шест не пройдет. Столько работы пропало! Что ж, первый блин.

Комом оказывается и второй блин. Слишком низкой была вода в Вахе осенью. Делать нечего, долбим третью плыню. Я разогрелся, сбрасываю куртку и перчатки, мне даже начинает казаться, что от меня валит пар. Прежней лёгкости уже нет, но и особой усталости не чувствуется. Долбим лунку и шутливо рассуждаем по поводу происхождения слова «сачковать». Уж не рыбаки ли его придумали – выгребать железным сачком ледовое крошево несравнимо легче, чем работать пешней.

С вытянутым красным языком появляется Мэрка. Упорный, бродяга! Несколько минут пёс устало отдыхает, часто ходят его бока, высунутый язык кажется необыкновенно длинным. Затем пёс принимается заинтересованно нюхать наполнившую лунку воду. Она, должно быть, пахнет рыбой. Мэрку этот запах волнует

Всё чаще приходится отдыхать и мне. Сила удара пешней уже далеко не та, с каждой новой лункой ка-

жется, что лёд становится толще и неподатливей. В голову приходят мысли о нехватке кислорода, что, говорят, характерно для Севера. А тут ещё ладони вдруг стало саднить. Смотрю на них. Оказывается, я не только умудрился набить мозоли – они уже и лопнули!..

Когда наступает черёд заводить под лёд сеть, мы успеваем несколько раз вспотеть и снова высохнуть. Ещё бы, почти полтора десятка лунок пробили в полуметровом льду! Единственное, что не высыхает, так это ноги. На Виталии нырики, а на нас с Никитой обыкновенные валенки, которые жадно впитывают расплзющуюся из лунок воду. Ощущение такое, будто в обуви по куску льда.

Все трое устали, молчим, почти не разговариваем. Лишь Виталий время от времени замечает, что нам ещё повезло с погодой. Будь мороз, заводить сети было бы намного тяжелей. Их надо расправлять, а порой и распутывать, что лучше делать голыми руками... Даже Мэрка утомился, перестал нюхать воду и поскуливать. Улёгся на снег калачиком и дремлет, прикрыв хвостом нос.

...Возвращаемся в деревню, когда уже начинает смеркаться. Коробушку трясёт, но мы с Никитой этого не замечаем. Мышцы устало мозжат, поднывают, и как хорошо, что больше не нужно двигаться. Лежать бы вот так и лежать. Никаких других желаний. Ну, разве что борца бы горячего и стопку-другую – с устатку и для профилактики...

Когда через несколько дней приезжаем проверять сети, в них оказываются две небольшие щучки. Мы с Никитой разочарованно переглядываемся. Затраченные усилия явно не соответствуют результату. Однако Виталий считает, что две щучки – не так уж и плохо. Тем более что в следующий раз улов может оказаться больше.

Дай-то бог. А то придётся искать для сетей новое место, опять долбить лёд. Некстати вспоминаю, как месяц назад отказался купить рыбу. Она мне показалась дорогой.

Погорячился. Теперь это я ох как понимаю!..

СИТУАЦИЯ

Среди многочисленных слабостей нашего пса Мэрки есть и такая. Он любит, когда ему чешут живот. Уляжется на бок возле будки, намекаяще поглядывает на меня и даже лапы слегка приподнимет – почешу, дескать.

Это у него с детства. В летние дни Мэрка мог часами валяться на солнце, подставив ему своё голое щенячье пузо. Как здесь устоишь, не подойдёшь и не начнёшь, ласково и насмешливо приговаривая, гладить это пузо, тугое и гладкое. Нас всегда тянет к началу жизни – к щенкам, котяткам, маленьким детям...

Мэрка уже вступил в пору собачьей мудрости. Ему девятый год. Но он по-прежнему любит, чтобы чесали живот. Я подхожу, присаживаюсь на корточки, разведёнными на манер расчёски пальцами ерошу шерсть на брюхе. Вполголоса приговариваю:

– Как не стыдно, такой большой пес...

В последнее время я стал замечать – что-то в Мэркином поведении изменилось. Приятной процедуре животочесания он предаётся без прежнего энтузиазма. Живот подставляет, но при этом посматривает на меня как-то снисходительно, понимающе.

С чего бы это?..

Чёрт возьми! – вдруг осеняет меня. Мэрка думает, что доставляет мне удовольствие, позволяя чесать свой живот. Я считаю, что доставляю удовольствие ему, а он – что мне!.. Вот такие мы деликатные.

ХИТРАЯ СЕВЕРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

– Ты знаешь, где восток находится? – спрашиваю я у соседского мальчишки.

– Ну, – говорит он. – Там, где солнце всходит.

– А где солнце всходит?

Мальчишка долго не думает.

– Вон там! – машет он рукой вверх по течению Ваха.

– Когда в школу иду, вижу.

– Хорошо, это сейчас, весной, – не отстаю я. – А зимой?

– Зимо-о-й... – тянет мой малолетний знакомый. – Зимой ещё темно, когда я в школу иду.

– Но потом солнце всё же всходит. Где?

Мальчишка молча кивает на вышку релейки. Он несколько озадачен. Релейка едва ли не под прямым углом по отношению к месту, где солнце поднимается теперь.

– Странно, – говорю я. – Получается, зимой восток в одном месте, весной – в другом... А где солнце летом поднимается, знаешь?

Мой собеседник чувствует очередной подвох и потому отвечает уклончиво:

– Летом я в это время ещё сплю.

– Вон там, – показываю я на Шаманскую гору. Она намного левее места, где солнце всходит сейчас. И тем более левее места, где оно встаёт зимой. – Летом солнце поднимается почти там, где заходит. Почему так?.. Представь, заблудишься в лесу, тебе нужно будет сориентироваться по солнцу. А как ты это сделаешь, если точно не знаешь, где восток?

Мне хочется, чтобы соседский мальчишка сказал, это, мол, только на экваторе точка восхода солнца круглый год строго на востоке, а захода строго на западе – географию-то в шестом классе уже проходят. А у нас Север, здесь многое по-другому. Полярного дня, правда, не бывает, но белые ночи есть. Всё из-за солнца, которое летом поднимается очень рано и почти на севере...

– А компас для чего? – находится мой собеседник. – Компас точно покажет, где какая сторона света. Так что не заблужусь!..

И, довольный своей находчивостью, с достоинством удаляется.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Парфразируя Булгакова, он испортил не только людей. Недавно наблюдаю такую картину. От обрыви-

стого берега, где круглый год зелено кудрявятся кедры, поспешно летит взъерошенная ворона. Её преследует, возмущённо стрекоча, сорока.

Во всём виде вороны, в её тяжёлом, каком-то не-ряшливом лёте – вороватость. Ворона чувствует, что разоблачена и опасно крутит головой. А вот сорока – сам праведный гнев. Она пикирует на тихоходную противницу и пытается побольше долбануть.

Всю долгую зиму сорока мёрзла в своём гнезде на кедре, а теперь, понимаете, появляется какая-то южанка и претендует на её жилплощадь. Нахалка!..

А может, и не гнездо хотела занять ворона. Они ведь большие охотницы до чужих яиц. Не исключено, что ворона пыталась разорить сорочью кладку. Отсюда, возможно, и возмущение белобокой.

А вот воробья точно подвело желание занять чужое жильё. Он, как и ворона, на зиму откочевывал на юг, а когда прилетел обратно, устраивать собственное гнездо поленился. Решил обосноваться в одной из норок стрижей, которые те вырыли в речном берегу.

Появившимся вскоре стрижам это не понравилось. Густо мелькая в воздухе, они чуть ли не всей колонией пытались выжить воробья. А тот, распушив перья, чтобы казаться побольше и пострашней, уселся в устье норки и отважно отбивался от хозяев.

Тем в конце концов такое нахальство надоело. Помелькав у норки ещё какое-то время, они принялись носить комочки глины и заделывать вход.

Воробью бы бросить свою затею, убраться подброду. Но упрямство помешало. Так стрижи и заделали норку вместе с бедолагой.

КОМАР

Во всём его виде – алчность. Суетливо топчется на руке, перебирает членистыми длинными ножками, пробует погрузить хоботок то в одном, то в другом месте.

Судоржная жадность сквозит в длинных ворсиных

усиках, в прижатых к спине радужных крылышках. Наконец, нашёл. Хоботок идёт вниз, вслед за ним опускается хитиновая голова со сферическими бессмысленными глазками. В какой-то момент комар замирает и становится похож на уткнувшуюся в землю нефтяную качалку.

Видно, как полнится тёмной кровью его полосатое брюшко, как сгибаются в коленках тонкие ножки, не в силах выдержать прибывающую сладостную тяжесть.

Присосался. Хозяин. Блаженствует.

И почему-то считает, что ничего ему за это не будет.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Как вы думаете, чем деревенские кошки отличаются от городских? На первый взгляд, вопрос странноватый. В самом деле, чем они могут отличаться? Те и другие не упустят случая поймать мышь, любят приласкаться, обожают рыбу... И уж тем более одинаково выглядят. Разве что городские более ухоженные.

Я тоже так думал, пока не перебрался в деревню. Сейчас покажите мне кошку, и я скажу, откуда она. Научил меня этому наш Беломор. У него полукруглые уши и короткий – короче, чем у большинства собратьев, – хвост. Таких кошек в городе я что-то не встречал.

А всё любовь к улице. Порой за окном такой мороз, что лишний раз из дома нос не высунешь, а Беломор сядет под дверь и принимается настойчиво мяукать.

– Ты джентльмен горячий, спора нет, но ведь не весна, не март, – пытаюсь образумить я кота. – Сидел бы лучше дома!

Но на Беломора мои увещевания не действуют. По-прежнему упорно мяукает. В такие моменты даже кусок рыбы не может его отвлечь. В конце концов я машу рукой:

– Бог с тобой, иди! – И открываю дверь в тамбур, а потом на улицу.

Несмотря на мороз, кот может пропадать сутки, а то и больше. Где он всё это время находится, сказать не бе-

русь. После первой такой экскурсии он вернулся домой с обмороженными кончиками ушей, которые со временем отпали, сделав уши полукруглыми. И ладно, если бы только это. Однажды, сильно озадачив моих домашних, у Беломора отвалилась добрая треть хвоста...

Уж такова цена зимних прогулок.

ПУТЬ СОМНЕНИЙ

У близорукого человека есть одно несомненное достоинство – очень хорошо видеть вблизи. Достаточно снять очки и поднести мелкий предмет к глазам. Лупы не надо.

Вот и я внимательно рассматриваю крохотного жучка, ползущего по поручню аппарельки, которая везёт меня и односельчан в деревню. Внизу за бортом лепечет вода, тальник вдоль берегов стоит в ней по пояс, а жучка на поручне обуревают сомнения. Он проползёт несколько сантиметров, постоит, в нерешительности шевеля усиками. Потом повернёт обратно, опять растерянно постоит...

Надкрылья у жучка коричневые, цветом похожи на шелуху кедровых орешков. Они шершавые на вид, в едва заметных золотых блестках. Такое впечатление, что надкрылья в солнечной пылице. Жучок время от времени шевелит ими, приподнимает, и тогда показываются почти прозрачные, напоминающие тончайшую папиросную бумагу крылья в тёмных прожилках.

Но взлетать жучок не спешит, всё чего-то ждёт. Вот опять смыкает створки надкрылий, неаккуратно оставив снаружи белёсые, медленно уходящие внутрь концы. В замешательстве трёт одна о другую лапки, шевелит коленчатými усиками...

Ждёт ветерка? Но ток воздуха на движущейся аппарельке достаточный. Может, поднять его выше?.. Я подставляю палец, дожидаясь, когда взберётся жучок, и поднимаю палец вверх.

Нет, не летит. У него какие-то свои соображения.

Даю сползти жучку опять на поручень. Надеваю

очки, смотрю по сторонам... Не дай Бог оказаться в этой разлившейся на сотни метров холодной июньской воде! Человеку страшно, а что говорить о крохотном существе. Лапкой дрыгнуть не успеет, как пойдёт на корм рыбам.

Да уж, тут подумаешь, прежде чем решиться покинуть поручень. Цена ошибки – жизнь, как любят говорить авторы триллеров. И с этим не поспоришь.

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

Деревенский мужичок. В меру хитроватый, в меру простодушный. Встречаемся в переулке, он куда-то направляется.

– Ты представляешь, весь огород окучил! – радостно, словно сам себе удивляясь, говорит он. От него слегка пахнет водкой. – В семьдесят-то лет! Сам! Один! У бабки моей с ногами проблема, ты знаешь...

Обычно он не очень говорлив, не всегда поздороваётся, а тут принимается подробно рассказывать, как хотел приватизировать дом, который ему, ветерану, построили на деньги из районного бюджета, а оказалось, нужно столько всяких справок собрать. И туда пойдешь проси, и сюда... Боится, что не выдержит, психанёт и пошлёт всех.

Это так понятно, десятки раз встречалось, и я спрашиваю о том, что интересней. Не видел ли он на днях гусей. Конец июня, а они только летят на север. Когда им птенцов выводить, ведь лета не так много осталось...

Оказывается, он тоже видел несколько клиньев. Низко летели, лапы различить можно.

– Теперь жди какой-нибудь херни, – понижает голос и подаётся ко мне лицом мужичок. – Это тебе не просто так, точно что-нибудь будет!..

Спрашиваю:

– Почему обязательно плохое? Может, к хорошему?

Мужичок на шаг отступает, смотрит с насмешливым отчуждением.

– Ага, подставляй карман шире! Дождёшься от них!..

Кто «они» – не уточняет

ГОРОД, КАРТОШКА, ОЧЕРЕДЬ...

Вижу из окна: на площадке между домами стоит грузовик с высокими бортами, а возле него полный мешок и несколько согбённых фигур. Продают картошку. Отыскиваем в кладовке большую чёрную сумку, и я спускаюсь во двор. Картошка в доме на исходе.

Весна, начало апреля, но с утра идёт быстрый мокрый снег, с крыш громко капает на оцинкованные отливы под окнами. Иду по чьим-то мокрым, чёрным на белом снегу следам к машине. Картошкой торгует молодой мужик в сапогах, чёрной кожанке и в чёрной же кепке-восьмиклинке. Помогает ему говорливая пожилая женщина, видно, мать или тёща. Пока ждущая своей очереди, сбоку подходит какая-то бабка.

– Почём картошка? – спрашивает она и заранее поджимает губы.

– Четыре на рубль...

– Двадцать пять копеек! – недовольно перебивает помощницу молодой мужик. «Четыре на рубль» ему не нравится. Он накладывает в подставленные сетки добрую – видно, из деревенского погреба – картошку, затем взвешивает, зацепив за крючок пружинных весов.

– Дорого, – говорит старуха с поджатыми губами. – Вы б ещё три на рубль продавали.

– Хе! – выпрямляется молодой мужик и с неопределённым выражением смотрит по сторонам. Лоснятся его мокрые от тающего снега куртка и кепка-восьмиклинка. – Весной и два на рубль можно!..

– И семьдесят копеек за килограмм можно, и восемьдесят, – медленным упрекающим голосом говорит старуха. Она смотрит в мешок, из которого набирают покупателям (мешок стоит на брошенной на землю соломе), на картошку, которая быстро становится рябой от частых мокрых снежинок. Берёт картофелину, подковыривает ногтем и нюхает. Вид у неё значительный.

– Удобрения? – спрашивает старуха и строго смотрит на мужика.

– Да что ты! – машет на неё руками помощница. – На чистом навозе. «Удобрения»!.. У нас корова есть! Вот молоко только продали!

– На удобрениях, так в рот не возьмёшь. Пахнет, – не смягчается старуха. И по-прежнему строго смотрит на молодого мужика.

Тому неловко, видно, не так уж часто приходится ему торговать.

– Беда с этими старухами, – жалуется помощница, принимая деньги и отсчитывая сдачу. – Молодой раз, два, взял и ушёл, а эта...

Очередь ухмыляется, помощница не многим моложе привередливой покупательницы. Наконец, взвешивают картошку мне. Я ухожу и слышу, как за спиной вдруг громко начинают говорить. Подошла очередь старухи, и она спорит по поводу каждой картофелины...

ВОРОБЬИ КУПАЮТСЯ

Налетели воробьи, обсели со всех сторон лужицу посреди асфальта. Лужица небольшая, с мокрыми чёрными краями. Воробьи напились, потом один посмелее прыгнул в середину лужи, стал плескаться.

Трепещая хвостиком, окупёт клюв, неуловимо быстрыми движениями покрутит в мелкой воде головой, потом откинется назад и трепещет крыльями. Кайф во всём воробьином виде.

За первым, смелым, воробьём попрыгали в лужу другие. Приседают, бьют в воде крылышками, образуя прозрачную серую завесу. Наслаждаются. Некоторые купаются до изнеможения. Наконец выбираются из лужи, бойкими прыжками проносятся по бордюру, ограждающему памятник Алексею Толстому, оставляют на полированном чёрном камне следы. Взлетают, громко трещат мокрыми крыльями...

Один подскакал ко мне, взглянул, повернув голову боком. Разве что не спрашивает: хлеб не крошишь, не кормишь – чего тогда здесь сидишь?.

В АВТОБУСЕ

Она появилась откуда-то из-за спины и села напротив. Молодая гладкая кожа, нежный румянец, ресницы и брови будто тщательно выписаны художником японской школы – волосок к волоску, чёрный блеск и свежесть.

О губах следует говорить отдельно, желательно – стихами. Такие только и бывают лет в пятнадцать-шестнадцать. Сочные, яркие, словно спелые ягоды. Все слова в сравнении с их юной прелестью мало что значат – кажутся затёртыми, бездарными.

Сидит напротив, прямо держится, посматривает в окно. Дорогая дублёнка облегает ладную фигурку. Судя по всему, родители не жалеют на дочь денег. И правильно делают, думаю я. Молодость должна быть достойно обрамлена, особенно такая.

На остановке, высмотрев кого-то среди вошедших, девушка принимается улыбаться. Я чувствую движение за спиной, наконец в поле зрения появляется её подружка. Тоже симпатичная и юная, будто омытая родниковой водой. Она садится рядом, начинается разговор...

О, Господи, зачем они только открыли рты!

СОСЛУЖИВЕЦ

Пасха. Хочется сделать что-нибудь хорошее. Не просто сказать доброе слово, а помочь «конкретно», как говорит нынешняя молодёжь. Кладу в карман сотенную и выхожу на улицу. Может, кому-то она будет очень кстати.

На улице солнце, снег почти сошёл, небо словно вымытое. Народу – никого. Видно, все по домам, празднуют, поглядывая в телевизор.

Направляюсь в сторону магазина, там обычно самое оживлённое место в деревне. Ещё издали вижу Володю по прозвищу Банщик. Он как всегда в затёрханной камуфляжной куртке, давно не стрижен, рыжеватая щетина покрывает впалые щёки.

– Здравствуйте! – ещё издали здоровается Володя и широко, бесхитростно улыбается. – Христос воскрес!..

Отвечаю, как велит традиция. Нащупываю в кармане купюру – лучшей кандидатуры, чем Володя, не придумать. Он перебивается случайными заработками, кому дров наколет, кому огород вскопает, картошку окучит. Нуждается мужик – устроиться на работу в деревне непросто.

– В Липае сейчас ветер с моря, холо-о-дный! – говорит, во весь щербатый рот улыбаясь, Володя. Когда в деревне ещё была ферма, его здорово помял бык. С тех пор Володя немного не в себе. – Шинелку ветер за просто пробивает. На посту намёрзнешься, потом в караулке всю бодрствующую смену отходишь – так и не заснёшь!..

В начале зимы Володя у нас колот дрова, тогда-то и выяснилось, что мы с ним в одно время служили, причём в одних и тех же краях – в тогда ещё советской Латвии. Даже дивизия одна. Конечно, друг друга не знали.

– Ну, – соглашаюсь я, соображая, как бы так дать денег, чтобы не обидеть. – И хорошо ещё, если дрова в караулке есть. А то ведь в хоззвезде ещё те орлы!..

– Это точно, не перетрутся!

Странная всё-таки штука, армия. Чем больше времени проходит, тем приятней вспоминать. Кроме Володи в деревне живёт ещё один человек, который приходил срочную в тех же краях, что и я. Правда, уже не в Прибалтике, а в Калининской области, куда наш полк затем перебросили. Мужичок этот намного старше, захватил пятидесятые годы. Оказывается, уже в ту пору на территории части стоял одинокий самолёт. Это, чтобы американских шпионов обманывать – часть-то была ракетная... Здоровуюсь с этим пожилым мужиком я всегда с особым чувством.

– Лабусы нашу пасху не отмечают, – говорит между тем Володя, по-прежнему бесхитростно глядя прямо в глаза. – У них своя пасха, типа, католическая.

– Или протестантская, – предполагаю я. – Прибалты к немцам всегда тянулись.

– Ну. Многие лабусы немецкий язык знают. Спроси по-русски, не ответят. А если по-немецки – пожалуйста!..

Лабусами мы называли латышей. И ветер с моря, действительно, пронизывал наши шинелки, несмотря на весну. И некуда было пойти в увольнение – вокруг станции Приекуле (Приехали, говорили мы) одни хутора. В гарнизоне на каждом шагу патруль, даже пива не выпьешь. И мошка нас жрала белыми ночами, забираясь под байковые солдатские одеяла...

Я так и не сунул Володе деньги. Почему-то неловко стало.

КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ ШМЕЛЯ

Подсолнухи в наших краях не вызревают. Если даже посадить их рассадой, зацветают только в августе. А что такое август? Почти осенний месяц. Частое ненастье, холодные дожди, а то и первые утренники, серебристые толевые крыши сараев и стаек.

...Один из таких дней. Напористо дует сырой ветер, летят первые жёлтые листья с берёз. Подсолнухи на этом безрадостном фоне – как маленькие солнца. Они впитали в себя частичку лета и упрямо не хотят расставаться с ней.

Подхожу к одному из подсолнухов. Тарелка повернута «спиной» к ветру, на её изжелта оранжевой середине шмель. Лакированные чёрные лапки, полосатое мохнатое туловище, хитиновая голова – всё в пыльце. Шмелям сейчас несладко. В буквальном и переносном смысле – из цветущих растений остался разве что тысячелистник. Так что подсолнухи пользуются повышенным вниманием шмелей.

Но этот почему-то не двигается. С неуклюжей хлопотливостью не ползает по бесчисленным, concentрическими кругами расположенным пестикам, не залезает в них хоботком. Пригрелся в уютном затишке, задремал. А подсолнух раскачивается под ветром и напевает, должно быть, шмелю сны о лете...

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

– Вон там Шаманская гора, – со значением говорю ребятам и показываю на приметную возвышенность за излучиной Ваха.

Однако ребят, Вову и Вадика, детей наших знакомых, мои слова не особенно впечатляют. Слова «шаман», «шаманская» им, видимо, мало что говорят, – Вове десять, а Вадиду и того меньше, шесть лет.

Тогда я решаю сделать своё сообщение понятней для современных детей. Глядя на покато вытянутую, словно могучая спина всплывающего кита, возвышенность, на далёкую, будто тонко прочерченную иглой вышку на её гребне, говорю:

– Если человек поднимется на эту гору, у него появится связь с космосом. Он становится сильным, ну... как черепашки-ниндзя. Космические силы ему помогают.

И, чтобы окончательно сразить ребят, добавляю, как мне кажется, безотказное:

– Она волшебная, эта гора. Выполняет любое желание. У вас ведь есть такие желания, правда? Что бы вы загадали?

Вова и Вадик притихают, усиленно соображая. Потом Вова, белокурый, яснолицый, неуверенно говорит:

– Чтобы зарплату не задерживали...

– Что-что? – не сразу понимаю я.

– Чтобы зарплату папе дали, – уже смелее повторяет Вова. – А то три месяца не дают.

Я хмыкаю. Вот тебе и заветное желание!.. Мне почему-то неловко перед ребятами.

ГОРДОСТЬ БЕДНЫХ

1.

Один из приездов в Подмоскowie. Расслабленный знакомой обстановкой, сажусь в электричку. Благодушество, глядя по сторонам. Народа в вагоне не много, и после северного малолюдья, к которому я уже привык, это тоже приятно.

Стучит дверь из тамбура, появляется немолодой мужик. Ещё до того, как он начинает громко предлагать свой товар – дешёвые целлофановые сумки, – вижу, что мужик неблагополучный. Куртка на рыбьем меху, стоптанные и давно не знавшие крема ботинки, потерявший форму вязаный «петушок» на голове...

Вспоминаю где-то прочитанное: в Европе считается неприличным просить милостыню. Поэтому нищие делают вид, что продают спички или ещё какую-нибудь мелочь. Может, за год, пока меня не было, что-то изменилось и в московских обычаях?.. Когда мужик подходит ближе, протягиваю ему купюру, но целлофановую сумку не беру.

– Не понял, – говорит мужик.

– Сумку не надо.

Мужик на мгновение застывает, соображая. И тут же возвращает деньги:

– Не надо.

– Возьми, – настаиваю я. Мне кажется, он стесняется.

Но мужик уже не смотрит на меня, идёт дальше. Ни вызова, ни обиды в его виде. Одна озабоченность занятого делом человека.

2.

В городе он считался бы бомжем. Обитает в почерневшей от времени избушке, нигде не работает, на что живёт – неизвестно. Его пробовали было нанимать окучивать картошку, но он отшвырнул тяпку, когда хозяева сказали, что мало нагребает под кусты земли. Выпивает тем не менее регулярно. Выручают его река и лес – покупатели на рыбу и ягоду находятя.

Меня он выделяет среди односельчан:

– Ты нормальный. А другие сразу: по морде хочешь? Чего я им?..

У меня остались пиджак и брюки, которые не ношу, – с возрастом стали тесны. Я предложил их ему. Вещи вполне хорошие и на него впору.

Он хитро ухмыляется, щурит глаза, ведёт в сторону головой.

– У меня тоже есть костюм. Красивый, в золотую нитку такой, на сцене выступать запросто. Ни к чему он мне, тебе подарить могу. Хочешь?.. – В его голосе издёвка.

Стоит жаркий июль, однако он в резиновых броднях, которые не снимает ни зимой, ни летом. Футболка под мышками проедена потом. На шее вздулся след от укуса слепня, в уголках губ жёлтая накипь.

ПСИХОЛОГ

Он коренаст, плотен, модно пострижен. Взгляд сметливый, оценивающий. Стоит в застеклённом переходе между жилым и лечебным корпусами, продаёт электромассажёры.

– Наша фирма выбирает только достойных, вам повезло! – с такими словами он перехватывает проходящих мимо отдыхающих. Тут же ловко прикладывает громко, будто трактор, заработавший массажёр к спине приостановившегося человека. – Не пугайтесь! Очень нужная для здоровья вещь! Отпускная цена семьсот пятьдесят рублей плюс пятьдесят рублей за пересылку, а мы продаем за четыреста. Чувствуете разницу?!.

Застигнутый врасплох человек неловко топчется. Массажёр, похоже, ему не нужен, но сразу отказать как-то неудобно. Торговец усиливает натиск:

– Вас смущает цена? Это рекламная акция, потому так дешево. Вам просто улыбнулась удача!..

Кроме приятных чувств, доставленных потенциальному покупателю лестью и словами о выгодности покупки (по здравому размышлению – весьма сомнительной), торговец задевает другую отзывчивую струнку человеческой души – боязнь, что не достанется:

– На ваш санаторий выделено всего пятьдесят массажёров. Остались последние. Вы сейчас не купите, так кто-нибудь другой перехватит. – И доверительно до-

бавляет, слегка понизив голос: – Не упускайте шанс, советую. Четыреста рублей – разве это деньги?..

Видя, что покупатель заинтересовался, хотя сомнения всё ещё не покидают его, коммерсант бросает последний козырь:

– Второй массажёр бесплатно! Подарок фирмы! Два массажера по цене одного!..

Устоять невозможно. Очень уж выгодно. Какие, оказывается, бывают великодушные люди!..

Отдыхающий лезет за деньгами. Коммерсант вручает ему две коробки с массажёрами. Но делает это уже как-то небрежно, вскользь. Он нацелился глазами на нового клиента, выходящего из-за толстого стекла дверей лечебного корпуса.

И продавец, и покупатель довольны. Один потому, что впарил лежалый товар отдыхающему лоху. Второй – что дешёво купил вещь, которой вряд ли когда-то воспользуется.

ПРОСТЫЕ ДУШИ. 70-Е ГОДЫ

– ... Негры! Они их за людей не считают – за скот! Вот статья в газете, заметочка. Там же в правительстве одни богачи, миллионеры!.. А в другие страны со своими шпионами лезут, лезут. У себя не могут для негров школы построить – это ж надо учителей нанять, жалованье платить! А со шпионами лезут!..

– Ага, ага, – поддакивает вторая старушка.

– Вообще загнали народ. Как ещё не перемерли эти американцы – не понимаю! Безработица, на улицах стреляют, разврат, наркоманы... И народ терпит! На мой характер, я бы этому их Рейгану всё в глаза высказала, всё!..

– Правильно говоришь, ой, как правильно!

И вторая старушка от полноты чувств громко сморкается в платок.

ЧЕМ БОГАТЫ...

Раннюю весну мало кто любит. Туман, снежная каша на дорогах, бесприютно бьются на сыром ветру ветви деревьев... Ощущение общего неблагополучия. Природа болеет, всё вокруг – её мучительное возвращение к жизни.

Голый куст осины над обрывом. На нём сорока. Эти птицы прагматичны, просто так сидеть не будут. Пытаюсь понять, что сороку привлекло. Никакой поживы вроде не видно, всё ещё под снегом. Но сорока не улетает, развернувшись клювом к ветру (так теплее, ветер не забирается под перья), качается на голой ветке. Даже на человека не реагирует.

Неожиданно слышу непонятные звуки. Это не пение, но и не привычное сорочье стрекотание. Что-то среднее, похожее на скрежет плохо смазанного механизма, причём, небольшого.

Ничего похожего раньше мне слышать не доводилось. Поза у сороки тоже странная: присела, напряжённо вытягивает голову – изо всех сил пытается выразить обуявшие её чувства.

Как-никак весна. Пусть даже такая неприятная.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ

После ремонта дел вокруг нашей избушки невпроворот. Её теперь избушкой-то называть неловко. Тепло светятся обшитые вагонкой и проолифенные стены, ещё издали притягивают взгляд броские наличники...

Но и работы для меня непочатый край. Строители, как водится, мусор вокруг и не подумали убрать. К тому же – весна, работы на огороде тоже хватает. Вот я и кручусь с утра до вечера. Сгребаю и выношу щепу, битый кирпич от разобранной печки, вырезаю и жгу сухие ветки малины, копаю грядки...

Даже отпуск на работе пришлось взять.

Смирившийся со своей участью Мэрка лениво по-

сматривает на меня. Он вольготно устроился в холодке, и цепь, похоже, ему уже не мешает. Порой мне кажется, в Мэркином взгляде мелькает ирония. «Странные всё-таки существа, эти люди, – должно быть, думает он. – Работают, суетятся... Зачем? Вот я, к примеру. Никогда не работал, а сыт и жизнью вполне доволен. Опять же перед глазами у других не мельтешу и думать не мешаю».

Мэрка прикрывает веки. И мне кажется, что на его морде проступает надменно-брезгливое выражение.

КАК МЫ С СИНИЦЕЙ ПЕРЕСМЕШНИЧАЛИ

Нашему молодому псу Мистеру-Твистеру не сидится возле избушки. Чтобы накормить, приходится долго звать его. Свистом. Не станешь же кричать на всю деревню.

Вот и недавно стою у калитки, зову уже несколько минут. Но не несётся мой пёс по апрельской подтаявшей дороге, не повизгивает от радости, что кормильца-хозяина увидел.

Однако что это? Будто эхо отзывается. Такие же два незамысловатых коленца, как в моем свисте. Оглядываюсь на рябину в палисаднике. Синица! Пристроилась на верхней ветке, слушает меня, выдержит паузу и передразнит.

О Мистере-Твистере я уже не думаю. Выдам руладу, жду. Синица свои фа и ре в ответ. Я опять. И уже непонятно, то ли она мой зов передразнивает, то ли я повторяю её весеннюю песенку.

Так мы и пересвистывались, пока синице не надоело и она не улетела.

А Мистер-Твистер так в тот раз и не появился, негодник.

IV. МИМОХОДОМ

БЕЗОТВЕТНЫЕ

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Казалось бы, столько вёсен у зрелого человека за плечами, а всё радуешься каждой новой. Даже самым малым, первым её признакам.

Вот день стал длиннее. Три часа, а ещё светло.

Тальник за Вахом наливается салатovým светом – впитывает крепнущее с каждым днём солнышко.

Откочевавшие на юг вороны вернулись. Не улыбайтесь, в наших северных краях это тоже весенняя примета.

Ну и само собой, ожили воробьи, их ещё неделю назад не было слышно и видно. Устроили сходку на высокой берёзе, громко радуются жизни.

И уж абсолютный признак недалёкой весны – освободившаяся от снега земля. Правда, пока только на припёке, на крутом склоне реки, смотрящем на юг. Снега там было немного, он первым и растаял местами. Склон теперь выглядит непривычно – пегий.

То ли ещё будет!.. – ликует каждый раз душа, почуяв весну.

НИЧТОЖНА И НЕИСТРЕБИМА

Много раз проходил мимо этого обрыва, а на гумусный слой обратил внимание только теперь. Дай бог, если его полоска вверху обрыва составляет человеческую пядь. Всё остальное вниз – метры и метры глины.

Несколько тысяч лет минуло, как по здешним местам прошёл вал последнего обледенения, стирая всё на пути. А возникший после него гумусный слой, эти перегнившие за тысячи лет травы, составляет от силы двадцать сантиметров.

Всего!

Останавливаюсь, поражённый. Насколько ничтожна жизнь, оставившая после себя считанные сантиметры! И как неистребима.

Самыми обделёнными из всех живущих мне кажутся деревья. У зверей и птиц жизнь тоже несладкая, но они хоть могут двигаться. Следовательно, находить себе пищу и воду. А дерево где выросло, там и вынуждено весь свой век стоять. Земля может быть сухой и скудной, но на новое место оно перебраться не может.

И самое, быть может, скверное. Животные убегают, если их хотят убить, а вот дерево сделать это не в состоянии. И кто скажет, что оно чувствует, когда к нему приближаются с топором?..

ВЕЧНОЕ

С визгом и хохотом несётся по деревне прицепленная к «Бурану» коробушка. В ней раскрасневшиеся девчата. Набились в коробушку до отказа, счастливы скоростью, ветром, теснотой, своей молодостью.

Когда-то так носились по деревне их бабушки. Разве что вместо коробушки были сани, а вместо снегохода – лошадь. Но молодое счастье, бьющий в лицо ветер, ошметки снега, радостный визг – всё те же.

Они и есть вечное, главное, неизбывное.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Поразительно, как быстро власть расправилась с Иисусом! Я лишь недавно задумался об этом. В воскресенье Иисус вошёл в Иерусалим, а в пятницу уже был распят. Всего несколько дней между триумфом и смертью.

Потому, что Иисус попал прямо в логово власти? Что главенствующая идеология мгновенно расправляется с любой другой, если это в её силах? Потому, что власть не хочет знать правды?..

То, другое и третье. И это лишь часть причин, по которым власть имущие не желают соглашаться с очевидными вещами.

ОБРАЗ

Сосульки вдоль кромки крыши смахивают на клыки – прочные у основания и опасно заострённые на конце. Часть из них хищно загнута (когда росли, дул ветер), и это усиливает сходство.

«Оскал зимы», – думаю я. Но тут же ловлю себя на мысли: сосульки – признак весны, при чем здесь зима?.. Хромает образ.

Но вёрткий ум не хочет сдаваться. Признак весны – вода, а если она не течёт, не капает, а замерзла – это признак зимы, её оскал. «Как бы не так, – не соглашается трезвое благоразумие. – Снег, сугробы – это зима. А сосульки – предвестие весны!..»

В конце концов приходим к компромиссу. Сосульки – оскал уходящей зимы.

«ЧУТЬ ПОМЕДЛЕННЕЕ, КОНИ!..»

«Пётр и Павел – час убавил, Илья-пророк – два уволок». Но то в центральной России, где не так всё резко. А у нас нет меры ни в чём. Если мороз зимой, то ниже сорока, а порой и под пятьдесят. Если день летом, то бесконечный, когда короткая белая ночь мало чем отличается от дня.

Стремительно прибывающему дню радуешься. А вот когда в августе так же стремительно день начинает убывать, становится грустно. Никак не можешь избавиться от ощущения, что тебя обманули. Только недавно солнышко закатывалось едва ли не на севере, а глядишь, сегодня уже намного левее, западнее. И темнеет с каждым днём всё раньше, звёзды на небе появились. А вон и первые жёлтые листья на берёзах...

Тут-то и вспоминаешь Высоцкого. Ведь уходит не лето – жизнь.

НЕБЕСНЫЙ ВАМПИР

С чем только не сравнивают месяц! И с ломтиком дыни, и с краюхой деревенского каравая, и с куском сыра... Если говорить о последнем сравнении, белёсый полупрозрачный серпик месяца и в самом деле бывает похож на тонко и неровно срезанную пластину, скажем, адыгейского сыра. А тёмные лунные «моря» – дырки в нём.

Но примечательно ещё другое. Удивительно меняется цвет месяца, когда он поднимается над горизонтом. Бывает, солнце и бледный, как полурастаявшая льдинка, месяц видны на небе одновременно. И чем больше клонится к закату солнце, тем отчётливей и ярче месяц.

Вот он уже потерял свою полупрозрачность, стал плотнее, осязаемей. А стоит солнцу скрыться за горизонтом, месяц и вовсе наливается золотом, становится ярким. Будто выпил из ушедшего дня весь свет.

ВСЕГО ЛИШЬ ВОЗДУХ С ВАШИХ ГУБ...

Сжимающую сердце надпись расшифровали египтологи в одной из древних гробниц. Сквозь тысячи лет, сквозь бесщётное количество человеческих поколений, сквозь забвение, затягивающее всё, что было, есть, будет – донёсся слабый голос: «Произнесите моё имя. Для вас это всего лишь воздух с губ. Для меня – возвращение в мир живых...»

Как ужасает человека уход в никуда! Как хочется ему остаться в этом мире хотя бы «воздухом с губ»!..

ДУША ЛЕТА

У каждого времени года свой запах. Зимой это морозная свежесть, терпкий дух хвои из обступившего деревню ельника. Весной – тяжёлое благоухание черёмухи, которой засажены палисадники. Осенью – винный запах палой листвы...

А вот лето ассоциируется у меня с запахом клевера. Неброские его цветы светлыми полянами разбросаны по деревне, на них, быть может, и не обратил бы особого внимания, если бы не медовый аромат.

Он устойчивыми озерами стоит над полянами, вместе с воздушным током растекается окрест. Вдыхаешь его – и ясные тёплые дни, буйство зелени, голос кукушки из леса наполняются особым смыслом, делают их полнее, объёмнее. Будто у лета появляется душа.

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ

Знакомые попросили помочь заготовить сена. Коса, мягко говоря, не самое знакомое мне орудие труда – деревенским жителем я стал недавно, – но согласился. Не отказывать же хорошим людям.

И вот пот заливал глаза, мошка настырно лезет под рубашку и кусается, коса то и дело втыкается в землю.

Да, это не за пишущей машинкой сидеть и рассказы сочинять. Часто приходится останавливаться, выдерживать косу и подправлять затупившийся кончик брусом. В общем, несладко.

Спросить у мужиков, что делаю не так, неловко – давно уже взрослый, сам должен знать. По той же причине мужики не торопятся с советами, боятся обидеть. И тут вспоминаю где-то читаное о косьбе. «Ты на пятку налегай, на пятку! – наставлял внука-подростка в какой-то книжке дед. – Носок и не будет в землю тыкаться!..»

Соображаю, где у косы носок, а где пятка. Чуть поднимаю кончик косы, а ту её часть, что ближе к державу, прижимаю к земле.

И что вы думаете – пошло дело!..

ОТТАЯВШИЕ ЗАПАХИ

Оттепель – это когда тепло, пусть даже относительно, в пределах нуля на градуснике. Но не только. Это ещё из-

менившийся цвет снега. В нём (и в воздухе тоже) появляется едва уловимый желтоватый оттенок.

Но главное всё же не это. По крайней мере, в деревне. Выходишь за порог и невольно раздуваешь ноздри – пахнет весной. Это оттаяли запахи. И главный среди них – запах отсыревших еловых стволов.

Высокие и острые, похожие на пики, ели близко подступили к деревне, заполняют её своим духом. Они будто очнулись на время, дают знать, что зима не вечна. Что наступят другие времена, когда будут и голос кукушки из леса, и солнечный простор реки, и белые ночи со светящимися стволами берёз.

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ИЗ МЕЗОЗОЯ

Мороз. Из труб деревенской котельной вовсю валит дым. Смотрю на его тёмные клубы и думаю: как все-таки странно! Мы привыкли к теплу солнца. Летом, весной, ранней осенью оно греет землю, ну и нас, людей, заодно. И редко кто задумывается, что солнечное тепло может быть консервированным.

Те же дрова, к примеру. В печи они отдают то, что взяли у солнца за свои семьдесят-сто лет в бытность деревьевыми. Но во много раз древнее тепло нефти, которая стораёт сейчас в котлах.

Миллионы лет назад впитали солнце бесчисленные существа, ставшие затем нефтью, деревья и папоротники, превратившиеся в каменный уголь. Нынешнее их тепло – отзвук ярого солнца тех времён, солнца, державшего в своих объятиях юную землю.

ОРАТОР

Так я порой называю нашего молодого пса Мистера. Обычно он спит в будке, но в присутствии хозяев любит показывать свою бдительность – облаивает каждого проходящего мимо избушки.

– Не ори! – в сердцах бросит кто-нибудь из прохожих. Отсюда и пошло второе имя Мистера.

Есть ещё черта, роднящая его с пламенным оратором. Полаяв, Мистер бросается к миске с водой, чтобы промочить горло. Потом опять за своё.

Истинный оратор!

ПРАВЫ

Один мой знакомый вполне серьёзно утверждает, что собаки – те же люди. Разве что покрытые шерстью и с хвостами. Так же, как люди, они помнят добро. И уж не дай бог их обидеть – тоже запомнят.

Лично я к собакам всегда относился с симпатией. А в последние годы стараюсь и подкармливать. Для этого в кармане куртки ношу сушки. И если на деревенской улице встречаю щенка или покалеченного пса, бросаю им. А то и просто угощаю первую попавшуюся собаку. Жизнь у них известно какая, почему бы не пожалеть.

Одни псы в ответ благодарно виляют хвостами, заглядывают в глаза, долго сопровождают по улице. Другие сушку не берут, смотрят с подозрением – зачем, дескать, тебе это понадобилось? какую цель преследуешь?.. А третьи и вовсе занимают вымогательством, если не сказать, разбоем. Завидев меня, становятся поперёк дороги и разве что зубы не щерят – гони сушку!.. Что удивительно, в глазах у них не только злоба, но и презрение. Таких псов, правда, не много, но они встречаются.

Воистину прав мой знакомый: собаки, как люди. Диаметрально разные реакции на одно и то же дело. Доброе, в общем-то.

ПОДЛОСТЬ

Если вдуматься, какое это всё-таки подлое занятие – рыбалка.

Используется желание всякого живого существа

утолить голод, продлить свою жизнь. Рыба хватается за пищу, а в ней оказывается хищное жало крючка.

Оно вонзается в нежную плоть, безжалостно разрывает её, когда человек подсекает добычу. А особенно, когда вытаскивает из рыбьего горла крючок.

Какое счастье, что рыбы не умеют кричать.

ПОКОЛЕНИЕ NEXT

Зимний вечер. На дороге у клуба дурят, толкают друг друга в снег мальчишки. Им лет по девять-десять, в них ещё не проступила подростковая скрытность и подлинка – ребята прямодушны в плохом и хорошем. Увидев меня, останавливаются.

– Правда, что вы писатель?.. А вы свои книги сами написали?..

Дети, что с них возьмёшь. Отвечаю. Мальчишкам, видимо, надоело дурачиться. Один из них, проведя ватрежкой под носом, говорит:

– Расскажите, о чём в ваших книгах написано.

Предложение неожиданное, нахожусь не сразу:

– Так это ж сколько надо рассказывать!.. Ты возьми да прочти.

– Неохота, долго!

Впору почесать в затылке. Мои-то сочинения ладно, но ведь они, поколение компьютерных развлечений, и Толстого с Набоковым читать не станут – долго и скучно... Обратная сторона прогресса.

ИВАН-ЧАЙ

Я его называю свечками лета. Свечки эти необычные – «горят» не сверху, как свечкам полагается, а снизу. Горение начинается в июне, и почти три месяца лиловый огонь движется вверх по стеблю. Он закрашивает глинистые склоны у реки, заброшенные огороды, любой подходящий уголок. Посмотришь на лиловую

гроздь – распустилась только наполовину своей высотой. Значит, есть ещё время, ещё много лета впереди...

Оглянуться не успеешь, август на пороге. Вместе с летом догорает иван-чай. Отцветают верхушки, прежний цвет превратился внизу в длинные стручки, наполненные пушинками. Вертикальные грозди иван-чая напоминают в такую пору ёлочки. А первые пушинки – намёк на не такой уж далёкий снег.

Отгорели свечи лета...

БЕССМЕРТНОЕ

Середина семидесятых, еду вечером в метро. Основной поток людей уже схлынул, можно даже сесть.

За привычным грохотом вагона не сразу различаю агрессивный диалог. У двери с надписью «Не прислоняться!» спорят двое подвыпивших то ли парней, то ли молодых мужчин. Оба в хороших джинсах, в руках кейсы.

– Да я из простой рабочей семьи! Уродов, как ты, не перевариваю!..

– Крыса конторская! Это я рабочая косточка!..

Один из спорящих замахивается кейсом, второй тоже принимает бойцовскую позу. На лицах праведный гнев, подогретый спиртным.

Интересно, чем похваляются нынешние преуспевающие молодцы? Счётом в банке, виллой на Лазурном берегу, дворянской родословной?..

Бессмертна человеческая пошлость.

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Великолепный летний день. Такие на Севере бывают нечасто. Синее небо с редкими вспененными облачками, солнечный простор от горизонта до горизонта, медовый запах дикого клевера, светлыми лужайками разбросанного по деревне.

Ни малейшего ветерка! Вах будто застыл, нежась под солнцем.

– Пойдём рыбачить, – зовет приехавший в гости внук. Он живёт в большом посёлке, практически – городской, его тянет на природу, к реке.

Поймать с десятков чебаков и в самом деле не помешало бы. Недавно появившийся у нас щенок уху обожает.

– Нет, – говорю я. – Сегодня не пойдём.

В такой день не хочется, чтобы кто-нибудь умер. Пусть даже это будут чебаки.

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Город. Довольно оживлённая его часть. Откуда ни возмись выскакивает пёс. Это вполне ухоженная овчарка, и даже странно, что она без поводка. Видимо, пёс на время удрал от хозяина – в токах воздуха учуял запах самки. По крайней мере, пёс бежит в одном направлении, целенаправленно. Хвост независимо поднят.

Но вот на его пути дорога с плотным движением. Машины идут едва ли не сплошным потоком. Пёс умными глазами смотрит в одну сторону, потом в другую. Улучив момент, перебегает улицу. При этом его независимо поднятый прежде хвост поджимается. Понимает, кто тут главный.

СЧАСТЛИВЕЦ

Сентябрьский солнечный день. Воздух на улице холодный, с предзимним льдистым привкусом. Горизонт далёк и чисто выметен ветрами.

А в теплице почти лето. Убраны кусты помидоров, пахнет нагретой сухой землёй. Рассеянный солнечный свет в небольшом замкнутом пространстве создаёт ощущение уюта.

Вдруг слышу кузнечика. Самого его не видно, где-

то сидит в уголке теплицы, самозабвенно стрекочет, радуется жизни. Вовсе не подозревает, что это один из последних погожих дней. Дальше – дожди, холод, гибель...

Может, это и есть счастье – не знать, что тебя ждёт?

V. 50 +
~

ЛЮБОВЬ ПО ЭСАМБАЕВУ

Махмуда Эсамбаева люди старшего поколения помнят. Да и среднего, думается, тоже. Слава этого танцовщика была действительно всесоюзной. Народный артист СССР, Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета...

Особенно популярным Махмуд Алисултанович стал после фильма «Земля Санникова». В нём Эсамбаев играл шамана, вернее, танцевал. Резкий, колоритный, олицетворение зловещих сил, самой судьбы – роль получилась яркой и запоминающейся.

С танцами народов мира Эсамбаев объездил весь Союз. Не раз бывал и в западноукраинском городе Черновцы, в котором прошла моя юность. На сцене областной филармонии я его впервые и увидел.

Рассказывать о танце всё равно, что петь об архитектуре. Нонсенс. Расскажу о том, чего от Эсамбаева никто не ожидал. После аплодисментов и поклонов он не ушёл с цветами за кулисы, как в таких случаях бывает. Махмуд Алисултанович подошёл к рампе.

– Мне часто говорят... что любят меня... это приятно, – прерывисто заговорил он, ещё не восстановив после танца дыхание.

На смуглой коже блестел пот, тело поджарое, гибкое, ни складочки жира. Он чем-то напоминал йога. Надо сказать, Эсамбаев танцевал босым, без какой-либо балетной обуви.

– Но слова в жизни ещё не всё, – продолжил он, немало успокоив дыхание. – Говорить можно что угодно. А когда сцена подготовлена как следует, когда доски гладкие и в ноги не впиваются занозы, не течет кровь – это и есть любовь...

Не стану утверждать, что точь-в-точь передаю слова Эсамбаева – всё-таки прошло время. Но смысл был именно такой.

Зрелый человек, он знал, что говорит. Главное – дело. Слова, даже самые искренние, любящие, идущие от души, – всего лишь слова.

ГРУСТНЫЙ АНЕКДОТ

В свое время меня позабавила история о старом актёре Марке Прудкине. Наиболее, пожалуй, известная его работа в кино – отец Карамазов в «Братьях Карамазовых» режиссёра Пырьева. Там Марк Исаакович очень колоритно сыграл старого сластолюбца.

Так вот. Якобы после очередного своего юбилея (а прожил Прудкин долгую жизнь) взрослая внучка услышала рыдания из его комнаты. «Дедушка, что с тобой?» – «Милочка, – сквозь слёзы ответил девяностолетний Прудкин. – у меня никакой творческой перспективы впереди!..»

Тогда мне казалось это смешным. Будь благодарен судьбе, что дожил до таких лет, а не о творческой перспективе думай!

Сейчас понимаю: человек искусства не может смиренно доживать отпущенный срок. Из другого теста творческие люди. Не для них растительная жизнь. И как печально, если такое всё-таки происходит.

«... ДЕСПОТ СРЕДЬ ЛЮДЕЙ»

Наглядней всего это проявляется в причёсках. Сидим на диване, смотрим чемпионат мира по биатлону. В телевизоре вполне милая девушка, но волосы почему-то свисают беспорядочными длинными сосульками. Впечатление неряшливости – её будто только что подняли с постели и она, заспанная и неумытая, ещё не успела причесаться.

– Мода, – говорит жена. – Ты мужские причёски вспомни. Не лучше.

Да уж. Искусственный беспорядок, нечто вроде со-

рочьего гнезда, волосы торчат во все стороны. Какой-нибудь стилист (именно так, не парикмахер!) вроде Зверева ещё возьмёт за это несколько тысяч долларов. И ведь находятся любители, и в немалом количестве!

С чего эта антиэстетика пошла, не знаю. И когда – тоже. Подоплёка, скорее всего, в желании перемен. Ну и, разумеется, паразитирующая на этом желании индустрия моды. Чтобы существовать, ей нужно всё время нечто новое. А насколько это вписывается в сложившиеся понятия красоты, дело десятое.

Помню появление «платформ» – обуви на уродливо высокой подошве. Люди зарабатывали себе плоскостопие, подворачивали и даже ломали лодыжки. Но ни индустрию моды, ни самих модников это остановить не могло. Прослыть непродвинутым, отсталым было страшнее.

Особенно забавляют меня джинсы. Похоже, все забыли, что изначально это рабочая одежда американских фермеров. Нельзя без усмешки смотреть на какого-нибудь представителя (или представительницу) офисного планктона. Вся их физическая нагрузка – тыкать пальцами в клавиши компьютера, но джинсы вытерты до непотребства, будто ребята целыми днями работают в поле под дождём и солнцем. А у многих джинсы ещё и специально порваны или порезаны, через прорехи сквозит голое тело.

Интересно, станет ли модным, например, сморкаться двумя пальцами, а пальцы вытирать о прохожих? Почему бы и нет – в русле тенденции, вполне антиэстетично! Шокировать будет не больше, чем опущенные до лобка шорты или выглядывающие из джинсов ягодицы, если девушки приседают.

О ПРОФЕССИОналиЗМЕ

С изумлением смотрю на телеведущих утренней программы. Бодры, деловиты, то и дело шутят...

Это у нас восемь, а в Москве шесть часов. Когда же надо было подняться, чтобы успеть приехать в студию,

посидеть в кресле гримёра, хотя бы пробежать глазами сценарий, выслушать наставления режиссёра!.. Как удаётся ведущим побороть такую естественную в утренний час заторможенность, когда эмоции ещё спят?

Естественно, крепкий кофе. Наверняка какие-то профессиональные приёмы. Видимо, что-то ещё. Но всё равно непростое это дело – в шесть утра быть улыбочивым и бодрым. А надо. Настроение телеведущих передаётся миллионам людей, готовит к наступившему дню, к битве с жизнью, как ни расхоже это звучит.

«А сам? – говорю себе. – Разве нормально, естественно твоё существование?» Как не хочется порой садиться за письменный стол, а всё же уговариваешь себя. От скольких радостей жизни отказывался, потому что отнимут время, силы, собьют настрой, нужный для сочинительства. Удачен день или нет для тебя зависит от того, как поработал, что удалось написать.

Но в чём тогда разница между профессионализмом и рабством?..

МОНОЛОГ

«А почему бы и нет? – говорит он и смотрит на меня сметливыми глазами. – Государство как предприятие, которое приносит прибыль. Дойная корова, бизнес-проект!.. Распил бюджета – мелочёвка, семечки. Типа, я тебе госзаказ, ты мне откат. Этим пусть чиновники средней руки промышляют. А вот если всерьёз, по-взрослому...

Скажи, кто у нас бюджет контролирует? Дума? Не смеши мои тапочки! Эти ребята примут всё, что им скажут, лишние вопросы не зададут. К тому же есть закрытые статьи. И вот, представь себе, находится большой человек, который доходы государства может перегонять за бугор. Естественно, в сугубой тайне и по схемам, в которых чёрт ногу сломит. Что-то, конечно, будет оставлять здесь – бюджетникам, социалка и т.д. Но не много, лишь бы курица не сдохла, а то золотых яиц не будет.

Я не про стабилизационный фонд, который наши в Штатах держат. О нём все знают. Я о триллионах, о ко-

торых знают несколько человек. А может, один. Это его бизнес. Не компания, не предприятие, не банк – государство! Представляешь, целое государство!..»

Внимательно смотрю на собеседника, пытаюсь понять его отношение к гипотетическому жулику вселенского масштаба. Однако на его лице лишь зависть и восторг первооткрывателя.

ПЕРВОЕ МАРТА

Слушаю передачу окружного радио. Есть у них программа, посвящённая прошлому. Что-то вроде «Из фондов радио».

Семидесятые годы, в Югре так называемый писательский десант. Читают свои стихи Юлия Друнина, Маргарита Агашина, чеченка Раиса Ахматова. Речь о Самогlore, о новых городах, о первопроходцах. Ну и, конечно, о любви – как же без неё весной. Тем более перед 8 Марта.

Такое впечатление, будто не было в ту пору ни непролазной грязи вокруг, ни очередей за мясом, ни нефтяной штурмовщины, гробящей природу. Умом понимаю, лукавят поэтессы и радиожурналист. Но душой с ними.

Может, потому, что день за окном яркий, солнечный, настоящий весенний? Или оттого, что осточертели выпускать новостей московского радио, в которых одни несчастья?..

Как сказал классик, тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. А ещё лучше: сотри случайные черты – и ты увидишь, мир прекрасен. Особенно весной!

ОБМАНКА

«Не так уж всё и плохо! – думаю я, глядя на колосающееся поле. – Совхоз приказал долго жить, зато фермеры хозяйствуют. Вон какой клин засеяли!..»

С моим давним знакомцем Толей Кривоносовым

мы идём в Переторги. В Переторгах, единственном из окрестных населённых пунктов, можно купить хлеб. Целых два магазинчика в этой то ли деревне, то ли посёлке.

– Толь, кто хозяин? – Я киваю на желтеющее поле. Пора бы уже убирать хлеб, а то зерно осыплется.

Тропинка меж высоких бурьянов узкая, Толя идёт впереди. С возрастом у него появилась привычка говорить тихо, и я иногда прошу «прибавить звук». Но сейчас он не слышит меня, продолжает говорить о чём-то, мне не разобрать. Видимо, всё о том же – запустении и одичании брянской деревни.

Толя – московский писатель, но уже много лет живет здесь. Одно время даже держал корову. Я в гостях у него, приехал вчера, всю ночь мы просидели за разговорами под рюмку. Тогда-то я и услышал о совхозных землях, которые никто не обрабатывает – для купившего их местного олигарха это вложение денег. Толя рассказал, как этот человек приказал перепахать дорогу вместе с молодыми берёзами, которые он в одиночку посадил. Рассказал о соседе, который благополучно пропил жеребёнка, лошадь, корову и сторел в конце концов от самогонки. О бывших райкомовцах, которые пересобачились, деля при Ельцине должности... О многом мы в ту ночь говорили.

Не верить Кривоносову у меня нет оснований. Но, Господи, как надоели эти разговоры об одном и том же! Куда ни приедешь, с кем ни заговоришь – всё плохо.

Потому я и обрадовался, увидев колосающийся клин. Жив русский человек, сохранилась в нём хозяйская жилка, не все запиваются от безысходности!..

Сворачиваю с тропинки и, путаясь в бурьянах, иду к желтеющему полю. Должно быть, это озимая пшеница, яровая посева позже, сейчас только август. А вон и сам фермер. Вышел из дома, смотрит в мою сторону.

Стараясь выглядеть как можно доброжелательней – ничего дурного не замышляю, – я наконец добираюсь до колосающегося поля. И чертыхаюсь от досады. Это не пшеница и не рожь, а какой-то полуболотный

сорняк. Но как издали на них похож! И как ровно, в чётких границах растёт, будто специально посеян!

Хорошо, что Толя шёл впереди и не заметил, как я свернул. Не удивлюсь, если местное название бурьяна «обманка» или что-нибудь в этом роде. Но литератор и в такие минуты даёт себя знать. Думаю, что эта обманка – символ.

Ладно бы я обмишулился, это куда ни шло. А то обмишулилась вся деревня, весь народ. Что людям власть обещала? Колхозы и совхозы неэффективны, земле нужен настоящий хозяин. Под этим лозунгом и распродала её.

Ох и доверчив русский народ!.. Безнадёжно доверчив.

АКМЕ

Одна из главных несправедливостей жизни в том, что старших начинаешь понимать поздно.

Когда они, зрелые люди, могут рассказать, что чувствуют и думают, ты ещё не готов. Ты пацан со своими интересами, потом парень, интересы тоже соответствующие. А когда созреешь для понимания, бабушки Глафиры уже нет. Умерла.

Ты помнишь её приземистую дородную фигуру, кофту в цветочек, немаркую юбку. То, как быстрым движением она вытирала большим и указательным пальцами уголки рта. Как, уставая, выходила с тяпкой из недр огромного, в полгектара, огорода, который кормил её. А чем жила, что за свой век передумала – не знаешь. И никогда уже не узнаешь, хотя бабушка Глафира родной тебе человек.

Трагическое несовпадение поколений. Несовпадение возможности понять, зрелости. Акме, как говорили древние.

СТАРЫЕ ИСТИНЫ

Я – подросток. Бравируя своей закалкой, иду по утрам к роднику и моюсь по пояс. Вода ледяная, чёрная

труба, через которую выведен родник, в крупных студёных каплях. В глаза бьёт радостное солнце.

Стирающие в речушке женщины ахают: простудишься! Но мне всё нипочем. Я бросаю пригоршнями на грудь и спину обжигающую воду, без надобности напрягаю мышцы и не забываю при этом следить, смотрят ли на меня.

Силы и радости во мне столько, что я перехватываю полное ведро воды у пожилой соседки и бегом поднимаюсь по крутой тропинке к её хате.

– Вот спасибо! Дай тебе Бог здоровья, хлопчик!.. – чуть ли не со слезами благодарит женщина.

Мне и приятно, и неловко. За что благодарить? Такая ерунда – принести ведро воды, пусть даже в гору!..

Мне вообще непонятны старые люди. С молодым высокомерием думаю: ущербные какие-то. Взять того же деда Кондрата, по-местному, Кондру. По вечерам он не засиживается в бабушкиной хате, куда, вдовец, порой заходит перекинуться словом. Берёт свою палочку: «Трэба йты. Щэ чэрэз ричку пэрэходыты, а вжэ тэмно».

Не так уж и темно. А нашу речку вообще можно одним прыжком перемахнуть. Тем более, есть каменная кладка и в руках у деда Кондры палочка для опоры...

Это сейчас, когда мне самому седьмой десяток, понимаю пожилых людей. И соседку, и деда Кондру, и многих других, встреченных в жизни.

Если бы молодость знала, если бы старость могла... Господи, как избито – и как верно!

О ХОРОШЕМ ЦАРЕ И ПЛОХИХ БОЯРАХ

Поражает наивность большинства людей. Закоренелыми злодеями и виновниками репрессий тридцатых-сороковых годов они считают Ежова и Берию. Эти люди не хотят понять, что тот и другой были марионетками, выполняющими волю Сталина. Они – громоотводы народной ненависти.

То же в новейшей истории. Слава Богу, до мас-

штабных репрессий пока не дошло, но мало кто любит Гайдара, Чубайса и Козырева. А если взять ближе к нашим временам, то и Зурабова с Фурсенко.

Можно подумать, эти экс-министры были самостоятельными фигурами. И шоковую терапию, и развал промышленности, и жульнические ваучеры благословил Ельцин. Как позже монетизацию и деградацию школьного образования руками этих людей осуществил Путин.

Слабым утешением служит то, что их потом «ушли». Мавры сделали своё дело.

МИНИСТЕРСТВО ПРАВДЫ

В романе Оруэлла есть Министерство Правды. Среди разнообразных функций этой организации для промывания мозгов была и такая: переписывание задним числом истории. Дётся в романе это очень наглядно.

Скажем, лидер государства ошибся в прогнозе. А так как авторитет Старшего Брата должен быть незыблемым, в библиотеках государства поднимаются все газеты прошлых лет. Те места, где давался неверный прогноз, переписываются. Так сказать, в свете новых реалий.

Исправленные варианты старых газет возвращались затем в библиотеки, а предыдущие, настоящие – уничтожались. В итоге даже самый скрупулезный исследователь прошлого не усомнится в гениальной проницательности Старшего Брата.

Великое в своём цинизме изобретение!

Российское министерство правды последних десятилетий – ТВ. Прежде всего центральное. Трактовка советского периода в истории страны, как правило, негативная. Нет даже попыток отделить тридцатые годы от, скажем, семидесятых – самых благополучных в жизни русского народа. Во всех смыслах. Да и в жизни народов других бывших республик СССР, думается, тоже.

Ни в коей степени не оправдывая бесчеловечности раскулачивания и репрессий, надо всё-таки давать

себе отчёт, что история любой страны не благоухающая розами дорога. Идеал наших либералов Соединённые Штаты, прежде чем прийти к нынешним реалиям, уничтожили миллионы индейцев и не спешили избавиться от рабовладения. Ещё в конце девятнадцатого века за скальп индейца в некоторых штатах платили по пять долларов. Но не об этом сейчас речь. Повторяемая изо дня в день с экранов телевизоров неправда – преднамеренная, бесчестная – приводит в конце концов к тому, что люди начинают верить в неё. Особенно молодёжь, которая в советские времена не жила.

Ещё одно-два поколения – и все будут уверены, что Советский Союз действительно был кошмарной империей зла. Ничего хорошего там не могло быть по определению. О какой великой науке, культуре, достижениях в космосе может идти речь?! И Вторую мировую выиграли американцы. А СССР – так, сбоку припёка...

Никакого Оруэлла не надо.

ВЫБОР

Чего, казалось бы, проще: подлаживайся к сильным, говори и поступай так, как они от тебя ждут, – ведь всё так очевидно в этом лучшем из миров!.. Будешь в итоге благополучен, проживёшь спокойную жизнь. Если повезёт, станешь богатым и влиятельным.

Однако нет. Находятся люди, которые в словах и поступках руководствуются не выгодой и житейской пользой, а другим. Если по Канту, нравственным законом, по Евангелию – заповедями Христовыми.

То и другое выгод и благополучия не сулит, скорее – наоборот. А всё же находятся те, кто Заповеди и кантовский нравственный императив ставят выше. Да что упущенная выгода, как говорят юристы, – жизнью своей порой жертвуют!

Непостижимо. Нелогично. И прекрасно.

АНАТОМИЯ УСПЕХА

Восемьдесят лет – а память феноменальная. Не только помнит все свои поездки за границу, но и то, как они ему доставались. Мелькают фамилии функционеров пятидесятилетней давности с точным упоминанием должностей, именами-отчествами, с примечательными чертами. Историки, изучающие ту пору, могут ему позавидовать.

Казалось бы, поэт, по определению человек не от мира сего, а как знает рычаги и пружины власти! До тонкостей представлял, на кого и как надо было «выйти» из бонз писательского, партийного или государственного мира, чтобы добиться своего. В том числе дефицитных в ту пору поездок за рубеж.

Человек он талантливый, это несомненно. В шестидесятые-семидесятые его знала вся страна. Да что страна – полмира. Говорят, такой славы в России не было даже у Пушкина. Но в чём он более талантлив – как поэт или как мастер выстраивать отношения – сказать трудно. Не уверен, что так же широко отмечались бы юбилеи его соратников Вознесенского, Окуджавы, Рождественского или Ахмадулиной, доживи они до его лет. И это при нынешнем равнодушии к поэзии.

«Да что отношения с людьми, – думаю я. – С парками он нашёл общий язык!..»

И мистический холодок пробегает по спине, когда в очередной раз вижу на телеэкране старческое лицо человека, пережившего свою славу.

ТРЕТИЙ КЛЮЧ

Один из героев моей ранней повести видит высоко в небе самолёт. Время предвечернее, на земле вот-вот наступят сумерки, а серебряный крестик всё ещё освещён солнцем.

Мой герой – только что вернувшийся из армии парень – замирает. Его душа рвётся в высь за самолётом,

он становится для него символом настоящей, яркой, праздничной жизни. Так не похожей на будни родного городка и тем более – на армейские будни...

Самолёты с тех пор изменились. Сейчас они в основном турбореактивные, оставляющие за собой инверсионный след. Сначала этот след в высоком небе ровен и чётко. Но потом всё больше и больше расплывается, перестаёт быть ровным – его размывают ветра, дующие высоко над землёй. Потом след и вовсе исчезает.

Какие чувства испытал бы мой герой теперь, глядя на высокий самолёт? Этот вопрос я задаю, в общем-то, себе – едва ли не каждый значимый персонаж это альтер эго писателя. Жизнь моего постаревшего героя уже не «ключ юности, ключ быстрый и мятежный», который «кипит, бежит, сверкая и журча». А завершающие строки пушкинских «Трёх ключей» звучат так: «Последний ключ – холодный ключ забвенья, / Он слаще всех жар сердца утолит».

Метафора. Тающий инверсионный след – след от мечты, от самой жизни человека. Но знать это нашему сознанию скорее горько, чем сладко.

«ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ...»

Никогда не понимал, почему остановившееся мгновение – это плохо. Мне всегда чудились в подобном утверждении метафизическое умствование и фальшь. Мол, мгновению, пусть даже прекрасному, нельзя останавливаться, потому что не состоится будущее. Но почему целью жизни должно быть неведомое будущее, а не существующее вот теперь, сейчас счастье?.. Этакое движение ради движения.

Я, например, хотел бы навсегда остаться в юности, когда ещё были живы папа с мамой, бабушка. Когда сам был полон надежд и света. Находиться в таком состоянии и таком окружении – разве не счастье?

И разве не покойной, с тихими радостями вечной жизнью награждается в итоге булгаковский Мастер?

Да и что такое наш христианский Рай? Навсегда оставившееся прекрасное мгновение. А уж религия-то знает, что пообещать человеку, лишь бы он не оскотинился.

С ИЗУМЛЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Видимо, это возраст. То, мимо чего раньше проходил не задумываясь, сейчас вызывает тёплые чувства. Благодарностью наполняется душа, когда после промозглой улицы оказываюсь, например, в сухом уюте избушки. Ведь это надо было кому-то (когда ещё ничего такого в помине не было!) придумать жилище, способное защитить человека от непогоды. Чтобы не дуло со всех сторон и чтобы не поливало сверху.

Нежно прикасаюсь к белёному боку печки. И её кто-то придумал со всеми её хитроумными, сохраняющими тепло ходами, поддувалом для тяги и задвигающейся вьюшкой. Мы сейчас печкой пользуемся, и ещё долго люди будут пользоваться этим древним изобретением. Или, скажем, подпол. И рядышком всё, под рукой, достаточно откинуть крышку и спуститься на полтора-два метра вниз. И не помёрзнут продукты в подполе зимой, не испортятся летом.

А часто ли задумываемся над тем, сколько понадобится ума и терпения, чтобы изобрести обычную ткань? Ту, из чего наша одежда и многое вокруг. Ведь это надо было сообразить переплести нити так, чтобы они образовали плотную материю, которую и постирать можно, и покрасить, и размер которой зависит от желания человека. А для этого сначала придумать кросна – станок для изготовления ткани, что само по себе остроумнейшее изобретение. Не говорю уж о том, что сначала из шерсти нужно было изготовить пряжу, а как соединить короткие шерстинки в бесконечную нить тоже не каждый мог додуматься. Ещё сложнее с нитями из льна, крапивы, конопли. Шерсть готова изначально, её дают животные, а здесь требовалось подметить, какие растения могут пойти в дело, а

какие нет. Догадаться выдержать их в воде, отделить волокна от древесной основы, сделать мягкими...

Обычному, среднему уму это не под силу. И ничего удивительного, что в преданиях многих народов упоминается бог или неведомо откуда явившийся герой, который научил людей всему тому, что кажется нам теперь привычным и обыденным.

Да что жилища или одежда! С детским изумлением смотрю на обыкновенную пуговицу. Кажется, ничего проще не бывает, почти не замечаешь, когда застегиваешься. А ведь ещё несколько веков назад вместо пуговиц были завязки. Попробуй справиться с ними, если пришёл с мороза и пальцы не гнутся!

На каждом шагу нас окружают озарения неизвестных гениев. Имена этих людей затерялись в тысячелетиях, но придуманное ими стало кирпичиками, из которых состоит наш быт. А в конечном счёте – цивилизация.

ТЕРПЕНИЕ БУКСИРОВ

С нашего огорода Вах как на ладони. Конец июня, но вода в реке ещё прибывает, всё ниже становится кромка противоположного берега. Заливные луга на той стороне вполне соответствуют своему названию – покрыты мелкой водой.

Но не на это обращаешь внимание прежде всего. Суда на реке – вот предмет интереса. Ловишь себя на мысли, что за зимние месяцы соскучился по их виду.

Большие, с двухэтажной рубкой теплоходы, толкающие перед собой тяжело гружёные баржи со щебнем – кажется, вода вот-вот захлестнёт низко сидящие борта. Теплоходы поменьше, гонящие вверх по течению одну, а то и две аппарельки, прилепившиеся к их бокам. Какой-нибудь чумазы́й буксир, натужно тянущий на длинном тросе посудину с жилым вагончиком и видавшим виды бульдозером... Заказчикам не до шика, фрахтуют любые суда, лишь бы успеть по большой воде доставить на место грузы.

Смотришь, как появляется из-за поворота реки та-

кой буксир, как томительно медленно, по-черепашьи двигается в твою сторону. Ты уже половину грядки успел прополоть, а буксир всё ещё на подходе, никак не одолеет эти несколько сотен метров.

Невольно думаешь: а ведь впереди у него сотни не метров, а километров! Какое надо иметь терпение, чтобы одолеть этот путь, его выматывающие душу медлительность и однообразие!..

Не так ли и наша жизнь? Достигает цели тот, кто последователен и упорен. Кто способен преодолеть тоску и медлительность бытия.

Терпеливые буксиры на реке – метафора жизни.

ПОКОЙ

Прийти в избушку, здороваясь по дороге с нечастыми встречными. Посмотреть с высокого берега на Вах – начало декабря, а полыньи ещё не затянуло, палят. Бросить традиционную сушку Мистеру-Твистеру, вылезшему из будки и сладко потягивающемуся. Взять лопату и не спеша отбросить снег от крыльца, вдыхая вкусный морозный воздух.

Затем проинспектировать подпол – не поедена ли картошка, мыши в эту пору уже возвращаются с огорода, где обитают до холодов. Удовлетворённо окинуть взглядом банки с вареньями и соленьями – постаралась моя Галина Александровна, вполне хватит семье до следующего лета...

На первый взгляд, повседневность, способная надоесть рутину. Но в моей душе покой и умиротворённость. А сознание, что, вернувшись домой, напьюсь чаю и засяду в уютном круге лампы сочинять, делает меня ещё счастливей. Ничего другого душе не надо.

В который раз вспоминаю булгаковскую Маргариту, попросившую для Мастера покоя как награды. В молодости я не понимал, какое это великое благо для прожившего человека.

Созрел...

РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ С ОЛЕЙ ГУСТЕШОВОЙ

В этом был свой кайф – с Игорем в такой день останется сидеть свекровь. Ольга не планировала, само вышло, и она, когда сопоставила, усмехнулась. Ваш счёт, мадам. То, что свекрови к тому же придётся отказать от поездки на дачу, тоже было неплохо. Мелочь, но приятно, как говорится.

Что-то Ольге подсказывало, лишний раз дразнить гусей ни к чему, но она всё же подняла трубку и набрала номер.

– Зинаида Викторовна? Доброе утро. Я Игоря предупредила, сегодня из школы его забираете вы.

– Оля, у меня хорошая память, – после секундной паузы ответила свекровь. И Ольга отчётливо представила её сдержанно досадливое лицо, полную белую руку с перстнем, прижимающую к уху трубку.

– Так я могу на вас рассчитывать, Зинаида Викторовна? – как бы даже заискивающе и с благодарностью спросила Ольга.

– Вы всегда можете на меня рассчитывать, Оля, – ровным голосом сказала свекровь. – Всего хорошего.

Ольга ещё посидела, удовлетворённо слушая гудки. Потом тоже опустила трубку. Лимитчица. Она, коренная москвичка!.. Разнеженный Славка как-то признался в постели, что так свекровь зовёт её. Сказал со смехом, но Ольга запомнила. Она не забывала таких вещей.

Она легко поднялась от телефона и, включив телевизор, принялась за уборку. Обычно убиралась по выходным, но сегодня особый случай, всё обязано блеснуть. Антон должен видеть, что она представляет из себя как хозяйка. Секс сексом, но когда мужику за тридцать, он начинает ценить налаженный быт. И на обед всё будет тип-топ, на кухне размораживается

индейка. Не пошлая курица, а настоящая индейка. Из духовки да под винным соусом!.. Ольга негромко запела, у неё было глубокое волнующее меццо.

В начале двенадцатого она спустилась в магазин – оказалось, что в доме нет кетчупа. Это кстати. На днях видела в универсаме итальянский. Он вполне хорош, а в их универсаме дешевле, чем в коммерческих ларьках. В доме всё должно быть на уровне. Даже в мелочах, Антон наблюдательный, оценит и это.

День был солнечный, по-октябрьски золотой – в окна на лестничных площадках обсаженный деревьями двор как на ладони, – и Ольга опять усмехнулась, чуть сузила глаза. Хорошо сейчас работать с граблями на солнышке, палый лист яблонь вокруг дачи чудесно пахнет, воздух свежий, голубоватый... Увы, мадам!

На втором этаже ставили металлические двери. Какая-то эпидемия с этими дверями, – можно подумывать, все поголовно разбогатели, боятся, что ограбят. Двое молодых мужчин в клетчатых рубашках и комбинезонах – под западных рабочих – закрепляли притолоки, покрашенные блестящей чёрной краской. Один из мужчин окинул спускающуюся по лестнице Ольгу долгим взглядом. Ольга холодно посмотрела на него. И в ту же секунду её словно током пронзило.

Д а! Д а!

Она почувствовала, как жарко и сладко дёрнулось внизу живота, как мгновенно потяжелели, сделав тесным бюстгальтер, груди. Чёрные усы, откровенный прямой взгляд, крепкое лицо с раздвоенным подбородком – её тип. Мужчинистый мужчина, как говорили девки на прежней работе, в салоне. Жан Марэ, Александр Серов.

Не меняя выражения лица, она прошла мимо. Уж что-что, а владеть собой Ольга умеет.

В своё время у неё было несколько таких парней. С ними она действительно не знала проблем с оргазмом, минута – и готово. Но эти на вид крутые мужики для жизни не годятся. Вскоре оказывалось, что или здорово зашибают, или такие ничтожества, что

противно. А один, майор из академии Жуковского, всё время норовил сделать двустволкой. Отлично учился, пояс по тхеквандо, а как ложились в постель, начинал просить изображать мальчика. На Жана Марэ оказал-ся похожим не только внешне.

В общем-то, когда у тебя появляется опыт, понимаешь, жить эмоциями нельзя. Замуж она вышла за Славку, хотя кончает с ним по большим революционным праздникам. Зато надёжная семья. Для женщины это много значит. Есть, конечно, и к Славке претензии, иначе не закрутилось бы с Антоном, но по большому счёту он не худший вариант.

Ольга подумала о муже почти нежно, даже с лёгким сожалением, будто они уже разошлись. Если серьёзно, всё в жизни случайно, в том числе близкие люди. Заменяемо – вот точное слово. Знакомишься с неплохим вроде бы человеком, каких в Москве сотни тысяч, начинаются отношения, привязываешься, но всё, если без романтических соплей, – из тебя самой. Ты – главное. Будет другой человек – всё окажется таким же, ну, с небольшими вариантами. Этот или другой, разницы особой нет, потому что основное ты сама. Однажды по телевизору Ольга видела сюжет, как шелкопряды выют коконы. Им бросают сухие ветки, и каждая гусеница устраивается на той, что к ней ближе. Хотя веток этих куча.

У подъезда, толкая перед собой детскую коляску, гуляла Света с третьего этажа. На мгновение Ольга задержала шаг. Совсем ни к чему, что Света увидит её, – все нормальные люди уже на работе. Она, конечно, не будет знать, к кому в подъезде идёт Антон, но бережёного бог бережёт. Надо что-то делать. Широко улыбаясь, Ольга направилась прямоком к коляске.

– Как живёте, как животик? – Она склонилась над ребёнком, зачмокала губами. – Какие мы большие, какие серьёзные!.. Не приставай к нам, тётка!..

Света смотрела на неё с недоумением. Что ж, понятно, Ольга не слишком подпускает к себе, подруг в подъезде у неё нет.

– Свет, ваши из деревни картошку в этом году привезут?

Соседка, всё ещё недоумевающая, пожала плечами.

– Вроде обещали.

Она несколько раз пыталась поближе сойтись с Ольгой – то забежит денег на день-два перехватить, то сообщит, что в овощной дыни завезли, – но Ольга держала её на расстоянии. Что у неё может быть общего с этой многодетной бабой? Двое в садик ходят, так ей показалось мало, третьего завела. Это по нынешним-то временам.

– Светик, большая просьба. Если будет возможность, мы купили бы мешок, а? Ладно?

– Хорошо. – Соседка опять пожала плечами.

– Ну, побегу. Опоздала – кошмар! Начальник холку намылит, точно. – Ольга сделала рукой в сторону коляски. – До свиданья, маленький!..

Пусть думает, что она из-за картошки подкатилась. Главное, чтобы видела, её дома нет, ушла на работу. Если даже заметит Антона, его появление связывать с Ольгой не будет. А как уж она проскочит незамеченной обратно, это её проблемы...

С гуляющими мамашами надо быть осторожной. Очень. Целыми днями ошиваются во дворе, всё видят.

До обеденного перерыва в департаменте время ещё оставалось, и ванну Ольга принимала не спеша. Приятно было лежать в пахнущей лавандой воде, расслабленным движением отводить от лица высокую лёгкую пену. Хорошо.

Однако настоящего покоя всё-таки не было. Чем ближе к часу, тем муторней становилось. Ольга знала за собой эту особенность, вернее, слабость. С утра вроде бы ничего, всё четко и ясно, никаких комплексов, а потом потихоньку начинал точить червячок, появлялась дурацкая неуверенность. Волей только держалась. И – логикой.

Она отлично понимала, что рискует, но в самом деле наступила пора пригласить Антона к себе. Конеч-

но, лучше бы на нейтральной территории, но снимать квартиру ей не по карману, а Антон ни разу даже не заикнулся. Любовь в конторе для начала, может, и неплохо, но если хочешь серьёзных отношений, нужно переводить на другие рельсы. Иначе, Ольга знала, закончится ничем, само собой сойдёт на нет, а это в её планы не входило.

И ещё. Был в её приглашении один момент, может, самый главный. Надо знать, как далеко Антон намерен зайти. Одно дело собачьи радости на работе, другое, когда замужняя женщина приглашает тебя домой. Это уже обязывает. А мужики, в общем-то, трусы. Надо было видеть Антона, когда она попросила отгул и сказала зачем. Опустил голову и принялся один за другим выдвигать ящики стола, будто там его ждало что-то необыкновенное. «Тебе неудобно, что Славка одноклассник, стараясь, чтобы в голосе прозвучало лёгкое разочарование, спросила она. – На коллегии ты был без сантиментов. До сих пор помню, как врезал этим мафиози...»

Рассчитала она верно. В них столько мальчишеского, лишь подхвали, в лепёшку расшибутся. А уж показаться трусом не бывает хуже. «Хорошо, – сказал Антон и поднял на неё усмешливые глаза. Он всё понимал, человек неглупый, а всё же делал, делал, как она хотела! – Приду, девушка. Всё нормально».

И всё же Ольга теперь сомневалась. Может, обычный её бзик, вдруг накатившая неуверенность, а может, и нет. Каждый человек – ящик с двойным дном, что-то на виду, а ещё больше скрыто. Чего, например, Антону стоит сказать, что как раз перед самым обедом его вызвало начальство? Или неожиданное совещание, и такое бывает. Да мало ли. Вычислай потом, так ли на самом деле или благовидный предлог. Ещё эта заноза – Вика, жена, тоже надо что-то делать. Антон с ней то сходится, то расходится, может, Ольга для него так, сбить охотку, и нынешнее положение его вполне устраивает.

Глухо – сквозь дверь – зазвонил телефон. Ольга по-

тянулась к халату. Полногрудая, белокожая, ещё стройная, она приподнялась над ванной, но тут же, улыбнувшись на себя, опустилась обратно. Рефлекс. Её нет сегодня дома. Для всех, кроме Антона, она в Медведково, в местной командировке, вернётся поздно.

Звонки оборвались, однако через минуту телефон зазвонил опять. Дублируют. Интересно, кто? Стараясь не намочить волосы, которые упрямо вылезали из-под шапочки, Ольга откинулась назад, удобнее устроила затылок на крае ванной. Нет никого дома, нет!..

А поначалу она на Антона не обратила внимания. Обычный мужик, уже с залысинами и брюшком, хотя со Славкой они одногодки. Славка их и познакомил на встрече выпускников. Ольга к таким мероприятиям относилась прохладно, в своей школе ни разу не была, да и зачем они, эти надоедливые «а помнишь?» от давно уже чужих друг другу людей? Но Славка её потянул с собой. «Ты ничего не понимаешь! – Он крутился перед зеркалом, прикладывая к рубашке то один, то другой галстук. Ольга давно не видела его таким возбуждённым. – У нас отличные ребята, в школе был самый дружный класс!.. И в бизнесе ребята могут помочь. А что, идея!» Ольга ничего не сказала, но про себя усмехнулась. Бизнесмен по трёхпалым рукавицам...

Славкины одноклассники её в самом деле удивили. Обнимались, кричали, перебивали друг друга, женщины пустили слезу. На столах одно шампанское, а вели себя, как здорово поддатые. Славка прыгал стрекозлом, цвёл и пахнул – Ольга не знала, что он может быть таким. Мужчины сгрудились в кружок, согнулись, как хоккеисты перед матчем, что-то неразборчивое скандировали, потом запели про негра Томми саженного роста, которого линчевали за любовь к белой девушке, хоть кожа чёрная у нас, но кровь красна...

По всему было видно: этот работяга, этот в конторе где-нибудь сидит, этот из нынешних – смотрит как бы издали, покровительственно, – но все дурили и

бесились, как пацаны. «Оля, я здесь человек! – шептал Славка, глаза у него были сумасшедшие. – Ребята мои, девчонки!.. Оля, счастье!..» – и бил себя кулаком по коленке. Ольга немного даже обиделась – выходит, она счастья мужу не дала, раз он счастлив среди бывших одноклассников.

С Антоном они оказались рядом за столом. Когда он узнал, сколько Ольга получает (салон без работы, клиенты почти не ходят), предложил утроить к себе, в недавно организованный департамент. И устроил. Взял в инспекцию, в котором был замом начальника. Славка, тот только щёки умеет надувать: «Не бойсь, с моими связями ноу проблемс!..» Будто сам не убедился, как бывшие комсомолята шарахаются друг от друга. Не то что ей, ему помочь не захотели. Сообразительные ребята, одни из первых подались в бизнес. Славка у себя в райкоме промедлил, думал, Горбачёв устроил великую провокацию, выявляет ренегатов. Дитя. У них вся семья с прибабахом. Это поначалу Ольга считала, что ей повезло – свёкр кандидат наук, преподаёт, свекровь знает французский, что-то там переводит. Всё ясно стало потом. Свёкр, пока не умер, таскался, уже пенсионер, к себе в институт на партсобрания, после девяносто первого устраивали сходки на квартирах, клеймили, пели «Интернационал»... Свекровь, наоборот, оказалась демократкой, до октябрьских событий ни одного митинга в Москве без неё не обходилось – ещё бы, дворянских кровей...

Славка после райкома долго не мог устроиться. С большим трудом взяли в фирму, которая занимается рабочей одеждой – комбинезоны там, рабочие рукавицы, халаты. Платят немного, меньше, чем она в департаменте получает, но не это хуже всего. Сломался её благоверный. Может часами лежать на диване, изучает узоры на покрывале. Или вдруг вскочит, давай, мол, схожу в магазин, уберусь в квартире. Как-то даже бельё постирал. Суетится, а всё равно пришибленный. Тридцать два мужику, мог бы запросто вписаться в си-

туацию, сейчас как раз такие делают деньги. Чего-то ему не хватило, хотя данные вроде бы...

Ольга глубоко вздохнула и поднялась из ванны. Скоро час, пора. И надо посмотреть, как там индейка в духовке.

Сегодня всё должно быть на высшем уровне. Обязательно!

Антонов приход был смазан. Опять зазвонил телефон и звонил так настойчиво, что Ольге сделалось тревожно. Однако она не шевельнулась, не отошла от окна, из которого видна была остановка. Нет её дома, нет.

Трубку нельзя было брать ни в коем случае, всё так, но времена, когда она ждала от жизни чудес и счастья, давно прошли. Вместе с не по-хорошему упорными звонками выскочила мысль, которая постоянно сидела в ней и которой она боялась, – что-то с Игорем.

Она подошла к телефону, минуту стояла, не поднимая трубки, потом всё же не выдержала.

– Да.

– Наконец-то!.. Ты, мать, даёшь, полчаса телефон обрываю! На горшке сидела?

Ольга узнала сразу: Женька Веселова, вместе работали в салоне. Первым порывом было обложить её, но Ольга сдержалась.

– Вы ошиблись номером, – сказала она и положила трубку.

Нашла время звонить, идиотка!

Она знала, что Женьке нужно от неё, откуда эти звонки чуть ли не каждый день и долгий трёп ни о чём. Веселова ушла из салона на год раньше её. Тётка она активная, хабалистая, стала мотаться в Эмираты, торговала в Коньково и одно время звала Ольгу к себе – мол, человек с головой в этом деле не пропадёт. Ольга не пошла. Поздно, челноки, кто первым среагировал, сливки сняли. А тут и работа в департаменте подвернулась. Угадала она точно – у Женьки начались неприятности то ли с налоговой инспекци-

ей, то ли с рэкетом. Ей даже мебель пришлось продать. Теперь она искала нормальную работу, клещом впилась в неё. Ольга могла бы помочь, в хозу есть места и отношения с бабами у неё там хорошие, но что-то подсказывало – не торопись. Повремени. Так будет лучше.

Ольга даже не сразу сообразила, что на этот раз звонят в дверь. А когда наконец поняла – нет, не телефон, – бросилась в прихожую. Но всё равно осталось подспудное, тревожащее: почему звонят домой, если она на работе?.. Другие чувства перебили беспокойство. Потом, ладно.

В белом плаще, с дорогим букетом роз Антон смотрелся импозантно. Стоял у порога, улыбался и был несколько смущён. Ольга быстро впустила его, закрыла дверь и почувствовала, как пружина внутри ослабла. Пришёл!.. И смущён. Хороший знак.

– Не откажите в милости. – Антон подал потрескивающий целлофаном букет и затоптался, снимая в тесной прихожей туфли. Он не знал, как себя вести и от неловкости переигрывал. Похохатывал, преувеличенно внимательно рассматривал безделушки на трюмо, кивнул на поданные Ольгой шлёпанцы: – Славкины?..

– Обижаешь, начальник. Ненадёванные, – в тон ответила Ольга.

Она опять чувствовала себя уверенно, хотя, в общем-то, всё только начиналось. Спрятала лицо в цветы, вдохнула нежный, пахнувший молодостью запах. Дарили. Трезво подумала, что придётся выбросить в мусоропровод. Славка не должен ни о чём догадываться, всё ещё так тонко.

– Я тебя такой ещё не видел. – Антон удивлённо смотрел на неё. Румянощёкий, крепкий, словно гриб-боровик, он был по-своему симпатичен и восхищался, похоже, искренне: – Царица!.. Я не шучу.

Ольга, поправив складки на новом платье, не знала, куда девать руки. Она волнуется, встреча с мужчиной дома для неё не обычное дело, Антон должен это

видеть. На него она не смотрела, но чувствовала, как в нём что-то быстро менялось.

– Я так не могу. – Антон не сводил с неё глаз. Он сглотнул и подался вперёд, обнял жёсткими руками.

Ольга хорошо знала, что это значит у мужчин.

– Ты хоть плащ сними!..

Хорошо, что не вытащила индейку из духовки, стыла бы сейчас на столе.

Антон шепнул:

– Что-то не так?

– Всё нормально.

– Я же чувствую.

– Всё хорошо. – Ольга сосредоточенно прикрыла глаза, откинула на подушку голову и принялась с силой поддавать бёдрами навстречу Антоновым движениям. – Сейчас, милый, сейчас... минутку... подступает...

Его не обманешь. Это Славка балдеет, когда она изображает негритянскую страсть, а Антон как-то хмыкнул: «Театр одного актёра, девушка?..» Самое слабое место в их отношениях. На работе можно было свалить на обстановку, на то, что могут постучать в дверь, а здесь это не проходит.

Таскаешь, таскаешь свои травинки, разные зёрнышки, всякий нужный сор – муравей! Где улыбнёшься, где пригласишь в комнату на чай, где дешёво попадутся маслины, обязательно пару банок для него – вам случайно не нужно, Антон Сергеевич, а то я пожадничала, набрала вот. Или вдруг задумчиво скажешь, нет, мол, душевно близкого человека рядом. Славка, что Славка – вместе растим ребёнка, всё давно прошло. Хотя, конечно, по-своему дорог, всё-таки муж. Что дорог – обязательно, она не профура и не собирательница скальпов. И всё нужно мягко, на полутонах, не перегибать палку. Баб, которые откровенно бросаются на шею, мужики боятся. Сколько терпения, унижений и зависимости, кто бы знал!..

Ольга попыталась сосредоточиться, представить что-нибудь из «Калигулы». Антон нёс глуповатое, по-

стельное, бог с ним, верит, что женщина любит ушами. Она взяла его руку, просунула между вспотевшими животами – туда, вниз, к заветному.

– Девочка моя... – Антон погладил её, нежно коснулся уже успевших сбиться волос на подушке. – Не получается, и ладно. Ты мне и такая нравишься, оставь.

Ольга не ответила. Нет уж, на такие штучки она не покупается. Подумает, фригидная. Фригидных мужчины не любят. Оставалось одно средство, которое она открыла для себя недавно. Что-нибудь сильное, резкое, жёсткое. Последняя коллегия, когда Антон врезал этим лощёным мальчишкам из благотворительного фонда. Она тогда почувствовала почти то же, что и сегодня на втором этаже, где ставят дверь. После коллегии даже пришлось пойти поменять прокладку.

Так, Антоново разгорячённое лицо, жёсткие слова, губы чётко произносят каждую букву, сила в борцовских крепких плечах, шее – и перетрухавшие молокососы, устроились, сволочи жидкие, у каждого счёт за границей, на иномарках ездят. Антон их давит, размазывает по стенке, в нём сила, гнев, мощь, его не удержать, не запугать, киллеров не боится – бледные, глазки опустили, трещат куриные кости, дерьмо полезло, ничто не поможет, сволочи, подступает, давит их, Антон, дави, ничтожества, мразь, подступает, подступает, Антон, сволочи, сволочи, Антон!..

Она сама такого не ожидала. И так быстро. Вверху лопнуло множество огней, расцветило небо пронзительное счастье. И ещё раз! И ещё!..

Праздник, салют. Даже больно.

Ольга обмякла, руки соскользнули с Антоновой спины, голова обессилена завалилась набок.

– Однако!.. – Антон был приятно удивлён. Он грузно опустился рядом, просунул руку ей под голову и притянул к себе. – Умница моя. Мы с тобой дуплетом.

– А то, – слабо сказала Ольга.

Слава богу!..

Момент был самый неподходящий, умиротворён-

ность и полная расслабуха, но именно тут её осенило. Словно из кубиков с разноцветными боками – такими кубиками ещё недавно играл сын, до сих пор где-то лежат на антресолях – вдруг сам собой сложился цельный рисунок. Женьку Веселову она в департамент устроит, ладно. Но сначала та должна помочь с Викой, Антоновой женой. Нужно сделать так, чтобы они разошлись окончательно. Как – не её проблемы. Если Женька хочет работать в департаменте, пусть думает. Всю информацию она даст, а там Женькино дело. Женька ушлая, сумеет.

Всё сошлось чётко и жёстко, едва ли не с металлическим щелчком.

От неожиданной удачи Ольге стало весело. Её охватило нетерпение, захотелось сейчас же спросить Антона о жене (она её как-то видела, Вика заходила в департамент – крашеная блондинка, ничего особого). Но Ольга знала, теперь нельзя. Уткнувшись Антону в плечо и посмеиваясь, она стала рассказывать, как обвела сегодня вокруг пальца бдительную соседку, вернулась домой никем не замеченной.

У них должны быть общие истории, свои тайны, понятные с полуслова приколы. Это связывает прочнее секса. Антон должен считать, что отлично знает её, что она перед ним как на ладони. Долгий, осторожный труд. Она терпеливый муравей.

– А как ты вернулась? – Антон по-прежнему обнимал её, пресыщенного равнодушия не чувствовалось в нём. И Ольга опять порадовалась: похоже, действительно любит.

– А ты не обратил внимания на террасу вдоль четвёртого этажа?

– М-м... Что-то такое есть.

– Это на случай пожара. Вдоль всего дома, есть выход на лестницу каждого подъезда... Ну?..

Антон пристально смотрел на неё, его губы расползались всё шире и шире.

– Да ты коварная женщина!.. Вошла в другой подъезд, по террасе – и на свою лестницу?..

– Соображаешь, – Ольга польщённо улыбалась. – Сам понимаешь, мне гласность ни к чему, я не Горбачёв. Антон захохотал и принялся тискать её.

– С тобой надо быть бдительным!

– Не тебе, – шепнула она. – Не тебе, милый...

Уже потом, думая обо всём случившемся, Ольга никак не могла вспомнить, кто из них первый услышал, как задёргалась на цепочке дверь.

Выражение Антонова лица запомнила хорошо – мгновенная отчуждённость, неприязнь. Наверно, подумал, что она его подставила. «Кто?» Ольга выскочила из постели и метнулась к двери в спальню, где они были, щёлкнула задвижкой. Это Славка, ключ только у него. Почему?! Сам говорил, будет весь день занят, у них на складе инвентаризация!..

На какое-то время она потеряла голову. Это только в анекдотах смешно, когда муж приходит домой и застаёт любовника. «Одевайся, посидишь на балконе! – зашептала она и бросилась, комкая, собирать валяющуюся на паласе Антонову одежду. – Быстро! На!..» Глупо, конечно, и тоже из анекдота – прятать любовника на балконе. Позже Ольге будет неприятно вспоминать об этом. Антон усмехнулся и отстранил её: «Не пори горячку». Он оделся и вышел в прихожую, где сквозь щель, что позволяла цепочка на входной двери, слышался сдавленный Славкин голос: «Оля, что случилось? Оля, открой!..»

Она щёлкнула за Антоном задвижкой и принялась быстро одеваться. Глухое бормотание мужских голосов, возня, что-то упало, похоже, Славка рвался к спальню, Антон не пускал. «Ну, блядуга! Я тебе!..» Ожесточённое сопение, может, дерутся.

Ольга уже взяла себя в руки. Здесь её не должно быть. Пусть мужчины разбираются сами. Она дождалась, когда немного затихло – кажется, Антон оттеснил Славку то ли на кухню, то ли в Игореву комнату, – и выглянула в прихожую. Схватила плащ и выскочила на лестничную площадку. Так, хорошо. Теперь за Игорем. Как бы дело ни повернулось, она его не уступит.

Сын у свекрови, и Ольгу словно обожгло – придётся встречаться с этой сукой. То, что Славку навела свекровь, она ни на секунду не сомневалась. Где просчёт, что она не учла?!

Из автомата у метро она позвонила матери. Трубку долго не брали.

– Мамун, это я. Сейчас с Игорем приеду, останемся ночевать.

– Случилось что? – хмуро сказала мать.

– Приеду, расскажу. А что у тебя? Голос какой-то...

– С читателем, паразитом, воевала! – заблажила, будто только и ждала Ольгиного вопроса, мать. – Оба ваучера, сволочь, пропил! Хотела сегодня отнести, туда-сюда, их и след...

– Мамун, потом, – холодно остановила Ольга. Хотя в семье она была младшей, мать и сестра подчинялись, признавали её ум. – Читатель нажрался – вызывай милицию, скажи, хулиганит. Пусть среди бомжей посидит, подумает. Я сейчас приеду.

Мать сразу сбавила тон:

– Может, не надо милицию? Всё ж не молодой, ещё чего отобьют.

– Решай как знаешь. Но чтобы мой ребёнок пьяную морду не видел – поняла?

Читателем в семье прозвали отца, тихого пьяницу. Раньше, когда ещё жили в коммуналке на Каляева, мать стеснялась, что он в одиночку пьёт, и на вопрос соседей, чего это целыми днями не слышно мужа, кивала на дверь их комнаты, со значением говорила: «Читает!» С тех пор и пошло это «читатель».

В квартире свекрови Ольга позвонила с каменным лицом. Ни слова не говоря, быстро одела Игоря и лишь перед самым уходом, уже в дверях, неожиданно, остро взглянула, рассчитывая что-нибудь заметить в Зинаиде Викторовне. Уж она бы ей всё тогда сказала!.. Но столбовая дворянка делала вид, что ей жалко расставаться с внуком. Придерживала на вислой груди халат, сладко пела:

– Игорёк, не забывай бабушку, хорошо, дружок? Приезжайте с папой в воскресенье, в зоопарк пойдём.

Стерва! Где, где она прокололась? Неужели, когда Женьке Веселовой ответила, а эта набрала номер, было занято, и она что-то сообразила?..

В метро Ольга подумала, что документы дома оставлять нельзя. Славка, хотя в прошлом и комсомольский работник, бывает дурным, может с ними что угодно сделать. На Пушкинской она пересела и через полчаса, держа Игоря за руку, стояла перед своим домом.

– Игорёк, иди к ребятам в песочницу. Я быстро.

Сын посмотрел на неё своими серыми глазами, удивлённо взмахнул длинными ресницами.

– Я уже большой, мама... Домой не пойдём?

У Ольги мягко, как ласковый зверёныш, повернулось в груди сердце.

– Ты побудь пока здесь.

Совсем ни к чему ребёнку быть свидетелем того, что может произойти. От Славки можно ожидать сейчас любой выходки.

Однако то, что она услышала, осторожно повернув ключ, озадачило. В квартире пели пионерские песни. В первый момент Ольга подумала, что это радио на кухне, но потом поняла – нет, Антон и Славка.

Она ждала чего угодно, но то, что Антон ещё здесь, более того, они вдвоём распевают песни, заставило растерянно остановиться. Из прихожей было видно, что постель в спальней всё так же разбросана, на паласе валяются мужские носки. А на кухне между тем пели:

Птица крыльями машет,

За собой нас зовёт.

Пионеры, друзья и товарищи наши,

Собираются в дальний поход...

– Старик, – вдруг отчётливо послышался Антонов голос, – я перед тобой виноват, старик! Я не имел права так поступать. Ударь меня, я сволочь!..

У Ольги всё внутри оборвалось. Она сделала шаг к кухонной двери, задержала дыхание.

– Ты не виноват, Тошка! Любовь всегда права! – Это уже Славка. – Я пас. Вы любите друг друга. Я не буду мешать, я не эгоист херов – уйду!..

– Категорически возражаю! Дай мне по морде, старик.

– Я не эгоист! Любите друг друга. Я к матери уйду, квартира ваша!..

– Оля твоя, старик! Я виноват, извини, Оля – твоя жена...

У неё лицо пошло пятнами, она с силой толкнула дверь. За кухонным столом сидели, обнявшись, муж и Антон. Под остатки индейки подтекало пролитое шампанское, которое она приготовила к Антонову приходу. Здесь же высилась неизвестно откуда взявшаяся и уже пустая бутылка «Распутина».

Увидев Ольгу, Антон поднялся. Выглядел он не таким уж и пьяным, как можно было подумать по голосу.

– Я пойду.

– Нет, я пойду! – Славка ухватил Антона за плечи и попытался посадить на место. Крепкий Антон не сдвинулся. – Это я лишний!..

Ольга переводила злые глаза с одного на другого. То, что она сейчас услышала, было оскорбительно само по себе. Но за всем этим всплывало ещё одно, намного хуже. Её с д а л и ! Её сдали о б а !.. Какое к чёрту благородство, какая порядочность. Просто оба от неё отказались!..

Она шагнула в прихожую, распахнула дверь на лестничную площадку и принялась срывать с вешалки и вышвыривать одежду.

– Пошли вон! Вон, козлы!

– Оля, ты неправа. Мы как интеллигентные люди...

– Вон!

Все так же в обнимку, задевая плечами углы и мебель, Антон и муж вывалились из квартиры. Ольга с остервенением захлопнула дверь. И остановилась, не зная, что делать дальше.

Красиво её сделали, грамотно! Кто бы подумал!.. Недоценила, как недоценила!..

– У дороги чибис, у дороги чибис, – пели на лестничной площадке. Голоса постепенно удалялись в

пролёты, становились гулками, бубнящими. – Он кричит, волнуется, чудак. А скажите, чьи вы? А скажите, чьи вы?..

Даже сквозь дверь было слышно, что кто-то из поющих то ли смеётся, то ли рыдает. Кажется, Славка.

1995

ОСКОЛОК ИМПЕРИИ

Участковый Плесовских копал картошку, когда услышал недалёкий выстрел.

Удивляться, в общем-то, было нечему – охотничий сезон на водоплавающую птицу уже открылся. Настояривало другое: стреляли близко. Хотя и это можно было объяснить – озёра и старицы подступали к посёлку вплотную. Как раз на них опускались пролетающие утки.

Когда спина участкового под адидасовской курткой уже взмокла, ударила калитка на тугой пружине.

– Опять кого-то черти несут, – проворчала жена Лена, распрямляясь и глядя в сторону дома. Неполное ведро картошки покачивалось в её руке, обтянутой грязной резиновой перчаткой. За почти десять лет службы Плесовских она так и не привыкла, что к мужу могут обратиться в любое время. – Гос-с-поди, греческая смоковница!.. Опять у неё проблемы.

В голосе Лены слышалась чисто женская неприязнь. Мало того, что идущая от калитки Машка Сардакова напропалую гуляла, так весной у неё ещё умер ребёнок. Выполз вечером за порог и угодил в лужу. За ночь вмерз в неё. Машка в это время спала пьяная.

– Евгений Сергеевич, – ещё издали заговорила Сардакова льстивым голосом, – вам из сельсовета дозвониться не могут. У Батаева чэпэ. Осколок империи его медведя застрелил... То есть Ефим Егорович Сигильетов медведя застрелил.

То, что почти у каждого здешнего жителя была кличка («погоняло» – говорила молодёжь), Плесовских знал. Знал и то, что многих называли по имени-отчеству не из уважения, а потому, что иначе легко было запутаться в многочисленных членах нескольких хантыйских родов, проживающих в посёлке.

А вот почему Машка Сардакова заговорила таким голосом, он мог только догадываться. Машка закодировалась и уже третий месяц не пила. Её даже взяли техничкой в поселковую администрацию, где она по совместительству выполняла обязанности посыльной.

«На всякий случай прогибается, – подумал Плесовских. – Похоже, не надолго её кодирования хватит...». Сильно пьющих участковый не любил, и в посёлке это хорошо знали.

Через несколько минут он – уже в форме и с официальным выражением лица – шагнул в сторону рыбкооповского магазина. Низкорослая Машка Сардакова едва попевала следом. Что, впрочем, не мешало ей без умолку тараторить.

– Этот Ефим Егорович вообще оборзел. Считает, всё ему можно. Отец рассказывал, он такой крутой раньше был! Если олени в колхозе пропадут, сам воров находил, милицию вызывать не надо. Всем говорил, скоро коммунизм наступит, нужно только хорошо работать и не пить. Прикольно, ага?.. Совсем одичал на своём стойбище! За что медведя застрелил? На него даже нефтяники приезжали смотреть. Медведь как негра увидел, так забился в угол клетки, испугался. Нормально, ага?..

Машка забежала сбоку, искательно заглядывая Плесовских в глаза. «Точно, сорвётся скоро», – понял тот. С негром, инженером российско-американской нефтяной компании, действительно вышло смешно. К русским и ханты, которые частенько останавливались возле клетки, медведь привык. А вот чёрного человека увидел впервые. Мужики потом рассказывали, что медведь дрожал, прикрывался лапой и даже обделался. Может, привирают. Но негр обиделся, это точно.

– Правильно журналист его тогда назвал – настоящий осколок империи. Додуматься надо, лучше всего для хантов колхоз! Вот придурок!.. Мы что, дети, чтобы на нас всю дорогу давить? Воспитатели!.. Мы как люди жить хотим, свободно. Чего нас воспитывать,

этого нельзя, того нельзя... Я правильно говорю, Евгений Сергеевич?

Об истории с журналистом Плесовских тоже слышал. Несколько лет назад – он ещё здесь не работал – приезжал корреспондент из Москвы и попросил, чтобы его познакомили со старожилом из аборигенов. Что-то там ему для экзотики нужно было. Дед Сигильетов как раз находился в посёлке, с ним и познакомили. О чём они разговаривали, никто толком не знает. Только потом в поселковой администрации корреспондент качал головой и советовал внимательно присмотреться к старику. Не приемлет демократических преобразований. Может на других плохо повлиять. Даже не из застойных времен человек, а какой-то сталинист отпетый.

– Вы как представитель власти поддерживаете меня, Евгений Сергеевич? Хант тоже человек, свобода выбора у него должна быть. Жить надо, как хочешь. Согласно общечеловеческим ценностям. Я правильно понимаю?..

Плесовских покосился на неё. «Наслушалась телевизора... Сегодня и запьёт, – окончательно уверился он. – Как раз зарплату в администрации выдавать будут». То ли специалисты в райцентре были слабые, то ли ещё по какой причине, но на поселковых кодирование практически не действовало. Начинали пить поновой, когда хотели.

У рыбкооповского магазина стояла внушительная клетка, сваренная из армированных прутьев. Внизу её темнела непонятная издала груды. Рядом топтались несколько мужиков, курили и негромко переговаривались.

– Здравствуй, Сергеич, – вроде бы по-свойски, но в тоже время уважительно потянул руку фермер Батаев. Это был мужчина средних лет с бледным лицом, по виду язвенник. – Ерунда какая-то вышла, Сергеич. Думал пристрелить мишку по снегу, а видишь, опередили. – Батаев просунул ногу в белой кроссовке между

прутьями и толкнул тёмно-коричневую грудку, оказавшуюся мёртвым медведем. – Что сейчас с ним делать? Какая в сентябре шкура?.. Больше провозишься.

Плесовских тоже просунул в клетку ботинок с высокой шнуровкой и толкнул колыхнувшуюся массу. Казалось, медведь спит. Крови видно не было, лишь пологий лоб над полуоткрытыми глазами был мокрый, будто по шерсти потекло масло.

Мастерский выстрел.

– Кого-нибудь подозреваете? – как полагается, спросил Плесовских. Медведь принадлежал Батаеву, хотя фермер и держал его не на подворье, а рядом с магазином. Здесь постоянно крутились дети, подкармливали медведя хлебом и дешёвыми конфетами.

– Я вообще-то не видел, а вот мужики ... – заговорил Батаев. Глаза у него бегали.

Он был совсем непрост, этот человек, знающий, чего хочет от жизни. Раньше Батаев, участковый слышал, заведовал местным отделением зверопромхоза, принимал у хантов пушнину, обеспечивал их боеприпасом и платил зарплату. А когда зверопромхоз прикрыли, не запил, не слонялся без дела, как многие промысловики, а подался в фермеры. Под это дело районная администрация давала хорошие ссуды.

– Так кто стрелял?

– Да вот говорят... Мужики, кто?

– Осколок империи. Он.

Участковый помолчал.

– Будете заявление писать или договоритесь между собой?.. Чего так водкой-то несёт? – Плесовских повернулся к мужикам.

Те задвигались и отступили на шаг.

– Мы чего... Это от мишки, он пьяный был.

– Поили, что ли?

– Граммульку. Сам попросил.

Батаевский медведь был чем-то вроде бесплатного цирка в посёлке. Кто его приучил к водке, неизвестно, но пил он с большой охотой. Обхватывал обеими лапами поллитровку, стгрызал крышку и, обливаясь,

урча и закидывая голову, тянул из горлышка. Захмелев, вёл себя, как шепутной мужик – ревел и пробовал раскачать клетку. Плесовских однажды сам видел.

– Ну так что? Решили?

Фермер потёр ладонью шею, помялся.

– Тут вот такая ситуация, Сергеич... Медведь, конечно, мой, но подарил его дед Сигильетов. Так что вроде как и его тоже... – Батаев глянул в сторону мужиков. Лицо у него светилось честностью. – А с другой стороны, охоту открыли только на утку и гуся. До районной инспекции дойдёт, спросить могут, где, мол, были. На ваших глазах происходило. Не знаю даже...

Плесовских усмехнулся. Хитрован! И рыбку, значит, съест, и на хер сесть. Ладно, посмотрим.

– Пошли, – бросил он и зашагал от магазина.

Мебель в избушке Сигильетовых была убогая. Непокрытый стол, две табуретки, железная койка в углу... У порога сидела на корточках старуха и стирала в корыте с мятыми боками.

Плесовских много раз приходилось бывать в домах местных жителей, и каждый раз у него начинало саднить сердце, когда он видел эту бедность. А ханты, казалось, не придавали этому никакого значения.

– Здравствуйте, – поздоровался он. Батаев держался на полшага сзади.

Худой высокий старик (он сидел, но рост был виден и так) повернулся и посмотрел на них большими и мутными за стёклами очков глазами. В руках он держал какие-то листки.

– Здравствуйте, – с достоинством отозвался старик и снял очки, к которым вместо дужек была приспособлена резинка. Хохолок седых волос остался торчать на затылке. – Из-за мишки пришли? Я музей разговариваю. Сиди здесь, Антонина.

Антонина, красивая румянолицая хантыйка, устроившаяся перед стариком на табуретке, неуверенно посмотрела на Плесовских и сделала было движение подняться. Участковый успокоил её:

– Ничего, ничего. Мы подождём.

– Участковый тоже говорит, сиди, – довольный тем, что Плесовских не стал проявлять власть, ото-звался старик. – Участковый уважает музей.

Плесовских сдержанно улыбнулся:

– А почему бы не уважать?..

Антонина, директор краеведческого музея, ему нравилась. Мало того, что симпатичная, так ещё тол-ковая, недавно окончила институт в Питере. Не так часто это среди здешних жителей случается. Досадно было лишь то, что девушка отчего-то сторонилась его. Хотя своего отношения к ней Плесовских никак не демонстрировал.

– Тогда я покурю во дворе, – торопливо сказал Ба-таев и с готовностью прошмыгнул бочком за дверь, стараясь не задеть стирающую старуху.

Дед Сигильетов прищёлкнул языком и насмешли-во развел руками.

– При советской власти тоже плохой люди был. Од-нако ханта за бутылку работать не заставляли, – про-говорил он, явно имея в виду Батаева. – Сейчас можно, сейчас пожалуйста... Здесь я молодой. Тысяча шесть штук белка добыл. Фотографировали, грамота давали, отрез на костюм давали. – Он протянул Антонине по-желтевшую вырезку из газеты.

В отличие от большинства поселковых, говорил Сигильетов с сильным акцентом. Чувствовалось, всю жизнь провёл в лесу, а русский выучил в детстве, ког-да жил в интернате, и успел с тех пор его изрядно подзабыть.

– Ты просила, я стойбища привёз. Возьми газету музей, пусть музей будет. Кому отдам? Умру скоро. Грамоты тоже бери, много дали.

Антонина осторожно приняла ветхую вырезку, негромким, волнующим Плесовских голосом ска-зала:

– К верхним людям торопиться не надо. Торум всех в своё время позовет.

– Э, Торум! Я в Торума не верю, нет его.

– Ваши отец и дед верили, почему вы не верите?

Девушка быстро посмотрела на Плесовских. По всему чувствовалось, присутствие участкового ско-вывает её. Она вдруг перешла на хантыйский язык, и выражение лица у неё стало таким же, как в избушке Натускиных. Упрямым и замкнутым.

Тогда случилось то, что Плесовских до сих пор понимал плохо. Грамотный человек, пять лет в Ле-нинграде прожила, а... Бабка Натускина умирала от старости. Она пережила всех своих детей, внуки пере-брались в Покачи, и присмотреть за ней было некому. Когда Плесовских вместе со специалистом по соцза-щите поселковой администрации (это она подняла тревогу) вошли в избушку, от смрада невозможно было дышать. В тряпье на полу лежала высохшая му-мия и слабо постанывала.

«В дом престарелых отправим, – заявила специ-алист, грудастая громкоголосая женщина. – Хоть по-моют и накормят». «Не надо, – сказала Антонина, её взяли с собой переводчицей. – Я буду за ней ухажи-вать».- «Она твоя родственница?» – «Нет. Она от русской пицци умрёт». Специалист обиделась: «Чем наша пицца плохая?.. Ты ещё шамана вместо фель-дшера позови».

Директор музея упрямо наклонила голову: «Не надо ей мешать. Ханты лучше умирать дома. Так всегда было». – «Ты это серьёзно? – округлила гла-за специалист по соцзащите. – Сама тоже лечиться не будешь, если прижмёт?..». Антонина промолчала. Приводила она кого-нибудь в избушку Натускиной – чем чёрт не шутит! – камлать над старухой или нет, Плесовских не знает. Но до самой смерти бабки ходила к ней. В дом для престарелых так и не дала отправить.

– Торум! Торум!.. Витька, – возбуждаясь, быстро заговорил по-русски и стал совать в руки Антонины какие-то фотокарточки дед Сигильетов. Он погля-дывал на участкового, словно призывал в союзники. – Пьяный был, облас перевернулся, Витька утонул.

Нет мой сын!.. Вовка, дочка муж, ноги отморозил, отрезали. Дочка его кормит, пенсию один пропивает, протезы ходить не хочет. Хорошо?.. Тоже возьми, стеклянный ящик положи. Внук четырнадцать лет, костёр зимой зажечь не может, мордушку поставить не может, пить водку – может!..

Антонина опять что-то сказала по-хантыйски. Старик досадливо хлопнул себя по коленкам, деланно засмеялся. Чувствовалось, ему, пожилому солидному человеку, не полагается так горячиться в разговоре, особенно с женщиной, но уж очень, видно, за большое задела Антонина.

– Раньше молодые были, меня боялись, председателя боялись, милиция боялись, – с трудом подбирая слова, но всё же по-русски отвечал он, поглядывая на Плесовских. Вены на его худой шее вздулись. – Сейчас никого не боятся! Воруя, пьют, баня не ходят. Трахома ещё нет, вши есть, туберкулёз есть. Это хочешь назад было? Как дед жил и отец жил? Такой Торум надо?..

Спокойствие давалось Антонине нелегко. Её румяное лицо покраснелось ещё больше, стало пунцовым. Она тоже заговорила по-русски:

– Были туберкулёз и трахома, это правда. Но душа у ханты была живая, царь и купцы её не могли убить. А коммунисты хотели нашу душу уничтожить. Это хуже, чем туберкулёз и трахома.

Похоже было, что и она говорит это не столько для того, чтобы возразить деду Сигильетову, сколько для участкового.

– Ты тогда не жила, откуда знаешь?! – вставая с койки, закричал старик. – Почему говоришь?! – И перешёл на хантыйский.

Он, видимо, сказал что-то оскорбительное, потому что молчаливая старуха у порога замерла, не вынимая из корыта мокрых рук, а Антонина вскочила с табурета и, мотнув полами городского плаща, стремительно вышла за дверь.

Плесовских чувствовал себя неловко, будто присутствовал при семейной ссоре. Дед Сигильетов до-

стал из кармана мятую пачку «Примы» и закурил. Руки у него прыгали.

Участковый переложил с колена на колени папку из кожзаменителя, кашлянул. Нужно было работать. Однако старик заговорил первым:

– Как ребёнок мишка был, маленький сын. Оленья молоко ему на стойбище давал, из соски поил... Витька утонул, Вовка ноги отрезали, внук учиться не хочет, водку любит – нет родных...

Из путаного рассказа можно было понять, что в позапрошлом году кто-то из дальних родственников оставил у старика на стойбище медвежонка. Мать убили в берлоге, а недельного сосунка пожалели. Дед Сигильетов к нему привязался. Пока было можно, держал на стойбище, потом подросший медведь стал пугать оленей. Пришлось привезти в посёлок и отдать фермеру – в лес мишка уходить никак не хотел.

– Еду посёлок – хорошо, радуюсь! Мишка увижу, поговорю, ласковый мишка, всё понимает... Витька пил, Вовка пьёт, внук пьёт. Приехал – мишка пьёт! Лес жить не хочет, ягода есть не хочет, берлога спать не хочет. Пить – хочет! Зачем такой зверь?..

Досада и горечь в голосе старика были такие, что Плесовских не сразу спросил:

– Так вы его за это застрелили?

– Да! – с изумлением, словно удивлялся, что можно было поступить по-другому, подтвердил старик.

– Ружьё зарегистрировано?

– Регистрировано.

– Документ где?

– Стойбище лежит.

Плесовских кивнул на старую, с вытертым ложем тулку на стене:

– Оно? Из него стреляли?

– Да, – простодушно сказал старик.

Плесовских поднялся, снял с гвоздя ружьё, переломил пополам. Из стволов резко пахнуло порохом.

– Пока у меня побудет. Документ привезёте, верну. Порядок должен быть.

На лице у деда Сигильетова мелькнули обида, но он тут же согласно закивал головой:

– Да, да, порядок! Понимаю!..

Плесовских удовлетворённо кивнул. Со стариками работать легко, у них ещё прежняя закваска. Надо так надо. Это молодёжь по пустякам лезет в бутылку. Наслушаются телевизора...

Ни во дворе, ни на улице Батаева видно не было. «Жучара, – подумал участковый. – Смылся... Потому, наверно, и язва у него – всё думает, как бы выгадать».

Плесовских тоже знал, что на дальних протоках на Батаева рыбачат несколько поселковых ханты. Пушнину сейчас сбывать тяжело, а рыбу в городе продать можно. Денег Батаев хантам не платит, рассчитывается водкой. Тех это, видно, устраивает – с заявлением никто не обращался. Да и есть ли сейчас такая статья, чтобы за это привлекать?.. Другие времена.

А насчёт тулки он, Плесовских, правильно сделал. Как бы старик за сородичей не принялся. Пьющих в посёлке с избытком. Прошлой весной, во время межсезонья, когда связь с городом была только вертолёт, Плесовских пришлось взять в осаду одну из избышек. Там засел пьяный хант с ружьём и палил во всех подряд.

«Ты, главное, горячку не пори, – сказал по рации начальник районной милиции, тёртый калач, прослуживший на северах добрых два десятка лет. Рация трещала и подвывала. – Не вздумай штурмом брать. Ты следи, чтобы никто ему водку не носил. Протрезвеет, сам сдастся». – «Товарищ полковник, может, группу захвата?.. Застрелит ещё кого-нибудь. И к власти неуважение». – «Ага, сейчас я тебе вертолёт со спецназом отправлю, – спокойно сострил начальник райотдела. – Ты где служишь? Умей находить с аборигенами общий язык. Привыкли, понимаешь, на большой земле... В общем, действуй. В смысле, не пори горячку. Само должно устаканиться».

Вышло так, как и говорил полковник. Хант про-

трезвел и вышел из избышки безоружный. Покорно молчал, когда Плесовских надевал ему наручники. Так же покорно сидел в вертолёте, склонив к коленям взлохмаченную, давно не стриженную голову. Впору было пожалеть его, если бы этим же рейсом не увозили в город двух раненых.

«А может, не мешать деду? Он сейчас на взводе, пусть разберётся с алкашами, как считает нужным...», – мелькнула мысль. Плесовских тотчас прогнал её. Мало того, что криминал, так ведь ещё и не поможет.

Работа, что ли, в посёлке для хантов появится? Зверопромхоз восстановят? Или водкой в рыбооповском магазине перестанут торговать?.. Нет, правильно сделал, что забрал тулку. Правильно.

Серенький денёк к обеду разгулялся. За рекой горел золотом красивый, как у Левитана, берёзовый колок. Редкие осины бросались в глаза густым свекольным цветом. Вода с заливных лугов сошла в этом году поздно, и хозяева спешили запастись сеном. По противоположному низкому берегу ползала казавшаяся отсюда маленькой сенокосилка, звук тянувшего её шестиколёсного «муравья» был едва слышен.

«Посуху картошку докопаю» – с удовольствием подумал Плесовских, щурясь на пробивающееся солнце. Подбросив плечом сползающий ремень тулки, он заспешил домой.

Возле краеведческого музея участковый придержал шаг. Здесь стояли вывезенные с заброшенных стойбищ лабазы на высоких столбах с хитроумными – от мышей – вырезами. Рядом просторно расположились летние и зимние хантские жилища – приземистые, крытые берестой или плотно обложенные дерном. Чуть в стороне виднелся широкий загон с дымокуром, вокруг которого, участковый знал, олени спасаются летом от гнуса.

Общий тон этих экспонатов под открытым небом был неброским, серым. И, наверно, оттого, что стойбище выглядело забытым, каким-то обездоленным, казалось: время здесь остановилось. А если и двигает-

ся, то едва заметно, как сочится густая кедровая смола, наглухо запечатывая и чешуйки коры, и неосторожного муравья, и случайно коснувшегося крылом комара.

Сейчас острота уже не та, а раньше Плесовских чувствовал себя здесь так, словно смотрел по виду кинофильм про внеземную цивилизацию. Чуждое всё и непонятное. Другой мир. Другая, непохожая жизнь.

«Интересно, а какими русские в первый раз хантам показались? – вдруг подумалось ему. – Бородатые, с длинными лицами, круглоглазые... Черти! Точно, черти!..»

Участковый усмехнулся.

Из обшитога вагонкой административного здания музея вышли Антонина и молодые учителя – муж и жена, тоже националы. Как и Антонина, одеты они были в непривычные для посёлка длиннополые светлые плащи, но разговаривали по-своему. И совсем не смутились, не перешли на русский, когда увидели участкового. Судя по всему, учителя заходили в музей, чтобы всем вместе отправиться на обед.

Подавленной после разговора с дедом Сигильевым Антонина не выглядела. Но Плесовских всё равно захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, ободряющее.

– Вы меня, Антонина Акимовна, в прошлый раз, честно сказать, поразили! Не каждый в наше время согласится ухаживать за беспомощным старым человеком, верно? Да к тому же ещё чужим!..

Поравнявшись с молодёжью, Плесовских прищурился, заулыбался. Он немного рисовался. И эти слова, и игривый прищур – всё для Антонины. Она ему всётаки нравилась, хотя рассчитывать женатому человеку здесь было явно не на что. Не девушка – кремень.

Учителя и Антонина с интересом посмотрели на него.

– Вы про Дарью Прохоровну?

– Ну да, про Натускину.

Молодёжь переглянулась.

– А вы бы своего Бояна в дом для престарелых сдали?

– Баяна? – Плесовских сдвинул фуражку на лоб, комично почесал в затылке. – Если хороший баян, не сдал бы. Сам бы играл!

Девушки засмеялись, парень с редкими жёсткими усами снисходительно усмехнулся.

– Вещий Боян, это из «Слова о полку Игоревом». Слышали о таком? – Молодое высокомерие к не слишком грамотному менту чувствовалось в его голосе.

– Приходилось.

– Дарья Прохоровна для нашего народа всё равно, что для русских Боян или для греков Гомер. Она сказительницей была. Про неё в учебниках написано. Вы хотите, чтобы мы такого человека сдали в богадельню?..

Напористая молодёжь. Новое поколение. Национальная интеллигенция, как в газетах пишут. Этим палец в рот не клади.

– А что же вы только о Натускиной позаботились? – заговорил он, понимая, что раздражаться сейчас нельзя. Но уж слишком бесцеремонно вёл себя молодой учитель. Да ещё в присутствии Антонины. – Почему на алкоголиков не обращаете внимание, не боретесь? Почему не защищаете земляков, когда их в наглую обманывают? Почему насчёт работы вашего голоса не слышно?..

Парень пренебрежительно усмехнулся:

– Вы считаете, надо против ветра писать?.. Наш народ всегда пил. И ничего, многие столетия живёт и жить будет. И купцы его всегда обманывали. Тоже не смертельно.

– Так ведь спивается же!..

– А это уж позвольте не согласиться. Не сопьётся. Компенсационные возможности у ханты велики. У вас, например, сколько детей?

– Один, – помолчав, ответил Плесовских. Похоже, этот салага брал над ним верх.

– А у нас с женой трое. Хотя мы моложе вас.

«Может, зря мы в их жизнь лезем?! – в сердцах подумал участковый. – Может, пусть живут, как хотят? Пьют, детей морозят, прохиндеи пусть их обманывают!.. Другой мир, свои законы».

– Участковый! – вдруг закричали сзади истошным голосом. – Участковый! Осколок привязался!..

Плесовских обернулся. По улице бежали два или три подростка, за ними, заметно поотстав, Машка Сардакова. Она и кричала. Машка прижимала к груди куртку, под которой было что-то спрятано. Сзади всех ковылял старик Сигильетов и размахивал палкой.

– Отдохнуть по-человечески не даёт Осколок сраный! – От запыхавшейся Машки несло водкой. Волосы растрепались, на лице – праведное возмущение.

Машка мотнула головой на разбегающихся между потемневшими брусовыми домами подростков, цепкой рукой перехватила бутылку под курткой. – Я их заставляю? Сами приходят!.. Задержи его, участковый, он убить меня хочет. Задержи, виноват будешь!..

От прежнего заискивания не осталось и следа. Наглая опустившаяся бабёнка. К тому же малолеток спаивает.

– Завтра зайдёшь ко мне. И чтоб трезвая! – жестко приказал Плесовских. Честно говоря, он был рад, что больше не нужно спорить с учителем.

Антонина и молодые учителя отвернулись, всем своим видом показывая, что происходящее их не касается.

– Да ладно тебе!.. – с пьяной фамильярностью Машка попробовала хлопнуть Плесовских по плечу. Она хотела сказать что-то ещё, но оглянулась назад и припустила по дороге, громко матерясь.

На деда Сигильетова и в самом деле было страшно смотреть. Застывшее лицо со всклокоченными седыми волосами, неистовый взгляд, побелели вцепившиеся в палку пальцы. Он пробовал бежать, но получалось это плохо. В конце концов дед добрёл до участкового и остановился, трудно, со свистом дыша.

– Витька река утонул... – с паузами заговорил он

так, словно искал защиты. – Вовка пьянка ноги отморозил... Внук оленя боится, умрёт один лесу... Скажи, почему так?

Голос у старика делался всё тише, плечи опускались, пальцы, сжимающие палку, слабели. Этот когда-то неукротимый человек уже не возмущался и не требовал, а только бессильно и горько недоумевал.

Он вдруг перешёл на хантыйский. Плесовских ничего не понимал, лишь снова и снова отмечал знакомое «Витька», «Вовка».

И столько отчаяния и боли было в голосе старика, что Плесовских только смотрел на него и молчал.

2003

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Из Баку выехали весной, трава за домом успела вырасти по колено и вот-вот должна была зацвести. А в Климовом Заводе кругом ещё лежал снег, из труб шёл дым, и можно было играть в игру, которую Шура видел в кино – бросаться снежками.

Дорога в памяти почти не осталась, хотя, наверное, ехали дня три или четыре. Запомнилось лишь, что мама обещала купить в Минводах мороженого – оно, мама говорила, там самое лучшее – и, надо полагать, купила. Но ощущения упоительного белого холода, которое всегда вызывало мороженое, почему-то не сохранилось.

Ещё взрослые говорили о Волге, которую должны переезжать, и Шура волновался вместе со всеми, подолгу стоял у края вагонного окна, заглядывая сколько можно вперёд, хотя и был разочарован, когда ему сказали, что Волга меньше моря, возле которого они живут. Как приехали в Свердловск, а потом на рабочем поезде добирались до ближайшей от Климова Завода станции – Шура помнил смутно. Ничего интересного в этом не было. Зато как сразу всё перемнилось, когда появился дядя Гоша! В просторную комнату с голыми стенами, где все они сидели с чемоданами, вошёл большой шумный человек, мама и Зина бросились к нему, стали обниматься, Зина заплакала... Это и был дядя Гоша, которого все ждали.

Случилась заминка – дядя Гоша приехал на мотоцикле и нужно было ловить попутную машину, чтобы забрать всех сразу. Машины долго не попадалось, дядя Гоша несколько раз забегал с улицы в просторную комнату, которая была залом ожидания, потирал холодные руки, смеялся, успокаивающе тряс головой и тянул ребят к буферу. Всем троим он покупал ком-

пот и что-то в стакане себе. Компот был из слив, очень сладкий, Шура выпил целых три порции и удивлялся, почему мама сердится на дядю Гошу, хотя и старается при этом улыбаться.

Как ехали на машине – выхвачен лишь кусочек, картинка. Он с мамой и Петькой в гремящем кузове полуторки, Зина с маленьким Валеёй в кабине, из кузова сквозь зарешёченное оконце виден Валин островерхий капюшон, а впереди полуторки ссутулился на своём мотоцикле дядя Гоша. Мама прикрывает собой от острого ветра Шуру и Петьку, не даёт смотреть вперёд, но Шуре удаётся всё-таки выглянуть, и он видит крепко держащегося за руль дядю Гошу, ошметки сползающего грязного снега на его застывшей кожаной спине и какие-то низкие, из чёрных брёвен дома, которые появились впереди. Шуре жалко, что мама не разрешила ехать с дядей Гошей на мотоцикле. За рулём есть большой гладкий бензобак, и так, наверно, хорошо лечь на него грудью, а по бокам будут руки дяди Гоши – не упадёшь, зря мама боится.

К поездке в Климов Завод готовились давно.

Бакинский климат маме не подходил, ей часто нездоровилось, однако служить на новое место отца всё не переводили. Надо было мириться. Сидя за штопкой, мама часто пела вполголоса протяжные песни, которых не бывает по радио. Шуре от них становилось то-скливо, и он просил маму не петь. «Так на Урале поют, – отвечала мама, не поднимая головы. – Я не заплачу, не бойся». Шуре казалось странным, что может быть ещё какая-то жизнь кроме той, которой они живут в военном городке, а удивительней всего, что к той другой, чужой жизни имеет отношение их мама. Когда она пела, Шура думал, что она куда-то уходит, – такой мама становилась незнакомой и безразличной.

Ещё зимой было решено, что на лето поедут в Климов Завод. Мама сменит климат, и ребятам хорошо пожить в деревне. Собралась ехать с ними и Зина, мамина племянница, – она тоже давно не была на Урале, с тех

пор, как несколько лет назад приехала в военный городок на окраине Баку и здесь вышла замуж за сверхсрочника. Шура не помнил Зину прежней, а представлял такой, какой она была сейчас, – белое полное лицо, медленные движения и насуспенный маленький Валя рядом. Шуре казалось, так было всегда.

– А как, Зин, земляничкой пахнет!.. – говорила мама и, прикрыв глаза, счастливо замирала на секунду. Они с Зиной, отбирая для поездки вещи, часто говорили об Урале. – От одного запаха сыт, ничего не надо! Домой придёшь, ноги еле тянешь, а достанешь молока из подпола, надавишь земляники, наешься с хлебом – и хоть бы хны.

– А вода у нас какая! – радостно перебивала маму Зина. – Я здесь раза три волосы мою, а они всё, как пакля. А в Заводе принесёшь из речки ведро, вымоешь голлову, так волос сыпучий, лёгкий!..

– И для самовара из речки самая лучшая вода. Из колодца всё-таки не то.

– А самовар-то сосновыми шишками растопленный!.. Мы с Машей Масленковой специально к пруду, в бор за ними ходили. Корзину наберёшь, надолго хватает... Ой, тётя Катя, не надо, не говори, а то схватила бы Вальку в охапку и побежала прямо сейчас в Завод!..

Однажды папа приехал на большой машине и стал всех торопить. В доме захлопали двери, принялись выносить чемоданы, а мама отправила Шуру и Петьку, уже одетых, в туалет.

Но и после туалета сразу не поехали. Шофер большого грузовика стал фотографировать всех возле дома, затем возле машины. Эти фотографии долго хранились между синими картонными страницами семейного альбома: мама в пальто с барашковым воротником, улыбается Зина в белой шали, маленький Валя держит в руках совок, Петька от ветра с песком прикрывает глаза. Здесь же Шура в старой папиной офицерской шапке, которая ему велика. А внизу на фотографии и по бокам – трава, успевшая вырасти по колено, и большие светлые проплешины песка, на которых ничего нет.

Первый мальчишка, который встретился Шуру в Климовом Заводе, заявил, что на Кавказе все люди Тарзаны. В Баку, соответственно, тоже.

Мальчишка был старше Шуры, он долго слонялся вдоль забора, загребая валенками снег, и поглядывал издали на Шуру, который стоял на высоком крыльце дома, куда они приехали. А потом крикнул:

– Ты! На Кавказе все люди Тарзаны, понял?

По голосу мальчишки было ясно, что Шура ему интересен. Но он может и побить. На крыльцо вышла Зина с маленьким Валею за руку. Поверх красного пальто с капюшоном Валя крест-накрест был завязан шерстяным платком.

– Чего-чего? – бесцеремонно спросила Зина. Как только приехали в Климов Завод, голос у Зины стал другой, он мало походил на тот, каким она говорила в Баку. – Вот я тебе, корноухий, сейчас вихры надеру! Сам Тарзан!

Мальчишка угрозы не испугался, а что-то громко запел и с достоинством удалился в переулок.

– Ну-ка, ребята, снежную бабу лепить! Шура, давай! Смотри, снега сколько! – затормошила Зина. – Вот и Валенька поможет. Поможешь, маленький?

Она первой бросилась катать ком, мокрый снег буррристо налипал на него, и там, где ком проходил, оставалась петляющая по двору борозда. Шура, поглядывая на Зину, тоже принялся за дело, но его ком вышел кособоким, хотя Шура старался.

– Не беда! – сказала Зина и приладила Шуру ком на свой, большой и круглый. Она раскраснелась, полы пальто были в снегу, а из-под шали выбились волосы. – И такой ладно, и такой хорош! Голову слепим – и готова наша баба... Хорошо-то как! Разве в Баку мы такое видим! – Она схватила маленького Вальку и стала тискать. – Нравится, сынок? Нравится, маленький?..

В окно смотрела мама и мамина сестра тётя Клава, в дом которой они приехали. Мама и тётя Клава отводили руками ветки разросшейся на подоконнике герани, улыбались и что-то говорили, показывая пальцами во двор.

Им тоже было весело и хорошо.

И вот ещё что запомнилось. На печке темно, пахнет нагретой побелкой, тихо дышит, а то вдруг начнёт лягаться во сне Петька. Но Шура Петька не мешает. Ему уютно от запаха тёплой известки, от темноты, от овчинной шубы, постеленной на печке шерстью вверх. А главное, оттого, что рядом мама, от её приглушённого голоса, почти что шёпота.

Мама тихонько рассказывает, как растает снег и они пойдут к пруду за Климовым Заводом, там на склонах растут кислица и черемша, а по соснам прыгают ловкие белки. Очень красиво. Поблизости старые выработки, в них когда-то добывали малахит, делали всякие дорогие вещи.

– А Серебряное Копытце здесь живёт? – замирая, спрашивает Шура. Всё вокруг такое волшебное – и теплая пахучая тишина, и мамин голос, и едва брезжащий снежный свет за окном, – что Шура кажется, будто Серебряное Копытце, о котором мама читала им в Баку, сейчас где-то рядом. Может, даже на ближнем сугробе за стеной дома.

– Здесь, – подумав, шепчет мама. – Где же ему жить? Здесь лучшее место, возле Климова Завода. А вот когда наступит лето...

– Кать, не тесно вам? Может, кого из ребят ко мне?

Это тётя Клава. Слышно, как она приподнялась на кровати с блестящими шариками на спинках – поют пружины высокого матраса.

– Спи, спи, Клав. Сколько я мечтала, чтобы вот так, на печке!..

– Ну ладно. А моих-то не слышно, дрыхнут без задних ног. Зин, а Зин?.. Спят.

Тётя Клава перестаёт скрипеть пружинами и тоже, кажется, засыпает, а мама счастливо шепчет о том, что они будут делать, когда наступит лето, куда пойдут и что увидят.

Шура слушает, ему хорошо. Спать он не хочет, но дрёма мягкой ласковой лапой трогает и его. Он уже не столько слышит, сколько видит то, о чём мама рассказывает. И высокие светлые леса, и крупную землянику на вырубках, и прозрачные речки с чистыми камешка-

ми на дне. В лесах живут умные звери, в речках много всякой рыбы, и Серебряное Копытце постукивает тонкой сильной ножкой.

Серебряное Копытце танцует и не видит, как на него из кустов смотрят зелёные глаза. Сердце у Шуры останавливается, он хочет крикнуть, предупредить, но не может. «Спишь? Спи, спи, сынок», – слышит он издалека и чувствует тёплые губы на своём лбу. Мама... Шура поворачивается на бок, подкладывает ладонь под щеку и засыпает уже по-настоящему. Но тревога и смутное беспокойство остаются даже во сне.

Откуда эти злые глаза? Почему они так смотрели на Серебряное Копытце?

Как растаял снег, как билась ветками на сыром тяжёлом ветру черёмуха, а избы стали ещё чернее и, без снега, будто выше – всего этого Шура не запомнил. Переход от зимы резкий и красочный. Холодное – до озноба – синее утро, яркое солнце, тётя Клава в телогрейке с выглядывающими клоками ваты снимает с парников куски взблескивающего стекла и прислоняет внизу к высокому ножкам парника.

Стёкла мокрые, в каплях, парник тепло и остро дышит навозом, зелёные огуречные листья освобождённо подрагивают... Всё вокруг такое омытое и чистое, что Шура кажется – сегодня праздник.

– Мамка не сказывала, дом продавать не будет? – спрашивает тётя Клава, и её глубоко сидящие глаза с цепким вниманием смотрят на Шуру.

Какой дом?.. Шура мотает головой, ему нет дела ни до какого дома. Восторженно, не договаривая слова, он рассказывает, как ходил с Петькой и маленьким Валеёй на речку, и как рыбёшки щипали им ноги, когда они забрели в воду.

– пожаловала!.. – говорит тётя Клава и смотрит через голову Шуры. Шура оглядывается и видит маму, она несёт от соседей банку с молоком, боты на её ногах блестят от росы.

Прежде чем кинуться к ней навстречу, Шура удив-

лѐнно, с испугом смотрит на тѣтю Клаву – ему не понятно, как можно маму не любить, по голосу тѣти Клавы это чувствуется.

Когда они с мамой проходят мимо парника, тѣтя Клава уже другая.

– Кать, ты сегодня пойдѣшь к няньке-то? – спрашивает она и улыбается. Ни голос, ни взгляд еѣ не похожи на те, что были минутой раньше. – Жаль, огурцов нету, а то захватила бы, порадовала старую!

Шуре некогда задумываться, отчего всё так, с улицы слышен громкий свист, и он тотчас бросает маму и несѣтся к воротам. Это Гришка-корноухий свистит – тот, который говорил, что на Кавказе все люди Тарзаны. Теперь они с Шурой друзья.

Шура торопливо рвѣт на себя глухую высокую калитку – и солнце бѣет прямо в глаза. Шура ослеплѣн, он не сразу видит зелёную просторную улицу, жѣлтый цвет густо рассыпанных одуванчиков, холодную вытянувшуюся тень от дома напротив и Гришку-корноухого, который стоит перед калиткой и держит руки в карманах просторных штанов.

– Айда к Веньке, – говорит Гришка и, не вынимая рук из карманов, подтягивает штаны едва ли не подмышки. – Посмотрим, как на стекле рисует.

Шура торопливо кивает, не спросившись у мамы, идѣт за Гришкой. В Климовом Заводе само собой получилось, что он, если куда идѣт, у мамы не спрашивает, а мама его потом не ругает.

Шуре приятно идти вместе с Гришкой. Гришка старше его на три года, он живѣт с дедом и бабушкой, умеет рыбачить с брёвен и потихоньку курит дедовы папиросы «Спорт». Кроме Гришки на пруду рыбачат только большие ребята – это опасно, можно утонуть. Шура сам один раз видел, как Гришка пробирался по брёвнам с удочкой на середину пруда – там ловится крупная рыба. Одно бревно под Гришкой закрутилось, и он провалился в воду. Хорошо, что рядом оказались большие ребята. Они растолкали брёвна и вытащили Гришку. Потом, правда, надавали ему по шее и отобрали подмокшую

пачку «Спорта». «Ничо, – сказал Гришка на берегу испуганному Шуру. Он стучал зубами и выкручивал свои широкие штаны. – Они уйдут, я опять. Только костерок разведу, подсушусь маненько». Отец у Гришки погиб на войне, а мать умерла в сорок седьмом году, во время голодухи.

Шура давно замечает, что интерес к нему у ребят – знаком он почти со всей улицей – какой-то странный, не очень добрый. Шура догадывается, и это задевает его самолюбие, что интересен он не сам по себе, а тем, что папа у него жив и что папа офицер. У большинства ребят отцов нет – погибли на фронте.

– Рашидка лес везѣт, – как обычно коротко говорит Гришка-корноухий. Прищурившись, он смотрит вдоль дороги. – Барановым везѣт.

Как можно везти большой зелёный лес – Шура не понимает, он тоже смотрит вдоль дороги, надеясь увидеть что-то необыкновенное. Но видит только лошаадь, длинную телегу без бортов, с одними лишь колѣсами, и татарина Рашидку, коренастого русоголового мужика в выбившейся из брюк ситцевой рубашке.

В странной телеге ровные сосновые бревна, они очень тяжѣлые, это видно по тому, как подалась всем телом вперед лошаадь, наклонив низко, до земли, голову, как напряжѣнно взбухают мышцы на еѣ груди и задних ногах. Рашидка то забегает вперед и тянет лошаадь за узду, то подталкивает телегу, скользя по траве ногами в белых вязаных носках и галошах. Он что-то ласково говорит лошаади, понятно только русское «потерпи, милая», гладит еѣ шею устало подрагивающей рукой – и лошаадь ещѣ сильнее влегает в хомут.

– Никогда не дерѣтся, – сообщает Гришка. Он смотрит на Рашидку и громко завозит носом. – Колдун! Кнута с собой не берѣт. Лошадиный язык знает.

Шура с интересом и уважением смотрит на возчика. Он и не подозревал, что Рашидка колдун. Недавно они с мамой ходили в конец улицы, где живѣт татарин, купали у него зелёного лука, и ничего волшебного Шура тогда не заметил ни в самом Рашидке, ни в его

многочисленных детях, одетых в одинаковые рубашки из цветастого ситца.

Телега приближается, медленно, долго проходит мимо ребят. Сильно пахнет недавно спиленным деревом, лошадиным потом, раздавленной сочной травой. За телегой неторопливо бредёт жеребёнок. У него короткое туловище, длинные ноги и волнистый хвост. Он смотрит на ребят крупными агатовыми глазами.

Дом у художника Веньки сумрачный. Здесь много небольших комнат. Кругом висят нарисованные на стекле яркие цветы, какие-то лица и целующиеся голуби.

То, что на стекле можно рисовать, кажется Шуру странным и чудесным. Странным и чудесным начинает казаться ему и сам тёмный дом с маленькими комнатами, и не доходящие до потолка перегородки, и неторопливый, знающий себе цену художник Венька.

– И Сталина можешь нарисовать? – замирающим голосом спрашивает Шура.

Пока круглолицый медлительный Венька соображает, подаёт голос Гришка. Среди всего этого великолепия на стенках Гришка тоже как-то притих и не так часто поддёргивает штаны и завозит носом, но говорит тем не менее авторитетно:

– Ему нельзя. Рисовать товарища Сталина надо особое разрешение. А то посадят.

Сладкий ужас овеает Шуру. Мурашки идут по коже, он молча смотрит на ребят, которые, как он думает, приобщены к непонятным и строгим делам взрослых. Слышно, как в одной из комнат стукнула дверь и перестала стрекотать машинка – там Венькина мама что-то шьёт. Венька с самого начала предупредил, чтобы ребята вели себя тихо, а то мать прогонит.

– Николавна, ты бражки обещала, так давай! Рашидка лес привёз, магарыч выставить надо!..

Шура узнаёт бойкий голос тёти Оли Барановой, соседки. Она всегда так говорит – быстро, весело, будто чему-то радуется. По вечерам, когда все собираются на

лавке у ворот, лузгают семечки и отгоняют ветками комаров, тётя Оля начинает дразнить своего внука Борьку. Она толкает его и говорит: «Борька, ты дурак!.. Ой, дурак, Борька, ей-богу, дурак!» Внук сначала не обращает внимания, он вперевалку ходит по семечной шелухе, поднимает и суёт в рот что-то ему приглянувшееся. Но тётя Оля не отстает: «Дурак ты, Борька! Дурак!.. Правду говорю, дурак!» Внук наконец тоненьким голосом кричит: «Блидь! Блидь!» и топает ногами. Все смеются. Тётя Оля радостно объявляет: «Копия дед, у него научился».

– Николавна, слышала, у Шмелей-то? – доносится из комнаты со швейной машинкой. Шура прислушивается, он уже знает, Шмелями в Климовом Заводе зовут тётю Клавку, маму, Зину. И даже их, Шуру, Петьку и маленького Валю. «Разгуделись, шмели!» – ворчала недавно какая-то бабка в окошке, когда Шура и Петька играли с ребятами возле её дома. Шура спрашивал у мамы, почему они Шмели, но мама только засмеялась.

– Клавке-то сказали, что Катька приехала дом продавать. И то, дом родительский, имеет право на долю. А Клавке где жить, если продадут? Откупиться нечем, всю жизнь с хлеба на воду!..

– На Катьку не похоже, – слышит Шура другой голос, наверно, мамы художника Веньки. Этот голос Шуру нравится, он неторопливый, рассудительный и похож на Венькин. – Неужто ради денег сестру не пожалеешь? Не поверю. Во что бражку-то? Посуду взяла?.. Пойдём, она у меня в подполе, выходила уже.

Слышен звук стекла и удаляющийся голос тёти Оли Барановой – всё такой же бойкий, вздохливый:

– Не скажи, Николавна, чужая душа потёмки. А Клавка-то, Клавка! Той только скажи, уж она крик подымет!..

Разговор Шуру неинтересен, он почти не слушает. А когда Веня достаёт с полки краски, берёт кусок стекла и показывает, как рисует, Шура обо всём забывает.

Мазки густой вязкой краски плотно ложатся на стекло, всё кажется таким понятным и простым, но когда краска подсыхает и Веня стекло переворачивает,

мальчик немеет от восхищения. На чёрном фоне большая красная роза. Рисунок чудесно блестит, будто покрытый лаком.

Шура смотрит то на стекло, то на губастого круглолицего Веню и не понимает, как это могло выйти.

Мама теперь часто уводит ребят из дому. Шура этому рад – почти каждый день тётя Клава и мама ругаются. Переменилась и Зина. Она не разрешает маленькому Вале играть с Шурой и Петькой, сердито дрожит её крупное белое лицо. Всё это обескураживает и пугает. Но то, что Шура видит и счастливо переживает, когда они втроём ходят по лесу или навещают маминых знакомых, заслоняет неприятное.

Шура уже знает, как пахнут перезревшей земляникой поляны, окружённые высоким ельником и прогретые июльским солнцем. А во дворе маминой няньки – сухопарой быстрой старушки с большой бородавкой на переносице – он видел, как корова чесала ухо, и это его потрясло. Огромная неуклюжая корова по-собачьи опустилась на хвост и задним копытом тянулась к голлове!.. В тёмной таинственной глубине пруда какая-то рыба откусила крючок на Шуриной удочке, и надолго хватает волнения и расспросов – Петька будто бы видел зубастую пасть, появившуюся на секунду у поверхности воды.

Впечатления выпуклые, красочные, они прочным тиснением остаются в памяти.

Одно по-настоящему плохо – это когда мама задумывается. Намного хуже, чем ругань тётя Клавы. Теперь мама не поёт протяжных песен, которые пела в Баку, но всё чаще становится какой-то чужой. Вдруг в лесу опустится на землю и принимается молча тереть травинки. На слова ребят не отвечает. Или остановится на пригорке и долго смотрит на Климов Завод. Подбородок у неё начинает мелко дёргаться, глаза наливаются слезами.

– Мама, не надо, – просит Шура и сам готов заплакать. – Мамочка, не надо!..

Мамины слёзы его пугают, со страдальчески искаженным лицом он быстро гладит её руку. Петька тоже готов зареветь, и мама справляется с собой. Она обнимает ребят, касается губами макушек.

– Ты из-за тётя Клавы, да? – спрашивает Шура спустя минуту. Много в поведении взрослых ему непонятно, но то, почему расстраивается мама, так ясно, что он не сомневается в ответе и добавляет: – Папа приедет, я расскажу. Узнает тётя!..

Мама молчит, потом серьёзно, будто большому, говорит:

– Что Клава... Помирился, сёстры. Жизнь, сынок, прошла. Ты пока не поймёшь, потом. Всё уже чужое, для других. Даже на родине.

У неё опять начинает дрожать подбородок, слёзы переполняют глаза и катятся по лицу. Плачут в голос и Шура с Петькой. Мама застывает, глядя перед собой, и Шура почти в истерике дёргает её за руку.

– Не надо! Не надо! Мамочка!..

– Всё, ребята, всё. Больше не буду. – Мама плотно, с силой вытирает мокрое лицо и глубоко, освобождённо вздыхает. – Всё, хватит. Пойдем к ручью, умоемся... И не бойтесь, ребята, так. Привыкайте. Это никого не обходит.

Шура с опаской поднимает глаза, но мама плакать больше не собирается. Она смотрит то на Шуру, то на Петьку, и лицо у неё такое, будто мама знает о них что-то тяжёлое, горькое, но говорить об этом нельзя. Не время.

Наконец появляется папа.

Его приезд, первый день в Климовом Заводе не запоминается. Зато врезалось: папа и ещё какой-то мужчина повалили дядю Гошу на траву и вяжут ему полотенцем руки. Рубашка на дяде Гоше порвана, лицо дикое, красное, дядя Гоша сучит по траве ногами, взрывая землю, вены на шее у него натужно вздулись. Приподняв над землёй голову, дядя Гоша сдавленным страшным голосом матерится.

Потом всё спокойно и хорошо. Чуть ли не каждый день застолье, но никто уже не ругается и не дерётся. Подражая взрослым, Шура и себе ставит бражку – в горлышко пол-литровой бутылки заталкивает уже краснеющие ягоды рябины, кусочки привезённого папой шоколада, карамельки из местного магазина. Заливает бутылку водой и строго-настрого наказывает Петьке и маленькому Вале не подходить к ней...

Попробовать бражки ему не дают. Мама ласково уговаривает вылить всё из бутылки – скоро ехать и не дай бог перед дорогой запоносить. Она с приездом папы как бы отдалилась от ребят, и Шура её ласковость особенно приятна. Не раздумывая, он выливает из бутылки, вытряхивает ягоды и полуразошедшиеся карамельки – и мама прижимает его к себе, целует сладкими, хмельно пахнущими губами. Она возвращается за стол к папе, тёте Клаве, дяде Гоше и оттуда поглядывает на ребят довольно и немного виновато.

Опять провал, смутная пауза. Последовательная цепочка времени распадается. Шура уже на вокзале, идёт дождь, неожиданно, заставляя вздрагивать, кричат паровозы и с шипением выпускают облака пара. Хотя до этого были, наверно, и походы с папой по окрестностям Климова Завода, и деревенские ребята во все глаза смотрели на офицера в белом кителе с орденскими планками, и Шура, чувствуя свою особенность, гордо поглядывал по сторонам.

Но – свердловский вокзал. Их провожают доверенные подруги мамы, как и она когда-то, медсёстры. Холодный дождь прыгает по деревянному перрону, кричат паровозы. Милиционер ведёт снятого с поезда инвалида на деревянной ноге и с гармошкой, инвалид рвёт на груди рубашку и кричит о пролитой крови, люди на перроне равнодушно расступаются, давая милиционеру дорогу.

А у Шуры радость. Кто-то из маминых подруг подарил ему и Петьке по большому красному шару. Шура в вагоне, когда поезд трогается, не может наиграться с

ним, налюбоваться и особенно бережёт после того, как Петькин шар громко лопаётся.

Сморщенный, потерявший форму шар доживает до Баку. Но Шура забывает о нём, едва сойдя с поезда. В вечернем городе так знакомо, по-родному пахнет нефтью, яркие фонари подсвечивают нежно салатовым цветом листья тутовника, а таксист азербайджанец с тонкими, ниточкой выбритыми усами напевает что-то своё, тоже почти родное для Шуры – монотонное, с уныло-страстными переливами.

Шура радостно крутит головой на пролетающие огни, папа впереди, рядом с шофёром, облегчённо растёгивает крючки ворота на белом своём кителе – жарко, а на перроне было нельзя, там патруль. Оживлена мама, она деловито говорит, что уже сентябрь, а Шура ещё не учится. Впрочем, в этом году его в школу, может быть, и не отдадут – нет семи лет.

Шура обидно, что не пойдёт в школу, но радость оттого, что он дома, сильнее. Ему уже не верится, что где-то есть Климов Завод, сочная трава, чёрные ели и плавающие в пруду брёвна. Тёмный, пахнущий нефтью воздух врывается через приспущенное стекло такси, раздувает волосы.

Шура знает, что вот-вот приедут в военный городок, что завтра – папа обещал – пойдут на базар возле фабрики Ленина покупать самый большой арбуз. Потом увидится с друзьями, кино на Электротоке, девочка Лиля, самокат на жужжащих подшипниках...

Но он ещё не знает, что это – счастье.

ДЕМБЕЛЬСКИЙ БОГ

Откуда оно пошло, это дембель в мае, никто не знал. Сам Никишин впервые услышал ещё в карантине. До постановления Верховного Совета о переходе на два года службы было как до Москвы раком, но в части уже пели: «Пап-пап! Дембель в мае, пап-пап!..» Текст самодельный, а мелодия была известна на весь Союз – «Замечательный сосед», репертуар популярной Эдиты Пьехи.

Пелось это не только в бытовках, когда подшивали подворотнички и драили асидолом бляхи. На вечерних прогулках (офицеры и куски-сверхсрочники уехали в гарнизон, за старших в ротах срочнотрудовые сержанты) строй азартно бухал сапогами по бетонке и сотнями глоток выдавал: «Пап-пап! Дембель в мае, пап-пап!..» Это вместо строевой песни о непобедимой и легендарной. Голоса солдат тушились обступившим казарму лесом.

В шестьдесят восьмом, когда Никишин уже служил третий год, так и получилось. Приказ министра обороны об увольнении в запас вышел даже раньше, в апреле, но отпущать в части никого не спешили. Дембеля или деды (ими старики становились после приказа) томились, ходили хмурые, злые, старшина на всякий случай перестал их назначать в караул – мало ли что, все-таки автомат и два рожка патронов.

Пытались узнать, как в других частях. Слухи, они же параша, ходили разные. Но, похоже, ни на точка, ни в гарнизоне никого ещё не отпускали. А тут и с погодой хрен знает что. В двадцатых числах мая вдруг повалил снег и лёг пухлым слоем на давно сухую землю, пригнул ветки с распустившимися листьями. И это за неделю до лета!.. Ладно бы Север, а то Калининская область.

Тоска!

Вот тогда-то Никишин и завел себе Дембельского бога.

В военторговском магазине кроме сгущёнки, печенья и материала для подворотничков продавалась ещё всякая ерунда. В том числе небольшие пластмассовые фигурки то ли гномов, то ли домовых. В рот фигурке можно было вставить сигаретку (они входили в набор), зажечь – и то ли гном, то ли домовой начинал почихивать, пускать колечки. Получалось забавно. Никишин купил. Поставил на тумбочку возле своей койки, долго смотрел на хитроватую скрытную физиономию и решил, что это будет Дембельский бог. Он его станет наказывать или поощрять – как тот заслужит. Никому об этом, понятно, Игорь говорить не стал.

Тоска его давила вдвойне. На первую партию дембелей (началось всё-таки!) Никишин смотрел из окна офицерской столовой. Он тоже мог быть среди этих надраенных сержантов на плацу, их с оркестром и расчехлённым знаменем провожал сам полковник Алексанин. Но не был. За пару месяцев до того он набил физиономию наглому второгодку Рукавицыну, и его разжаловали.

Смотреть на проводы первой партии было невыносимо, и Никишин сказал:

– Протирать полы будем?

Кухонному наряду (все – деды, наряд в офицерскую столовую их привилегия) смотреть на происходящее на плацу тоже было, как серпом по одному месту.

– Можно, – уклончиво ответил длинный веснушчатый Кондратьев и подался от окна. – Как хочешь. Дело хозяйское.

Бывший сержант не знал многого, что давно усвоили тёртые рядовые. Чужой, в их шкуре не был. На кой, спрашивается, браться за швабры, если заведующий офицерской столовой, кусок-сверхсрочник в белой куртке, молчит? И вообще, не спеши говорить «есть!», может последовать команда «отставить!» Первая заповедь.

Один Юрка Пономарёв бросил:

– Салага! – И с ухмылкой ждал реакции Никишина.

Недавний подчинённый залупался не первый раз. Он и во время завтрака (кормили наряд здесь же, по офицерской норме, что и привлекало) взял масло Игоря и принялся медленно, с издевательской ленцой намазывать на свой кусок хлеба. Крупное кувшинное лицо Пономаря говорило: ну ударь, ударь!..

Никишин с досадливым изумлением смотрел на него. До того, как Игоря разжаловали, они дружили. Только Пономарёв знал, что он пишет стихи. А когда командир расчёта невзлюбил Юрку и приказал гонять на плацу, Никишин больше показывал, как надо ходить строевым и тянуть носок, чем заставлял это делать приятеля.

Говно!.. Знает, он его не тронет, что бы Пономарь ни сделал. А то будет не дембель, а дисбат – припомнят Рукавицына, рецидивист.

В последние недели Никишину стало ясно: как бы он ни старался зря ребят не гонять и не орать – всё равно оставался для них спиногрызом-сержантом. Уж Пономарю-то что выступать, а вот вылезло. Ещё о стихах ему рассказал, придурок!.. Понимать это было особенно унижительно, будто признался в своей слабости, а ею взяли и воспользовались.

Вечером в казарме деды легли на заправленные койки. Не полагалось, но сделать замечание дежурный по роте не посмел. Подавлено молчали. Одно дело, когда знаешь, что скоро дембель, другое, когда видишь, как уже уезжают.

– Дембельский аккорд надо просить, – сказал веснушчатый длинный Кондратьев.

– У пана Вотрубы дождётся.

– В других ротах дают.

– То в других.

Опять молчали. Отбой был ещё не скоро, неунывающие второгодки (они же желудки, они же – по названию старого фильма – весёлые ребята) шатались по

казарме, ржали и вообще вели себя так, как им не полагалось. В том числе Рукавицын, которому фингалы в прок не пошли. Этот лупоглазый, с запавшими щеками второгодок так же шатался в тот раз, когда получил по рогам, болтал и нагло смеялся на всю казарму.

Может, ничего не случилось бы, но у Никишина не шли стихи. Вернее, плохо шли, с трудом, как всё последнее время. Ясноглазый парнишка, живший в нём ещё недавно, всё больше вытеснялся матерым стариком. Этот новый с усмешкой наблюдал, как Никишин подыскивает рифму. Не составную, как у Вознесенского или Евтушенко, а точную, правильную. Игорь старался выразить то, что было в нём, но так и такими словами, как ни у кого ещё не встречалось.

«Делать нехрен!» – усмехался Никишин-старик. Повалиться бы недельку в санчасти, а ещё лучше в отпуск съездить – это было бы дело!.. Прежний Игорь упирался, пытался язвить: как надел я портупею, всё тупею и тупею! Хотя никакой портупеи срочнику не полагалось. Игорь чувствовал: уступает. Быть стариком, да ещё сержантом, вообще-то зашибись, клёво. Все тебя в части знают и уважают, даже офицеры. Вот только стихи не шли. Это злило.

Никишин в тот раз прикрикнул на Рукавицына, но Рукавицын не заткнулся, а дерзко ответил. Не отходя от кассы и схлопотал. Салаги, без вины виноватые (тоже по названию фильма), сейчас тихо ждали, чем наглёж молодых закончится на этот раз.

– Ну!.. Желудки!.. – приподнявшись на койке, рывкнул Пономарев.

Этого оказалось достаточно, весёлые ребята притихли. Их никто в роте не любил. Деды за то, что по новому закону молодым светил дембель тоже в этом году, хотя прослужили меньше. Салаги – что молодые их прессовали, спихивали самую тяжёлую и грязную работу в нарядах.

– Оборзели. Совсем нюх потеряли, – зло бормотнул Никишин, ни к кому не обращаясь. И заиграл желваками – сейчас он особенно чувствовал себя дедом.

Кондратьев, устраивая на спинке койке свои длинные ноги в сапогах, вяло поддержал:

– Не говори.

– А что, деды, – предложил красавец москвич Серёга Коршунков, касаясь пальцами косо подбритых дембельских баков, словно проверял, на месте ли. Баки ему приходилось каждый раз отставивать перед старшиной на утренних осмотрах. – Выдадим всеобщее презрение пану Вотрубе, ага?

Полагалось на всю казарму выматериться – хором и от души. Так, чтобы стёкла в окнах дрогнули. Ритуал. Отдушина. Но Коршункова на этот раз не поддерживали. Не до забав, хотя командир роты, конечно, мудака.

– Молодые себя уже стариками называют. Сам слышал, – сказал Коршунков.

Но и это не расшевелило дедов, хотя должно было. На их первом году кто-то из служивших третий год назвал себя стариком, а в роте ещё оставалось нескольких парней предыдущего призыва. Один из них и приглубил наглеца тяжёлой армейской табуреткой. И никто не заступился, хотя дедов в роте оставалось раз-два и обчёлся, новые старики могли их размазать по стенке. Промолчали, съели. Не деды тогда были – звери.

Опять молчали, смотрели на все ещё светлое небо за окном. Слышно было, как по телевизору в ленкомнате началась программа «Время». Митинги в Чехословакии, ползучая контрреволюция, попытки реставрировать капитализм – каждый день одно и то же. Ненужное, не имеющее к ним и дембелю никакого отношения!..

От тоски и злости у дедов сводило челюсти. У них есть родина – тоже по названию старого фильма.

Никишин поднялся, достал из тумбочки Дембельского бога и пошёл в туалет. Там расстегнул ширинку и обмочил его.

Ничего другого Дембельский бог не заслуживал.

Однако он оказался незлопамятным. А может, урок пошёл впрок.

На следующее утро командир роты майор Осипов появился из канцелярии как обычно. Собравшемуся было докладывать старшине мимоходом махнул рукой «отставить!».

Майор легко носил свой большой живот, был лыс, заплывшие глазки на багровом лице сметливо бегали. В части говорили, когда-то он был сверхсрочником, но окончил офицерские курсы и дослужился до командира роты.

«Человек толстый, но хитрец тонкий», – остряли молодые офицеры, не забывшие ещё школьную программу по литературе. С их лёгкой руки и пошло это пан Вотруба, хитрозадый персонаж телевизионного кабачка «Тринадцать стульев».

Майор Осипов обежал быстрыми глазами построившуюся на развод роту.

– Кондратьев, Пономарев, Коршунков, Минин, Никишин, Загоруйко!.. Зайдёте в канцелярию. Старшина, разводи людей.

Ничего хорошего Игорь от командира роты не ждал. После случая с Рукавицыным майор хотел его комиссовать. Типа, в роте с дисциплиной порядок, а рукоприкладство – так это сержант со сдвигом. Конечно, хорошо было бы побыстрее вырваться из непобедимой и легендарной, но с такой записью в военном билете испортишь себе жизнь, Никишин об этом слышал. В госпитале он вёл себя нормально, косить не стал, а то, что дедовщина в частях обычное дело, врачи знали.

Сейчас, похоже, было что-то другое. Все, названные майором – деды.

Неужели?..

– Домой хотите? – спросил Осипов, когда после развода все шестеро зашли в канцелярию.

В другое время можно было бы хмуру перегля-

нуться – издевается пан Вотруба! – но только не сейчас. Сердца ёкнули.

– Спрашиваете, товарищ майор! – Деда, зависимо улыбаясь, прикипели к командиру роты глазами и подались вперед.

– Полосу препятствий знаете? За клубом. Надо довести до ума. Как сделаете – уедете.

Полосу препятствий орлы из хоззвода строили уже полгода. По расчищенной от леса площадке ползал бульдозер, ровнял землю, вибрирующим от напряжения тросом ставил на попа громоздкую ржавую конструкцию, хоззводовцы в заляпанных раствором хэбэ заливали её основание... И всё не торопясь, с недельными перерывами. Работы оставалось ещё до чёрта.

– Ну, что?

– Конечно, товарищ майор! Какой разговор!.. – терпя всякую солидность, враз заговорили деда и затоптались, задвигались в тесной ротной канцелярии.

Вечером Никишин достал Дембельского бога, пристроил на тумбочке и зажёл сигаретку. Пристально смотрел на попыхивание, на то, как колечки синего дыма отрывались от кончика сигареты и таяли.

Он ничего не говорил, ни о чём Дембельского бога не просил, тот и так всё знал. Стихи – это потом, когда-нибудь, а сейчас самым важным было другое. Бородатая физиономия Дембельского бога хитровато лоснилась. В приземистой пластмассовой фигурке шоколадного цвета было довольство. Дембельский бог разве что снисходительно не подмигивал Никишину.

Кури. Заслужил.

В казарму возвращались в сумерках, когда работать становилось невозможно. С погодой вышло, как в плохой книжке: лето началось, когда стало нужно – с первым днём аккорда сразу солнце и жарко. То, что неделю назад шёл снег, казалось уже диким, не верилось.

Шаркая сапогами, деда брели в умывальник, обливались водой из-под кранов. На вечернюю поверку они не появлялись, старшина смотрел на это сквозь

пальцы. В части боролись с самоволками, но какая самоволка может быть у аккордников? Долбанутые, что ли? Ломом гони, не пойдут.

После отбоя дневальный наводил в умывалке порядок, сегодня им был Рукавицын. Никишин даже не посмотрел в его сторону. Было не до этого желудка, похожего запавшими щеками на селёдку.

– Завязывай, молодой, – почти мирно сказал Пономарь. Он тоже уставал. Единственный, Юрка работал не в сапогах, а в кедах – добыл у зама командира по физподготовке, с которым играл в шахматы. Вообще-то люди с таким лицом, как у Пономаря, в шахматы не играют, а тем не менее. «Знает, с кем дружить», – подумалось Никишину. Но тоже беззлобно, отчуждённо, как и о Рукавицыне. Подловатость Пономаря тоже стала неинтересна.

Дневальному дважды повторять не пришлось. Косясь на Игоря – все ещё опасался бывшего сержанта, – Рукавицын испарился. Кроме аккордников, в умывалке оставался один Загоруйко, тот не спал, одиноко курил у окна. Загоруйко был водителем спецтехники, а водителей, оказывается, задерживали до особого распоряжения. Загоруйко сразу с аккорда сняли. Не глядя на парней, он щелчком выбросил в окно сигарету и хмуρο вышел.

– Каждый умирает в одиночку, – сказал Пономарев. Мог бы и промолчать, дубина.

Работать в гимнастёрках было невозможно, в первый же день все обгорели. Умываться приходилось осторожно. Воспалённую кожу вдобавок разъедал пот. Но всё это было фигня – и кожа, и Пономарь, и желудок Рукавицын. Полоса препятствий понемногу вырисовывалась, проступала всё отчетливей, а значит – и дембель.

– Пешком бы пошёл? – Услышал Никишин шёпот в спёртой темноте казармы.

– Запросто.

– Так это сколько километров до твоего Тамбова! Тысячу, может, или больше.

– Ну и что? Пошёл бы.

Шептались на втором ярусе двое салаг. Игорь плохо их знал. В армии, как в школе – хорошо знаешь тех, кто старше, на младших не особо обращаешь внимание. Салаги притихли, когда он тяжело опустился на свою стариковскую койку внизу. Переждав, зашептались опять:

– А если бы сказали, ладно, иди, но голый? Совсем. Второй голос помолчал.

– Летом?

– Ладно, летом.

– Пошёл бы. Днём куда-нибудь забираюсь, сплю, а ночью иду.

– А если зимой? Мороз, снег...

На этот раз голос молчал дольше. Наконец сказал:

– Все равно пошёл бы.

– Так мороз, замёрзнешь! Голый!..

Игорь усмехнулся. Размечтались салаги. Он тоже мечтал на первом году. Если бы разрешили, ушёл бы пешком на самом деле. Особенно доставала тоска в караулах. Казалось бы, один на посту, устройся где-нибудь с надветренной стороны, чтобы гиптил из хранилища травил не на тебя, сочиняй в уме. Вернёшься в караулку, запишешь. Не получалось.

Темнота на десятки километров, дышащий тревогой и враждебностью ночной лес, бесприютность. Никишин представлял залитый светом зал их поселкового дома культуры, музыка, танцы, девчата. Завидовал паням, откосившим от армии. Заочники. «Армия это школа жизни, но её лучше пройти заочно». Кому-то удаётся.

Было непонятно, как вообще можно хотеть служить. В части ходила легенда: во время хрущёвских сокращений один татарин отказался от дембеля. Типа, в деревне скажут, большой, если раньше срока вернётся из армии. Никто замуж не пойдёт. Да чёрт с ними, со всеми девками вместе взятыми! Сравнил!..

– Придумал бы что-нибудь. – Вверху зашептались опять.

– Чего придумашь? Мороз, а ты голый. Полный крантец!

– А я...

– Хорош базарить! – оборвал Никишин. Утром нужно было подниматься часа в четыре, светло в июне становится рано, можно работать.

Сегодня воровали доски у стройбатовцев. Зам по тылу выдал листы жести и гвозди, насчёт досок сказал, что будут на следующей неделе. «Так дембель горит, товарищ капитан, дембель!.. – Красавец москвич Серёга Коршунков с чувством стал трясти перед замом по тылу ладонями. Даже сейчас он не забывал каждый день подбривать свои модные косые баки. – Дайте машину, мы сами найдём!» Без досок было не обойтись, на полосе препятствий полагалось стоять макетам ракет. «В самоволку не махнёте?» – с сомнением скосил глаза капитан. «Товарищ капитан, мы похожи на идиотов?!»

Стройбатовский склад находился неподалёку от гарнизона, он даже не был огорожен. Самосвал подъехал к крайнему штабелю, деды спрыгнули на землю. Откуда-то появился встревоженный чурка, стал спрашивать, чего надо. Никишин и Коршунков молча принялись забрасывать на самосвал подходящие доски. Стройбатовец пытался мешать, хватался за концы, ругался по-своему, но кто его будет слушать. Доски выгрузили на полосу, обшили макеты ракет и сразу покрыли сверху жестью. На всякий случай жесть ещё и покрасили. Хрен теперь найдёшь, пусть стройбатовцы ищут, полковнику Александину жалуются!..

После обеда Никишин чуть не погорел из-за своей вспыльчивости. Пришлось ждать наждачную бумагу, чтобы перед покраской отдирать от ржавчины вышку, эту дуру в три этажа. Аккордники забралась на верхнюю площадку, улеглись на пахнущий свежим деревом настил, задремали. Спать последнее время приходилось мало, в глазах постоянно был песок. Разбудила ругань дежурного по части – кто-то капнул,

типа, солдаты бездельничают. «А вы поспите три часа в сутки, товарищ майор! А потом на солнце весь день! И руки в занозах нарывають!.. – взъярился Никишин. – Попробуйте! Потом хай поднимайте!..» Остальные деды потупились. По лицам было видно, Никишина они не одобряют. Зарывается бывший сержант. Нежный очень.

Его счастье, майор был из контрольно-измерительной лаборатории, а не тупой строевик. Пожалел, не доложил командиру части. Запросто можно было вместо дембеля угодить на губу. Хамство офицеру, да ещё дежурному по части. Только сейчас, в тяжёлом воздухе спящей казармы Никишин по-настоящему понял это. И задним числом обомлел.

Трудно поднявшись, сел на койке, пошарил в тумбочке и вытащил Дембельского бога. В темноте было непросто вставить в маленькое отверстие сигаретку, но он справился. Щёлкнул зажигалкой. На втором ярусе завозились, учуяв сладкий дымок, свесили головы.

– Спать! – приказал Никишин.

Завтра он принесёт из столовой свою порцию сливочного масла и намажет Дембельскому богу губы. Выручил. Спас. Молодец!

В другое время Игорь сам бы над этим стал смеяться – дичь и дурость, чукча какой-то или индеец из амазонской сельвы!..

Но только не теперь.

3

Ближе к обеду пошли со Стасом Мининым за киселём, повар был его земляком. Гимнастерки на сгоревшие тела накинули, но шли распояской, без ремней. И не особо прятались, хотя хождение по территории части вне строя, тем более в таком виде, не поощрялось.

Встречные офицеры делали вид, что не замечают их формы одежды. Один молодой литер было залуп-

нул, но быстро успокоился. Аккордники, за километр видно.

– Майор ничего не скажет, капитан, а эти из училища!.. – зло бросил Никишин.

– Дыши ровно. – Минин был невозмутим. – Молодые, службы не поняли... О, Нагорного опять захомутали!

Перед шлагбаумом КПП стоял мотоцикл, за рулём офицер, в коляске солдат. Вид у солдата был смиренный, даже отсюда видно.

– Не выпускают, что ли?

– Так Нагорный!.. Разрешение надо.

Нагорный был из другой роты, но его в части все знали – чэпэшник. Зимой пошёл в самоволку, напился и если бы не патруль, замёрз в снегу. Игорь по себе знал, на третьем году пропадает чувство опасности. То какой-нибудь старик ползет в трансформатор, руки ему потом ампутируют. То паров гиптила по дурости нахватается. То БТР из бокса выведет и девок из ближней деревни катает. Почти на каждом общеполковом разводе о таких случаях зачитывались приказы по дивизии. На третьем году кажется, ничего плохого с тобой не случится. Всё старику можно. Какой-то стариковский синдром.

У полковника Алексанина в тот раз дрожал от ярости голос: «Что матери твоей скажу?! Она мне здорового сына отдала, а я в цинковом гробу?! Кобылу без подставки драть можешь, а совести!.. Десять суток гауптвахты!» Нагорный стоял перед строем, смотрел в сторону. Раскаяния на лице видно не было, к гауптвахте ему не привыкать.

Недавно Нагорный сошёл с катушек окончательно. Оставил на берегу озера хэбэ, сапоги и записку, что добровольно уходит из жизни. Водолазы из округа обыскали всё озеро, но тела не нашли. Нагорного сняли с электрички уже перед самой Москвой. Оказалось, заранее раздобыл где-то гражданку, переоделся, а хэбэ с сапогами на берегу и записка – туфта.

Это уже было серьёзно. Дезертирство. За Нагорно-

го взялась прокуратура. Теперь его то и дело возили в гарнизон на допросы.

– Тридцать первого декабря дома будет. С ёлочкой! – щурясь, заметил Минин. Чэпэшников обычно отпустили из части последними. Осуждает Стас Нагорного или сочувствует, было неясно.

– Если в дисбат не загремит, – хмыкнул Никишин, не сводя глаз с мотоцикла у КПП. Неприятно было видеть Нагорного смиренно сидящим в коляске. Сломался, когда по-настоящему взялись. Слабак.

Навстречу по бетонке шёл, издали улыбаясь, библиотекарь Сверчков. Что-то в них было, этих ребятах из штаба, санчасти и клуба, выделяющее среди других. Всегда чистые хэбэ, выражение лиц?..

– Без вопросов! – Сверчков смотрел понимающими умными глазами. – А я всё думаю, почему это Никишин не заходит? Новые книги поступили, хотел тебе предложить.

– Сам видишь... – Игорь, будто извиняясь, развёл руками. Хотя с чего бы ему извиняться перед Сверчковым.

– Если выдастся свободная минута, всё же заходи. Пообщаемся, о последних публикациях в журналах поговорим.

– Сомневаюсь, что выдастся. Упираемся, как папа Карло. Аккорд, сам понимаешь... – Никишин подбирал каждое слово. Перед Сверчковым не хотелось ударить в грязь лицом, а тем более, нечаянно выругаться.

Библиотекарь по-прежнему улыбался:

– А вдруг?..

Необычный парень. «Пообщаемся», «не заходишь», «книги поступили»... В армии так не говорят. Никишин обычно с удовольствием заходил в библиотеку, ему нравился запах книг, даже тонкой пыли, осевшей на стеллажах. Но интересней всего было слушать Сверчкова, тот хорошо знал поэзию. Однако кондовый старик в Никишине всё больше выдавливал ясноглазого паренька, которому легко сочинялось. Теперь уже казалось странным, почему Сверчков ведёт себя

не так, как полагается настоящему старику. Одинаков со всеми, не подчеркивает, что служит третий год.

Как-то заговорили об этом. Библиотекарь дал номер «Юности» с повестью Евтушенко. Там рассказывалось о японском лётчике-камикадзе, который отказался лететь топить американские корабли. Не из трусости, а потому, что считал, это неправильно. Лётчика-камикадзе никто не понял, все отвернулись, стали презирали. Повесть о стадном чувстве, сказал Сверчков. Умении подняться над ним. Быть овцой проще простого. Слова показались Никишину высокомерными.

Не прибавило симпатий к библиотекарю и то, что он находился в строю сержантов, когда Никишина разжаловали. В части существовало правило срезать лычки перед строем, офицер из штаба уже поигрывал ножницами. Лишний раз унижить себя Игорь не дал, надел чужую шинель с погонами рядового. Но Сверчков видел его, одиноко стоящего перед строем, офицера с ножницами и всё остальное. Игорь надеялся, что вёл себя достойно, побитой собакой не выглядел, но всё равно заходить в библиотеку перестал.

Возле санчасти их перехватила медсестра Ира – невысокая, худая, лет под тридцать. Трудно было представить, как у них с Мининым получается, Стас почти двухметровый амбал.

– Стасик, пойдти сюда.

Неловко взглянув на Никишина, Минин отошёл в сторону. Немолодую медсестру он стеснялся, хотя на его месте мечтала оказаться добрая половина полка. Летними вечерами, когда разъезжались по домам офицеры, можно было увидеть, как Ирина и Стас идут в лес. В руках у медсестры покачивался целлофановый пакет с одеялом.

О чём они сейчас говорили, Никишин не слышал. Он зашёл с тыльной стороны столовой, остановился у входа в варочный зал и принялся дожидаться. Разговор Минина с Ирой затягивался. Игорь сел в тени, можно было немного отдохнуть, на полосе не поси-

дишь. От нечего делать слушал, как ругались дежурный по столовой и хлеборез Амбарцумов. Дежурный хотел, чтобы Амбарцумов выдал на столы белый хлеб тоже, а тот клялся, что сегодня привезли только черняшку.

– Приготовь дедам пару буханок, – сказал Никишин, когда Амбарцумов с озабоченным видом проходил мимо.

Получилось не очень уверенно. Хлеборез раньше служил в их роте, на тёплом месте оказался не так давно. Умеют устраиваться. Амбарцумов не глядя кивнул, понимая, что речь идёт о белом хлебе. Уважает. После того, как разжаловали, Никишин стал относиться к подобному особенно чутко.

Минин появился озабоченный.

– Скажи, чего ей надо?.. Я нормального молодого нашёл, служить, как медному котелку!.. Говорит, не нравится. Только посуду, типа, пачкает.

– Какую посуду? – не понял Игорь, поднимаясь из холоodka.

– Ну даёшь! Какая у женщин бывает посуда?..

Несмотря на габариты, Минин был деликатным человеком. Никишин ни разу не слышал, чтобы тот ругался матом – в армии большая редкость.

– И что теперь? – глуповато спросил Никишин.

Ира переходила из рук в руки, от одного призыва к другому, но кувыркалась с кем-нибудь одним. Говорили, какой-то кусок-сверхсрочник предлагал ей замуж, но она не захотела. Ходил слух, в гарнизоне есть ещё одна любительница солдат, якобы специально отсюда приехала. Та совсем простая, каждое знакомство начинает словами, что была сегодня в бане. А может, это разговоры. Чего с голодухи ребята не придумают.

– Что теперь? А чёрт знает! Пусть сама... Здорово, земля! – В варочном зале Минин пожал руку повару, орудовавшему в котле из нержавеющей стали большим черпаком на длинном держаке. Воздух здесь был горячий, влажный, плиточный пол мокро блестел. – Как она, твоя ничего, земля? Все хоккей? Не посрамил

чести города-героя Волгограда? Дедушка правильно понимает?..

Повар заулыбался и мотнул подбородком на пятилитровый чайник. Чувствовалось, ему было приятно услужить. Не только потому, что Минин земляк и дед. Ещё потому, что тот большой и весёлый.

– Сегодня компот.

– Нормально, земля, пойдёт!.. Смирно! От лица дембелей выношу благодарность с занесением в личное дело!..

Незадолго до отбоя, когда большое малиновое солнце полого било сквозь сосны, пригнали карантин. Пономарь сумел договориться с сержантами.

Это тоже было необычно – карантин в мае. Раньше салаги появлялись в части осенью. Их, в стоящих колом хэбэ, до потери пульса гоняли на плацу. В курилках потешались, глядя на иноходцев: делая шаг левой ногой, многие салаги и рукой взмахивали левой.

Расслабленные лица, необмятые гимнастерки – гражданка так и перла из этих ребят. Ничего общего с хмурой настороженностью солдат. Из курилок раздавались бессмертные шуточки на тему, сколько салагам осталось служить и совет вешаться.

В этом карантине оказалось много чёрных. Выяснилось, грузины.

– Генацвале, лопаты в руках держали? Или только ракомцетели у себя дома пили?.. Главный армейский закон знаете? Не можете – научим, не хотите – заставим!..

Пономарю хотелось выглядеть крутым дедом. Но и у него вести себя с карантинном так, как вёл в роте, не очень получалось. Эти ребята были из другой жизни. Особые. На них ещё лежал отсвет гражданки.

В помощь Никишину дали грузина, который выглядел старше других. Наверно, отсрочки получал, решил Никишин. Предстояло обшивать двухметровую стенку, её будут преодолевать эти салаги через месяц или два. По тому, как непривычно полный для

солдата грузин держал топор, как принялся обрабатывать доску по ходу волокон, было ясно, дело для него знакомое.

– Плотник?

– Да. – Грузин ответил не сразу. Похоже, не очень хорошо понимал по-русски.

– Девушка есть?

– Жена есть.

Никишин внимательно посмотрел на него. Два года, конечно, не три, но всё равно. Может, у грузина и дети уже есть. Однако спрашивать об этом не стал. Слава богу, сам он с армией завязал. Почти.

– Держи кардан! – сказал он и протянул грузину ладонь.

Тот смотрел, не понимая.

– Чтобы домой быстрее вернулся. – Никишин чувствовал, выходит не по-дедовски, слишком уж простецки, несолидно, но всё же добавил: – Чтобы время быстро прошло. Домой!

– Домой, – закивал грузин и пожал руку. – Домой!.. Это он понял.

4

Последний день пришёлся на субботу. В пятницу седьмого июня тоже работали, пока можно было хоть что-то в сумерках рассмотреть, но закончить полосу не получилось. Утром дневальный разбудил в три часа.

Было светло. Пустынная территория части просматривалась во все стороны, шаги по бетонке раздавались далеко и чётко. Спать не хотелось, слегка познабливало – то ли от прохлады, то ли от мандража.

Суббота плоха была тем, что короткий день. В штабе могли не успеть оформить документы. Но до этого ещё надо вкопать столбы под бумы, установить сами бумы и сдать полосу – тоже непростое дело. Оставаться в части до понедельника казалось невозможным. От одной только мысли хотелось завывать по-волчьи.

Часам к десяти бумы установили. Полосу должен был принимать зам по физподготовке, но его ещё нужно было найти. Пока искали, Никишин смотался в казарму, взял из тумбочки сборник Рубцова и отнёс в библиотеку.

– По коньям?.. – Сверчков улыбался внимательными глазами.

– Типа того, – ответил Никишин.

Если бы не обходной, который требовалось подписать, он в библиотеку не пошёл бы.

– Что ж, удачи, – сказал Сверчков. То, что дембель не у него, а у других, библиотекаря, казалось, не расстраивает.

«И здесь он особый! – подумал Никишин. – Не в стаде. Чистоплюй херов!» Чувство было сложное, наполовину с завистью. Думать, отчего так, не было времени.

Капитана Мозжухина, оказалось, нашли быстро. Когда Никишин вернулся на полосу препятствий, капитан уже ходил по ней и хмыкал. Но придирааться не стал.

– Кто смелый? Ты побежишь, Пономарёв?

– Дедушке нельзя, товарищ капитан! Дедушке надо беречь здоровье, дедушке оно на гражданке пригодится.

– Ну-ну. Так кто?

Капитан Мозжухин мало походил на обычного зама по физподготовке. Играл в шахматы, не лез из кожи перед старшими по званию, как большинство офицеров. Похоже, капитан не собирался служить все двадцать пять лет. Никишин знал, с офицерами такое случается тоже, некоторые понимают поздно, что зря пошли в военное училище.

Бежать пришлось Коршункову и Никишину, в сержантской школе им приходилось сдавать норматив. Игорь был готов ко всему (аккорд, всё на соплях!), но обошлось. Стенка, которую он обшивал с грузином-салагой, не рухнула, и бумы устояли. Остальные препятствия тоже.

– Ладно, годится, – сказал капитан, когда Никишин и Коршунков с красными потными лицами подошли. – Пономарёв, кеды сдать не забудь, лады? – И пошутил: – Пару партиешек напоследок сгоняем?..

Как на иголках – это про них. Обедать не пошли, в рот ничего не полезло бы. Переоделись в мундиры, сели на койки. Дожидаясь из штаба старшину, стали обмениваться адресами. У Стаса Минина на дембельском чемодане было выведено броскими белыми буквами: «Волки! Вы свободный народ!». Это из мультфильма о Маугли.

Старшина всё не возвращался. Никишин достал из кармана Дембельского бога, сжал в кулаке и принялся с силой трясти, сцепив до хруста зубы. Никто не улыбнулся, даже Пономарь промолчал. Рукавицын – тот опять был во внутреннем наряде – на всякий случай спрятался в ротной сушилке.

Наконец появился старшина – и всё слилось в счастливую кутерьму и неразбериху.

Дежурный автобус Стас Минин расстелил перед КПП чистый носовой платок вытер сапоги отбросил платок носком красавчик Серега Коршунков диким голосом закричал всеобщее презрение пану Вотрубке дембеля радостным хором у-у-у сука провожавший водитель Загоруйко плакал завистливый взгляд ефрейтора у шлагбаума измозолившие глаза деревья вдоль бетонки пятиэтажки гарнизона унылые деревушки по бокам трассы всё ненужное остопиздевшее проклятое станция Бологое сопроводивший сверхсрочник облегченно выдохнул сбагрил слава богу запах креозота и свободы скучная тётка в воинской каске как можно на гражданке скучать?!

Естественно, завалились в привокзальный ресторан. А что, гражданские люди, имеем право!.. С достоинством уселись за столик, заказали три бутылки водки и по салату. «Ой, не уедете, ребята!..» – Официантка в белом переднике и кокошнике (настоящая, гражданская!) покачала головой. Никишин, разжалованный, но всё же сержант, солидным голосом заве-

рил: «Всё будет нормально, гарантирую». Разлили. «За дембель!» Потом пили за гражданку, девчонок, опять за дембель, ещё за что-то. Никишин посматривал на часы, важно было не пропустить поезд.

Старлей походил на собаку, взявшую след. Прямо от входа направился к их столику. За старлеем двигались два желудка со штыками и красными повязками на рукавах. Патруль. «Спокойно, деды!» – сказал Никишин. Ребята могли залупнуться, будут проблемы, а это ни к чему. Он первым достал военный билет и проездные документы, подал офицеру: «Всё, товарищ старший лейтенант, отслужили!». – «Вы в форме, ведите себя достойно». – «Не вопрос!..». Пономарь был в своём репертуаре, бросил вслед: «Спиногрыз! Сука!» Теперь ни от офицеров, ни от сержантов сметливый сын городской окраины не зависел и мог не прогибаться, задниц не лизать. Старлей не услышал. Или сделал вид.

Из ресторана выскочили, когда поезд уже подходил. Оказалось, на улице темно. Рванули не к той платформе. «Куда! – рявкнул самый трезвый Стас Минин. – В Питер уедем!..». В вагоне горел тусклый дежурный свет, в каком-то отсеке играли на гитаре, направились туда. Ехали два дембеля и моряк в отпуск. Стали брататься, у моряка был спирт, пили, пели, моряк между куплетами кричал: «Рыба!». Сначала казалось, не по делу, потом понравилось. Чуть не подрались, когда чужой дембель сказал, что у ракетчиков не будет стоять – облучение и гиптил. Громко мирились, опять пили, пели под гитару до самой Москвы, до самых тех пор, когда за окном стало совсем светло.

Удивительно, но никто нам тогда слова не сказал. Хотя в вагоне мы никому не давали спать. До сих пор не знаю – не хотели связываться или понимали нас, дурных, очумевших от свободы?

Как позже выяснилось, нам крепко повезло. В августе Варшавский договор ввёл войска в Чехословакию, и увольнять в запас перестали. Загоруйко сняли с аккорда неспроста. Многим из нашего призыва при-

шлось служить до декабря. Вот тебе и переход на два года!.. Представляю, что чувствовали эти ребята.

Куда делся Дембельский бог, я не помню. То ли потерял по дороге, то ли дома выбросил, забыв в кармане парадно-выходной формы. Но то, что меня уволили в запас восьмого июня, запомнилось навсегда.

Собственно, о Дембельском боге я уже не думал, когда утром, бледные и помятые, мы вышли на голубую утреннюю площадь перед Ленинградским вокзалом.

До того ли было? Перешагнули этот порог, армию, перед нами распахнулся широкий звонкий простор, наполненный светом и счастьем. Назывался этот простор гражданкой.

И не думалось тогда, что минувшие три года – тоже наша единственная жизнь.

2013

ЛЁНЬКА И МИША-БЕЗНОГИЙ

В этом углу постоянно скапливался базарный мусор. Высохшие и закрученные винтом арбузные корки, множество папиросных окурков с растоптанными плоскими гильзами, семечная пёстрая шёлуха, вишнёвые и абрикосовые косточки с волокнистыми остатками подсохшей мякоти – чего здесь только не было.

Сам угол сырой, образован двумя стенами каменного забора, ограждавшего базар, и на его белёной известью кладке видны ветвистые тёмные потёки, начинавшиеся примерно в метре от земли. Здесь же поблизости стоял зелёный ларёк. Невысокий, квадратный, слоёная фанера на нём местами поотстала и то ли сама отвалилась, то ли её отодрали узкими длинными полосами.

В ларёке, в этой облезлой зелёной будке, торговали кое-чем из продуктов. За радужным от времени стеклом висела на большом тёмном гвозде сплетённая на манер косы связка чеснока с белёсой лёгкой шелухой, на полках, что пониже, лежал пяток посухших луковиц, грудились сушёные груши и сливы, в морщинах которых было серо от пыли. В поллитровых банках стояли крупы – гречневая, пшённая и рисовая. А из-за деревянной планки переплёта выглядывал гранёный стакан засахаренного, похожего на топлёное масло, мёда.

Забывтый базарным начальством и санитарным врачом комиссионный ларёк с лежалыми продуктами и продавцом с вечно сонными глазами...

Этот ларёк Лёньке был хорошо известен. Мама часто оставляла его стоять здесь с уже полной сумкой фруктов, наказывала никуда не отходить, а сама снова, как в море, ныряла в разноцветную базарную неразбериху.

Ходить на базар Лёнька не любил. Ему не нравились запахи потной толпы, возбуждённые, какие-то судорожные лица торгующих, ругань и толчея, в которой двенадцатилетнего мальчишку бесцеремонно толкали и наступали на ноги. Он начинал злиться, но грубить осмеливался только матери. В толпе он шёл обычно с вяло опущенными руками и был совершенно уверен, что все подозревают в нём карманника – стоит даже нечаянно дотронуться до кого-нибудь, как сразу же схватят за руку. Мать в базарном раже протискивалась между рядами, заходила за спины торгующих, приценивалась, пробовала на вкус, и Лёньке волею неволей приходилось следовать за ней. Он держался подчёркнуто вдали от прилавков и каждый взгляд из-за плеча расценивал по-своему.

Но даже больше, чем протискиваться вслед за мамой, он не любил стоять где-нибудь в стороне, вот так, с полной сумкой купленных фруктов. Рядом снова-ли белолицые или, наоборот, очень загорелые, почти оливковые, курортники – всё зависело от того, как долго они находились в местечке, – некоторые из них подходили и спрашивали, почём абрикосы, и Лёнька, буркнув: «Не продаю», поворачивался спиной. А сам с отчаянием ждал, что кто-нибудь подойдёт опять, спросит почём, а рядом как раз будут проходить знакомые и все услышат... Лёнька цепенел от стыда.

Как-то ещё развлечь, вывести из этого едва ли не шокового состояния могло разве что появление Миши-безногого. Лёнька Мишу хорошо знал – да и кто его не знал! – тот жил на одной с Лёнькой улице, а здесь, на базаре, торговал красными леденцовыми петушками, рыбками и звёздочками на белых гладких палочках. В сплошной шеренге торгующих Миша-безногий походил на обломанную штaketину: сидя в своём ящике на подшипниковом ходу, он всем остальным едва доставал до пояса. У Миши-безного была одна особенность: с упорным постоянством он избегал платить те два рубля старыми, которые полагалось взимать с каждого торгующего. Он не возмущался, не

рвал на себе рубашку, не кричал, что он инвалид, а с усмешливым спокойствием избегал встреч с базарной администрацией. Ему часто приходилось менять место, поспешно завертывая в стираную тряпицу глянцевоющих петушков.

Потеха начиналась, когда его настигала угрюмая тётка-контролёр с брезентовой сумкой через плечо и с рулончиком похожих на автобусные билетов.

– Плати, – глухо говорила она и тяжело смотрела на Мишу-безногого. – Ну!

Миша останавливался и поворачивал к своей преследовательнице улыбающееся лицо.

– Ясновельможна панночка, – рассыпался он мелким бесом и даже сдёргивал с головы кепку-восьмиклинку, обнажая высокие незагорелые залысины. – Ясновельможна панночка, примите мои приветствия и заверения в искреннем уважении и совершеннейшем почтении! – Здесь Миша-безногий рукой с кепкой изображал нечто похожее на помахивание шляпой средневекового кавалера. – Однако смею обратит ваше досточтимое внимание на тот факт, что платить мне совершенно, ну совершенно не за что! Так как я выступаю в данном случае в виде, так сказать, покупателя.

И для большей убедительности Миша вытаскивал из кармана своего мятого хлопчатобумажного пиджака два солёных огурца с прилипшими к ним крошками.

Вокруг уже собирались любопытные и с интересом, весело ждали, что будет дальше. Собственно, чем дело кончится, более или менее точно знали все наперёд. И потому не пытались Мишу защищать – он не любил, когда его жалели.

– А это что? – И тётка тыкала пальцем в оттопыренный карман Мишиного пиджака, где находилась тряпица с петушками. Тётка была просто непрошибаема.

– Одна видимость! – поспешно и горячо восклицал Миша-безногий. – Одна видимость, прошу всё так и заметить себе! Обман зрения, другими словами. Ил-

люзия!... Впрочем, – и тут Миша, нимало не смущаясь своей ролью, лукаво обводил глазами собравшихся вокруг, – у вас, уважаемая, здесь тоже кое-что есть, – Миша показывал на грудь, – так я же не интересуюсь, что именно, и показать не требую...

Хохотали собравшиеся, стыдливо хихикал у своей сумки с фруктами Лёнька, немела от Мишиной наглости тётка-контролёр. А Миша, лукавый и довольный, нырял в толпу и пропадал в ней.

...На этот раз Лёнька сразу повернулся к прохожим спиной и вновь увидел перед собой зелёный ларёк, который своими ободранными полосатыми боками походил на зебру из книжки. Лёнька сделал вид, что очень ларьком заинтересовался, и отошёл от сумки – он, конечно же, не имеет к ней никакого отношения, просто случайно оказался рядом, – но далеко отходить всё же побоялся. Ещё утащат. Глаза скользнули по вязке чеснока, по шелушащимся луковицам, по банкам с крупами и на секунду задержались на сушёных грушах. Приземистая старуха с массивной спиной штангиста тяжёлого веса покупала крупу, заслонив остальное, а увиденное было совсем неинтересно, но Лёнька к сумке всё равно не оборачивался. Даже отступил ещё на шаг.

Он принимался рассматривать витрину всё снова и снова. И так – до тоски, до отвращения к этим связкам, пыльным банкам и блюдечкам.

Потом он начал смотреть на продавца, пытаясь его загипнотизировать (Лёнька недавно прочитал книжку о гипнотизёрах, и его очень интересовал вопрос, есть ли у него самого к этому способности). Но продавец большей частью стоял без дела, и, чтобы слишком часто не встречаться с ним взглядом, Лёньке приходилось быстро отводить глаза. Спокойней было глядеть на витрину, и он опять уставился – как не хотелось возвращаться к сумке! – на чеснок, на крупы и сморщенные сливы...

Чуть в стороне, за планкой переплёта, виднелось что-то непонятное. Заинтересовавшись, Лёнька сту-

пил шаг в сторону и увидел стакан – горчица, что ли?.. – с тёмным, чем-то пропитавшимся ценником, прилепленным к его краю. Сиреневатыми выцветшими, старушечьими какими-то чернилами на ценнике значилось:

МЁД 200 Г ЦЕНА 1 РУБ 52 КОП

Лёнька, не отрывая глаз от стакана, сглотнул. Казалось бы, вот они, в сумке рядом, абрикосы и поздние сладкие вишни – протяни только руку... Безгранично, до судороги, до спазм в желудке ему вдруг захотелось мёда.

Он даже не заметил того, чего с таким нетерпением ждал, – не заметил, как подошла мама.

– А, хол-л-еры! – ругалась вполголоса мама. – Со всем обнаглели – рубль килограмм помидоров! Я ж не курортница, чтобы с меня драть. Я ж на Севере не работала!..

Лёнька, не дожидаясь приказа, поднял сумку. Скрипнули кожаные ручки.

Он ещё раз оглянулся на ларёк. И вдруг решил, зло сузив глаза: всё, кровь из носа, а мёд у него будет!.. Будет.

По воскресеньям случались праздники. Мама давала по десять копеек на кино, по пятнадцать на мороженое, и Лёнька с младшим братом направлялись в центр. Гулять.

Стояли сочные сентябрьские дни, в тени, особенно по утрам, бывало уже прохладно, а возле старой, полуразвалившейся церкви вырвали в медленной тиши глянцевого каштана в колючей кожуре. Три городских киоска с мороженым по воскресным дням обрастали очередями, чем-то напоминающими запятые – такие же широкие в начале (все стремились поближе к окошку) и узкие, редкие к концу. По каменным плитам тротуара в резной тени акаций ходили стайками девчонки с загорелыми тонкими ногами и манерно слизывали мороженое с занозистых светлых ложечек. В сквере возле памятника цвели махровые астры, ред-

кие бабочки облетали их стороной... Во всём – солнечная тишина, предосенний покой.

Мальчишки, конечно же, не могли устоять перед соблазном. Лёнькины друзья и даже младший брат пристраивались в хвостик запятой, стояли долго, настойчиво и, в конце концов, проталкивались к окошку. Из очереди они выбирались потные, с прилипшими ко лбу чубчиками, зато держали в руках по холодному вощёному стаканчику с торчащей из него ложечкой.

Лёньку, который поджидал друзей в стороне, спрашивали, почему он не покупает мороженое вместе со всеми. Может, денег нет?.. И были великодушны – обещали дать лизнуть.

Нет, беспечно отвечал Лёнька, у него деньги есть. И, достав из кармана монету, подбрасывал её, блеснувшую на солнце, вверх и ловко подхватывал. Не покупает он специально – в этом киоске продавщица всегда обвешивает, – разве они не знают?

Все вместе шли к другому киоску, где продавщица не обвешивала. Но там очередь оказывалась ещё больше. И Лёнька, брезгливо кривя губы, объяснял пацанам, что он не любит стоять в таких больших очередях.

Пока доходили до третьего киоска, Лёнька утрачивал интерес к мороженому. Он так и заявлял об этом друзьям.

Кино начиналось в два, и мальчишки битый час ещё болтались по центру, ведь выходили из дому задолго до начала кино, чуть ли не утром. Те, у кого оставались деньги, кутили всюду: стреляли в тире, пили газировку с двойным, а то и тройным сиропом, отмахиваясь от настырных осенних ос, покупали на углу семечки у бабки с кошником (у этой бабки были стаканчики мал мала меньше, самый маленький с верхом стоил пять копеек), снова ели мороженое.

Лёньке пить хотелось давно, да и ходить вместе со всеми и ничего не покупать было стыдно, и он брал себе стакан газированной воды с сиропом. Лучше бы, конечно, без сиропа, но кругом были пацаны, которые

так обидно роскошествовали, и Лёнька, скрепя сердце, выкладывал четыре копейки.

Лёнькиной обязанностью было ходить в магазин за хлебом. А если к тому же на это уходило не слишком много времени – столько, что ещё можно было побродить по улице, поболтаться, как говорила мама, до самых тех пор, пока тебя не покричат с крыльца домой, – Лёньке это вполне подходило.

Очередь терпеливо ждала свежего хлеба. Его привозили в высоком деревянном фургоне, запряжённом двумя сытыми, с лоснящейся красной шерстью лошадьми. Лошадьми правил крепкий ещё дед, молчаливый, костлявый, с суровыми тёмными впадинами на месте щёк. Он подъезжал к магазину и, совсем не обращая внимания на всколыхнувшуюся очередь, спускался с козел, неторопливо влазил в длинный синий халат с тесёмками на спине (в очереди всегда находился кто-то, кто подсказывал и принимался поспешно завязывать их) и распахивал дверцы фургона. Если дело было зимой и ещё не темно – все видели, как через открытые дверцы округло валили клубы пара, а запах свежего хлеба, который был вкуснее и конфет, и зефира – к ним примерялся Лёнька, стоя в очереди, – был прекрасно слышен даже летом.

Лёнька приносил хлеб домой, с лёта бросал его на стол, а мелочь, которая оставалась с полтинника – мать не могла знать точно, какой на этот раз будет хлеб, и по сколько станут давать в одни руки, потому что и отсчитывала на всякий случай больше, – оставшуюся мелочь Лёнька прятал в карман.

Он бросал хлеб на клеёнку, потёртую на углах стола, а сам старался поскорее улизнуть. Это делалось с видом человека, поглощённого предстоящими делами на улице, и так, чтобы мать, глядя на его озабоченное лицо, стала ломать себе голову: что он ещё замышляет?..

Или же надо было легкомысленно, вприпрыжку и напевая, удалиться, но не слишком уж легкомысленно, Лёнька это понимал – мать заметит наигрыш, – и

не слишком поспешно... Но если она всё же заговорит о сдаче, можно попытаться как-то отвлечь её или же убежать, не дослушав и пообещав отдать вечером, или, в крайнем случае, сказать, что потерял..

Это было хлопотное дело. Приходилось изворачиваться, врать, получать подзатыльники. В любом случае, монеты даром не доставались.

У Лёньки было ещё несколько способов добывать деньги. Хотя бы вот такой: собирать и сдавать металлолом.

Лёнька обшаривал все закоулки, шнырял по заросшей буйной душиной лебедой свалке возле МТС, искал в огородах на межах, куда, вскапывая по веснам землю, отбрасывали встречающиеся черепки, камни, а иногда – проржавевшие куски неизвестно как здесь оказавшегося железа. Однажды, отчаянно трусая, он даже стащил у соседки из сарая медный таз, в котором та варила обычно варенье. Он таз до поры до времени припрятал, а когда соседка хватилась и окрестным мальчикам был устроен допрос с пристрастием, сумел убедить, что не имеет к этому никакого отношения... Обошлось.

Правда, беспокоило немного поведение Миши-безногого. Тот при встречах – жили на одной улице – стал ухмыляться, подмигивать, грозить пальцем. А однажды остановил на белом, слепящем от солнца тротуаре свою тележку, подождал, когда Лёнька подойдёт ближе, и сказал, запрокинув лицо и щуря глаза:

– Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит: у разбитого корыта медный таз лежит зарытый!.. – Миша-безногий оглянулся по сторонам и приложил палец к губам: – Ша, вопрос исчерпан, всё понимаю, парень, не мандражируй!.. – Опять подмигнул и смотрел при этом на Лёньку любовно.

Он что-то знал. Это тревожило.

Ещё с большей настойчивостью Лёнька взялся за металлолом. Он собирал сам, он заставлял собирать металлолом младшего брата и его приятелей. Впрочем, заставлял – не то слово. Заставить этих охломо-

нов было трудно, им надо было по крайней мере что-нибудь пообещать. А иногда и выполнить обещанное, если хочешь, чтобы они тебе верили впредь. И Лёнька покупал конфеты, раздавал мальчишкам и старался не смотреть, когда те принимались их сосать.

Где-нибудь в укромном уголке весь добытый лом сваливался. Лёнька любил рассматривать, порой перетаскивать с кучи на кучу эти железки с шелушащимися, осыпающимися чешуйками ржавчины. Он размышлял о том, как гора никому раньше не нужного железа может превращаться в деньги.

Было в таком способе плохо одно. Чтобы сдать металлолом, приходилось тащить его на себе в грязном мешке через весь город, через центр, опять же встречая по пути знакомых. Это Лёньке не нравилось. Тяжело, стыдно, неприбыльно...

Главное – стыдно.

Иногда можно было ещё разжиться у отца, когда тот приходил домой подвыпивши.

Отец, который в обычное время считал, что деньги детям ни к чему, что излишества – причина всех зол и несчастий, выпив, становился добр и податлив. Лёнька, робко подойдя, скромно сообщал, что получил по истории пятёрку, и показывал дневник, а потом безнадежно и жалобно просил десять копеек на кино. Всё было рассчитано верно, и отец, растроганный пятёркой и Лёнькиным нерешительным видом, выгребал из кармана всю мелочь.

Это был самый доходный, самый приятный и самый лёгкий способ. Только вот отец не так часто выпивал.

Добытые деньги Лёнька складывал в жестяную банку из-под леденцов. Он специально не хотел знать, сколько их уже набралось точно, но всякий раз, когда снимал крышку, чтобы положить ещё несколько монет, – именно потому, что не хотел, невзначай прикидывал сумму. Лучше было рассчитывать на меньшее, а потом, пересчитав, сделать себе приятный сюрприз, и Лёнька, в конце концов, прорезал в крышке щель, что-

бы не открывать и не знать, сколько уже накоплено, даже приблизительно.

Коробка всё глуше и сдержанней звякала, становилась увесистой, будто цельный диск металла, и Лёньке все больше хотелось вскрыть её. Но он терпел и испытывал мучительно-радостное чувство, запихивая в прорезь всё новые монеты.

Тихими летними вечерами Миша-безногий любил устраиваться у окна своей комнаты. Он сидел, курил, пока ещё было светло – читал газету или просто смотрел на улицу. Медленно оседала поднятая за долгий день пыль, теплились на небе нежные первые звёзды, и из густых июльских огородов тянуло душистой сыростью.

Положив на подоконник тяжёлые руки, Миша сидел часами, неподвижно и непривычно молчал. Тлела в сумерках его сигарета, и из открытого окна пахло горелым сахаром.

Никто не знал точно, когда в такие вечера Миша-безногий ложится спать. Алим Поповский, двадцатисемилетний парень, которого родные никак не могли женить, возвращался домой за полночь, но и он часто ещё заставал Мишу у окна. Алим подходил к нему, закуривал и, опустившись на корточки и заскрипев хромовыми сапогами, приваливался к стене спиной. В мягкой темноте ночи они перекидывались неторопливыми словами. Потом Алим уходил, а Мишина сигарета, то разгораясь, то совсем почти приглушённая пеплом, долго ещё тлела в чёрном проёме окна.

На улице Мишу жалели. История его была незамысловата и печальна. В сорок третьем году, в один из нечастых к тому времени налётов немецкой авиации, ему, семнадцатилетнему парню, которого вот-вот должны были забрать в армию, взрывом бомбы оторвало ноги... Улица помнила, как Мишу привезли после госпиталя домой. Бледный, худой, он сидел в тачке, которую толкала сзади его сестра. И вот что поражало: на всё встречное он смотрел с жадностью

и непонятной радостью, будто и не его это так искалечило. Он, кажется, не понимал, что за жизнь ему предстояла. Соседки, наглядевшиися за войну всего, отворачивались. Слава Богу, что мать не дожила, не видит, говорили они, сморкаясь в передники...

Миша стал жить у своей замужней сестры. Пенсия была небольшая, и он выучился варить леденцовых петушков, рыбок и лошадок, стал приторговывать ими на многолюдных послевоенных толкучках.

Шло время, вернулись после долгой службы и давно уже переженились сверстники, а его по-прежнему звали будто подростка – Мишей. Мишей-безногим.

Устроившись у окна, Миша-безногий любил наблюдать, как на улице играют мальчишки. Собственно, там не только играли. На улице проходила большая часть мальчишеской жизни. Жизнь эта была интересна и сложна. Здесь, особенно когда становилось темно, они, против воли озираясь и стараясь придвинуться ближе друг к другу, рассказывали всякие страшные истории. Здесь менялись крючками и леской, вполголоса договаривались о набегах на колхозный виноградник. Здесь же выяснялись отношения, и происходило много других событий.

Изо всех других Миша-безногий постоянно выделял Лёньку. Играли ли в войну, и Лёнька ловко заводил «наших» в тыл «американцев», забивал ли гол во время пыльных футбольных баталий прямо посреди дороги, побеждал ли в молчаливой ожесточенной драке – он постоянно чувствовал на себе заинтересованный следящий взгляд.

А однажды, когда Лёнька в надежде пополнить копилку вынес на улицу груды старых батареек и принял их нахваливать, он услышал, как Миша-безногий позвал его от своего окна:

– Эй, пацан!.. Ты, с батарейками. Иди сюда, чего скажу.

Лёнька оглянулся на мальчишек, быстро рассовал батарейки по карманам.

– Чего мне идти...

– Да не бойся ты, – усмехнулся Миша и с треском потёр небритые щёки. – Ничего я тебе не сделаю. – И, видя, что Лёнька всё не идёт, добавил: – Я, может, батарейку купить хочу... Иди!

Лёнька колебался. Вчера Миша-безногий возвращался домой пьяным. Он звучно катил по каменному тротуару в своей тележке на четырёх подшипниках, с силой отталкиваясь специальными деревянными колodками, которые надевал на обе руки, пел песни и матерился. Когда, привлечённые шумом на их, в общем-то, тихой улице, к калиткам стали подходить соседи, Миша остановился и принялся выкрикивать непонятное: «Микробы!.. Разве так жить надо! – кричал он, и его простодушное, курносое лицо выражало необыкновенную обиду. – Разве так живёте все!.. Человечки с маленькой буквы».

Переглядывались, перемигивались между собой соседи и на Мишу-безногого не обижались – ну, выпил человек, с кем не бывает... Это были простые, смиренные люди. Большинство из них работали в промкомбинатовском карьере или в колхозе, работали много, тяжело, жили немудрёно и терпеливо. Ближе к вечеру любили выйти на улицу и посидеть в покое на лавочках возле своих ворот, посмотреть на затихающий мир и неспешно подумать о делах. Они не понимали Мишиной горечи.

«А чего, Миша, – усмешливо спросили соседи, – чем мы плохо живём? Как ещё надо? Подскажи уж...»

«Не так живёте! – мотал головой Миша и ругался: – Не так! Мне бы ноги! Эх! Я бы!..» – Он подскочил на своей тележке к акации у края тротуара, ухватился обеими руками за её шершавый ствол и, от натуги краснея, попытался вырвать её из земли. Дерево было старое, крепкое, оно даже не шелохнулось. Миша-безногий от досады ударил по стволу кулаком. Тут он увидел кобеля, озабоченно трусящего по другой стороне улицы.

«Собака! – рыдающим голосом закричал Миша. – Собака, подожди!..»

Пёс оглянулся и затрусил быстрее.

«Стой, собака! Дай мне две ноги, у тебя четыре! – Миша выругался и швырнул в убегающего пса колodкой. – Слышишь, собака!..»

Соседи качали головами – и смех и грех...

– Чего? – подошёл наконец к окну и глянул исподлобья Лёнька. Буйных пьяных он не любил.

Миша-безногий молча смотрел на него из-за цветочных горшков. Ясно светились его голубые глаза и похмельно краснели губы.

– Ну, чего? – хмуро спросил Лёнька.

– Любуюсь на тебя! – сказал Миша-безногий. Он склонил голову к плечу и немного подумал. – Молодец, говорю. Молодец! Я знаю – слежу за тобой, так что... Запомни мои слова, парень: далеко пойдёшь!

Лёнька глянул на него внимательно. Нет, не насмехается, вроде...

– Только не пей, – погрозил пальцем Миша, – не пей, говорю! Это всё равно, что без ног, понял?.. Я давно за тобой слежу. Точно говорю, вверх пойдёшь. Сможешь. У меня на таких нюх есть.

Лёнька передёрнул плечами, поморщился. От Миши-безногого сильно несло перегаром. Он постоял ещё, но покупать батарейки Миша не собирался, и Лёнька разочарованно отвернулся. Обманул, обрубок...

– Упорный ты, – говорил Миша-безногий вслед уходящему Лёньке. – Настоящий! Так и надо, это главное в каждом деле. Соль земли! Страсти движут миром... – И, помолчав: – Эх, ребята!

В хороший весенний день Лёнька шёл к базару.

Стояла послеобеденная дремотная пора, на тёплых камнях заборов грелись редкие мухи, а по улицам бродили линяющие куры. Из тесных почек высвободились и радостно развернулись на воле доверчивые свежие листья. Блистало синее небо. Засохшая грязь обочин ещё не успела превратиться в пыль, и всё вокруг было красочное и яркое, не выгоревшее, не запылившееся – будто в цветном фильме.

Позади осталась дождливая зима, тоскливые долгие уроки после большой перемены – Лёнька экономил на обедах, – и наступило, в конце концов, то долгожданное время, когда монеты больше не входили, сколько банку не тряс, в прорезь жестяной крышки. Копилку можно было вскрывать...

Денег оказалось больше того, на что Лёнька рассчитывал твёрдо. Даже больше той суммы, которую с замиранием сердца загадывал. Их хватало не на один стакан меда. Это было приятно. И в то же время Лёнька был немного разочарован: исчезло чувство ожидания чего-то очень хорошего и приятного, что можешь сделать сейчас, а можешь и позже... Радость вышла с щербинкой.

На базаре почти никого уже не было. Лишь кое-где за обмытыми дождями прилавками устроились на самом солнцепеке старушки с семечками и прошлогодними, пахнущими погребом яблоками в ситцевых узелках. Старухам было всё равно где сидеть, а здесь так даже лучше: тепло, хорошо и, может, что и продать удастся... Когда на базаре появился Лёнька, старушки замолчали и, приложив к глазам ладони, стали с надеждой смотреть на него. Потом принялись зазывать ласковыми голосами: «Иди сюда, хлопчик. Глянь, какие яблочки...»

Лёнька шёл, до хруста отвернув голову. Боялся, что старухи уговорят.

В том памятном ларьке с зелёными полосатыми стенами всё было по-прежнему. Те же крупы, пыльные сушеные сливы и стакан засахаренного меда. Лёнька слишком часто приходил сюда, смотрел на этот стакан, робея и волнуясь, представлял, как станет покупать и, наверно, потому сейчас не чувствовал ни волнения, ни робости. Он поставил на прилавок поллитровую банку, которую стащил у матери с кухни, и будничным, тусклым голосом сказал:

– Мне два стакана мёда. – Помолчал и добавил: – Пожалуйста...

Потом с достоинством положил специально для

этого случая выменянные – в копилке была одна мелочь – бумажные три рубля и четыре копейки, три и одну.

Лёнька давно присмотрел укромный уголок возле школьной спортплощадки (школа находилась рядом с базаром, через дорогу). Так что нести банку с липкими сладкими краями оказалось недалеко. В густом и уже всюду зелёном кустарнике он поставил её на подвернувшийся плоский камень и медленно опустился сам, не сводя глаз со своего сокровища. В кустах было сумеречно и пахло мокрыми корнями.

Прежде чем начать есть, просто необходимо было насмотреться на мёд, налюбоваться, насладиться долгожданным моментом, прочувствовать его – и Лёнька неотрывно смотрел на тяжёлую банку цвета тёмного, приглушённого янтаря. Он понимал, что сбылось то, о чём он мечтал чуть ли не целый год, но, странное дело, радости особой не чувствовал. Ну, купил... Это было непонятно и немного даже обидно.

Лёнька достал из кармана специально припасённую для такого случая чайную ложечку и подцепил из банки на кончик. Мёд тянулся длинной тягучей струйкой, образуя на поверхности быстро исчезающие узоры.

Сначала Лёнька брал понемногу, смакуя и следя, чтобы и одной капли не упало на камень. Но мёда в банке совсем не убывало, и это Лёньку ободрило. Он стал набирать по целой ложке и уже не так придирчиво следил за каждой каплей. Мед слабо пахнул летом. Лёнька ел и радовался, что в банке его по-прежнему много.

Неизвестно откуда появилась оса. Шевеля усиками и подёргивая жёлтым полосатым брюшком, она села на край банки. Лёнька замахал руками и согнал её. Потом облизал пальцы.

Ему захотелось пить, но колонка находилась далеко, за школой, у самой автобусной остановки, и Лёнька опасался оставлять банку. Идти же с ней на виду у всех было неудобно. Он опять принялся есть. Теперь его уже не так радовало то, что мёда в банке ещё мно-

го, больше половины. Это даже начинало раздражать – ешь, ешь, а он всё не убывает.

В конце концов, пришлось всё же встать и пойти напиться. Во рту пекло и было даже горько почему-то. Лёнька быстро вернулся и облегчённо вздохнул, когда обнаружил банку на прежнем месте. Рядом, за кустами, бегали, поднимая пыль, потные баскетболисты из девятого класса. Они сипло просили друг у друга пас.

Потом пришлось ещё раз сходить напиться. На этот раз Лёнька возвращался неторопливым шагом и не очень огорчился бы, если банки на месте не оказалось. Он даже остановился и некоторое время смотрел на баскетболистов. Те его не замечали – пацан ещё... Лёнька вздохнул и направился к кустам. Надо было доедать мед.

Он медленно ел и желал теперь только одного: чтобы мёд быстрее кончался. Но его было ещё много. Лёнька видел это, и ему становилось тоскливо. Вокруг с угрожающим гулом вились осы. «Это та первая привела...», – равнодушно подумал Лёнька.

Он осторожно и тяжело, будто держал на голове полное ведро воды, поднялся и ногой столкнул банку с камня. Он чувствовал, что, если проглотит ещё хоть одну ложку, всё пойдет обратно. В щёку укусила оса. Лёнька напрямую побрёл через кусты.

По дороге домой он старался думать о чём-нибудь другом, постороннем, но раз вспомнил, как распознал по земле густой тяжёлый мед из банки, – и его стошнило.

Бледный и слабый, он сидел на камне возле дороги, и ему уже было всё равно, кто идет мимо и как на него смотрит.

– Эй, пацан, – услышал вдруг он весёлый голос, – чего сидишь? А? Отдыхаешь?.. Да ты что, язык проглотил?

Лёнька с трудом поднял голову. Прямо перед ним стояла новенькая инвалидская машина, сверкающая голубой краской и чем-то похожая на степенного

жука. Через опущенное стекло смотрела улыбающаяся красная физиономия Миши-безногого.

– Садись, подвезу. Первым пассажиром будешь, запоминай исторический момент! – И, видя, что Лёнька опять опустил голову, Миша-безногий закричал, перекрывая слабое татахканье своей коляски: – Алё, да ты чего! Садись, комбинатор, пока приглашаю, слышишь?.. Давай!

В конце концов, Лёньке пришлось подняться. На нетвердых ногах он добрался до Мишиной машины и тяжело свалился на единственное сиденье рядом.

– Да, бледноват ты чего-то, парень. И оса, кажись, тебя ударила, – скороговоркой отметил Миша-безногий и, отвернувшись, осторожно, с уважением тронул руль, похожий на велосипедный. – Чудесная всё-таки машина!.. Нет, я серьезно. Несёт нас двоих – и нормально, чин чинарем! – Он задумчивыми далёкими глазами вдруг посмотрел на Лёньку. – Если вот так разобраться, то раздень человека – беспомощней не найдёшь существа. А так, выходит, в самом начале истории как раз было!.. Ты представь: голый, в лесу – даже шерсти нет. Беззащитный! У зверей вокруг когти, зубы, тёплая шкура, а у этого – ни когтей, ни зубов... А? Как?

Коляска тронулась. Поплыли по бокам весенние праздничные деревья. Коляска то попадала в их тень, то опять выезжала на яркое солнце.

– Ведь, по идее, сожрать должны были всякие там саблезубые тигры! Верно? Сто процентов! А не вышло. Наоборот получилось – саблезубые вымерли, а человек живёт. Даже странно кажется, почему вот так получилось, а?

Лёнька пожал плечами.

– О, не знаешь! – Миша-безногий назидательно поднял палец. Он говорил, а сам, подавшись вперёд, неотрывно смотрел на дорогу. – Вот не знаешь. А очень просто. За счёт этого, – Миша показал пальцем на свою голову, – за счёт черепушки выжил... Представь, где-то миллионы лет лежала руда. А может, и

миллиард. Лежит и лежит себе, никому до неё дела нет, ни одному животному не интересна. А человек заинтересовался. Пришёл, посмотрел – туда, сюда, сталь из неё добыл. Не просто, конечно, взял – и добыл!.. Время, конечно, прошло. Но добыл! Ведь подумать – чудо, а? Чудо! Лежит руда, никому до неё дела нет, а человек заинтересовался. Телепатия! Чудно! Непонятно даже... Или та же нефть. Есть её никакое животное не станет – чёрная, вонючая. А человек и её приспособил. Вникни: не впрямую он её употребляет, а вот... – Миша-безногий, оторвав на секунду от руля руку, сделал неясное движение, которое должно было означать хитроумность этого самого неопределённого человека, – ну, посредством всяких там механизмов. Использует, так сказать, свойства нефти. И вот пожалуйста, соединил сталь и бензин, получилось это! – Миша с удовольствием хлопнул по рулю. – Машина! Я ничего не делаю, просто сижу, никто, заметь, не толкает, – Миша на всякий случай даже оглянулся назад, – а она едет. Сама! Это ж додуматься надо! – Миша восторженно покрутил головой, потом добавил, понизив голос: – Если по правде сказать, то очень даже странно всё это. Сверх простого понимания... Но факт!

Они уже ехали по окраинной тенистой улице, на которой оба жили. Лёньке становилось понемногу лучше, и с оживающим интересом он оглядывался по сторонам. Хотя всё и было до мелочей знакомо, но приятно то, что вот, пожалуйста, он едет в машине, пусть и инвалидской... Жаль, мальчишки не видят.

– Чего здесь непонятного, – с лёгкостью, даже пренебрежением сказал он. – Любой первоклашка знает: человек познает и покоряет природу. Элементарно.

Миша-безногий посмотрел на него. Ехидно прищурился.

– Силён, бродяга! «Элементарно»!.. Я так до сих пор слабо ещё в этом разобрался. Понимать – понимаю. Но... не понимаю! До конца то есть.

Машина остановилась у ворот Лёнькиного дома.

У забора клубились кусты цветущей сирени, и воздух вокруг был пахуч и нежен.

– Подбородок-то вытри, – сказал Миша, перегибаясь и помогая открыть Лёньке дверцу. – Мёд, что ли ел?.. А-а, – вдруг осенило его, – так вот на что ты деньги-то копил! А я себе голову ломаю... Невысокий полёт, парень, невысокий! – Миша хмыкнул и скрикнул: – И объелся, конечно, да? И осы укусили? Пожадничал...

Он молча и насмешливо смотрел на Лёньку. Тот уже выбрался из машины и стоял, готовый провалиться от стыда сквозь землю. Пыхтели огнём его большие оттопыренные уши.

– Ладно, не переживай. – Лицо у Миши-безногого смягчилось. – Ты молодой ещё, не понимаешь... Но смотри, парень, не испортиь себя. Не испортиь, парень!

Он вдруг раскинул руки, сказал, глубоко, во всю грудь вздохнув:

– Эх, весна! Весна, парень, слышишь. Живём! – И, заметив, что Лёнька смотрит на него удивлённо, подмигнул: – Ну, чего стоишь? Домой иди. Уроки, наверно, не сделал ещё? Ступай, комбинатор. – И ещё раз подмигнул: – Жизнь прекрасна и удивительна!.. Кто сказал, а?

1979

МЫ С ТОЛИКОМ БЕЛИНСКИМ

Ненаписанный рассказ

Так и этак примериваюсь к тому случаю, хожу, думаю, мучаюсь, даже сажусь писать, но в конце концов откладываю. Всё мне кажется слишком очевидным, прямолинейным – б е д н ы м. Однако успокоиться никак не могу. Какое-то время спустя опять кружу около той давней истории, хотя умом понимаю, что ничего путного, похоже, не выжать.

И так несколько лет. Что меня держит, почему не могу поставить крест – мало ли что со мной случилось? Далеко не всё может быть интересно другим, значимым во всеобщей системе координат. А литература именно на этом держится. У меня же – так, частное. Вернее, слишком знакомое, если уж по большому счёту, избитое.

И всё же хожу, думаю, мучаюсь. Потому, что случилось со мной? Что не сочинено, не сконструировано, а испытано на собственной, достаточно тонкой шкуре? Что контраст был сильным, ведь ожидал непременно исполнения своего желания и радости? Тем более, возраст-то какой был – нежный возраст!..

У меня даже начало есть.

Стоп, ошибки быть не может. Вот мы, я и Толик Белинский, в нашей уже слегка затуманившейся ямпольской давности. Копаем на пустом, убранном огороде землянку, выворачиваем комья чернозёма с бледными хвостиками трав и прерывающимися трудными голосами рассуждаем, где будет стоять стол с картой, а где нары, чтобы спать после партизанских заданий. Тихое октябрьское солнце греет нам спины, пряно пахнет потревоженной землёй, палым листом груш у Толиного дома, кроликами из близкого сарая. Мы торопимся, потеем, налегаем на лопаты с отполированными до костяного блеска черенками – боимся, как бы мама

Толика не передумала и не запретила копать землянку. По опыту знаем, насколько взрослые пренебрежительно относятся к нашим даже самым серьёзным планам...

Когда читаю после перерыва, свежим глазом, словно вижу и чувствую всё это снова – контрастно, ярко, со всеми запахами и звуками. А сколько ещё не вошло, сколько ощущений и картинок всплывают при чтении сами собой! Несвобода ватных телогреек (в них ходили в Ямполе даже девочки), из коротковатых рукавов торчат наши почти взрослые кисти; классический румянец на круглом, с не по-мальчишески белой кожей Толином лице; тонкими рисками блестит паутина на узловатых ветках груш, потянет ветерок – по паутине скользит солнце то обычным, ярко белым, а то зелёным или карминовым, спектрально распавшимся цветом; мама у Толика почти старушка, Толик младший в семье, послевоенный, его взрослые братья давно женаты, племянницы едва ли не старше дяди; комья чернозёма сыпучи, они легко распадаются на мелкие крупчатые комочки; неподалёку пекарня, стучит день и ночь движок, волнами наплывают запахи свежего хлеба и лошадей – конюшня выходит стеной к усадьбе Белинских, на лошадах развозят по магазинам хлеб...

И не случайно это *стоп, ошибки быть не может* в начале задуманного рассказа. Память и в самом деле похожа на видеоплётку или лазерный диск, если хотите. Не бог весть какой свежести сравнение, но что-то в нём есть. Память можно прогонять в ту или другую сторону, она полна сюрпризов, прихотливо следует какому-то своему сюжету. Сюжет этот может не совпадать с главными событиями вашей жизни, определившими биографию. Пойди пойми, почему запомнилось, например, как убежал в раннем детстве от бабушки, убежал к конюшне ошиваться возле лошадей (бабушка Глафира боялась – лошади могли убить копытом). На всю жизнь запомнилась бегущая вверх и направо голая тропинка, в боковом зрении – хлев под соломенной крышей, а слева и внизу цветущая картошка, где лет через десять отец построит дом. И ведь ничего в тот раз

не случилось. Даже не помню, побывал на колхозной конюшне или нет. Но до сих пор вижу себя как бы со стороны – шустрого, пятилетнего, воровато пригнувшегося, до дрожи остро желающего поскорее проскочить тропинку, быстро, быстро на улицу, пока бабушка не видит!..

И совсем не отложилось в памяти, как впервые поцеловался в институте со Светланой, с которой столько потом было всего – и хорошего, и отвратительного.

Информация к размышлению, как говаривал Юлиан Семёнов. Какие законы у памяти? Ясно, рацию не на первом месте. Эмоциональные? Но как тогда быть с той же Светланой – всё остальное, связанное с ней, тоже слилось в невнятный комок восторга и боли. Деталей нет, только это смазанное ощущение, хотя Света по сути была моей первой женой. Видно, здесь и в самом деле свои законы.

Рисунок судьбы?..

Связи между началом ненаписанного рассказа и тем, что должно было произойти дальше, особой нет. Память отчего-то выдала эту картину, и я попытался сносно передать её. Чтобы и зрительный ряд, и осенние запахи, и едва уловимым намёком ощущение времени – вторая половина пятидесятых, – и мы, тринадцатилетние обормоты из районного городка на Подолье. Но всё слегка, первое касание карандаша, дальше пропишется плотнее и зримей.

Не уверен даже, что именно на тот октябрьский день в школе был назначен праздник урожая. Хотя именно с праздника урожая всё и закрутилось. Впрочем, мостик перекидывается легко. Пусть у забора огорода, где мы копаем землянку, появится Толик Зальцман (заменить имя, два Толика – Белинский и Зальцман – многовато для одного рассказа). Зальцман спрашивает что-нибудь вроде: «Чуваки, как насчёт школы? Ботаничка обещала цвайки поставить, кто не придёт. Пошли? Потом танцы, пообжимаемся». И нетерпеливо поправит спадающую к правой брови чёлку. Вид у него просительный.

Зальцман наш одноклассник, он хорошо бегает

шестьдесят метров, что ценится, а с прошлого года повадился на школьные вечера с непременными танцами, куда ходят старшекласники, – сказывается раннее семитское развитие. (Толик Зальцман тянет за собой целый пласт ямпольской жизни – ребята-евреи, живые, трусоватые, умные и не очень, сыновья ямпольских парикмахеров, портных, врачей, они вносят свой колорит в жизнь городка, без них она была бы скучней и глупее. Но нельзя рассказ перегружать, всё же не очерк нравов, да и Толик Зальцман персонаж второстепенный. Оставляю только его гитлеровскую чёлку и раннюю сексуальность.)

Он поинтересуется, что мы копаем, и Толик Белинский, напустив на себя значительный вид – характерная его черта, – ответит, мол, тайна. Белинский не очень доверяет однокласснику, с которым мы, в общем-то, дружны, он не хочет брать его в отряд. Хотя мне кажется, что из сметливого Зальцмана вышел бы хороший разведчик. Если, конечно, не сдрейфит под пытками, когда фашисты поймают...

Итак, первые абзацы намечены. Казалось бы, садись и пиши. Если бы не сознание необязательности задуманного. А композиция между тем вылепливается в голове сама собой, без особых усилий, движет внутренним, пусть не слишком новым сюжетом.

Дальше несколькими фразами можно было бы дать школьный зал. Туда нас обычно собирали на репетиции хора, там принимали в пионеры, в углах зала стояли жёстко шуршащие, сухие и высокие снопы кукурузы – гордость кружка юннатов. Тот зал мало походил на нынешние актовые залы, это был скорее класс, разве что попросторней и не заставленный партами. Не трудно восстановить и атмосферу праздника урожая. Заранее предупреждали, что не успевшие на торжественную часть допускаться на танцы не будут, и старшекласники, дабы не оказаться перед неумолимо закрытой дверью, уже расположились на стульях вдоль стен. Несмело бесясь, перебегали с места на место, пока на них не прикрикнули, несколько мелких из началь-

ного звена в рыжих нечищенных кирзачах – ямпольская обувь тех лет. Толик Зальцман, который был рад тому, что удалось-таки привести нас с Белинским на праздник урожая, пламенным шёпотом уговаривал остаться на танцы. Мы колебались. Одно дело избежать двойки (ботаничка и в самом деле могла поставить, строгая), а другое – маяться у стены, а то и схлопотать от старшеклассников, если будем отпускать реплики. Танцевать мы ещё стеснялись.

Отдельной стайкой посажу девочек из седьмого класса. Они были основой кружка юннатов и опорой руководившей этим кружком учительницы ботаники Ганны Семёновны. Девочки чувствуют себя именинницами и что-то радостно предвкушают. Невысоконькая Ганна Семёновна со сложенным на темени калачиком из кос дожидается, когда зал затихнет. Она уже поднялась и вполголоса переговаривается с отвечающей за мероприятие завучем...

Конечно, я не помню, что тогда говорила Ганна Семёновна. И тем более не помню, какие приводились цифры роста урожая на пришкольном участке, хотя они, вне всякого сомнения, приводились. Да и неважно это. Как, впрочем, не важна для моей памяти (рисунок судьбы?) вся диспозиция рассказа. Это всего лишь профессиональный приём, вхождение в историю, наращивание на авторской идее плоти, художественного, так сказать, мяса. Важно другое. То, что поразило нас с Толиком Белинским как молния. Да простится мне этот штамп, однако точнее не скажешь. Именно п о р а з и л о, и мы словно выключились из привычной жизни, стали почти равнодушны к ней. Именно к а к м о л н и я – ослепляющее и мгновенно. Если бы тогда нас интересовал смысл жизни, мы с Белинским точно бы сказали, в чём он.

Юннаток из седьмого класса наградили МЕДАЛЯМИ.

Сейчас можно усмехаться – детская дурь, неадекватное восприятие реалий, – но я думаю про себя: а стремление, скажем, получить квартиру или купить иномар-

ку не из того же ряда, разве что для взрослых?.. Более того, исполнение сокровенного желания воспринимается в детстве много острее, чем во взрослой жизни. В нём больше счастья. Следовательно, оно ценнее. И уж точно наше желание было лишено меркантильности и стремления к житейским выгодам. Ну, погордились бы перед ребятами этими медалями, повыпендривались, пока не надоело бы. А в остальном, можно сказать, чистое искусство. Очарованность и д е е й, как трактует идею Платон.

Интереснее всего, что и медалями эти награды называть было трудно. Скорее, трёхкопеечного размера жетончики на узкой зелёной планке. Анодированная поверхность украшена барельефом скульптуры, которая по сию пору висится над главным входом бывшей выставки, по ободку шли слова: «Участнику ВДНХ». По какой разрядке эти жетоны попали в нашу школу – и сейчас понять не могу. Так как знаю точно, что никого в мою пору из школы в Москву на выставку не возили, да и выращенное юннатами вряд ли выставлялось. Но факт остаётся фактом. Медали были, и они поразили нас в самое сердце. Предложи мне тогда на выбор жизнь родителей или эту медаль, я выбрал бы медаль.

Вот так.

Теперь подобная фетишизация может показаться странной (или странны мы с Толиком Белинским – не произвели же медали особого впечатления на сидевшего рядом Зальцмана. Кстати, нота бене – национальный характер!), но в рассказе будет ключ к разгадке этой фетишизации. Ключ подспуден, завуалирован, но грамотный читатель его вычислит и порадует своей проницательности. Мне и самому, пытающемуся из взрослой жизни понять свою тогдашнюю страсть, открылось не сразу. И я поиграю с читателем, там и здесь рассыплю по тексту намёки. Значащие детали будут перекликаться между собой, подмигивать, мягко подводить к желаемому выводу. Озарение подобно оргазму. Хороший писатель похож на умелую любовницу, искусно ведущую партнёра к откровению, счастьем, оза-

рению – назовите как угодно известный восторг. Причем читателю непременно должно казаться, что он сам проник в неочевидный смысл, автор здесь как бы и ни при чём. Таковы правила литературы.

А если говорить напрямую, в лоб, то не помню в своей жизни времени, когда с таким пиететом, как в пятидесятые, относились бы к разного рода отличиям. Всем этим почётным грамотам, звёздочкам на погонах и шевронах, орденам, формам – вплоть до шахтерской, переходящим красным знаменам, значкам и т. п. Запомнилось: завуч нашей школы носила на пиджаке значок ГТО. И никому это не казалось смешным.

Для чего такое делалось, почему возводилось в ранг государственной политики и вдалбливалось в головы – ясно. Но я менее всего хочу уподобиться массово расплодившимся смельчакам, задним числом поносящим Систему. Власть всегда играла на человеческих слабостях, какой бы эта власть ни была. И всегда будет играть – манить наградами, званиями, известностью, деньгами в конце концов. Увы, другой власти не бывает. А что, как не стремление к сохранению власти угадывается в ярком, в общем-то, поступке древнегреческого мальчишки, который позволил лисёнку вгрызться в живот, но не проронил ни слова? Спарте нужны были мужественные воины, которые могли бы защитить утвердившийся порядок вещей. Другими словами, власть. Власть обычаев, ценностей Спарты – в том числе иерархических, – неизбежных предрассудков... В таком духе мальчишку и воспитали, а потом его поступок вознесли на щит.

Понимаю, звучит упрощённо, быть может, цинично. Меня и самого охватывает уныние, когда размышляю о скрытой основе большинства вошедших в историю событий и поступков. Да что делать, не нами придумано.

Жёсткая в достижении своих целей власть похожа на египетские пирамиды. Жизни сотен тысяч людей потребовало их возведение. Так и Система со всеми её реалиями. Ужас и невольное благоговение вызывает она. У нас была великая эпоха, сказал Лимонов. И в этом

что-то есть. Победа в Войне, энтузиазм тридцатых, гордость за страну, великая цель. И здесь же – человек как стремящаяся к нулю бесконечно малая величина, вчерашние победители в голодном сорок седьмом копались на помойках, целенаправленная унификация сознания, читай: оболванивание...

То и другое – из одного корня. И первое без второго не бывает. По крайней мере, у нас в России.

Но – к делу. (Разве что замечу про себя, насколько одномернее сказанное прямо в сравнении с художественным намёком. Воистину, публицистика супротив прозы всё равно, что плотник супротив столяра.)

Итак, цель нашей с Толиком Белинским жизни вырисовалась в тот солнечно тихий октябрьский день с полной определённостью. И не были бы мы ямпольскими пацанами, если бы сразу не взяли быка за рога. Едва ли не на празднике урожая оба записались в кружок юннатов. И вскоре стали, пожалуй, самыми прилежными его членами.

О партизанской землянке, естественно, было тотчас забыто. Как было забыто о поисках кимберлитовых трубок в крутых склонах оврагов в окрестностях Ямполя, промывке золота на берегах протекающей через городок Русавы и о многом другом, что составляло интерес нашей жизни раньше.

Да что говорить, мы даже перестали мечтать о мореходке! Оба собирались после школы учиться на капитанов дальнего плавания и на разные лады упоённо фантазировали на тему девятибалльных штормов, коротких трубок под мужественно прокуренными усами, тропиков и девушек из Нагасаки со следами проказы на руках. Даже об этом мы забыли! Такое что-нибудь да значит. Мужчины, помнящие детство, меня поймут.

Несколько портило дело то, что пора для юннатского рвення была не самая подходящая – осень. А там и зима наступила. Кукуруза, сахарная свёкла и картошка на школьной деляне были выращены и давно собраны, а как себя особо проявишь в теплице, где только и мож-

но было зимой что-то делать? Ходить поливать салат и лимонное деревце в кадучке, когда по графику была наша очередь, мы, конечно, ходили. Но на этом поливании особо-то не отличись. А медали дают лучшим, Толик и я это понимали.

Помогла Ганна Семёновна. Хороший юннат, сказала она, должен собрать за зиму десять килограммов золы, пять килограммов куриного помёта, принести два десятка луковиц тюльпанов или ирисов, приготовить несколько саженцев яблонь и абрикосов. Только сделав всё это, можно рассчитывать на поощрение. Ганна Семёновна не сказала «на медали», но мы с Толиком смотрели на её, ставшее доверительным, почти родным лицо, и нам слышались именно эти слова.

Как мы её в тот год любили! Так любят своего сюзерена боготворящие подданные. Мы искали её благосклонного взгляда, одобрительного слова, старались почаще попадаться на глаза, чтобы лишний раз поздороваться. Одноклассники стали нас дразнить подлизями. Но нам с Толиком Белинским и это было нипочём, хотя в другое время кровно оскорбило бы. Для ямпольских пацанов не было большего падения, чем заискивать перед учителями.

Я сладко предвкушаю возможности, которые открываются передо мной, когда начну описывать, как добывал для школьной деляны все эти саженцы, луковицы и удобрения. Шекспировские страсти вкупе с обычаями и бытом Ямполья лягут на страницы рассказа. Это будут колоритные эпизоды, я получу свой кайф – не надо ничего придумывать, только отбирай посочнее, поярче и стыкуй с фабулой. Например, как подряжался к соседям чистить курятники (темно, очень тесно, едко воняет пегим помётом); как, отчаянно трусая, забирался в чужие сараи, таскал дрова и жёг в укромных местах на золу (что могло закончиться плачевно – на скудном лесом Подолье дрова ценились на вес золота, топили в основном кизяком и сухими стеблями подсолнуха); как воровал у матери семена, весной был подвержен допросу с пристрастием, но не проронил ни звука...

О, здесь есть где развернуться! Это будет кусок,

который случается почти в каждом произведении, и, работая над которым, автор наслаждается.

Но предвижу и трудности. Большие трудности. Логика замысла потребует, чтобы Ганна Семёновна была прописана достаточно ощутимо. И я знаю, что это едва ли не самое опасное место в рассказе, одновременно подводный камень и оселок (неплохая параллель, запомнить) – и напороться можно, и проявить писательское умение.

Прописывая Ганну Семёновну, нужно будет суметь соблюсти то ювелирное равновесие между хорошим и плохим в характере, когда грядущий результат неясен, всё может повернуться и так и этак. Более того, результат должен быть для читателя в известной степени неожиданным. Когда всё ясно с середины произведения, это неинтересно, а для автора – прокол.

Думая над возможностью, как говорят записные рецензенты, в ы с т р а и в а т ь образ Ганны Семёновны, я достаю альбом и рассматриваю на школьных фотографиях её лицо. Ничего вроде бы особенного. Широкоскулая немолодая женщина с уложенными на макушке жидкими косами сидит среди других учителей основательно, тяжеловато, хотя сама невелика и мало чем отличается от нас, шестиклассников, тремя ярусами расположенных фотографом. День в начале июня, все щурятся, хотя снимают нас в тени, у белёной стены школьной мастерской. Толик Зальцман со своим гитлеровским чубчиком как бы ненароком касается мягкого плеча не по возрасту развитой одноклассницы, фамилия которой крутится у меня на языке, но уже никак не вспоминается. Вид у Зальцмана при этом самый невинный. Глуповато улыбается Валерка Михерский, он старше нас, хотя по метрике сорок шестого года, – Валерка зверел, когда его обзывали немцем (вообще-то, странно, во время войны в Ямполье стояли румыны). Внизу снимка голова к голове лежим на боку мы с Толиком Белинским. На физиономиях наших доволство жизнью и уверенность в том, что дальше будет только лучше...

Среди учителей и наша классная – аппетитно полная Розалия Львовна с несоразмерно маленькой красивой головой. Даже на фотографии видно, что они с Ганой Семёновной друг друга не любят – смотрят в объектив несколько искоса, отворачивая лица. И меня осеняет. Может, всё дело в этом? Та и другая классные руководители, учительская ревность и соперничество, осложненные тем, что одна хороша и молода, а другая... Может, и так. Но бедно это. Не устраивает меня. Из нынешней дали видится нечто серьёзней и значимей. Выражение лица Ганны Семёновны. Нет, оно не злое. Оно равнодушно беспощадное. Л и ц о ж и з н и.

Копаясь в памяти, отыскивая какие-нибудь дополнительные подробности о Ганне Семёновне. Характер должен быть убедительным. Но ничего значительного, память (по рабочей гипотезе – рисунок судьбы, доверенное лицо парок), безмолвствует моя память. Вспоминаются разные мелочи. Как Ганна Семёновна вместе с нами, юннатами, пропалывала сахарную свёклу в знойном поле, хотя могла бы давать ценные указания из ближней лесополосы, тенистой, с прохладной травой. Или ещё. Проходил однажды – мама отправила искать куда-то уплывших уток – мимо их дома на берегу Русавы, а там парни из десятого класса кроют шифером крышу. Муж Ганны Семёновны, тоже учитель, физкультурник в нашей школе, сидит на верхотуре в майке и синих галифе и стучит молотком. Сама Ганна Семёновна, как обычная ямпольская хозяйка, в белой косынке и переднике кашеварит на летней печке – готовит на всех обед...

Но ни в коем случае не нужно писать, что старшая дочь Ганы Семёновны умерла! Она неважно училась, плакала и оправдывалась перед матерью тем, что болит голова. Ганна Семёновна не верила, считала, что девочка ленилась. Била её. В Ямполье считалось позором, если учительский ребёнок плохо учился. Потом выяснилось, что у девочки была опухоль мозга... Об этом нельзя. Перебор. Слишком. Случай, когда жизнь и литература не одно и то же.

И если мне удастся сделать так, чтобы читатель до

самой развязки не подозревал, чем дело закончится, – значит, в главном рассказ получился. В произведении, как в жизни: много вероятностей, но фактом становится одна. И точно знать, какая – до поры до времени не дано.

Ну а в этом тексте никакой загадки, конечно, нет. Всё очевидно, исход ясен. (Господи, сколько подобного встречалось в литературе!) Через год был новый праздник урожая, была торжественная Ганна Семёновна на фоне образцово-показательных снопов кукурузы, были мы с Толиком Белинским, предвкушающие блеск анодированных медалек на своей груди...

Основания надеяться на них были – наше старание видели все. Мы не только собрали за зиму многое из того, что перечислила Ганна Семёновна, но поливали и поливали, когда наступило лето, сутками сторожили на кукурузных делянках, чтобы предприимчивый ямпольский люд не обломал початки. Осенью копали картофель и сахарную свёклу, стараясь не оставить в земле ни картофелины, ни свеколки. Приходилось как-то выкручиваться – наши руки нужны были дома, Толина мама и моя ругались. Однако нас неудержимо влекло к школе. Сама Ганна Семёновна хотя и сдержанно, но похваливала нас.

Человек, придумавший выражение «стореть от стыда» – гениален. Могу утверждать это со всей определенностью. Мы с Толиком Белинским сгорели от стыда, готовы были провалиться сквозь землю, когда Ганна Семёновна в своём докладе не только не назвала нас среди лучших (ими вновь оказались девочки, теперь уже из восьмого класса, в котором Ганна Семёновна оставалась классным руководителем) – это бы ладно, хотя очень обидно, конечно. Принципиальным своим голосом Ганна Семёновна сказала, что в кружке, к сожалению, оказались ученики, которые недобросовестно относились к обязанностям юнната, преследовали корыстные цели. И назвала наши фамилии.

При всей школе! При одноклассниках, которые зна-

ли о нашей с Белинским мечте! При пацанах, готовых задразнить до смерти, дай только повод!..

Но хуже всего было сознание: медалей у нас никогда не будет. НИ-КОГ-ДА!

Нелюдимо косясь по сторонам, мы вышли из школы. Оба стыдились и ненавидели в этот момент всех, в том числе друг друга. В ту пору мы ещё не знали пошлой истины: победа сплачивает, поражение разъединяет – и не могли противостоять ей. Так, наверно, и разошлись бы угрюмо по домам, не сказав друг другу ни слова, если бы не Толик Зальцман. Тот выскочил на минуту за угол школы покурить, его носатое лицо с пробивающимися усиками было жизнерадостно – впереди танцы и обжимание с юннаткой из восьмого класса, недавно согласившейся с ним дружить. (У Толика Зальцмана, надо сказать, был свой бзик – он не любил девочек-евреек, издевался над ними. Да и сам, похоже, стеснялся того, что еврей. Кстати, хороший штрих, можно будет обыграть. Это не только придаст образу объёмность, но и притупляет изначальную заданность. У парня своя драма, а такое делает образ убедительней.)

В ту недобрую минуту Толик Зальцман имел неосторожность или не так посмотреть на нас, или даже насмешливо бросить что-то. Мы с остервенением ринулись на него. Бедному Зальцману досталось. Мы поостыли, лишь увидев кровь на шнобелястом лице и надорвав «шофёрку» – модную тогда куртку на молнии. Под конец с чувством обозвали жидурой и удалились, уже не столь подавленные.

Ничего нового. Исконная привычка отыгрываться на евреях.

Из нынешнего своего далека пытаюсь всё-таки понять Ганну Семёновну. Но не очень-то получается. Достоевщина какая-то. Ведь видела она, что мы из кожи лезли, – не могла не видеть. Или в том-то и сладость, чтобы об асфальт таких розовыми мордахами, об асфальт! И почему мне всё время чудится что-то особое в ней на фотографии? Не частное, некой учительнице богом забытого Ямполья принадлежащее, а вневремен-

ное, невытравимое. Глумливая ухмылка жизни. Её отвратительно равнодушная физиономия.

Или всё проще? Не было в тот год разрядки на эти пустынные жетоны, не дали их школе. И чтобы сразу пресечь наше с Толиком недовольство, Ганна Семёновна поступает радикально, объявляет нас лентяями и прохиндеями. Не мы бросаем кружок и тем самым уязвляем её, а она нам указывает на дверь.

Или совсем уж просто – действительно сводила счёты с нашей Розалией Львовной? Хотя бы таким образом хотела досадить ей. Недобросовестных и тщеславных людей, дескать, воспитала в своём классе...

И то, и другое могло быть. Но что же с таким мучительным интересом я всматриваюсь в лицо Ганны Семёновны? Почему не устраивают меня эти здравые объяснения? Отчего Ганна Семёновна кажется мне такой значимой, даже символичной?..

Несколько лет назад мы виделись с Толиком Белинским. Он привозил в Москву своего сына на обследование – что-то у мальчика неладно с кровью. Толика (Анатолия Ивановича) это очень беспокоило.

Естественно, сели, выпили за встречу, всмак наговорились. Толик тоже давно уехал из Ямполья, работал мастером на кирпичном заводе в Тернопольской области, жил у тётки, с которой – классический вариант – не очень ладил. Как я понял, тётка однажды порывалась даже ударить его, здорового мужика, отца семейства. Как жить с такой под одной крышей?..

Толик в ту пору усиленно копил деньги на кооперативную квартиру и дай бог, чтобы успел купить. Виделись мы в году восемьдесят седьмом, ещё до того, как стали в одночасье гражданами разных стран, перед самым горбачёвским экспериментом со всеми его последствиями. Среди прочего заговорили о жёнах, скованно поулыбались – в школе, выпускниками, любили других. И казалось, ничто нас разлучить не сможет.

Мне тоже особенно похвастаться перед Толиком было нечем. Давно ушиблен литературой, а нельзя сказать, что преуспел. Служу в газете, занимаюсь в основ-

ном журналистской подёнщиной. Спустя неделю смотришь на какой-нибудь из своих материалов – зачем? На что ушло время?.. Отец к моим годам хату успел построить, что-то ощутимое сделал.

Вы живы, Ганна Семёновна? Помните нас? У меня давно уже нет к вам недоброго чувства. Вы мне и Толику Белинскому были п р е д у п р е ж д е н и е м. Но это нас не образумило. Да и не могло образумить. Человек обречён чего-то желать, стремиться, загонять себя и почти ничего не получать в итоге. Это потом наступает то, что люди красиво называют мудростью. А если точно – усталостью.

Всё чаще думаю о вашей умершей дочери. Нет, не в укор говорю это. Вы и сами потом наверняка мучились и страдали – вы всего лишь человек, как бы ни фантазировал я по вашему поводу. Почему нам не дано понимать других? Почему не заходит сердце от нежности и любви к людям, с которыми соприкасается наша недолгая жизнь? Почему не обнимемся и не заплачем?

Не останавливает меня предупреждение Экклезиаста: не от мудрости задаются такие вопросы. Из сокровенной сердцевины души – искренней, не смилившейся – вырывается это «почему».

Не к вам, Ганна Семёновна.

К жизни? Всевышнему? Судьбе?

1994

ЯБЛОКО В ЖЁЛТОЙ ЛИСТВЕ

Якунин остановился, несколько секунд удивлённо смотрел вверх. Как оно здесь только уцелело? Мальчишки вон всю траву вокруг вытоптали...

Он сделал шаг, и яблоко сразу пропало, будто нырнуло в густые ещё листья. Якунин усмехнулся, отступил назад, но яблоко не появлялось, и пришлось внимательно всматриваться и осторожно поворачивать голову, прежде чем яблоко стало заметно опять.

Оно было одного цвета с листвой, зеленовато-жёлтое, а его румяный бок сливался с красными, почти бордовыми листками на мелких ветках у ствола. Такое заметить и сорвать непросто...

Всё, казалось, было объяснимо, но Якунин по-прежнему с недоверием смотрел то на выглядывающее из листвы яблоко, то на ближние многоэтажные башни. Дети из этих новых домов постоянно пропадали на пустыре, здесь от снесённых деревенских подворий остались кое-где яблони и низкорослые вишни с полусохшими ветками. Деревья и незастроенное пространство детей привлекали, и было всё же до конца непонятно, как яблоко оказалось незамеченным – мальчишки каждое дерево излазали так, что кора на стволах и на нижних толстых ветвях отдавала тёмным гляncем. Фантастика...

Якунин оглянулся, пытаясь понять, увидел ли кто его стоящим и смотрящим на дерево. Он быстро пошёл дальше, к автобусной остановке, делая вид, что задержался случайно. Ему было приятно, что из десятков проходящих по тропинке людей яблоко открылось только ему. Словно это был непонятный, но добрый знак.

В автобусной толчее среди чужих локтей и спин – Якунин не любил городской транспорт, это вынужден-

ное тесное соседство с незнакомыми людьми – он опять вспомнил о яблоке, чтобы отвлечься на что-то посто-роннее. Он представил, как яблоко, округлое, сочное, после ночи прохладное, быть может, даже в росе, бережно укрыто сентябрьскими листьями – будто драгоценная вещь в футляре, – и сердце обдало тёплой волной.

Автобус нёсся под эстакадой, в салоне зажёгся свет, и Якунин, увидев в тёмном окне своё сдержанное лицо, подумал, как может разниться вид человека и то, что в нём происходит. Но отметил это мимолётно и без сожаления. Думать о яблоке, которое открылось ему на истоптанном пустыре, было интересней.

На работе всё шло как в обычные дни. Без двух минут восемь Якунин появился в отделе и, кивая сослуживцам, прошёл на свое место.

Здесь привычно пахло бумагой, натёртым паркетом, три ряда кульманов тянулись в глубь светлого помещения. То и дело открывалась дверь, и появлялись новые сотрудники – мужчины в пиджаках, а женщины уже в плащах, хотя и не застёгнутых пока на пуговицы.

Слышались громкие утренние разговоры, женщины выкладывали косметички и начинали приводить себя в порядок, кое-кто из мужчин сразу же выходил курить...

Якунин принялся за работу.

Его кульман стоял первым в ряду у окон, вернее, у сплошь застеклённой, щедрой светом стены на улице. Но было в этом и своё неудобство – рядом находился телефон. Якунину приходилось целыми днями слушать разговоры с мужьями и жёнами, с детьми и родственниками, со старыми и новыми знакомыми, с приёмщицами ателье, администраторами кинотеатров и магазинов. С людьми, которым замужние женщины отвечали односложно и не называли по имени.

Хорошо ещё, если трубка прикрывалась и старались говорить потише. Впрочем, Якунин почти привык к соседству телефона и мало обращал на разговоры внимания.

Нельзя было привыкнуть только к Соне Ивановой. Утром она подходила к телефону первой. Набирала номер и громко говорила:

– Мне Лену... Ленка, атас! Со мной вчера обалденный случай был! Помнишь Стасика? Ага, с японской аппаратурой. Звонил он мне вечером, просил выйти. Я спускаюсь вниз, а он впополаме...

Дальше следовал подробный рассказ о вечере с пьяным Стасиком или ещё с каким-нибудь другим парнем.

Она была по-своему забавна, эта хватившая свободы двадцатишестилетняя чертёжница с высоко подстриженными – под панков – висками. Но всякий раз, когда Якунин слышал её увлечённые пересказы, он думал: от чего Соня получает больше удовольствия – от этого общения с мальчишками, пусть и неразборчивого, или от возможности рассказать о своих приключениях громко?.. Он плохо понимал таких людей.

Сегодня даже Соня не могла вывести из равновесия. Якунин занимался обычным, повседневным – закончил расчёт приспособления для обработки сложного профиля детали на сверлильном участке, затем, постояв минуту над расчётами, приколот к доске ватман, принялся чертить, – и мысли шли обычные, рабочие, но самым краешком сознания Якунин всё время помнил о яблоке в пёстрой осенней листве. И от мысли, что оно там есть и что оно надёжно укрыто листьями, работалось хорошо.

Отвлёкся он один раз – когда мимо проходила Нина Волкова. Он скорее не увидел её, а почувствовал – от неё, ровно приветливой, уже начинающей полнеть женщины со спокойными серыми глазами, словно расходились токи. Нина была в отделе новенькой. Она работала всего три или четыре недели.

Якунин, подняв голову, встретился с ней глазами и поздоровался. Нина ответила ему. Даже улыбнулась, но взгляда не задержала ни на секунду дольше, чем следовало между малознакомыми людьми. Якунин с досадой и уважением посмотрел ей вслед.

Когда он вышел покурить и молча, не вступая в разговоры, стоял возле массивной, крашеной в серебристый цвет урны, его отыскал Серёжа Андрющенко. Серёжино невыразительное, всегда будто заспанное лицо улыбалось, он протиснулся между курящими и пожал Якунину руку, по обыкновению слегка её выворачивая.

– Привет, – сказал он с придыханием. Серёжа немного заикался.

– Здравствуй.

– Живёшь к-как? – Серёжа всё ещё не выпускал его руки.

– Как всегда. – Якунин сдержанно улыбался. Он тоже был рад видеть Серёжу.

С Серёжей Андрющенко они вместе прибыли в этот город по распределению девять лет назад. В институте знали друг друга плохо, но жизнь в одной комнате заводского общежития сблизила их. И, уже женившись, они продолжали встречаться, теперь семьями, – подружались и жёны.

«Юля...» Имя жены всё ещё болезненно отзывалось в Якунине. Сейчас уже ничего, сейчас он может видеть Серёжу, бывать у него дома, а года полтора после случившегося невыносимо было смотреть на людей, которые знали её, на дорожки в сквере, по которым он с женой гулял, держа Варюшку за руки, на вещи, к которым жена прикасалась...

Якунин нахмурился. Надо было сосредоточиться и понять, что говорит Серёжа.

–... Четыре сливы, малина. Грушу посадил – не знаю, примется ли. Зимы, сам знаешь, какие у нас. Домик построил, есть где от дождя в случае чего... П-поедешь? – Андрющенко внимательно, ожидающе смотрел на него.

Якунин затаился, выдохнул дым в сторону. Серёжа в прошлом году получил участок и сейчас делает вид, что хочет похвастать посаженными деревьями. В последнее время Андрющенки стали особенно часто приглашать его к себе, и почти каждый раз у них оказывался кто-то ещё – то незамужняя подруга Серёжиной жены, то молодая учительница из школы, в которой

Серёжина жена работала, то ещё кто-нибудь. С этими женщинами Якунин бывал молчалив, но то, что друзья о нём помнят, трогало.

– Д-думаю, хорошо день на воздухе проведём, – придыхая на согласных, говорил между тем Серёжа. – Спешить надо, дожди скоро... Шашлыки сообразим.

Серёжино доброе лицо выглядело немного виноватым. «Наверняка кого-то пригласили, – подумал Якунин. – А Серёжа получил задание меня привести». Он с понимающей усмешкой посмотрел на приятеля. Серёжа был послушным мужем.

– Я на минуту заскочил, дела к твоему шефу, – Андрющенко заторопился. Он работал заместителем начальника одного из цехов, дел у него хватало. – Давай так. Надумаешь, приходи в субботу часам к десяти, вместе поедем. Я б на твоём месте и не думал – ты ни разу там не был, п-природа отличная... Б-Бывай. – И Серёжа пожал ему руку, опять слегка её выворачивая.

В последнее время Якунин всё чаще замечал, что люди, знавшие его историю, смотрят на него так, будто хотят что-то спросить. Особенно это было заметно по женщинам. Раньше они смотрели сочувственно, а те, что постарше и сердобольней, вздыхали и горестно качали вслед головой. Сейчас в их глазах было удивление. Они разве что вслух не говорили: три года прошло, пора как-то устраивать свою жизнь.

Может быть, и в самом деле пора. Попробуй сделай...

К месту, где курили, направлялась Соня Иванова. Рядом с ней шла одна из её приятельниц – в фирменном комбинезоне, с нарумяненными скулами. Якунин поспешно бросил сигарету в урну, слушать продолжение телефонных разговоров не хотелось.

Работа Якунина спасала. Особенно в первое время после смерти жены и дочери. Он с трудом переносил выходные, свободное время, потому что мозг оказывался без дела, и мысли в сотый раз, в тысячный раз возвращались к тому же: искалеченный «Запорожец», белое лицо шофера КамАЗа, вспученная неподдаю-

щаяся дверца, страшное, дикое, непоправимое там, за дверцей, и он, Якунин, с нелепыми ромашками в руках, которые несколько минут назад просила нарвать Варюшка... Якунин каменел, закрывал глаза. Даже застонать он не мог.

Помогала одна работа – на износ, по восемнадцать часов в сутки. Он и всегда-то был хорошим работником, а в то время оставался в отделе допоздна, чертил, рассчитывал, потом уходил домой, садился на кухоньке, обкладываясь справочниками...

Все утешения, все соболезнования были пустым звуком. Надо было самому пережить, перетерпеть всё-это время.

Сейчас он работу уже домой не брал, но восемь часов в отделе заполнял так, что не оставалось минуты свободной. В этом была и привычка, и врождённая добросовестность, а главное, ему казалось, что такой работой, постоянным усилием над собой он хоть в какой-то мере искупает вину.

Сознание вины было безотчётное, необъяснимое, – потому что, если рассудить здраво, в чём его вина? Что остался живым? Что вышел из «Запорожца» за ромашками, а жену и дочь оставил в машине?... Но логические доводы действовали плохо.

Часа через два Якунин пошёл в цеха. У него было правило проверять, как действуют сконструированные им приспособления, выслушивать мнения сверловщиков. Это помогало в работе.

Но едва он вступил в первый по пути цех, как понял, что ошибся. Никто уже не работал, – обеденный перерыв в цехах начинался раньше, чем у них в заводоуправлении.

Досадуя на себя, Якунин по инерции прошёл между станками. В цехе было непривычно тихо, станки молчали, не брызгала эмульсия, не вращались шпиндели, не разлеталась, срываясь со свёрл, стружка – и в цехе от этого казалось просторней и светлее.

Якунин заглянул на участок, где должны были быть его приспособления, но и там, конечно, никого не было.

Лишь у одного из станков спиной к проходу сидел кто-то из рабочих и, откусывая от батона, запивал молоком из бутылки.

– Валентин!

Якунин оглянулся на конторку мастера, которая стояла на помосте, возвышаясь над участком. Из открытой фанерной двери выглядывал Серёжа Андрищенко. Он был заместителем начальника как раз в этом цехе – ещё в первый год работы на заводе Серёжа ушёл из отдела главного конструктора в мастера, сказав, что работа с людьми ему больше нравится.

– Не меня ищешь? – по привычке перекрикивая шум, громко спросил Серёжа. Здесь он выглядел увереннее и значительнее, чем два часа назад в заводоуправлении.

Якунин отрицательно покачал головой.

– Ну ладно... Так поедешь с нами?

– Я позволю тебе, – сказал Якунин. Он сам ещё не решил. Сдерживало стремление Серёжиной жены непременно его с кем-нибудь познакомить.

Повернувшись, чтобы идти из цеха, Якунин встретился глазами с рабочим, пившим молоко. Рабочий сразу же отвёл взгляд, но сидел он теперь напряжённо, будто смотрел на Якунина своей сутулой спиной в клетчатой рубашке.

Тесть... Надо было подойти.

Общее горе не сблизило Якунина с родителями жены. Наоборот, между ними появилось отчуждение, каждый в глубине души винил другого в том, что случилось. На поминках, упёршись в Якунина взглядом, тесть спрашивал, с какой это целью Якунин остановил машину. Его крепкое широкоскулое лицо нестарого ещё мужчины дышало враждой. Якунин поднялся из-за стола. Было горько. На языке вертелся злой вопрос: а зачем они Юле деньги на «Запорожец» дали? Не было бы «Запорожца» – ничего не было бы...

Конечно, каждый из них понял потом слепой эгоизм таких обвинений, вызванных горем. Но отношения не наладились. Да и вряд ли они могли наладиться – не было тех, кто их объединял, не было Юли и Варюшки.

– Я ездил вчера на кладбище, – сказал тесть. Не глядя на Якунина, но чувствуя, что тот подошёл. – Твои там астры на могиле?

– Мои.

Тесть поставил к ногам мутную бутылку из-под молока, помолчал.

– Хочу в этом году куст роз посадить. Чтоб в головах...

Якунин кивнул. Опять помолчали. Говорить, собственно, было не о чем. Они давно уже стали чужими людьми.

– Ты не думай, мы не осуждаем, если захочешь жениться, – сказал тесть, всё так же не глядя на Якунина. Якунин видел, как напряжённо покраснела его шея. – Мы тебе не помеха. Ты молодой. Это нам с матерью другой дочки не будет, а ты...

Якунин постоял ещё немного и отошёл. На душе было мутно.

Думая о встрече в цехе – тесть его, честно говоря, удивил, – Якунин направился в столовую. Выглянуло солнце и осветило ещё зелёные плотные шпалеры кустарника вдоль асфальтированной дорожки, жарко загорелось в стекле корпусов. Но небо было уже осеннее, прощальное, наполненное непрозрачной глухой синью между растрёпанными облаками.

Цветы на большой клумбе перед заводоуправлением перестали пахнуть. Непонятно было, чем они привлекли шмеля, который деловито и неуклюже топтался на цветках, перелетая с одного на другой.

В столовой Якунину несколько раз кивали, звали к себе стоящие впереди знакомые, но он делал вид, что не замечает их знаков. Со знакомыми надо было о чём-то говорить, а говорить ему сейчас не хотелось. Он молча наблюдал за молодыми раздатчицами в белых, перетянутых в талии халатах, смотрел на их раскрасневшиеся лица, голые по локоть крепкие руки, на их сноровистые движения.

Отойдя от кассы, он выбрал незанятый столик, на

котором ещё не просохли следы влажной тряпки. Пере- ставил тарелки с подноса, не глядя по сторонам, пошёл за вилкой и ложкой, а когда вернулся, понял, что пообедать в одиночестве не удастся. У его столика уже находилась Скурихина из их отдела и кого-то звала:

– Сюда!..

Якунин взглянул на того, кого звала Скурихина, и досада исчезла – это была Нина Волкова.

– Не помешаем? – любезно поинтересовалась Скурихина. Она была из тех пустоватых, с претензией на светскость женщин, которые вызывали у Якунина неприязнь.

– Нет, – сухо ответил Якунин, садясь за стол. Он успел заметить, что Нина Волкова, увидев его, какое-то мгновение помедлила с подносом в руках, словно не знала, подходить или нет. Как и утром, когда она сдержанно прошла мимо, это её колебание неприятно подействовало на Якунина. Он опять почувствовал себя уязвлённым.

Нина работала в отделе недавно, но про неё уже было известно, что она разведена и у неё есть шестилетний сын. Нина держалась со всеми ровно, близких подруг у неё ещё не было, и обедать она ходила то со Скурихиной, то с кем-нибудь из других женщин. Как ко всякому новому человеку, внимание к ней в отделе было повышенным. Даже Якунин как-то разговорил её, когда для итээровцев устроили лекцию по экономии и бережливости.

Они с Ниной оказались по соседству в одном из последних рядов конференц-зала. О лекторе, грузном, с двойным подбородком мужчине из горкома профсоюзов, Якунин заметил, что природа создала его явно без учета экономии и бережливости. Нина что-то ответила на это, улыбаясь своими спокойными серыми глазами.

Понемногу они разговорились, делая время от времени паузы, чтобы на них не обратили внимания. Оказалось, что Нина Волкова приятный, с чувством юмора человек. Со стороны, должно быть, они походили на учеников, украдкой переговаривающихся на уроке.

Это полудетское чувство общности осталось у Якунина и позже. Он думал, что Нина Волкова должна испытывать то же. Но она повела себя странно – стала вдруг его сторониться. Якунин недоумевал: «Эгоистка, сухарь?..» Конечно, единственный разговор ещё не причина для бурных симпатий, но расположение к человеку всё же вызвать может. Здесь было по-другому. «Или что-нибудь отделовские кумушки наговорили?» Но плохого вроде говорить о нем было нечего... Как всякий нелегко сходящийся с людьми человек, Якунин был задет.

– Тогда я стала вести себя умнее. Перестала ему стирать, – сказала Скурихина, продолжая, видимо, начатый ещё в очереди разговор. Она взяла из пластмассового стаканчика посреди стола несколько салфеток и принялась вытирать свои вилку и ложку, значительно поглядывая на Нину Волкову. – Вот так, дорогой друг, всё закономерно. Или я жена, о которой ты должен заботиться, или мы посторонние люди. Велики деньги – триста рублей. Сейчас браслеты колхозницы носят... И что ты думаешь, помогло! Недели не выдержал. Рубашки-то привык каждый день менять. Снял со своей книжки и принёс. Я копейки со своей не взяла! Вот так с ними надо, если хочешь, чтобы тебя уважали. – Скурихина приподняла над столом белую руку, поворачивая её, показывая массивный серебряный браслет с бирюзой. – Из художественного салона, оригинальная работа. Хорош, правда?

Якунин взглянул на Нину. Та, не поднимая глаз, перемешивала вилкой салат.

– Разве важно... – негромко сказала она, мимоходом посмотрев на браслет.

– Всё важно! И деньги в том числе. Нельзя позволять, чтобы садились на голову, – авторитетно заявила Скурихина. – Я читала где-то, мужчины и женщины – это два враждующих лагеря. Самой природой определено. Перемирие если бывает, так только временное. Борьба, дорогая моя, везде, в том числе и в супружеской жизни, – поверь человеку с десятилетним супружеским стажем!

«Что у них общего?.. – подумал Якунин. Как бы там ни было, но относился он к Нине Волковой с симпатией. – Или потому и обедают вместе, что есть общее?»

Он опять взглянул на Нину и заметил неловкость на её лице. То ли ей был неприятен разговор, то ли досаждало соседство Якунина.

Он взял свои тарелки и пересел за соседний столик.

В автобусе Якунин с беспокойством подумал, что яблоко могут сорвать. Ведь не каждым обратит внимание на то, что сохранилось оно чудом. Спрятанное в переплетении больших и малых веток, старательно укрытое листьями, яблоко уже не просто плод, который можно есть, а нечто другое, большее. Оно словно душа дерева, без которой сама яблоня – только сырые дрова.

Но даже сейчас, беспокоясь, он трезво усмехался. Возможно, его мысли всего лишь фантазия – мог же он и не заметить утром яблока, ничего не зная о нём. Но думать о душе яблони, о том, что она есть, хотелось всё равно.

Происходило, видимо, что-то с ним самим. В полубессонных одиноких ночах, в холодеющем синем небе, в самом осеннем воздухе было нечто, заставлявшее по-новому думать и чувствовать.

По тропинке через пустырь он шёл медленно. И убедиться не терпелось, что яблоко на месте, и тревожно было от мысли, что его там не окажется. Ветер, подувший после обеда, теперь стих, яблоня неподвижно дремала в вечернем солнце, и казалось, что жёлтых листьев в её редяющей кроне больше, чем было утром.

Якунин минул дерево, прошёл ещё метров пятьдесят и лишь потом повернулся и двинулся навстречу озабоченно спешащим от автобусной остановки людям. Не доходя, как и утром, до яблони несколько шагов, он коротко и зорко взглянул на укромное место вверху ствола. Мелькнувший бок яблока просвечивался низким солнцем, размыто темнели зёрна внутри... Якунину на мгновение показалось, что плод волшебным светится.

В универсаме былолюдно, многоголосый говор

виталя под высоким потолком. У колбасного отдела стояла очередь – продавали сосиски. Якунин спросил крайнего и приготовился терпеливо выстоять сколько понадобится.

Вдруг он почувствовал, что кто-то уверенно взял его за локоть. Якунин повернул голову. Люся, соседка по лестничной площадке, тянула из очереди и значительно кивала куда-то вбок:

– Пойди сюда, Валентин, пойди...

Люся была крупной женщиной и сейчас в белом халате с фирменным значком универсама на груди выглядела прямо-таки монументально. После того, как у Якунина погибли жена и дочь, Люся принялась его опекать. Возможно, по-соседски, а возможно, с тайной мыслью – уже на памяти Якунина она два раза устраивала свою личную жизнь, но оба раза неудачно. Мужья у Люси почему-то не держались. «Мелкий мужик пошёл, хилый», – то ли в шутку, то ли всерьёз говорила Люся после очередного развода и пренебрежительно махала рукой.

– Я сосисок тебе взяла, килограмм хватит? – сказала Люся, прямо глядя Якунину в глаза. Она была с ним одной роста. – И кефира пару бутылок приберегла, надо?

Якунин кивнул, удивлённо приподняв брови. С тех пор, как в начале лета у Люси появился Алик, грузчик из магазина «Обувь», это был первый знак внимания к нему.

– Валентин, ты присмотри за моим, – сказала Люся, выйдя из подсобки со свёртком в руках. Её обычно уверенный, громкий голос был сейчас непривычно мягким, в круглом широком лице появилось даже что-то просительное. – Хороший мужик, а без характера, дружки сманивают. Главное, до семи часов его удерживать, а там не страшно... В шахматы сыграй с ним, что ли. Он шахматы уважает.

Здесь же в универсаме, Якунин купил хлеба, положил его в отдельный целлофановый пакет и опустил в портфель к другим покупкам. В штучном отделе он заметил не часто бывающие макароны в длинных коробках и взял, – одинокая жизнь приучила к запасливости.

Об ужине теперь можно было не беспокоиться. Всё у него есть.

По дорожке, ведущей от дома к дому, он шёл не торопясь. Чем дальше от пустыря с яблоней и от многоэтажных новых башен, тем обжитее, уютнее становились дворы. Здесь было много деревьев, почти все они ещё зелены – свой микроклимат между домами. У каждого подъезда сидели старушки и толковали о житейском бытии. Часто попадались молодые женщины с неуклюже вышагивающими малышами, и при виде некоторых из них Якунин напрягался, невольно ускорял шаг, стараясь подойти быстрее, заглянуть в лицо...

«Опять!» Он опускал плечи, заставлял себя идти медленнее. Что-то в нём ещё надеялось вот в таком же дворе увидеть жену и дочь, их Варюшку. Он возвращался с работы, и они вышли его встречать. Но пока ещё не видят за другими прохожими, а он уже их видит и с затаённой улыбкой ждёт, когда Варюшка заметит его и бросится вперед, расставив руки... Он знал, что никогда этого быть не может. Никогда. Но бессознательно выделял молодых женщин с маленькими девочками, с болезненным интересом реагировал на схожий жест, фигуру, голос...

Якунин понимал, что жить человеку одному невозможно. Противоестественно это. Прошло уже три года, но все женщины, которых он видел на работе, встречал в отпуске, у знакомых и которых мысленно ставил на место жены, были там чужие. Встречались среди них и симпатичнее его жены, но ни с кем из них не могло быть так, как было с ней, Якунин это чувствовал. За улыбками, за подчёркнутым вниманием к нему, одинокому и достаточно молодому мужчине, ему всё время чудился умысел и неискренность.

Якунин понимал, что им, разведённым или вовсе ещё не бывавшим замужем, хочется семьи, постоянства, прочных отношений, по-своему даже сочувствовал этим женщинам. Понимал и то, что он, быть может, слишком придирчив и что так, как было с женой, не повторится – в жизни ничто не повторяется точь-в-точь.

Не понимал он только одного: что будет соединять его с любой из этих неплохих в общем-то женщин, кроме стола на кухне и постели?.. Даже дети в таком случае не смогли бы ничего изменить.

Алик, вопреки Люсиным опасениям, о выпивке, похоже, не помышлял. Он возился на балконе, размечая гладко оструганные деревянные бруски, – готовился балкон застеклить, сделать из него что-то вроде веранды.

Это был высокий жилистый мужчина лет под сорок с крупной наколкой на правой руке: «Салам алейкум». Буквы почему-то были латинские.

– Здорово, – сказал Алик, когда увидел вышедшего на свой балкон Якунина. – У нас новость – завтра идём с Люськой заявление подавать. Поддерживаешь?

Якунин внимательно посмотрел на Алика. Выходит, серьёзно у них. До сих пор они жили с Люсей нераспланированными.

– Поздравляю.

Алик похлопал себя по карманам брюк, достал мятую пачку сигарет и закурил. Он был без рубашки, заходящее солнце красновато красило его широкие худые плечи и рыжеватую растительность на груди. Становилось прохладно, но Алик, казалось, этого не замечал.

– А чего, женщина она самостоятельная. Заберём из деревни её пацанку, пусть привыкает к семье. Я за прошлое к ней без претензий, сам не святой... – Алик, облокотясь на перила балкона, задумчиво прищурился. – Мне эти общезития вот здесь уже, с шестнадцати лет по ним. Пора к берегу прибаваться, хватит приключений. Желудок испортил... А здесь квартира и человек вроде ничего.

Якунин смотрел на солнце. Багровое, большое, оно коснулось горизонта, на глазах уходило под землю. Якунину всегда становилось тревожно, когда садилось солнце. Казалось, должно что-то случиться.

В густеющем воздухе пахло дымом, это мальчишки подожгли внизу первую кучу палой листвы. Молочный дым слоисто расстилался над землёй, заволакивал двор, красный грибок с белыми пятнами, качели.

Алик, щелчком отбросив вниз сигарету, вновь взялся за бруски. Под тонкой кожей на его спине ходили сухие крепкие мышцы. Якунин со сложным чувством смотрел на него. Счастливый человек?.. Или просто смирился, знает, что ничего другого в их возрасте ждать от жизни не приходится?

Поужинав, Якунин включил телевизор, но смотреть не смог. Что-то его томило. Жизнь по телевизору казалась надуманной, несерьёзной. Он щёлкнул выключателем, сел на диван и смотрел через открытую дверь балкона на бледную зарю, на льдисто-зелёное небо на западе, на первую слабую звезду. Холодный воздух тёк по полу, подступал к ногам, но Якунин дверь не закрывал.

Он опять подумал о Нине Волковой – он часто о ней думал в последнее время. Даже не думал определённо, а помнил так же, как помнил весь нынешний день о яблоке на дереве возле тропинки – краем сознания, почти безотчетно.

Якунин чувствовал себя виноватым – неловко сегодня всё-таки вышло. Нина единственная женщина, при виде которой что-то отзывается в груди, а он так повёл себя с ней. То ли печальный осенний закат тому причиной, то ли его, Якунина, осточертевшее одиночество, но теперь он был почти уверен, что Нинина скованность за обедом от того, что досаждала разговорами неумная Скурихина, Нине было стыдно за неё. И сдержанности её можно найти объяснение – она чутка и боится, что Якунин примет её за одну из тех навязчивых женщин, которым лишь бы выйти замуж. Вполне ведь и так может быть.

Якунин смотрел на глубокое чистое небо на западе, нежность и сочувствие к Нине мешали дышать.

Мелькнув на фоне светлого неба, в комнату влетела ночная бабочка. Невидимая, она ткнулась в стену, прошуршала крыльями по обоям, мгновенной тенью пронеслась перед лицом, и Якунину даже почудилось, что он ощутил воздух из-под её крыльев.

«Ещё живы», – подумал он. И то, что бабочка не за-

билась под опавший лист и не уснула на зиму, было хорошо. Якунину пришло на память где-то слышанное: некоторые виды ночных бабочек отыскивают друг друга за десятки километров. Может, и эта?..

Он представил, как маленькие тельца двух существ несутся в темноте друг к другу, и с пути их не могут сбить ни настойчивые запахи ночных цветов, ни другие, чужие бабочки, ни изломанный жуткий полёт летучих мышей.

Он осторожно высвободил ударившуюся в штору и запутавшуюся в складках тюля бабочку. Вышёл на балкон и раскрыл ладонь. «Лети...» Бабочка, ярко протретав в свете соседского окна, пропала в тёмном пространстве.

Якунин накинул плащ и спустился на улицу – сидеть дома он сейчас не мог. Ночь влажно и пряно дохнула в лицо. Под деревьями тлея куча опавших листьев, мальчишки бегали вокруг неё и размахивали головёшками, выписывая в темноте красные круги.

Глубоко вдыхая пахнувший осенью воздух, Якунин пошёл между домами. Приглушённо звучали его шаги по асфальту.

Мысли опять были о Нине Волковой. Да, такое уж для него настало время, приходится дорожить даже искоркой чувства. Он вполне допускал мысль, что многое он о Нине придумал, а на самом деле ничего нет или почти нет, ведь можно найти и другое объяснение, почему она так себя ведёт, вполне можно... Тем более, как узнать, тот ли Нина человек, который родственен, который нужен? Как сделать, чтобы не было потом боли и разочарования?

Может, позвать её завтра с собой и показать яблоко на пустыре?.. Как она прореагирует? Поймет ли, что это не просто яблоко, а то сокровенное, чему и названия нет? Или – попросит сорвать?..

«Тоже мне змий-искуситель», – насмешливо подумал он о себе. Но решение сделать именно так уже прочно сидело в нём, никакой иронией нельзя его было вытравить. Завтра всё прояснится. Нужно только на-

браться терпения. Пождать, когда солнце осветит дерево на пустыре и когда опять примется играть в прятки яблоко в жёлтой листве.

От этой решимости всё вокруг становилось необычным и значительным – и темнота дворов, и едва уловимый запах осенней земли, и светлые окна домов. Ноздри у Якунина подрагивали. Впервые за последнее время у жизни вновь появились и запах, и цвет, и волнующая глубина.

Он вышел к крайним домам микрорайона, обогнул их и оказался перед глухим простором ночного поля. Вдали под низкими звёздами было невидимое сейчас кладбище.

Якунин почувствовал, как пошла мурашками кожа, а в глазах стали лучиться звёзды. Любовь, тоска и надежда теснили сердце.

У этой полной прекрасной жизни был горький привкус.

1984

ТОЛЬКО ДВЕ ЗИМЫ

С Мишкой Ференчуком встретились неожиданно. Он стоял у проходной, у облетевшего тёмного дерева и спокойно курил.

Виктор, миновав турникет, вскользь взглянул на поджарого парня в коричневом коротком плаще – опёрся о ствол дерева, руки в карманах, терпеливо кого-то ждёт – и прошёл безразлично дальше. «Ха, Бородатый! – понял вдруг Виктор, ступил по инерции ещё два или три шага и лишь потом оглянулся. – Ну да, Мишка!»

Ничего ещё не чувствуя и не думая, он подался к Мишке.

– Ты что здесь стоишь, Козлёнок?

– А, Кран, – удивился Мишка, повернув голову и не меняя своей небрежной свободной позы, оказавшейся вдруг такой знакомой. – Тоже тут работаешь?

– Ты кого ждёшь? – Виктор смотрел весело, даже радостно, но внутри уже виновато заныло.

– Так здесь Вовик работает, увидеть надо. Связующее звено, сам понимаешь... – Лицо у Мишки было рассеянное, глаза, ни на чём не задерживаясь, скользили поверх голов идущих мимо людей.

Такое же счастливое рассеянное выражение Виктор видел на лице у Васи Фалалеева, когда встретил его в прошлом месяце. Техникумовские ребята говорили, Васю оставили служить до декабря, а был всего лишь октябрь, прохладное солнце, навстречу по узкой черновицкой улице шёл почти не изменившийся за эти два с половиной года Вася Фалалеев. Он же Базиль, он же Псыля, он же доктор Псальватор.

«Интересно, я тоже ошалелый после дембеля ходил?..»

– У Вовика собрание, это часа на два, не меньше. –

Виктор, стремясь отвлечься от своего чувства вины – досадного, надоедливого, какого-то оскомного, – принялся сосредоточенно грызть ногти. Надо было Мишке помочь. Глаза его узнающе обегали доармейский Мишкин плащ с недостающей нижней пуговицей, зубы соскальзывали с ногтей и тихо клацали. Наконец Виктор кивнул в сторону проходной: – Пошли!

– Не пустят, – засомневался Мишка.

– Пошли, говорю.

Вахтёру Виктор с озабоченной деловитостью сказал, не вынимая из кармана пропуска:

– Я только что выходил. А это со мной, друг, вместе в техникуме учились... Из армии вернулся, к нам на работу устраивается.

Рассчитал он верно. Вахтёр пропустил, ничего не сказав. Виктор успел заметить: слова о том, что ты недавно из армии, действуют на всех одинаково. Будто все эти люди чувствуют себя немного виноватыми перед тобой и стараются помочь.

За проходной Виктор повёл Мишку Ференчука мимо транспарантов с показателями роста производительности труда в восьмой пятилетке, мимо строящихся новых цехов с наглядно обнажёнными, словно на чертежах, пролётами.

Они шли и молчали, будто виделись каждый день, и всё было переговорено.

– Вот это четвертый цех. Здесь мы с Вовиком работаем, – не выдержал молчания Виктор. – Дальше, вон за тополями, второй и третий. Там тоже наши ребята работают. С других, правда, курсов.

Мишка всё так же рассеянно оглядывался и коротко кивал. Словно ему ни до чего дела не было, а слушает и смотрит он только из вежливости.

– Борода, ты моё последнее письмо получил?

Виктору было страшно неловко. Или всё же стыдно?.. Оставалась одна надежда – может, письмо до Мишки не дошло? А разве не могло быть так: упало за тумбочку, на которую ребята в роте складывали свои письма, прежде чем за ними заходил почтальон, а убор-

щики утром не заметили и выбросили с другим мусором в туалет?.. Или дневальный, томясь ночью – хочется спать, а нельзя, – стал рыться в письмах и нашёл то письмо и заинтересовался: что пишет сержант Мостовой своему другу в ГДР, тоже на в/ч? Вскрыл, прочитал, а заклеить не смог и порвал, испугавшись, на мелкие слоёные кусочки, бросил в урну – могло ведь так быть?.. Или у почтальона – первый в части разгильдяй и чепэшник – оно выпало, когда тот ходил по ротам и собирал почту на отправку. Снег белый – и конверт белый, можно не заметить. А весной от воды буквы расплзлись и не разобрать, кому и от кого.

Если бы так!..

– Не слышу ответа, Козлёнкин. Так получил мое письмо?

– Когда это?

– Где-то в феврале.

Мишка наморщил лоб и, припоминая, сосредоточенно замыслился.

– А, да... что-то ещё о дембеле писал, да? – Он впросительно смотрел на Виктора.

Мостовой громко, с облегчением выдохнул.

– Ну, не помнишь – и хорошо!.. Всё нормально!

Если даже Мишка прикидывается, что не помнит, он должен видеть раскаяние, слышать это «и хорошо!». Ведь он, Виктор, в самом деле жалеет об этом письме. Жалеет и мучается – такое другу написать, с которым четыре года в одной комнате прожил!..

– Понимаешь, моча в голову стукнула, ерунду я напорол! Не помнишь – и ладно. Отлично! – И Виктор уже другим, раскованным, даже разбитным голосом заговорил: – Я Вовику сказал, пошли, кончай ты с этими собраниями. Ведь профсоюзное, даже не цеховое – участка. А он – нет. Втыка Вовик боится!..

Когда они поднялись на второй этаж – там находились цеховые службы, и был небольшой зал, – собрание ещё не началось. В длинном коридоре ощущалась неопределённость, рабочие с мокрыми после душа и гладко, волосок к волоску, причёсанными го-

ловами заходить в зал не спешили – дожидались, как водится, начальства. Все были в верхней одежде.

Высокий Вовка Майстрышин бросался в глаза издали. Мостовой позвал его, красноречиво тыча пальцем в Мишку Ференчука. Вовка, светловолосый, от своего роста сутулящийся, закивал так радостно, что очки в солидной тяжёлой оправе едва не слетели с носа. Он подошёл к какой-то женщине в синей куртке – видимо, профоргу – и стал что-то говорить.

– Каким ты был, таким ты и остался, орёл степной!..

– Да, он не служил. – Виктор тоже смотрел, усмехаясь, как Вовка спрашивается, как с недоверием на лице, несколько раз пристально взглянув в их сторону, слушает Вовку женщина в синей куртке. – Между прочим, Вовик уже на третьем курсе политеха. Время не терял, пока мы служили...

Вовик в конце концов отпросился, подошёл к ребятам и восторженно хлопнул в ладоши.

– Бородатик! Козлик наш ненаглядный!.. – И сказал, старательно выговаривая незнакомое слово: – Дембельнулся? Когда дембельнулся? – Для него это была экзотика: дембель, дембельнулся.

– Ну что, мэны, пошли? Вдарим по чебурекам? Сколько не виделись, ты даже в отпуск не приезжал, да, Миш?.. – Вовик потёр руки и оглянулся на профорга: – Двинулись, а то захомутают для кворума. Смотри, опять секёт...

От завода пошли к центру города. Шли и без умолку болтали. Даже Мишка оживился – с появлением Вовика он переменился.

– Мне мой дембель стоил пару лет жизни, так дёргался, – говорил Виктор, скромно улыбаясь.

Он старательно поддерживал общий тон, но не мог отделаться от ощущения, что и техникумовские словечки, и манера вести себя друг с другом, и давние клички – всё как бы через силу и неловко. Не только у него, у ребят тоже. И, замечая это, Виктор почему-то опять чувствовал себя виноватым перед ними, перед давними своими друзьями, с которыми связывало столько хорошего.

– Я не говорю, что два года, но год мне стоил, точно! – Мишка, как и раньше, в техникумовскую пору, азартно шмыгнул носом. – Сказали сначала так: первая партия дембелей Девятого мая. Объявили списки. Старики, – Мишка выпятил челюсть и сделал свирепое лицо, – надраиваются, мундиры подгоняют... Раз! Отставить! На чешскую границу. В общем, было дело. Стоим, стоим... В лесу. Но лето, правда, комаров уже нет. У них и не бывает комаров. Леса такие, как у нас парки, – дорожки, чистенько. Опять собирают стариков, везут обратно в гарнизон. Дают аккорд. Как сделаете, сразу по домам. Это где-то в августе, числа пятнадцатого. Что дальше было – сами знаете...

– Так ты в Чехословакию входил? – удивился Виктор и внимательно, словно впервые увидел, посмотрел на Мишку.

– Было дело.

– И как?

– Нормально. Чехи, конечно, выступали. Соберутся возле батальона и кричат. Мы-то ничего, болгары, говорят, свирепствовали. А у нас такое чепе, один экипаж в полном составе трепака поймал. Замполит батальона жучил до потери пульса, говорит, это диверсия, не поддавайся чешкам на провокации. Они хотят подорвать боеспособность.

Вовик, заливаясь краской, прыснул:

– Сам-то как, не подцепил?

– Кончайте, ребята, – недовольно сказал Виктор. – Это нам смешно, а для чехов трагедия. Наверняка окупанты вас называли.

– О-о, вражеских голосов наслушался! – Вовик подтолкнул Мишку, кивая на Мостового.

Мишка пожал плечами.

– Уж не американцам-то выступать. Они во Вьетнаме себя показывают, каждый день убивают. Наши ни одного чеха не тронули!.. Ладно. Прокантовался, значит, я там до октября. Меня в части одним из первых отпустили, другим старикам дембель только в декабре светит.

– Ты когда приехал? – перевёл разговор на другое Виктор. Не время спорить о чехах. А может, Мишка прав.

– Да когда – двадцать восьмого!

– Дома был?

– Ага, сейчас к сеструхе еду. Ну, думаю, как к ребятам не заскочить? Мы с Вовиком всё время связь держали, столько написали друг другу – целые тетради!.. Он мне все городские новости сообщал.

Вовка торопливо закивал. Их шло трое, Виктор и Вовка одеты были лучше, чем Мишка – чего стоил один его кургузый плащ без нижней пуговицы, – но встречные девчонки, как и в техникумовскую пору, смотрели только на Мишку.

Раньше это выводило Мишку из себя, и он спрашивал у какой-нибудь особенно пристально смотрящей: «Ну чего? Рубль я тебе должен?..» Сейчас, Виктор отметил, Ференчук стал сдержаннее. А может, всё ещё не мог по-настоящему прийти в себя. Он говорил, смеялся, смотрел по сторонам, но глаза по-прежнему оставались рассеянными и ни на чём не задерживались.

– Кран, ты сейчас где? По направлению не поехал? – Мишка повернул к Виктору своё мужественной лепки лицо.

– Нет, решил здесь обосноваться – родители поменяли квартиру, в Черновцы тоже переехали. Технолог устроился, в четвертый цех. – И Виктор небрежно похвастал: – Оклад сто пять рэ.

– Ты смотри! – Мишка удивлённо вытянул губы трубочкой. – Нормально!.. А ты, Вовик, как раньше – комплектовщиком?

Вовка кивнул.

– Да, но какой комплектовщик! – подхватил Виктор и громко провозгласил, будто объявлял выход в цирке: – Вольдемар Майстрышин, король комплектовки!!!

– Вольдемар, – Мишка засмеялся и посмотрел на Вовку, словно примерял к нему это «Вольдемар». – Вольдемар... Хорошо!

– Главное, что благородно!..

– Ладно, Кран, припомню, – пообещал Вовка. Шу-

тит он или сердится на самом деле, понять было сложно. Он вообще такой, Вовик, – неопределённый, весь словно разжиженный. Виктору порой казалось, не взяли его в армию не из-за близорукости, а потому, что нет в нём чёткого «нет» или «да» – мало в Вовке мужского. Впрочем, как и все ребята из их техникумовской группы, Мостовой относился к Вовику с покровительственной симпатией, будто к младшему.

– Вольдемар!.. – всё ещё заливался Мишка. Юмор, меткое словечко в их компании ценилось. – Хиппарь! Нормально!..

Незаметно дошли до чебуречной на Кобылянской. Виктор приостановился у входа.

– Ты чего, Кран? – Мишка смотрел непонимающе. – Идея стукнула?

Похоже, он уже освоился и чувствовал себя прежним Мишкой Ференчуком, известным в группе тем, что с первого курса у него обильно росла щетина на подбородке, а вот усы почему-то не росли. Отсюда, кстати, и пошло: Борода, Бородатик, Козёл и прочее.

– Да нет, вспомнил, как ходили сюда на четвёртом курсе...

Честно говоря, заходить в чебуречную не хотелось. Виктор знал, всё здесь уже не так. В армии, когда становилось особенно тоскливо, он представлял, как они, ребята из комнаты номер восемь, приходили сюда в субботу перед танцами. Ему тогда почти уже не верилось, что можно сесть за голубой пластиковый столик, заказать сухого вина и чебуреки, сидеть, разговаривать с ребятами и ждать, когда всё принесут.

В техникумовские времена это ожидание особого удовольствия не доставляло, но в армии оно стало дорогим. Просто сидеть, перебрасываться незначущими словами и ждать, когда подадут вино и чебуреки. Главное, ребята рядом. За них ты готов на всё, и они за тебя готовы.

– Запаршивело заведение, – сказал Мишка, когда спустились в полуподвал чебуречной и остановились, оглядываясь.

Прежнего уюта в самом деле не было. Какие-то молодые парни, совсем салажня, сидели за ближним столиком и задиристо поглядывали по сторонам и друг на друга. На столе перед ними стояла одинокая бутылка сухого, на которую они, можно было догадаться, долго собирали деньги, выгребая из карманов мелочь. Таким вином для запаха – дури своей хватает... Рядом, с неприступным видом – явно опасаясь соседей, салажат этих, – сидели девушки, судя по всему, студентки мединститута, один из корпусов которого находился поблизости. Девушки держали хлеб двумя пальцами и ели, глядя в тарелки. Были здесь и какие-то мужики в телогрейках и с недельной щетиной. Те сидели, не снимая шапок, громко разговаривали, толкали друг друга в грудь и ругались.

– М-да, запаршивела явка...

– Ладно, критиканы! – подал голос Вовик. – Всё нормально, раньше так же было, забыли просто. Давайте за чебуреками, я сейчас... – И он подался к буфету, напряжённо вглядываясь в ряды выставленных на витрине бутылок.

Виктор его придержал.

– Нет, становись за чебуреками. Вино мы с Козлёнком купим.

Вовик хороший парень, но доверять покупку выпивки ему было нельзя – возьмёт много и самого дешёвого.

В очереди в буфет оказались за какими-то девушками, которые на студенток не походили. Девушки были смуглые, на головах большие модные платки с красными розами, пальто тоже модные – макси.

– Та-а-йна! – ни с того ни с сего куражливо сказал Виктор.

– А? – Мишка, заинтересованно крутивший головой по сторонам, приблизил к нему внимательное лицо.

– Тайна, Козлик. – Виктор кивнул на девушек, но объяснить ничего не стал, а уже другим, деловитым голосом спросил: – Что будем брать? По традиции, сухое?

Мишка скривился.

– Кислятина.

– Ваша правда, дяденька, – подумав, согласился Виктор. И когда подошла очередь, сказал буфетчику, толстому пожилому еврею: – Две бутылки кагора и одну лимонада.

Мишка принялся совать ему деньги.

– Держи свою мелочь при себе, фраер, – сказал Виктор. – Ты у нас в гостях. Какие мы хозяева будем!..

Взяв бутылки, окинули чебуречную взглядом. Свободных мест не было. Стали смотреть внимательнее, переводя глаза с одного столика на другой – может быть, за каким-нибудь заканчивают. И точно, в углу возле вешалки небольшая компания, похоже, собирается уходить.

Виктор и Мишка, держа бутылки на отлёте, прошли к замеченному столику и вежливо поинтересовались:

– Вы скоро, да, ребята?.. Тогда мы здесь забиваем.

А когда парни – их где-то возраста, приличного вида – ушли, Виктор стал подзывать медлительную женщину в грязном белом халате, убиравшую со столов:

– Вас можно на минутку? Сделайте нам красиво.

Юмор оценил один Мишка. По-коровьи невозмутимая женщина на призывы не реагировала. Она остановилась у окна в посудомойку и что-то говорила в него своей невидимой подруге.

Виктор начинал злиться. Он и без того чувствовал себя не в своей тарелке, а здесь ещё эта ленивая тётка!

– Не заводись, Кран, – сказал Мишка

– С чего ты взял, – Виктор пожал плечами. Он поднялся, собрал со стола грязную посуду и отнёс к окну. Все ещё стоящей там женщине в грязном халате сказал: – Большое вам спасибо! – И поклонился, щёлкнув каблуками.

Но и эта изысканная насмешка действия не возымела. Тётка даже головы не повернула.

Надо было возвращаться к Мишке. Не хотелось. Вовик всё ещё стоял в очереди за чебуреками и делал оттуда знаки: сейчас, мол, я скоро. Можно, конечно, подойти к нему, но оставлять Мишку одного было бы слишком. И Виктор вернулся за столик.

Они сидели рядом и молчали. О чём говорить? Самое необходимое было сказано раньше, по дороге от завода. Начать разговор о техникуме? Но всё это, как ни крути, уже в прошлом, поблекло, нет той притягательности, которая была ещё год назад, когда служил и тосковал по ребятам, по братству комнаты номер восемь. Говорить об армии? Но служили оба и знают, что такое служба, – ничего нового не расскажешь. В армии были другие ребята, с которым сдружился, и сдружился сильнее, чем думал раньше, когда вместе служил. Вот с ними бы встретиться и поговорить – как им сейчас, на гражданке?..

– Ты из наших кого-нибудь видел? – спросил Мишка. Он тоже, кажется, почувствовал себя неловко. – Кроме Вовика, его я не считаю.

– Васю Фалалеева.

– О, Базиль – как он? Прошла любовь к медсестре из госпиталя? Ну, Базиль, отколол номер!.. – Мишка, как и раньше, в техникумовские времена, сидеть спокойно не мог. Большой своей рукой вертел стаканы на столе, шмыгал носом или, ссутулясь, вдруг быстро прятал ладони между коленками.

– Неудобно было как-то спрашивать, – ответил Виктор. – Серьёзное все-таки дело...

Их флегматичный и невозмутимый Вася Фалалеев во время службы влюбился. В техникуме девчонки были ему безразличны, а год назад он лежал в госпитале, решил вырезать гланды, и влюбился в медсестру. Прославился на всю дивизию Вася тем, что, уйдя в самоволку – хотя бы через окно хотел посмотреть на девушку, у неё как раз было ночное дежурство, – наткнулся в лесу на сук и распорол себе щеку. Сразу из госпиталя, где ему щёку зашили, Вася был отправлен на гауптвахту.

Обо всём этом написал ребятам Мостовой – они служили с Васей в одной дивизии, почти рядом, но за все два с половиной года так ни разу друг друга не увидели.

– Станный стал Вася, – сказал Виктор. – Мы с ним, вот как с тобой, на улице встретились. Я его звал к себе

– ночевать где-то надо. Не захотел Вася! Договаривались встретиться на следующий день – не пришёл... Ребята говорят, уехал в Ленинград. Никому не пишет.

– Ну, Базиль всегда был такой. Спокойный человек! Как поступит – тяжело сказать...

Что же такое происходит в жизни, вдруг подумал Виктор. Друзья, выходит, дело случая? Попал в другую обстановку, к новым людям – и друзья у тебя другие?.. Ведь мог он, Виктор, учиться не с этими ребятами, тогда и друзья были бы не эти? Не знал бы Мишку Ференчука, Васю Фалалеева, других парней из восьмой комнаты? А если бы знал, так только в лицо, и были бы они безразличны?..

Что же такое дружба – святое, казалось бы, их братство? Выбор из сотен других близких тебе во всём людей или просто заполнение пустоты, заполнение случайное, потому что человек не может оставаться один? Если появляются новые друзья, как со старыми быть? Они ведь не изношенные вещи, которые вдруг оказываются ненужными...

– Как вы без меня? – Вовик стоял у столика с тарелками в руках. Тарелки он держал за края – чебуреки были горячие, даже масло ещё не полностью впиталось. Вовик влюбился жизнелюбием.

– Заждались! – с облегчением сказал Виктор.

– Тогда вперед, разливай! – Вовик уселся за стол, предвкушающе потёр руки. Он всегда отличался компанейским характером и потому постоянно пропадал в техникумовском общежитии, хотя сам был городской и жил в доме с высокими потолками.

– В чём дело, Кран? – не понял Мишка, когда Виктор налил в свой стакан лимонад.

Тот старался не смотреть на ребят.

– После вчерашнего что-то не тянет. Мы в отделе выпили, у одного нашего был день рождения. Честно.

Неловко помолчали. В их компании было дурным тоном не пить вместе со всеми.

– Всё у тебя в последнее время после вчерашнего, – недовольно сказал Вовик. – Отбиваешься от коллектива.

– Интересные дела. – Мишка тоже смотрел недоумевающе.

– Ребята, я не ломаюсь. Серьёзно. Не могу сегодня. – Виктор поднял свой стакан с лимонадом. – Ну, поехали. За встречу.

Вовик с готовностью, быстро выпил. Мишка, обиженно покрутив головой, выпил последним.

А вот чебуреки были прежними – коричневые, со вздувшейся местами кожицей, вкусные. Их надо было уметь есть, начинка давала сок, который норовил сразу же вылиться, если чебурек неосторожно надкусить.

– Хорошо ребята, а? – спросил через минуту Виктор, обведя друзей медленным взглядом.

– Нормально.

Разлили вторую бутылку вина. У Мишки Ференчука глаза уже затуманились.

– За тех, кто служит! – он поднял свой стакан. – Я обещал за них выпить. За полк!

– Давай, – поддержал Виктор. – За полк.

– Вы знаете, как у нас? – Мишкины пальцы, крепко охватывающие стакан, побелели. И зубы он сжал так, что рельефно обозначились желваки. – Все праздники в боевой готовности! Люди на гражданке гуляют, праздник отмечают, а мы спим с автоматами, даже сапог не снимаем – ФРГ рядом, граница. Какие ребята со мной!.. – Мишке не хватало слов, он, глядя в стол, с чувством помотал головой. – Какие ребята!..

– Со мной тоже отличные ребята служили. – Виктор чувствовал, как за столиком становится проще и легче. Даже для него, хотя не пил, – действовала, видимо, общая атмосфера.

– Слушай, Кран, – вдруг сказал Мишка. Он посмотрел на Виктора, и по виду было ясно, что давно собирался об этом заговорить. – Ты что-то писал, что наши пути расходятся, да?

– Не совсем так, – ответил Виктор после паузы.

– А о чём?

– Так, ерунда. – Виктор смотрел в стакан с выдыхающимся лимонадом.

– Нет, о чём всё-таки? А, Кран?

– Да ерунда.

– Не, Кран, скажи!

Виктор помолчал, собираясь с духом.

– Я писал, что мы уже чужие, отвыкли друг от друга. Если подумать, что нас связывало? Учились в одной группе, жили в одной комнате, вместе на танцы ходили и сюда, в чебуречную. Всё! Прошло почти три года, мы другие... Знаешь, как я первое время тосковал по ребятам?! Дико тосковал!

Вовик, не обращая внимания на разговор, сосредоточенно жевал чебурек. Виктор посмотрел на него и добавил:

– Ведь у нас поминки сейчас, ребята. Поминки!..

Вовик обескураженно поднял голову. Мишка тоже, казалось, был шокирован.

– Ну, ты слишком, Кран!

– Что – слишком? Правда! Мы просто думать об этом боимся. Даже если бы в армию не взяли, всё равно конец, разъехались по направлениям, забыли друг друга! – Виктор чувствовал себя тоже захмелевшим, и это придавало какой-то горькой смелости. – Я вот говорю и подлецом себя чувствую. Ведь не хочется, чтобы так! Неужели в жизни нет ничего постоянного? А, ребята? Или хочешь не хочешь, куда не денешься?..

Виктор смотрел на друзей. Те молчали. Вовик даже перестал жевать.

– Ладно, допиваем и пошли, – сказал наконец Мишка, будто подвёл черту. – Ты, Кран, честный человек, но сейчас всё-таки слишком!..

И Мишка, и Вовик старались не встречаться с Виктором глазами.

А когда вышли из чебуречной, Виктор уже сам жалел о том, что говорил за столиком. Может, всё это ему только кажется? Ведь ребята ничего не замечают. Или просто говорить об этом нельзя – настолько происходящее с ними нехорошо и обидно?

Вовик вспомнил, что ему нужно купить шляпу, – уже ноябрь, холодно. Идея захватила, и все вместе, громко

смеясь и переговариваясь, двинулись к магазину. Было даже жалко, что «Головные уборы» находятся здесь же, на Кобылянской. Хотелось куда-то идти далеко, искать долго – энтузиазм так и пёр из них.

В магазине хохмили, заставили Вовика надеть шляпу и нагибаться, потом присесть – вдруг жмёт. Продавщица – та попросила далеко от прилавка не отходить – назидательно сказали, что людям надо доверять. Доконал всех Вовик. Когда продавщица спросила, вернуть шляпу или так возьмут, Вовик сурово отрезал: «Не надо! Вы нас оскорбили подозрением!»

Уткнувшись друг в друга, Мишка и Виктор рыдали от смеха. Ну, кадр!.. У Вовика и раньше было туговато с юмором.

На улице Виктор окончательно решил, что зря он паникует. Просто показалось. Всё нормально. А что письмо тогда Мишке написал – настроение такое нашло, дурацкое. Моча в голову ударила.

Среди вечернего праздного люда Кобылянской прошли до Шевченко, оттуда подались на Гагарина. Перебежали перед машинами на другую сторону улицы и вскоре оказались возле пустынного холодного сквера напротив мединститута.

Рядом со сквером стоял старинный готический собор. Говорили, его шпиль – самая высокая точка в городе. Сейчас видна была только нижняя часть собора – верх уходил в чёрное небо.

– Пацаны, общага рядом! – вдруг сообразил Мишка Ференчук. Лицо у него оживилось. – А я думаю, куда это мы дрейфуем!.. Зайдём, Валя Захарова такие письма мне писала!..

У Виктора опять оскомно свело внутри – лишнее всё это. Но Мишка и Вовик радостно устремились к Красноармейской, где находилось общежитие техникума. Виктор двинулся за ними – не бросать же подвыпивших ребят.

Длинный коридор общежития был тускло освещён единственной лампочкой. Он был гулок, этот до мелочей знакомый коридор, все звуки здесь раздавались, как в колодце. У входа сидела маленькая круглая тётя

Катя и вязала носок. Она была в зимнем пальто и валенках и казалась от этого ещё круглее.

– Тётя Катя! – обрадовался Мишка, увидев её. – Здравствуйте! Как ваше здоровье, тётя Катя? – Казалось, Мишка готов был броситься ей на шею.

Вахтёрша пристально посмотрела на ребят.

– А на что тебе моё здоровье?

Мишка приостановился.

– Не узнаете?.. Мы учились здесь, четыре года в общежитии жили! В восьмой комнате!

– Помню, – сказала тётя Катя и опять принялась за вязание. – Так что с того? Я с пятидесятого года работаю, считай, двадцать лет. Вас тыщи прошло. Мне что, с каждым целоваться?

Мишка подумал и согласился:

– Резонно. – Он был слегка озадачен, хотя и подмигнул иронически ребятам.

– Пошли! – Виктор остро почувствовал нелепость этого визита в общежитие. – Пошли, ребята. Мы здесь уже чужие.

– А чего? Мы нормально, мы не шумим, какие претензии, правильно говорю? – Вовик обращался к Виктору, хотя на самом деле его слова предназначались вахтёрше. – Нам Валя Захарова нужна, всё! Мы спокойно, без понта! Нельзя, что ли?

– Ну так вызовите, – заметила тётя Катя, не отрываясь от вязания. – А в общежитие я вас не пущу, нечего вам там делать.

Мишка не знал, в какой Валя живёт комнате, и пришлось останавливать проходящих через вахту ребят и девчонок, спрашивать, не подскажут ли. Знакомых среди проходящих не попадалось. Наконец установили номер Валиной комнаты, какая-то девчушка в очках с треснувшим стеклом, но с модной причёской «бабетта» согласилась сбежать и позвать.

Вернулась девчушка быстро. Вали в комнате не было – ушла с парнем в кино.

– Да, Козлёнкин, – сочувственно сказал Вовик, – не дождалась тебя девушка! Мымра!..

Мишка рассмеялся:

– Ты что, у меня с ней ничего серьёзного! Просто так переписывались, по-дружески!..

Минут пятнадцать потолкались ещё у вахты, заговаривая с девчонками постарше. В конце концов, тёте Кате это надоело.

– Идите, идите, хлопцы, а то коменданта позову! Выпили, идите себе! Сейчас строго, сразу на пятнадцать суток в милицию.

Вовик возмутился:

– Испугались мы твоего коменданта! Три ха-ха! – Вовик становился неузнаваем, когда выпьет – куда только девались его обычные добродушие и несмелость. Ладно хоть, не доказывает, что испанец. Был у Вовика такой бзик по пьяни. В техникумовскую пору приставал ко всем, клялся, что у него мать и отец чистокровные испанцы. – Испугала! В гробу мы коменданта видели! Подумаешь!..

Виктор крепко взял Вовика под руку и вывел из общежития. Тот пробовал вырваться и высказать тёте Кате всё, что он о ней и её сраном коменданте думает.

Мишка Ференчук шёл сзади, засунув руки в карманы плаща и насвистывая. Казалось, происходящее не имеет к нему никакого отношения. Он оглядывался по сторонам, лицо у него было рассеянное, далёкое.

Подошли к троллейбусной остановке. Было решено всем вместе ехать к Вовику.

– Ребята, я только дома появлюсь и сразу к вам. Телефона у нас нет позвонить, родители беспокоиться будут, – заговорил вдруг Виктор так, будто извинялся. – Только покажусь, через час у вас буду, точно!

– Давай. Но приди, смотри!

– Говорю – точно.

Виктор перебежал через слякотную ноябрьскую улицу к остановке троллейбуса, который шёл в противоположную сторону. На тротуаре оглянулся. Мишка и Вовик, оживлённые, весёлые, о чем-то разговаривали, смеялись... Сами по себе, словно и не были они минутой назад все вместе.

На Виктора навалилось удушливое, безысходное, что пугало и мучило его в армии, особенно на последнем году службы. Ему опять показалось, будто он и каждый из ребят – на своей льдине. И льдины эти медленно расходятся. Сначала почти незаметно и нестрашно, можно даже легко перешагнуть друг к другу – вон они, их отдельные льдины-островки, рядом... Но всё шире полоса воды между ними, всё дальше он от ребят и они друг от друга. Хотя и кажется, что всё ещё рядом, стоит захотеть – и перепрыгнешь через разделяющую черноту.

Расходятся льдины, и вот уже с тоской понимаешь, что не перебраться тебе к ребятам и им к тебе не допрыгнуть, – есть что-то сильнее вашей дружбы, и разносит эта сила вас в разные стороны. Ещё видны вы друг другу, можете переговариваться и махать руками, но каждый уже сам по себе, и никогда вам уже не быть одним целым, как раньше.

– Ребята, подождите!..

Виктор бросился обратно через улицу. Он подбежал к Мишке и Вовику, схватил их за плечи, притянул к себе. Те недоумённо смотрели на него, неудобно повернув головы – так тесно прижал их Виктор.

– Ты, Кран, самый пьяный, оказывается, – попробовал шутить Мишка.

Виктор ничего не отвечал, только крепче прижимал их к себе и повторял, глядя вниз:

– Ребята!.. Ребята!..

1980

СЧАСТЬЕ

Весна поздняя, поэтому картошку приехали сажать перед самым 9 Мая.

Мама взяла три дня за свой счёт, а Борька, потев и мучаясь, написал заявление директору школы. Там были слова «помочь милой бабушке», продиктованные Фаней Абрамовной, классным руководителем их 6 «б» и старой девой.

Утром солнце отпечаталось на стене. Это первое, что увидел Борька, проснувшись. Закинув голову, он оглянулся на окно. Ветка цветущей вишни касалась стекла.

Борька тотчас почувствовал её холод, тонкий запах густых мелких цветков, пронзительными искрами дробилось в росе солнце – и внутри у него радостно и не терпеливо задрожало. Он вскочил, порывисто оделся, схватил в сенях вёдра и выбежал во двор.

Всё вокруг было яркое, холодное, мокрое. А воздух такой, будто в него капнули синькой.

– Чего так рано, поспал бы!..

Приземистая полная бабушка тёрла один о другой кукурузные початки, бросала янтарные зёрна на утоптанное подворье. Петух, внимательно склонив к земле голову, заботливо созывал куриц. Подбежавших тотчас хватал клювом за шею и топтал.

Он хлопал крыльями, горделиво и строго поглядывал по сторонам. Кольхался сочный карминовый гребень, тряслась раздвоенная борода. Изогнутые перья петушиного хвоста волшебным образом отливали зелёным и синим.

Борька бросился по тропинке в яругу.

– Ты чего как на пожар, не дай бог, – засмеялась за спиной бабушка. – Эге, растёт наш хлопец!..

Труба, через которую был выведен родник, тоже мокрая от росы. Капли медленно сползали по её чёрным и даже на вид студёным бокам. Солнце в яругу не доста-

вало, но радость и здесь была с Борькой. Хотелось изо всей силы подпрыгнуть или побежать вверх по тропинке, или ещё что-нибудь этакое сделать.

– Сосе-е-д, – раздалось усмешливое. К запруде шла Маня Налыгач с узлом белья. Чёрные боты на её ногах мокро, сумеречно блестели. – Ты здесь один, никого нет? Один, ага?..

У Борьки перехватило горло.

– Один.

Вчера он часов до двенадцати торчал у открытого окна, но так и не узнал, чем закончилось прохождение. Мягкая, как чёрный бархат, темень, влажные весенние звёзды, волны ознобного воздуха из яруги. Огонёк самокрутки Маниного ухажёра тлел сначала у калитки, потом переместился под орех возле хаты. Смешок, приглушённые голоса, долгое молчание... Может, тогда? Борька знал, что бывает между взрослыми, но хотя бы услышать, раз увидеть невозможно.

– Ну и хорошо, что один.

Борькино сердце ухнуло куда-то в живот. Что значат эти слова, на что Маня намекает?.. Но грудастая соседка бросила узел на большой плоский камень – на нём стирали бельё – и сказала:

– А то праздник, в бригаду не надо. Набегут сейчас, очереди своей не дождёшься... Забирай ведро, полное!

Без надобности напрягая мышцы, Борька двинулся вверх по тропинке. Всем своим видом показывая, что нести два ведра воды ему ничего не стоит. Пусть Маня видит.

Мама и бабушка пили козье молоко с хлебом. Радиоточка передавала военные песни. Между песнями ликующим торжественным голосом говорил Левитан. Золотые пылинки невесомо плавали в косом солнце, пронизывавшем летнюю кухню.

– Вот и добре, две кирнички наш хлопец принёс, – похвалила бабушка. – Садись сидать.

Какое-то время ели и слушали Левитана. Борька чувствовал, как его грудь распирают отвага и гордость. Он даже перестал жевать. Бабушка сказала:

– Ой-ёй-ёй, пятнадцать лет, а как вчера. Сколько народа на той войне пропало, господи-господи!..

И стала рассказывать, как в сорок четвёртом убитых румын и наших солдат стаскивали в большие ямы. Набрасывали на босые ноги верёвку, а кого и за шею, и тащили. Близко подойти, чтобы взяться руками, было невозможно – сильно смердели. И то сказать, апрель, тепло.

Борька, когда представляет всё это, отодвигается от стола. К горлу подкатывает ком, но он старается не показать вида. Всё-таки мужчина. А одного румына наш солдат хотел застрелить в бабушкином хлеву. Тот спрятался, но солдат с автоматом нашёл его.

– Я тому солдату в ноги, не убивай на моём подворье! Где хочешь, а не у меня!..

– А он? – спрашивает мама, отставив пустую кружку и вытирая ладонью губы. По голосу чувствовалось, перепуганного румына ей совсем не жалко. Спрашивает же для того, чтобы поддержать разговор. А то невежливо будет – невестка всё-таки.

– Увёл куда-то. У меня на подворье убивать не стал... Я ему курицу за то дала.

– А почему без сапог? – вставляет Борька.

Бабушка смотрит на него:

– Кто?

– Убитые, наши и румыны. Они что, босые воевали? – Борька представляет идущих в атаку босых солдат и едва не смеётся. Не может такого быть!..

– Люди сняли. Чего чёботам пропадать?

Мама соглашается:

– Специальные команды были, снимали с убитых обувь и одежду. Ну, которая не сильно в крови и целая. Нам отдавали, мы стирали, штопали, потом... Ты чего уши развесил? Ешь давай, – спохватывается она. – Ни к чему тебе это знать!

Борька смотрит то на бабушку, то на маму. Это его давно озадачивает. Получается, было две войны. Одна, о которой говорят в школе, передают по радио, пишут в книжках. И другая, о которой рассказывают такие

люди, как бабушка или мама, она на фронте была в хозяйственном взводе, старшина над прачками.

Их война неинтересная, какая-то будничная, без подвигов и героизма, лишь бы не убило пулей или осколком. Жлобская какая-то. Борька пробовал узнать у папы, как было на самом деле. Но тот о войне ничего не рассказывал, хотя на фронте командовал противотанковой пушкой.

После завтрака выходят на подворье. Опять сверкающие на молодом солнце листья и текучий синий воздух. Притихшая было радость вновь вскипает в Борьке, того и гляди выплеснется какой-нибудь выходкой. Когда уезжали, папа наказал купить бабушке муки и подсолнечного масла в мисте. Борька в предощущении похода, и это делает играющий в нём родничок ещё радостнее, ещё нетерпеливей. Он изо всех сил крепится. Сажать картошку ему надоело ещё вчера.

Но сразу пойти в мисто не удаётся. Через подворье шкандыбают бабка Подгурская. В одной руке у неё вытертая до костяного жёлтого блеска палка, в другой пустое ведро.

– Дзень добры, – здороваётся она, выворачивая в сторону хаты голову. Обычно бабка Подгурская смотрит в землю, она согнута, будто перебита в пояснице. К тому же плохо видит. – Кто это у тебя, Федосиха?

Бабушка со сдержанной гордостью сообщает:

– Антонова жинка с сыном, Вчера половину огорода уже засадили. – Бабушкина гордость оттого, что не к каждой свекрови приезжают невестка и внук помогать.

– А, Няся, – узнает старуха маму и садится на крыльцо. От неё пахнет старым человеком, длинная чёрная юбка опускается до земли, прикрывая жёлтые ступни, – бабка Подгурская босая. Ей одной разрешается ходить по воду через их подворье, это самая короткая дорога. – А Антон твой где, Федосиха?

Бабушка значительно поджимает губы.

– Та где ж – с работы не отпускают. Райком!

У бабки Подгурской плохо не только со зрением.

Иначе не стала бы говорить, что мама была бы её невесткой, если б сын, какой-то Никифор, не пропал на фронте.

Слышать подобное Борьке дико, оскорбительно. Неловкость на лицах и мамы с бабушкой, но они ничего не говорят – старый человек всё-таки.

– Дайте, я принесу! – Борька выхватывает у старухи ведро. Ему стыдно за всех троих, он хочет скорее уйти.

Маня Налыгач, наклонившись, трёт на большом плоском камне бельё. Молочные разводы мыльной воды расползаются по запруде. И чем ниже спускается по тропинке Борька, тем выше становятся видны белые Манины ноги над срезом резиновых сапог. Ему становится жарко, полные, с подколенными ямками ноги соседки хочется увидеть ещё выше.

– Чего уставился? – Маня выпрямляется, одёргивает юбку красными от холодной воды руками и строго смотрит на Борьку. Но сопляком не обзывает, как обзвала бы ещё год назад.

Борька молча наполняет ведро и почти бегом уходит. Солнце сквозь листья-лодочки вербы, знобкий запах родниковой воды, таинственно-нежный голос иволги из мокрых зарослей – и Борьку опять обдаёт волна счастья.

Старая полька благодарит его. Борьке непонятно, за что – ведь так просто спуститься в яругу и принести ведро воды. Он незаметно толкает маму локтем – пошли!

– Идём-идём, – быстро соглашается та.

За калиткой мамино лицо становится таким, будто она облегчённо, всей грудью вздохнула. «Никифор!» – с неприязнью думает Борька.

– Тогда тебя у меня не было бы, – первый раз произносит мама эти слова и пробует Борьку поцеловать. Но тот уворачивается.

Дорога идёт в гору, слева спускающиеся в яругу огороды. Справа тоже огороды, но они как бы на террасе – приподняты над дорогой. Двухметровая глиняная стена прорывлена то ли старыми ходами земляных червей, то ли норками диких пчел.

Думать, что пчёл – интересней. Здесь припёк, сонная одурь, млеет нависающий над отвесной стеной колючий повий. Борька пытается увидеть пчёл, хотя бы одну – и видит.

Невзрачная, пульсирующая мохнатым серым брюшком, она откуда-то прилетает и торопливо исчезает в норке с гладкими, словно полированными стенками. Значит, есть мёд!..

Но представить, как придёт с лопатой и примется добираться до мёда, Борька не успевает. Он нечаянно смотрит влево – и грудь замирает на вдохе. Борька застывает. Поле озимых за яругой схватило и не отпускает взгляд. Ярко изумрудное, праздничное, необыкновенное!.. Счастливый ветер проходит сквозь Борькино тело.

– О!.. – вырывается у него.

Распахнувшаяся во всю ширь душа вбирает и синий текучий воздух весны, и блеск молодого майского солнца, и крылато раскинувшиеся из края в край озимые.

– Ты чего? – озадаченно спрашивает мама.

Борька смущён.

– Так.

Второй раз мама повторяет фразу, что без войны его не было бы, когда возвращаются из миста.

Борька несёт наволочку с мукой, мама канистру с подсолнечным маслом, по-здешнему, олием. Позади центр села с переделанным из польского костёла клубом, базар с длинными дощатыми столами, на которые выставлены молоко в стеклянных банках, брынза, первая зелень, пахнущие погребом прошлогодние яблоки. По случаю 9 Мая возле школы играет оркестр, а на базаре шла обычная жизнь. Пахло лошадьми, сухой утопанной землёй, у свежего конского помета сновали воробьи, люди торговали и переругивались. Борька возмущён про себя – будто и не День Победы вовсе!..

В школьном сквере с памятником, мимо которого они с мамой проходят, какой-то дядька говорит речь. Когда сдергивают брезент с плиты, на которой фамилии погибших, пионеры в красных испанках с жёлтыми кисточками поднимают в салюте руки. Пасшиесея непода-

лёку козы шарахаются от загремевшего брезента. Какие-то мелкие пацаны сбоку передразнивают пионеров, на них тихо ругается и гонит прочь, наверно, завуч.

«Жлобы! – негодует про себя Борька. – Их от фашистов спасли, столько людей погибло, а они!..» В школе, где он учится, дисциплина значительно выше.

– Видишь женщину? Ну, вон... – тихо спрашивает мама и показывает глазами.

Впереди идёт какая-то тётка с чёрной кирзовой сумкой в руке. Наверно, тоже ходила на базар. Голос у мамы странный. И это непривычное «женщина». Обычно старших, когда мама разговаривает с Борькой, она называет тётя или дядя. Эта перемена заставляет Борьку внимательно посмотреть на ту, что впереди.

Обычная сельская тётка. Длинная юбка, какая-то кацавейка на худых плечах. Платок. А вот мама погородскому, с непокрытой головой, с завивкой.

– Это первая папина жена, – доверительно, как взрослому, сообщает мама. После паузы добавляет: – Не дождалась папу, вышла замуж. А муж потом пропал без вести. Одна осталась.

Борьке нет дела до всего этого, ему тягостно подобное слышать. Но ответить что-то надо, и он говорит:

– Ага.

Мама сожалеюще смотрит на него. И повторяет то, что сказала после встречи с бабкой Подгурской:

– Ой, дурачок! Если всё по-другому, тебя не было бы!.. Это хоть понимаешь?

Какое-то время идут молча. Борька соображает. И от мысли, которая приходит, ему становится нехорошо. Он родился потому, что была война? Потому, что худая тётка впереди не дождалась папу? Что погиб мамин жених Никифор? Что погибли те, чьи имена выбиты на плите в сквере? Что убитых солдат, как падаль, ставкивали в ямы? Что бабушкина курица стоила дороже жизни румына?..

Чувство острое, жжёт. Борьке стыдно, будто попался на чём-то подлом. И уже не наволочка с мукой гнёт его к земле. Но мама идёт как ни в чём ни бывало, и

Борька с изумлением смотрит на неё. Неужели не понимает?..

– Вот ещё один послевоенный! – громко говорит она. – Ты куда это свою козу пускаешь, хлопчик! Засохнет дерево. Вот хозяин выйдет, он тебе покажет!..

Мальчишка в залатанных хлопчатых штанах дёргает верёвку, пытается оттащить козу от едва распустившегося деревца за оградой. Коза косит жёлтым дьявольским оком, жадно хватая губами тонкие ветки – она явно сильнее пацана.

– Вы с этим хлопчиком спасибо должны сказать, что была война, – назидательно говорит мама. – Кому как, а для вас она счастье. Если бы не война – другие бы жили, не вы. Всё было бы другое. И не смотри на меня так!..

Борьке дико слышать эти слова – что, Гитлеру сказать спасибо?! Но мама говорит таким голосом, что не ответишь. Они идут мимо чужих огородов, везде сажают картошку, пахнет потревоженной землёй, звякают дужки вёдер, у женщин от солнца светлые платки на головах.

Вскоре мамины слова не то чтобы забываются, но уходят куда-то вглубь, остаются досадной тенью. Солнце к зениту, нагревшиеся листья душисто, горько пахнут. Только акации ещё не распустились. Борька старается не смотреть на их чёрные, будто обгоревшие, оставшиеся после войны, остовы.

Наволочку с мукой нести всё тяжелее, но мир вокруг такой яркий, пронзительный и праздничный, что Борька забывает о муке, маминых словах, обо всём на свете.

Счастливым родничок опять играет, пульсирует в нём. Словно и не переставал. Как хорошо всё-таки жить, как радостно и необыкновенно!..

2011

СТРАТЕГ

Памяти В.Шукишина

Геннадий Порфирьевич так и сказал: пока баню не опробую, не заплачу. Брежнев поначалу обиделся – в Рябинках принято было платить за работу сразу. Однако промолчал. Если бы с самого начала предупредили, он, может, и не взялся бы класть каменку. А так... Чего после драки кулаками махать.

Брежнев, пожилой приземистый мужик с густыми и всё ещё черными бровями, сидел перед телевизором и размышлял, где взять денег на запчасти для снегохода. Часы показывали пять, но за окном уже было темно. В среду лёг снег, «Буран» вот-вот понадобится, а до пенсии ещё далеко. Да и много ли на неё купишь?.. Так что звонок Геннадия Порфирьевича был кстати.

– Григорьич, ты как там? – сказала трубка. – Приходи за расчётом. Парок, я тебе доложу, – до самых печёнок пробирает!.. Что ни говори, а лучше нашей русской бани ничего быть не может! Никакие сауны в сравнение не идут – уж мне-то поверь, повидал я их!..

По говорливости Геннадия Порфирьевича было ясно, что он не только опробовал каменку, но уже и принял после бани. У Брежнева оскомно свело челюсти. Ему самому пить было нельзя – в прошлом году вырезали почку. Застудил, когда провалился под лёд, переезжая в апреле реку. Так что последнюю приходилось беречь.

– Валентина, я ушёл, – громко сказал Брежнев в сторону кухни. Жена была глуховата.

– Чего? – отозвалась та, выглядывая из-за занавески.

– Ушёл, говорю.

– Далекое? – В руках жена держала берёзовое полено с кучерявящейся берестой, собиралась на ночь подтопить печку.

– За расчётом за каменку.

– Наконец-то вспомнил!.. – Жена тоже не одобряла поведения Геннадия Порфирьевича.

На улице было хорошо. После осенней мокряди легко дышалось и можно было не бояться, что влезешь в темноте в грязь. Свежий снежок весело поскрипывал под ногами. Брежнев шёл и думал о жизни.

В детстве они с Геннадием Порфирьевичем (в ту пору Генкой-Золотухой) ходили в клуб учиться на баяне. У обоих получалось хорошо, на смотрах художественной самодеятельности в райцентре занимали призовые места. После восьмого класса оба поступили в культпросветучилище, но он долго городской жизни не выдержал. А вот Золотуха оказался упорный. Окончил училище, на последнем курсе женился, так в городе и остался. Работал баянистом при дворце культуры геологов до самой пенсии. А сейчас вот потянуло на родину. Отремонтировал родительский дом, поставил новую баню. Его, Брежнева, в лучшем случае зовут Григорьичем, а к Золотухе иначе как по имени-отчеству никто не обращается.

Постучался.

– Заходи, открыто! – раздался из-за двери хорошо поставленный голос.

Брежнев снял в холодном тамбуре обувь, ступил в носках через порог. За столом у задёрнутого тяжёлой шторой окна сидел Геннадий Порфирьевич в махровом халате и пил из самовара чай. Халат был распахнут, по безволосой груди стекал пот. Капли текли и по распаренному красному лицу.

– Самовар, а? – Геннадий Порфирьевич щёлкнул пальцем по надраенному выпуклому боку. – Вроде ерунда, вода одинаковая что из чайника, что из самовара – а приятно! Надо, надо нам уважать обычаи предков. Они просто так ничего не делали, веками свой опыт копили!.. Здорово.

Брежнев пожал протянутую руку. Рука у Геннадия Порфирьевича оказалась мягкой, с нежной кожей – такой в деревне даже у женщин не бывает.

– Ты легче, орудие труда всё-таки... – Хозяин ска-

зал это вроде как в шутку, но руку забрал быстро. – Мне у Слинкиных на свадьбе играть. Живая музыка, говорят, нам нравится, а не эти, на кассетах. А что, правильно говорят – живой звук он и есть живой!.. Садись. Выпить хочешь?

Брежнев замялся.

– Да нет...

– Так да или нет?

– Нельзя мне.

– Ну, тогда чаю.

– Это можно. – Брежнев с облегчением вздохнул. Отказ от выпивки давался ему трудно. Огляделся. – А хозяйка твоя где?

– Моется. Это по молодости в баню вместе ходят, а сейчас... – Геннадий Порфирьевич засмеялся и потянулся к пузатенькому графинчику. – Сейчас водочка милое дело! Водочка взрослому мужику много чего заменить может. Если, конечно, с умом и в меру. Как наши отцы говорили, кто пьян, да умён – два блага в нём!..

Брежнев не помнил, чтобы его или Золотухи отец так говорили, но кивнул. Он деликатно, двумя пальцами взял за ручку чашку и подставил под краник самовара. Пить не хотелось, но получить деньги и сразу уйти казалось неудобным. Тем более, что денег Геннадий Порфирьевич пока не давал.

– Я тут недавно по телевизору слышал, будто проводят чемпионаты мира – по чему бы ты думал?.. По бровям!

Брежнев быстро вскинул глаза. Золотуха смотрел открыто, без насмешки. Брежнев отвёл взгляд. Это у Золотухи с молодости – где другой промолчал бы, этот говорит как ни в чём не бывало. Дефект в человеке, не чувствует, что может задеть.

За свои брови Григорьич натерпелся. Как попёрли лет в четырнадцать, так до сих пор густые и не седеют. У других к старости облезают, становятся короткими и редкими, а его хоть бы что. Если бы Валентина каждую неделю не подстригала, как добрые усы стали бы. Даже в больнице, когда лежал на операции, врачи между собой называли его Брежневым – Григорьич как-то сам слышал.

Геннадий Порфирьевич отставил в сторону кружку с чаем. Налил из графинчика рюмку, выпил. Быстро поддел на вилку квашеной капусты.

– М-м, хороша капустака – настоящая, деревенская, сам солил! Не мужское, казалось бы, дело, а удовлетворение доставляет! Память сердца, как говорится... Так вот, насчёт бровей. Один индеец отрастил сантиметров что-то десять, весь лоб закрывают. Чего бы тебе, Григорьич, в таких чемпионатах не поучаствовать? Ведь это деньги, и хорошие!..

Брежнев смотрел в стол. Не понимает. Горбатого могила исправит.

– Ты как к политике относишься?

– Да как... – Брежнев пожал плечами. Про себя удивился: ну и скачки у мужика – то про брови, то про политику. Не такой и пьяный, а мысли как блохи.

Геннадий Профирьевич опять придвинул к себе кружку с чаем, отхлебнул.

– Непривычно, типа, чаем запиваю? А между тем, вековой рецепт. Водка, она чай любит, токсины хорошо выведятся, и похмелья не бывает... Так о чём я начал?

– О политике вроде.

– Ага! Не хочу я с тобой рассчитывать, скажем. Ты сделал работу, а я не хочу. – Заметив на лице Брежнева настороженное удивление, он засмеялся. – Не бойся, это я так, для примера!.. Если я в открытую не заплачу, ты придёшь ко мне разбираться, правильно? Здесь надо по-умному. Что я делаю? Деньги я тебе отдаю, но в магазине (он в деревне один, мой) повышаю цены. Вроде как я чист перед тобой, рассчитался, а ты все денежки, что я заплатил, у меня в магазине оставишь. Всё законно, всё шито-крыто. Здорово, ага? Не придерёшься! – Геннадий Порфирьевич радовался как ребёнок. – Ловкость рук и никакого мошенства!..

Брежнев помолчал, соображая.

– При чём тут политика

Геннадий Порфирьевич поднял вверх палец, со значением сказал:

– А ты подумай. – Видя, что Брежнев только морщит

лоб и молчит, добавил: – Ладно, наводящий вопрос. У тебя при советской власти на книжке сколько было?

– Ну, было...

Цифру Григорьич называть не стал. До сих пор вспоминать не хочется. Они с Валентиной почти всю жизнь проработали на рыбоучастке, он ревматизм нажил, у Валентины разъеденные солью руки не заживали. Когда дети выросли, завели сберкнижку, стали копить на новый «Буран», ну и на старость. В девяносто втором все деньги сожрало повышение цен, а потом ещё эта хренова инфляция. Какой там «Буран» – на трёхколесный велосипед к внучкиному дню рождения не хватило.

– А я не жалею, я вовремя подсуетился. Один хороший товарищ посоветовал, ты, говорит, купи доллары. Я послушался, на все сбережения купил. Доллары пошли вверх. А кто тупые, ясное дело, пролетели!..

Брежнев опять исподлобья взглянул на Геннадия Порфирьевича. Но тот на его взгляд не обратил внимания.

– Когда я работал, меня большие мужики часто с собой приглашали. Ну, сауну там снимем, попаримся, водочки выпьем, песни под баян споём – душевно выходило... – Золотуха приосанился, солидно поперхал горлом. – М-да... Разговоры, естественно, всякие. Мужики все головастые, номенклатура. Рассуждаем, что было делать Ельцину. И выходит, иначе нельзя. Ты же помнишь начало девяностых. У населения на книжках триллионы – чем их отovarить? Приватизацию, что ли, срывать? К собственности не каждого подпустишь, а достойных, кто тебя поддержит. Считаю, Гайдар Ельцин правильно подсказал. Произвести селекцию, отобрать надёжных, им госсобственность и передать. А населению цены поднять, пусть свои триллионы расстрясут – на советский строй работали, не на демократию! Не так, что ли?..

Геннадий Порфирьевич поднялся и вышел с соседнюю комнату. Вернулся с богато инкрустированным баяном. Утвердил его на коленях и растянул меха. Пер-

ламутровая отделка жемчужно светилась. Полы махрового халата на Геннадии Порфирьевиче разошлись, и стали видны белые, ещё крепкие ноги. Играл Золотуха мастерски. Пальцы так и летали по клавиатуре. «Полёт шмеля» Римского-Корсакова, переложение для баяна.

– Попробуешь? – Хозяин сделал движение, будто хочет снять с колен и передать инструмент. – У тебя раньше тоже неплохо получалось.

Брежнев молча отмахнулся – руки уже как чужие, столько лет кроме сетей ничего не знали. Только позориться.

Геннадий Порфирьевич перешёл на попурри из русских народных песен. Тихо наигрывая, как бы сам с собой рассуждал:

– Гайдара с Ельциным ругают, а я тоже бы так действовал. – Его лицо стало озабоченным, на лбу прорезалась поперечная складка. – Надо было создать класс собственников. И не когда-нибудь, а срочно, чтобы была защита от коммунистов. Они только и смотрели, как бы забрать власть... Что в такой ситуации делать? Ваучеры, правильно – рот заткнуть. Вроде каждый получает свою часть собственности. Но средства производства должны быть не у всех, а у кого нужно. Чтобы на этих людей можно было рассчитывать в случае чего. Выборы там и прочее – бесплатный сыр только...

Закончить свою мысль Геннадий Порфирьевич не успел. В тамбуре послышались шаги, открылась дверь и на пороге появилась крупная женщина с баннным полотенцем на голове.

– Здравствуйте. – Она вскользь, отчуждённо взглянула на Брежнева. Не останавливаясь, прошла в соседнюю комнату. Охнул диван под тяжёлым телом.

Геннадий Порфирьевич подмигнул, повернул в сторону комнаты голову:

– Алёнка, все нормально?.. – Вполголоса добавил, обращаясь к Григорьючу: – Городские, они к нашей бане непривычные.

– Нормально, – послышалось из комнаты.

– Валокордина накапать?

– Не надо.

Геннадий Порфирьевич потянулся к графинчику с водкой.

– Ты не очень-то, – послышалось из комнаты, словно жена видела сквозь стенку.

Геннадий Порфирьевич скроил комическую физиономию, молча развёл руками, будто говорил: вот так и приходится жить!.. Водки тем не менее налил и выпил. Брежнев сглотнул. Видеть, как Золотуха пьёт, было тяжело.

– А чего, я в меру. После бани, дорогая моя, положено!

– Знаю я твою меру.

Геннадий Порфирьевич опять подмигнул:

– Это уж у каждого своя, закон диалектики!.. – Не дождавшись из комнаты ответа, он придвинул к себе кружку с чаем. Будто извиняясь, сказал Брежневу: – Всем хороша, и хозяйка, и жена, а поговорить не о чем. Не интересуется ничем, хоть ты лопни. Столько вокруг происходит, только соображай и анализируй, а она!.. – Золотуха отхлебнул из кружки, помолчал. – Гуманное всё-таки у нас государство, Григорьич, доложу я тебе. По моему мнению, так слишком гуманное. Только ленивый не гонит волну – и пенсии, типа, маленькие, и бесплатный проезд до города отменили, и за телефон полностью плати. А с какой стати, скажи мне, государство должно пенсионеров на себе тянуть? А? Вот скажи мне!..

Брежнев привык отвечать, когда у него спрашивали.

– Вроде как заработали.

– Вот именно, «вроде как»! – подхватил Геннадий Порфирьевич. – Что, у государства других забот нет, кроме как пенсионеров содержать? Давай посчитаем, международную политику проводить надо? Надо! Армию укреплять? Надо! В космосе позиции не сдавать? Тоже надо. А где на всё средств взять? Никаких стабилизационных фондов не хватит. А пенсионеры, какая от них польза? Сели государству на шею и ножки свесили.

По телевизору говорят, скоро на одного работающего по пенсионеру будет приходиться. Значит, ты на себя работай, семью обеспечивай и ещё дармоеда содержи... Чего хмыкаешь? Не согласен, что ли?

Сидеть истуканом не хотелось, и Брежнев налил себе ещё чаю. На этот раз он оказался почему-то горячим, во рту обожгло. Брежнев быстро проглотил кипяток и с досадой сказал:

– Так ты вот возьми и откажись от пенсии!

– Легко!.. Но не обо мне сейчас речь. Шире надо смотреть, масштабней. Вот говорят, у нас мало живут. А я считаю, больше не надо. Чего дармоедов плодить? Пожил своё – хватит!.. Жаль, Путин отклонил предложение, чтобы подняли возраст, когда на пенсию выходить. Сколько бы денег можно было сэкономить!.. Мы с большими мужиками эту тему тоже обсуждали, они со мной согласны. Нужен государственный подход! Строгость! Без этого с нашим населением нельзя.

Разглагольствование Золотухи раздражало всё больше. Мало того, что тянет с расчётом, так ещё рассуждает, будто сам не пенсионер. Ему пенсия, видать, легко досталась, а Григорьича иной раз так скрутит, что только горячие кирпичи спасают, если положить на поясницу.

– Ты чего предлагаешь? Не платить пенсии?

Геннадий Порфирьевич посмотрел с превосходством:

– Оно, конечно, было бы хорошо – не платить. Но... В цивилизованном государстве живём. В Европе не поймут. – И неожиданно спросил: – Лекарства пьёшь?

– После операции пил. А так больше Валентина... Дорогие.

Золотуха налил себе рюмку, значительно поднял вверх палец и так держал его, пока рюмку не опорожнил.

– И здесь государственный подход нужен. За счёт чего, считаешь, бюджет формируется? Мои и твои тринадцать процентов погоды не делают. Ну, когда работали. А с промышленности там, с торговли в бюджет

можно взять много. Вот и скажи, выгодно государству или нет, чтобы цены были низкие?.. – На этот раз Золотуха не стал ни закусывать, ни запивать чаем. Поднёс к носу корку хлеба и шумно втянул воздух. – Конечно, цены тоже с умом надо держать. Нельзя, чтобы населения стало слишком мало. Разумное воспроизводство должно быть. Нефть, газ кто-то должен добывать, в армии, в органах служить...

– А при чём лекарства? – не понял Брежнев.

– Хе, чудак! Так прямая выгода государству, чтобы дорогие были! Позволяет пенсия – ты себе и Валентине покупаешь, государству доход. Не позволяет, скорее на тот свет уберётесь, бюджету легче, пенсии вам платить не надо. По-любому выгодно! – Золотуха победительно улыбался, как отличник у доски, ответивший на каверзный вопрос.

Брежнев, не отрывая от него глаз, стал медленно подниматься из-за стола. Золотуха удивился:

– Не понял. Ты куда?

Гость молчал, сжав зубы так, что побелели желваки.

– Ты чего? Ещё не рассчитались...

– Да подавись ты, сука! – выдавил наконец Брежнев.

И вышел, оставив Геннадия Порфирьевича с изумленно открытым ртом. Дверью шваркнул со всей силы.

«Поджечь, что ли?.. – подумал Брежнев уже во дворе. Свежие стены бани светились в темноте, притягивали взгляд. – Ну, паскуда! Как земля таких уродов носит?!»

И долго не замечал, что идёт по снегу в носках.

2006

С УТРА ДО ВЕЧЕРА

Часы показывали начало седьмого, а окна уже обозначились. От их синевато молочного света всё в доме было видно. Это в ноябре-то месяце.

Вера Тимофеевна поднялась с постели, но, ещё не дойдя до окна, поняла, что просто выпал снег, оттого и светло. И правда, огород был весь белый, по веткам яблони сверху будто кто провёл известкой... Вот и зима.

Можно было бы ещё с полчаса полежать, но Вера Тимофеевна знала – больше не заснёт, а что без толку валяться. Она накинула поверх ночной рубашки старый истончившийся халат из байки и вышла в приделок. За занавеской всхрапнула свекровь.

Раньше шести в школе появляться не стоило – баба Поля, сторожиха, не любила, когда её рано будили, – и Вера Тимофеевна зажгла обе конфорки, на одну поставила чайник, а на другую большую закопченную кастрюлю с картошкой для кабана.

По ногам тянуло. Она включила в кладовке свет, достала валенки. Валенки были старые, растоптанные, но для дома сойдёт. Вера Тимофеевна с удовольствием сунула в них ноги.

Стало уютно, и даже показалось, что сломанная нога не так ноет. Вот, оказывается, почему ныла – к снегу...

Вера Тимофеевна попила чаю, убавила огонь под закипевшей картошкой и оделась.

Воздух на дворе был лёгкий, чистый и пахнул только что разрезанным арбузом. Вера Тимофеевна вышла из калитки и переулками направилась к школе, оставляя чёткие следы на нетронутом снегу. Снег она про себя пожалела – первый, растает. И сразу же обеспокоилась: опять крыша потечёт. Неделю перед этим стояла сухая холодная погода, и Вера Тимофеевна хоть вздохнула

свободней – всю осень только и знает, что новые банки на чердаке расставлять, и вот опять... Надо дранку мента, совсем сгнила. Как избу поставили, так с тех пор не меняли.

Проходя мимо единственного в посёлке пятиэтажного дома, она по привычке посмотрела на окна квартиры на четвёртом этаже, где жила дочь с семьёй. Окна были тёмные, значит, ещё спят. Да и куда им торопиться, зятю на работу к восьми, а дочь может хоть весь день проваляться – с начала месяца в декрете. Мишку бы накормить не забыли...

От мысли о внуке тревожно сжалось сердце. Вот уберётся в школе и заглянет к ним.

Сторожиха баба Поля, прежде чем открыть дверь, приложила из освещённого коридора к стеклу ладонь, всмотрелась, кто это стучит.

– Да я, баба Поля, я!

Сторожиха щёлкнула замком и впустила.

– Я... Вчера двое каких-то всю ночь вокруг околачивались. Говорила военруку, выбрось ты эти свои ружья, а то ещё порешат. Вон что вокруг творится-то...

Баба Поля – мрачноватая старуха с бородавкой на переносице, зимой и летом смуглая, похожая на цыганку. Чем-то она Вере Тимофеевне напоминала свекровь, хотя схожего между ними вроде было мало. Сторожику побаивались не только ученики, но и молоденькие учительницы, присланные недавно после училища.

Сегодня баба Поля, кажется, была в хорошем настроении. Выспалась, наверно. Она закрыла за Верой Тимофеевной дверь на ключ, торопливо зашаркала следом и, догнав, ухватила за рукав.

– Пошли, чай у меня... Хороший, со слонем.

Обижать старуху не хотелось, и Вера Тимофеевна прошла за ней в каморку возле раздевалки, где обычно баба Поля коротала ночные часы. Воздух здесь был тяжёлый, на тумбочке, что рядом с продавленным диваном, стояла пачка индийского чая с нарисованным синим слонем, на котором сидел бородатый человек в чалме и белых штанах. Сторожиха достала из тумбоч-

ки стаканы, целлофановый пакет с сахаром, принялась разливать заварку из маленького чайничка. А сама всё нетерпеливо поглядывала на Веру Тимофеевну, собираясь, видимо, что-то спросить.

– Выдохлася заварка, с вечера-то хорошая была. Ничо, сейчас чайник закипит... Так ты говоришь, мать народила тебя в рубашке? Счастливая, значит, должна быть?

– Да вроде не жалуюсь, – сказала Вера Тимофеевна, удивляясь таким разговорам. С чего бы вдруг? – У меня не хуже, чем у людей.

– Ну да, счастливая! Сколько тебе годов-то? – вроде как бы обрадовалась баба Поля.

– Сорок шестой.

– Вот, молодая. А мужика нет. Такой смертью помер – хуже нельзя. Счастливая!..

Вера Тимофеевна ничего на это не сказала. Несколько секунд посидела с неподвижным лицом. Потом молча поднялась и пошла к чулану возле туалетов, где хранились веники и ведро со шваброй.

Сторожиха её не удерживала, будто и не сама только что зазывала на чай. Было во всём её виде что-то нехорошее, злорадное.

Муж у Веры Тимофеевны в самом деле умер рано. Тяжело умер. Точнее, погиб. Случилось это почти четыре года назад, когда дочь лежала в роддоме. Мотоцикл, на котором Вера Тимофеевна ехала с мужем посмотреть только что родившегося внука, сбил встречный грузовик. Шофер, сразу протрезвев, выскочил из машины, увидел ничком лежащую женщину в кювете и пытающегося приподняться мужчину на обочине, быстро оглянулся – дорога была пустынна – и решил, что свидетелей ему не надо. Развернул грузовик и направил на мужа Веры Тимофеевны. Проехал по нему передними колесами, а потом и сдвоенными задними. И ещё раз...

Его так и не нашли, этого зверя. В милиции сначала взяли вроде горячо, а потом всё как-то само собой сошло на нет. Капитан, который вёл дело, под конец так

и сказал Вере Тимофеевне: «Что вы всё ходите? Не воскресу я вам мужа, понимаете? Или вам надо кого-нибудь посадить обязательно?» Что тут скажешь. Соседи говорили, следователю или взятку сунули, или он просто лодырь, и советовали так это не оставлять. Вера Тимофеевна подумала-подумала. Мужа и в самом деле не воскресишь. Так дело и закрыли, всё ничем кончилось.

Но это потом. А сначала о смерти мужа ей долго не говорили. Она пришла в себя в больнице только на вторые сутки, у неё была разбита голова и нога оказалась сломанной. После двух операций дело понемногу пошло на поправку, но родные, навещая Веру Тимофеевну, говорили, что муж куда легче её – его, мол, даже в больницу отдавать не пришлось, дома отлежится. Все знали, жили они с мужем хорошо.

Только перед выпиской врач посоветовала подготовить Веру Тимофеевну. В майской тёплый день пришла дочь и, глядя испуганными глазами, сказала, что отца нет, умер. Вера Тимофеевна не поверила, рассердилась, но дочь, положив её на койку спеленатого Мишку, достала из сумки похоронные фотографии. Вера Тимофеевна посмотрела на них и тихо заплакала.

Так и осталось в её памяти: солнечный день после долгого ненастья, в открытое окно палаты заглядывают зелёные ветки сирени – и эта весть, принесённая дочерью...

Сначала Вера Тимофеевна убрала коридоры. Прошла веником, а потом налила воды в ведро, бросила туда соды и хорошо протёрла линолеум шваброй. Она открыла фрамуги, и свежий, пахнущий снегом воздух хлынул в помещение.

Классы убирать не надо было, это делали после уроков ученики. Вера Тимофеевна перешла в спортзал. Здесь она включила полный свет и тоже сначала подмела, а потом стала мыть дощатый крашенный пол. Доски от ребячьей беготни местами облупились, и мыть было не так легко, как в коридорах, но Вера Тимофеевна любила работать в спортзале. Простора здесь, что ли, было больше, света.

За работой понемногу сгладилась обида – недобрая всё-таки она старуха, баба Поля, – и Вера Тимофеевна уже спокойно думала о муже, детях, о себе.

Конечно, ждёшь от жизни только хорошего, думаешь, что ты какая-то особенная – недаром в рубашке родилась, мать-покойница не раз об этом рассказывала, – а жизнь по-всякому поворачивается. Но если разобратся, то и несчастной себя назвать нельзя. Правда, с мужем такое случилось и дочь не очень радуется, зато о Боре, сыне, никто плохого не скажет. Серьёзный, самостоятельный парень. Недавно командир части, где Боря служит, прислал письмо – благодарит, что вырастила такого сына... Да и самой ей здорово повезло, могла ведь и вовсе не родиться, не жить. Мать её в девушках родила – обманул соседский парень, обещал жениться, а сам уехал из их мест, пропал с концами. Мать сколько раз подбивали сделать аборт, а она не захотела. Счастье? Конечно, счастье.

А что отчим ей достался добрый, любил как родную, разве не счастье? Вера Тимофеевна до сих пор без комка в горле не может вспоминать, как он пошил ей красивые ботинки ко дню рождения – отчим немного сапожничал – и поставил на табурете возле топчана, где она спала. Это ей-то, которую ребятишки в деревне дразнили нагулянной, не принимали с собой играть. Она тогда вскочила с топчана и, забыв о своей робости, прижалась к его ноге, а отчим гладил её голову большой своей ладонью...

Что ни говори, было у неё в жизни хорошее. И сейчас один только внук сколько радости приносит.

За такими мыслями Вера Тимофеевна не заметила, как убрала спортзал. Осталось протереть пыль, которой здесь всегда собиралось много – ребята на физкультуре бегают, в футбол играют. Вера Тимофеевна пошла, сменила воду, тщательно прополоскала тряпку.

Возвращаясь в спортзал, она заглянула в каморку возле раздевалки. Баба Поля всё ещё пила чай, лицо у неё было сердитое, будто пить чай заставляли её против воли. Вера Тимофеевна только головой качнула.

– Ты свет-то эконошь, нечего во всю ивановскую! Сама знаешь, сколько теперь платить приходится, – бросила вслед баба Поля. Видно, всё же заметила её.

Вера Тимофеевна протерла пыль в спортзале, потом ещё вымыла туалеты и в начале девятого вышла из школы. Во дворе уже собирались ребятишки, но в помещение их баба Поля не пускала, отгоняла от двери – ждала, когда придут учителя.

На улице развиднелось. Но свет ещё жёлто горел в домах и на столбах вдоль центральной улицы посёлка, по-старому ещё именовавшейся Ленинской. Воздух был мутноватый и влажный, по всему чувствовалось, снегу лежать недолго.

Поглядывая по сторонам и здороваясь с нечастыми встречными, Вера Тимофеевна направилась к пятиэтажному дому, где жила дочь. Тропинки были уже протоптаны, а возле школы ребятишки успели их даже накатать.

Дверь открыла дочь.

– Это ты... – Она неуклюже, громоздко повернулась, прошла в комнату, тяжело опустилась на неубранную постель перед работающим телевизором, откуда, видимо, только что поднялась.

Вера Тимофеевна разделась и заглянула на кухню. Так и есть! На столе грязные тарелки, пустая бутылка из-под водки, куски чёрствого хлеба валяются. Мишка, внук, стоял у окна на стуле, смотрел на улицу и ел один из кусков, зажав его в кулаке.

– Баба! – радостно закричал он, увидев Веру Тимофеевну. Торопливо слез со стула и бросился к ней, не выпуская из руки хлеб. Майка на нём выбилась, колготки были с дырой на коленке.

– Валя, вы ели? – Вера Тимофеевна взяла внука на руки.

– Не хочется что-то, – не поворачивая головы от телевизора, вяло ответила дочь. – Мам, у нас двойняшки в роду были?

Вера Тимофеевна хотела сказать, что о двойне в их роду она не слышала, а вот в рубашке родятся, но вспомнила бабу Полю и промолчала. Она взяла на кух-

не за горлышко пустую бутылку и спросила, показывая её дочери:

– Опять?

Та скучно взглянула на бутылку.

– Не я это – Толька... Мам, я двойню рожу, наверно. Не хочется...

Вера Тимофеевна с сомнением смотрела на дочь. Она не верила, что Валя не пила. Ещё когда молодые не получили квартиру и жили у неё, она не раз замечала, дочь выпивает наравне с зятем.

Зять Анатолий работал в совхозе на «Беларуси», частенько калымил – кому что подвезёт, кому огород вспашет, бензин продаст, – деньги у него и кроме зарплаты водились. Чуть ли не каждый вечер молодые у себя в комнате за перегородкой выпивали. А ночью спали так, что не добудишься. Однажды Мишка полчаса надрылся, а они не слышат. Вера Тимофеевна не выдержала, поднялась, на костылях – нога ещё была в гипсе – добралась до их комнаты, а вот как ребёнка к себе перенести? Молодых будить не захотела – они, раскидавшись, были в таком виде, что самой смотреть неудобно и их в краску вгонить. Кое-как взяла Мишку на одну руку, ухватила зубами за пелёнку для надёжности и поковыляла к себе. А когда опустила внука на постель – заплакала. А если бы уронила по дороге или сама на него упала?..

– Валь, нельзя тебе. На ребёнке скажется, – укорила Вера Тимофеевна. – Каким родится?.. И сама, гляди, во что превратилась. Мишка вон некормленный, сухой хлеб ест. И дорогая теперь водка, лучше бы колбасы купила.

– Колбаса, что ли, дешевле? – вяло огрызнулась дочь. В глаза она не смотрела. Её отёкшее, в пигментных пятнах лицо было безразличным, нечёсаные волосы падали на лоб.

Вера Тимофеевна вздохнула. И не сказать нельзя, и отчитывать совестно – взрослая женщина. Да и нелегко ей сейчас. Вера Тимофеевна по себе знала, как даются последние недели беременности.

– Вот что, собери-ка грязное бельё, постираю, – сказала она. – Только быстро, у меня картошка на газе стоит.

Черноглазый, в деда, Мишка понял, что бабушка собирается уходить, и плаксиво затынул:

– Ба-а-ба, я в гости хочу-у...

– Ладно уж, пойдём, – сказала Вера Тимофеевна. Она не могла смотреть на внука без затаённо счастливой улыбки. Сама принялась его одевать в коридорчике, где висела Мишкина одежда.

Белья набралось много, большой узел. Вера Тимофеевна приняла его у дочери, придавив коленом, покрепче затянула.

– Мам...

Вера Тимофеевна подняла глаза. Валя смотрела на неё и ничего не говорила.

– Ну?

Дочь помялась.

– Пусть Мишка поживёт у тебя. Хоть до весны...

Вера Тимофеевна ничего на это не сказала. Надела на внука пальто, подпоясала ремешком и, уже открыв дверь, в сердцах бросила:

– Это чтобы вам никто пить не мешал? Так, что ли?

Дочь смотрела на неё и молчала. Вздёрнутый на большом животе халат открывал отёкшие ноги с голубыми венами.

Придерживая внука за ворот пальто одной рукой, а второй ухватив узел с бельём, Вера Тимофеевна медленно спускалась по лестнице. Разве она против, чтобы Мишка пожил у неё, если бы всё было нормально? Сейчас у дочери хоть какая-то забота и ответственность, а если она заберёт внука, та за холодную воду не возьмётся. И так в квартире грязи по колено, халат постирать не может – весь в пятнах на животе. Беззаботная, вся в свою бабушку, свекровь Веры Тимофеевны. Той тоже хоть трава не расти. А водка! Другая удерживала бы мужа, а эта готова наравне пить. Беременная-то!

В переулке, заметив накатанную дорожку, внук вырвал у Веры Тимофеевны ладошку и бросился вперёд. Ему ещё не было четырех лет, но бежал он уверенно, быстро, а когда покатился по глянцево отсвечивающей

дорожке, ноги в меховых сапожках расставил твёрдо и ловко. Мужичок...

У Веры Тимофеевны дрогнуло сердце от нежности. И ухватками своими, и чёрными глазами внук напоминал ей мужа. Его и Мишей в честь деда называли...

Свекрови дома не оказалось. Хорошо ещё, газ под картошкой догадалась выключить. Не раздеваясь, Вера Тимофеевна принялась мять картошку, в тёплое месиво добавила отрубей и, вдыхая сытный пресный запах, понесла кастрюлю в сарайчик – кабан, утратив всякую солидность, голосил так, что было слышно за несколько домов.

– Сейчас, сейчас... – Вера Тимофеевна поставила кастрюлю на снег, открыла висячий замок и, перегибаясь через загородку, вывалила из кастрюли в таз.

Кабан, удовлетворённо, низким басом похрюкивая, ткнулся в еду. Стоять ему было уже тяжело, и он опустился на задние ноги, пробовал есть сидя. Вера Тимофеевна похлопала его по налитому твёрдому загривку, поросшему белёсой жёсткой щетиной, потормошила. Кабан даже не шелохнулся. Килограммов под сто пятьдесят весит. К Новому году можно будет колоть.

Потом Вера Тимофеевна затопила печь, накормила Мишку и поставила греть воду, чтобы замочить бельё. Беспокоила крыша. Вера Тимофеевна приставила лестницу и поднялась на чердак. Здесь пахло пылью и стоялым воздухом, сквозь слуховое окно проникал слабый свет. Вера Тимофеевна обошла чердак, заглядывая в жестянки, густо расставленные в местах, где крыша протекала. Жестянки были пока сухие.

Надо, надо дом перекрывать, почти двадцать лет дранке, сгнила. Купить бы к Бороному приходу из армии шифера, а Боря бы перекрыл. Нужны деньги, а где взять? Было кое-что на книжке – до аварии работала дояркой, получала хорошо, – но всё отдала молодым на обстановку, когда те получили квартиру. И правильно – чего бы сейчас стоили её четыре тысячи?.. Разве что у свекрови занять? Она в прошлом году свой дом продала. И сообразила, сразу взяла в магазине на все деньги

золотых часов – из-за дороговизны они годами пылились на витрине. Но что та дороговизна по сравнению с нынешней... Так что деньги у свекрови не пропали – в любой момент может отвезти часы в город, сдать в комиссионный. Купят, богатые люди сейчас есть, вот сколько их по телевизору показывают.

Вот хорошо было бы! Боря в мае вернётся, а летом дом перекрыть можно. Не хочется, а придётся у свекрови просить займы, иначе шифера не купить. Надо с ней сегодня поговорить.

Когда самое необходимое по хозяйству было сделано, Вера Тимофеевна села за машинку – закончить сватёе юбку, матери зятя Анатолия. Давно пора отдать, обещала.

Она шила, время от времени поглядывая во двор, где внук сначала лепил снежную бабу, а потом принялся бросаться снежками в боязливо ступающих по снегу кур. Из головы не выходила мысль о дочери. Тоже надо что-то делать. Сопьются ведь оба, дочь и Анатолий, от людей стыдно.

Под стрекот машинки мысли текли свободно, и Вере Тимофеевне подумалось о том, что как всё-таки странно в жизни бывает. Валя и Боря, брат и сестра, от одних отца и матери, а разные. Дочь пошла характером в свекровь, а сын – в мужа и свёкра, те тоже были рассудительными и добрыми. Когда свёкр заметил, что всю работу по хозяйству свекровь на неё, с двумя маленькими детьми, свалила, сказал Мише, чтобы начинал строиться. Он поможет. А свекровь и в самом деле не то что ленивая, а какая-то беззаботная и ко всему безразличная. Непонятно, как хозяйственный свёкр терпел её. Могла, например, забыть скотину накормить. Или замочит бельё, поставит в угол за дверь и вспомнит о нём тогда, когда вонь по избе пойдёт.

Как-то Вера Тимофеевна – было ей тогда немногим за двадцать – пошла в райцентр за хлебом. Это туда семь километров и обратно семь, автобусы в ту пору ещё не ходили. Вернулась уставшая, ноги мокрые – как раз была осень. Заходит в избу, а там рёв в два голоса.

Дети сидят в кроватке, ноги вниз свесили, ручонками за прутья держатся, глаза от слёз опухли. А свекрови хоть бы что, устроилась возле окна и картинки в «Огоньке» рассматривает. Это у неё любимое занятие, картинки в журналах смотреть, до сих пор любит. Вера Тимофеевна остановилась у порога и не знает, за что первое хвататься: то ли детей успокаивать, то ли мокрые сапоги снимать, то ли печь растапливать – время к обеду, вот вот свёкр с Мишей придут, а свекрови до этого словно и дела нет. Смех и горе.

Главное, что и помочь было некому. Замуж Вера Тимофеевна вышла не в своей деревне, а познакомилась с будущим мужем на строительстве металлургического комбината в Казахстане, куда поехала по комсомольской путёвке – молодая была, нового хотелось. Парней там оказалось много, а их, девчат, мало, так что от ухажёров отбоя не было. Некоторые оказались очень нахальные, особенно бывшие зеки, разное случалось. Но с Мишей у неё как-то быстро и хорошо сложилось – почувствовали они, что ли, сразу друг друга, – слюбились, как говорили у них в деревне. Расписались через две недели. Потом Миша увёз её к себе на родину, он болеть в Казахстане стал. Там летом жара под сорок, а у него сердце оказалось слабым. Приехали в этот посёлок, где Мишины родители жили. Конечно, пришлось мириться, не у родной матери живёшь. Всё самой приходилось делать. Ну да ничего, к работе ей было не привыкать – в семье она старшая, кроме неё у матери ещё трое детей от отчима родилось, так что забот с ними хватало. И сам отчим был без ноги – на фронте оторвало, – не всякую мужскую работу мог делать, что-то и ей с матерью приходилось. Одним словом, к работе была приучена, справлялась и у свекрови. Зато с Мишей у них всё хорошо было, это давало силы. Любили друг друга, будто только что поженились, а сами уже не первый год жили. Миша, Миша, что ж хорошим людям век такой короткий?..

Мягко стучит машинка, бежит из-под лапки строчка. Хорошая юбка получается, сватья останется доволь-

на. А может, с ней поговорить, пусть подействует на Анатолия? Сватья авторитетная, в семье её слушаются. Раньше Вера Тимофеевна работала с ней на ферме, так сыновья всё время приходили помогать. Анатолий тоже. Взрослые парни, а что мать скажет, то и делают: за коровами уберут, силос по кормушкам разбросают, а его запах терпеть тоже нужна выдержка, особенно молодому. Точно, надо с ней поговорить. И случай удобный будет, когда сватья за юбкой придёт.

От решения поговорить с матерью Анатолия Вере Тимофеевне стало даже как-то радостно. Будто всё уже наладилось – зять и сам пить бросил, и Вале не разрешает... Ей до того захотелось увидеть сватью, что она, быстро закончив юбку, решила не дожидаться, когда та за ней зайдёт, а завернула обнову в газету и торопливо оделась. Сама отнесёт.

Во дворе она позвала Мишку и пошла вместе с ним по хорошо знакомой дороге за посёлок, к ферме. Снег под ногами уже потемнел, был влажен и податлив. Вера Тимофеевна опять с беспокойством подумала о протекающей крыше.

Мать зятя она застала моющей бидоны. Сухопарая, резкая, сватья окатывала бидоны горячей водой из шланга, засунув руку по плечо, быстро тёрла внутри тряпкой. Лицо и руки у неё были красными, от бидонов валил пар. Всё у сватьи выходило споро и ловко.

– Ты про Лунохода своего знаешь? – закричала она, увидев Веру Тимофеевну. Сватья всегда так разговаривала, криком. – Если на мой характер, выгнала б такую! Подумай, четверо золотых часов на церковь отдала, мать сказала, вместе они в Егоршино ходили – не знаешь, что ли?

Вера Тимофеевна сразу не поняла.

– Какой луноход?.. – Потом спохватилась: – Ты про свекровь мою?

– А то чью!

Свекровь в посёлке прозвали Луноходом за то, что любила ходить по окрестным деревням и часто ездила в райцентр. Что её гоняло – сказать трудно. Но после

того, как свекровь продала свой дом и перешла жить к Вере Тимофеевне, дня не было, чтобы она куда-нибудь не пропадала. Соседям говорила, родню навещает.

– На церковь отдала?..

– Турнула бы в шею, ни минуты не думала! – кричала сватья, выливая воду из бидона в цементный сток. Мутная вода дымилась и стремительным потоком катилась вниз. – Она у тебя сколько живёт, а хоть рубль дала? Не видит, тебе тяжело, не на ферме ты, а как там платят – известно! В Егоршино, тунеядцу тому – в рай захотела, дура старая!.. – Сватья разгорячённо выпрямилась, лицо у неё было злое, красное, руки парили. – Раньше попов ругали, смеялись только так, а сейчас все верующими заделались! По телевизору показывают, по радио выступают, готовы задницы попам целовать. Тьфу, придурки!..

Вера Тимофеевна зачем-то потеряла ладонью газету, в которую была завернута сватьяна юбка, посмотрела вниз, на цементный пол коровника. Вот и нашла деньги на шифер, вот и починила крышу...

– Ладно, Маня, – сказала она. – Часы её, пусть сама распоряжается.

– Как ладно, Вера! Удивляюсь я на тебя! Никто из детей брать к себе не хочет, так она невестке на шею села! Старшие дочери её не хотят, а живут дай бог. Знают свою мамочку! Или не понимаешь? Ты чего такая? Как с луны свалилась, честное слово!..

Вера Тимофеевна говорить об этом не хотелось.

– Посмотри. – Она протянула сватье свёрток с юбкой. – Пошила, как ты хотела.

Сватья перестала кричать, вытерла мокрые руки и осторожно приняла свёрток. Она развернула юбку, приложила к себе, стараясь не касаться халата, в котором работала. А Вера Тимофеевна, видя её изменившееся, ставшее довольным лицо, заговорила о главном, что не давало покоя – о дочери и зяте.

Сватья выслушала её, а потом, заворачивая юбку опять в газету, пообещала:

– Будь спокойна, я с ним поговорю! Я ему растолкую. Он у меня дорогу в магазин забудет!..

Столько было в её голосе твёрдости, что Вере Тимофеевне и спокойней, и в то же время боязно стало – достанется Анатолию... Помогло бы только.

Вскоре она уже шагала от фермы обратно, поглядывая, чтобы Мишка не отстал и не влез в коровьи лепехи. Думала о сватье. Сватья, она такая – если что решит, обязательно добьётся. Случай был, её младшего и Борю призывали в одно время. Вера Тимофеевна постеснялась пойти в военкомат просить, чтобы Борю отправили служить куда-нибудь недалеко – оказывается, есть такое положение, сейчас это можно. А сватья ничего, пошла, упрашивала, ругалась, а настояла-таки на своём. Она с мужем уже два раза к сыну ездили, он в соседней области служит. Боре бы так... Он-то попал в десантные войска. Когда приезжал в отпуск – в синем берете, в тужурке, из-под которой выглядывает тельняшка, золотистый шнур от плеча, – красиво, ничего не скажешь. Даже если и не сын, приятно смотреть. Плохо другое. Десант сейчас во все горячие точки суют. А то чек этих...

Не дай Бог, не дай Бог!

К обеду у неё обычно начинает раскалываться голова – авария даром не прошла. Боль распирает череп, с вязкой мучительной силой давит на глаза, заставляет где-нибудь приткнуться и раскачиваться из стороны в сторону – так вроде легче становится. Таблетки ничего не дают, сколько их Вера Тимофеевна перепила. Кажется, вынеси в это время всё из дому, её саму убей – она пальцем не пошевелит. Всё ей делалось безразличным, ни на что сил и желания не было. Так что надо до обеда все главные дела переделать, а то потом не до того будет.

Вера Тимофеевна убралась в доме, разогрела вчерашний суп, накормила внука и сама вместе с ним поела. Чувствуя, как начинает поднимать и ломить в том месте на голове, где делали операцию, она помыла посуду, замешала болтанку кабану и понесла в сарайчик.

Кабан её встретил утробным ленивым похрокиванием – наверно, ещё не успел проголодаться. Он сидел по-

середине ставшим ему тесным закута и смотрел из темноты по-звериному светящимися красными глазками.

– Вставай, вставай! – сказала Вера Тимофеевна, проходя к нему в закут. И толкнула ногой, сгоняя с места.

Она взяла тяпку и принялась сгребать навоз к стоку. Потревоженный кабан недовольно похрюкивал, но недовольство его было ленивым, будто заплыло, как он сам, жиром.

Вера Тимофеевна бросила ему на подстилку свежей соломы и, глядя на тяжёлые движения большой белёсой туши, опять подумала, что к Новому году кабана можно будет колоть. Вот и деньги на шифер! На всю крышу не хватит, но всё же. Мясо продаст, его в момент расхватают, если цену не заламывать, и сало тоже. Конечно, самой мало что останется и Валиной семье меньше дать придётся, ну да что делать. Всё же выход. Крышу перекрывать обязательно надо. Хотя бы там, где течёт.

Пора было укладывать Мишку спать. Вера Тимофеевна вылила болтанку кабану в таз, закрыла сарайчик и вернулась в дом.

– Михрютка! – позвала она.

Внук где-то затаился и не отвечал.

– И где же это наш парень? – громко заговорила Вера Тимофеевна и стала ходить по избе, всюду заглядывая. Она догадывалась, внук спрятался за занавеской, где стояла свекровьина кровать, но вида не подавала. – Куда это он запропастился? Может, цыгане украли? Да что мы без Михрютки делать-то будем?..

Внук не отзывался. Вера Тимофеевна представила его затаившуюся хитрую мордашку и не выдержала, откинула занавеску. И от того, что увидела, ёкнуло сердце.

Мишка и не думал прятаться, он увлечённо рассматривал картинку в журнале, который лежал на табурете возле кровати свекрови.

Вера Тимофеевна тут же упрекнула себя – ребёнок, ему интересно. Рано пугаться... Она взяла внука на руки и отнесла на свою постель. Раздела, уложила и сама рядом прилегла. Может, голова пройдёт, сильнее не разболится.

Мишка немного покапризничал, но уснул быстро. Вера Тимофеевна тоже задремала.

И за недолгие минуты дрёмы ей представилось лето, она на высокой лестнице где-то в саду рвёт вишни, вишни тёмные, глянцевого, вот-вот брызнут соком, а на ветках яркие пятки солнца. Её окликают с земли, она смотрит вниз и сквозь листья видит мужа. «Так он не умер!» – думает Вера Тимофеевна то ли во сне, то ли наяву и быстро спускается по лестнице, радостно торопится вниз. Лицо у мужа серьёзное, он смотрит на неё, подняв голову. Вот Вера Тимофеевна уже чувствует на своём теле его руки. У неё обморочно, сладко замирает внутри, но она почему-то знает, что в саду они не одни, кто-то есть ещё, и потому говорит: «Ты что, подожди...» Он ждать не хочет, увлекает в дощатый домик на колесах – они уже вроде не в саду, а где-то на полевом стане, домик стоит посреди примятой стерни, – муж крепко прижимает к себе, целует в губы, знакомо гладит руками...

Вера Тимофеевна просыпается, она дрожит, во всём теле слабость. Несколько минут лежит неподвижно, слёзы текут из глаз, скатываются на подушку. Родной мой, ну что же так случилось с нами, за что?..

Плачет она тихо, стараясь не разбудить внука.

Постепенно обида и горечь, как всё в этой жизни, проходят, их вытесняют будничные беспокоящие мысли. Пока внук спит, надо пойти в школу, убрать два первых класса. Уроки у первоклашек уже закончились, а убирать классы сами, как ребята постарше, они пока не могут. Убирает Вера Тимофеевна, убирает днём после уроков, чтобы на следующее утро не тратить на это время.

Осторожно ступая по половицам, она одевается и, выйдя на крыльцо, мягко щёлкает замком. Лишь бы Мишка, пока её не будет, не проснулся и не испугался, что один.

У калитки её поджидает радость. Ещё издали сквозь дырки в ящике для газет она видит синий конверт – в таких обычно приходят письма от Бори, сына. Вера Ти-

мофеевна торопится, ставшими неловкими пальцами открывает дверцу жестяного ящичка и достаёт письмо.

От Бори!..

Она прячет письмо во внутренний карман старенького пальто и на лёгких от счастья ногах идёт к школе. Сейчас читать не будет – потом. Сейчас ей достаточно того, что письмо есть, вот оно, на груди.

Возле школы происходит что-то неладное. Слышны злые крики бабы Поли, она мечется по асфальтированному пятачку перед школьными дверьми и пробует ухватить увертывающихся мальчишек то ли из шестого, то ли из седьмого класса.

Пацаны её не боятся, дразнятся, но близко к себе подпускать всё же остерегаются, а один, слепив из мокрого снега ком, запускает бабе Поле в спину. Сторожиха стервенеет. Сейчас она похожа на одряхлевшую хищную птицу, исходящую в бессильной злобе.

– Сучьи дети! Байструки! – кричит она, и кажется, что с её тонких старушечьих губ вот-вот брызнет пена.

– Ребята, ну хорошо ли? – громко говорит Вера Тимофеевна и останавливается посреди озлобленной суеты. Ей тяжело на всё это смотреть. – Старый человек, что вы с ней так? Разве можно?..

– А что она за уши дерётся? Мы не мешали, играли в снежки, а она лезет! – то ли с вызовом, то ли с обидой кричат ребята, отбежав на безопасное расстояние от тяжело, открытым ртом дышащей бабы Поли. Ребята видят в Вере Тимофеевне взрослого постороннего человека, способного справедливо рассудить.

– Ну так отойдите от школы, стёкла можете побить. Она потому и ругается. Что на спортивную площадку не пойти – там сколько хотите бросайте, никто слова не скажет.

Мальчишки несколько секунд соображают, потом один за другим тянутся за школу. На прощание некоторые из них строят бабе Поле рожи, отчётливо слышен по-детски трусоватый матерок.

Уходит и баба Поля. Под вытянувшейся старой кофтой видны худые лопатки, сама кофта на локтях кое-

как, по-старушечьи заштопана, и Вере Тимофеевне становится жаль сторожиху. Жаль ещё потому, что жить так нельзя, как она живет. Зла и горя без того много, зачем делать, чтобы больше стало?..

Она вздыхает и тоже направляется к школьному крыльцу.

Когда она вымыла пол у первоклашек и на всякий случай толкнулась в дверь школьной мастерской – здесь тоже иногда просили убраться, – ей никто не открыл. Но голоса в мастерской слышались явственно. Вера Тимофеевна уже готова была уйти – мало ли почему дверь заперта, – как стукнула задвижка, и она увидела Валерия Геннадьевича. Военрук быстро глянул по коридору в одну, потом в другую сторону и потянул Веру Тимофеевну к себе.

– Заходи, хозяйка! Ты всегда кстати, заходи!..

Ничего не подозревая, она вошла и услышала, как щёлкнула за спиной задвижка. В углу за столом мастера сидел Юрий Сергеевич, молодой учитель русского языка и литературы. На столе видна была небогатая, мужской рукой сделанная закуска и стояли два стакана. Вид у Юрия Сергеевича был смущённый.

– Садись, хозяйка, садись! Ты извини, мы здесь бизнес наш sprыскиваем. Ну, с телефонами, знаешь! Нехорошо, конечно, понимаю, каюсь – в школе распиваем и так далее, но... – Военрук выудил из-под стола бутылку с остатками водки, громыхнув выдвижным ящичком, достал третий стакан. Раскаяния в его голосе что-то не чувствовалось. – Да оставь ты своё ведро, садись! Положено! Если бы не ты, в грязи утонули!..

Вера Тимофеевна не знала, что делать. И отказываться неудобно – всё-таки от всей души человек, а с другой стороны – школа. Действительно нехорошо. Да и Мишка должен скоро проснуться.

Валерий Геннадьевич забрал у неё из рук ведро и швабру, почти силой усадил за стол.

– Ты не беспокойся, директора нет, уехала в районо, коллективную пьянку не припишут. Мы недолго, сейчас разбежимся. Юрию Сергеевичу сочинения ещё про-

верить надо. Как там, Юрий Сергеевич, тема звучит? Образ русского человека, страстотерпца и богоносца?..

Хотя Вера Тимофеевна чувствовала себя не в своей тарелке, всё же удивлённо глянула на военрука, потом на учителя литературы. В словах Валерия Геннадьевича слышалась ирония. Но Юрий Сергеевич никак на подковырку не отреагировал. Разве что раза два быстро провел рукой по своей молодой, даже на вид мягкой бородке. Рука у Юрия Сергеевича была белая, нежная, ни у кого из поселковых Вера Тимофеевна таких не видела.

Сказать по правде, Юрий Сергеевич ей всегда нравился. Своим благообразным, с бородкой, лицом, вежливостью, негромким голосом. Жаль только, такие учителя долго в школе не задерживались. Не приживались почему-то в посёлке. Положенные три года отработывали и уезжали обратно в город.

На первый взгляд даже трудно было понять, что объединяло Юрия Сергеевича с военруком. Валерий Геннадьевич появился в школе недавно, в начале учебного года, а до этого служил в армии, был капитаном. Ухватистый, весёлый, всех в школе называл на «ты», даже директора – совсем разные с Юрием Сергеевичем люди. Быстро наладил в школьной мастерской сборку телефонов, за деталями для них мотался в областной центр. Любил повторять: «Крутиться надо, пахать, а не яйца высидывать! Напор и энергия!..» Вера Тимофеевна слышала, что уже появились первые деньги, ребятам за работу в мастерских стали платить. Что ж, дай бог, жизнь сейчас у всех тяжёлая.

А в общем-то, понятно, что их объединяет. Двое в школе мужчин – остальные учителя женщины. Они вдвоём и уроки труда ведут, и физкультуру, и рисование с черчением, а теперь ещё этими телефонами занимаются.

– Страстотерпец и богоносец, верно я тебя понял? – Военрук, подавшись всем телом к Юрию Сергеевичу, весело смотрел на него. До прихода Веры Тимофеевны у них, похоже, шёл какой-то свой разговор, может быть, спор. – Кроткий и многотерпеливый, говоришь? Гото-

вый всё прощать? Интересно! Похвальные качества, уважаю таких людей. Вот только объясни мне такую вещь, Юра. Что ж такие люди всё время в дураках остаются? А? Объясни, дорогой!..

Юрий Сергеевич молчал, улыбался, крутил в руках стакан с водкой на доньшке. Потом поднял почему-то глаза на Веру Тимофеевну, тихо сказал:

– За вас. Будьте здоровы и счастливы.

Вера Тимофеевна покраснела от удовольствия. Молодой, а знает, как к человеку подойти. Вслед за мужчинами пригубила свой стакан.

– Не уходи от ответа, Юра, не уходи! Ты джентльмен, видим и ценим, но как же главное? – Валерий Геннадьевич подхватил со стола ломтик неровно нарезанной колбасы, принялся энергично жевать. – Ты мне ответь, дорогой, ответь! А то ведь странные догадки лезут в голову. Не специально ли кротость культивируется? Зри в корень, как учили классики марксизма-ленинизма. Вам кротость и смирение, а мы по другим правилам будем играть, нам смирение вроде как-то ни к чему! Стричь вас будем, а вы нас за то благодарите! Неплохо придумано, а? Здорово?!

Юрий Сергеевич поморщился, опять опустил глаза.

– Пошло, Валера.

– Э, не-е-т, дорогой! – ещё больше загорелся военрук. – Ты на землю спустись, теория практикой поверяется!.. Возьми мой случай. Выперли из армии, а у меня трое детей и квартиры нет. Пенсии, заметь, не положено, мне до неё – как медному котелку. Хорошо, мать приняла, к ней семью привёз. Черт с ними, я не жалею, на гражданке интересней, если не лодырь и голова на плечах. Не в этом дело! По твоей логике, мне отцам-командирам, начиная с Ельцина, ещё и в ножки поклониться? За то, что как собаке дали под зад коленом. Так?.. Очень уж им удобно, Юра, когда человек безответный. Делай что хочешь, он стерпит. Ну уж нет, дорогуши, извините!..

Юрий Сергеевич сдержанно поглядывал на военрука.

– Прости, Валера, как-то приземлённо у тебя выходит, – наконец сказал он своим негромким голосом. – Есть ещё духовные ценности. Ради них на крест шли...

– Кто же против! – даже всплеснул руками военрук. – Кто против!.. О другом я. О человеческой подлости. О великой человеческой подлости! Самое лучшее поворачивают так, чтобы выгода была. Ну не скотство, а? Что за страна у нас такая? Почему нельзя с людьми по-человечески? Ну что всё экспериментировать? Большевики экспериментировали, эти пришли – опять! Снова за идиотов нас принимают!.. – Валерий Геннадьевич вдруг замолчал и упёрся взглядом в Веру Тимофеевну. – Твоё мнение, Тимофеевна? Как считаешь?

Вера Тимофеевна совсем уж было собралась взять ломтик колбасы – очень заманчиво она пахла, – но при словах военрука опустила на колени руку. Неловко брать, когда на тебя смотрят. Идти надо. У мужчин свои разговоры, а у неё ещё дел полно. Хороший человек военрук. Если у Бори такие командиры, то в обиду не дадут. После того, как сына призвали в армию, она с особым вниманием присматривалась к каждому военному.

И всё же Юрий Сергеевич лучше! Ближе как-то, что ли. Свой, понятный, хотя из города.

– Ну, спасибо вам. Пойду, внук закрытый сидит. Испугается.

– Эх, Тимофеевна, покидаешь нас! – расстроился уже заметной захмелевший военрук. Он достал пригоршню жвачек в ярких обёртках. – Бери, внуку! И тебе будет. С декабря думаю платить за уборку. Отдельно! А что? Помнишь, стихи такие учили: каждый труд у нас почётен где какой ни есть... Русский человек не скотина! Это вы бросьте!..

Юрий Сергеевич с улыбкой, снисходительно смотрел на военрука. Так и не выпитая водка колыхалась в его стакане.

Вечером наступает её лучший час. Постирано и развешено дочкино белье, накормлен, уложен спать Мишка, в доме спокойно и тихо, и даже голова не болит, как

обычно по вечерам. Может, потому, что погода переменялась. Или от радости, что письмо сын прислал.

Всю вторую половину дня в душе у Веры Тимофеевны будто весёлый родничок играет. Она не торопится читать Борино письмо, всё откладывает на потом, и от предчувствия хорошего впереди дела делаются быстро и легко.

Но вот наконец вечер, все дневные заботы позади, можно сесть и почитать. Вера Тимофеевна дожидается, когда у себя за занавеской отшепчет молитву и уляжется спать недавно откуда-то вернувшаяся свекровь, и идёт в приделок. Даже программу «Вести» не смотрит, хотя обычно не пропускает, напряженно ловит каждое сообщение, где хоть что-то говорится об армии, о горячих точках.

Она достаёт письмо и осторожно, аккуратно вскрывает конверт. Прислонившись спиной к тёплой от печки стенке, разворачивает двойной листок из тетради в клетку. Глаза её бегают по строчкам, губы улыбаются.

Боря пишет, что служба идёт нормально, он жив и здоров. Правда, их часть перебросили на новое место, и он никак не может привыкнуть к здешнему климату – конец октября, а жарко, будто летом. Дома, наверно, вот-вот снег выпадет, а здесь деревья в долинах зелёные, снег только на вершинах гор. Ничего, через семь месяцев дембель, домой, не так уж много и осталось...

Вера Тимофеевна будто наяву видит серьёзное лицо своего Бори, взрослую поперечную морщинку на лбу и пухлые, совсем ребячьи губы. Она ещё раз перечитывает письмо, но уже медленно, стараясь не пропустить ни единой буковки. Потом опускает руку с письмом, долго стоит, прислонившись спиной к тёплой стенке. Ей хорошо и покойно.

Только сейчас она чувствует, как устала за день. Выходит в коридор, задвигает на дверях засов. В коридоре холодно, слышно, как бьётся в стены дома ветер. Наверно, тучи нагонит, дождь будет. Не забыть бы завтра воду из банок на чердаке слить... Вера Тимофеевна возвращается в приделок, выключает свет, идёт на ощупь в избу и раздевается.

На постели сонно дышит Мишка. Вера Тимофеевна подвигает его к стене, ложится рядом. Она обнимает родное тёплое тельце. В общем-то, и хорошо, что внук у неё будет жить. И самой веселее, и дочери полегче, что ни говори. Лишь бы за ум взялись...

Лежать рядом с Мишкой уютно. Вера Тимофеевна начинает ровно дышать. Сами собой закрываются глаза. На грани между сном и явью, как большая медленная рыба, проплывает мысль: «С Борей бы ничего не случилось. С Борей бы...»

Мысль беспокоит, сердце от неё тревожно вздрагивает, но сил уже нет, и Вера Тимофеевна засыпает.

Последнее, что она слышит, это порывы сильного ветра за окном.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Михайловский райвоенкомат предлагает Фёдоровой В. Т. прибыть за телом её сына Фёдорова Б.М., погибшего при исполнении воинского долга. Гроб с телом Фёдорова Б.М. находится в морге районной больницы. Часы работы морга с 9.00 до 18.00.

Передал дежурный по военкомату старший лейтенант Михеев.

Приняла секретарь поселкового совета Гречнева.

10 ч. 35 мин. 8 декабря 1992 г.

1993

ДОМОВОЙ

Рассказ бывшего горожанина

– Ходит... – шепчет Света.

– Что?

– Ходит, говорю... – Жена кивает на потолок, и я чувствую, как напряжённо замирает её тело.

– Тебе показалось. – Мне хочется, чтобы мой голос прозвучал как можно небрежней. – Это ветки по крыше стучат, ветер вон какой.

Света не отвечает. Она всё так же напряжена, несколько секунд ещё вслушивается, потом, быстро вскочив с постели, торопливо убирает в телевизоре звук.

Теперь и я слышу что-то вроде шагов на чердаке. Ветки черёмухи, которая растёт возле нашей избушки, так стучать не могут. Но мне надо успокоить жену, и я зеваю, буднично говорю:

– Завтра спилю, ложись.

Света какое-то время ещё прислушивается к шагам наверху. Они быстрые, кажется, кто-то невысоконый, суетливый ходит по чердаку из угла в угол, на минуту остановится, будто задумавшись, потом опять принимается торопливо топотать.

– Ложись, ложись, всё нормально. Сама подумай, кто здесь может быть?

Света вздыхает, идёт за фанерную перегородку, и я слышу, как она поправляет на Танюшке одеяло. Сонное дыхание дочери, исходящий от неё покой, видимо, приглушают Светины страхи. Тем более, что топотание вверху замолкает.

– Странно всё это, – роняет жена и, выключив наш старенький чёрно-белый телевизор, ложится в постель.

Я знаю, о чём она сейчас начнет говорить – это уже не в первый раз, – и потому засовываю руку ей под голову, и протвигаю ближе к себе.

– Ладно, спи. Завтра ветки спилю, и всё прекратится.
– Странный дом. Странная деревня... – сонно бормочет жена. Через минуту она уже посапывает.

Мне не спится. Я осторожно высвобождаю руку из-под её головы и, стараясь не шуметь, поднимаюсь, иду на кухню. Открываю заслонку и курю в открытую дверцу печки. Тихо, только слышно, как стучит будильник, и возятся в подвале мыши. Я представляю тёмный, глухой простор вокруг нашего домика, его непостижимую древность и безразличие ко всему живому – и мои плечи ознобно вздрагивают.

В деревне наша семья недавно. Хотя о том, чтобы уехать из города, мы с женой поговаривали несколько лет. Поначалу это было нечто необязательно-мечтательное – хорошо бы, мол, избушку в деревне купить, и чтобы небольшой огород рядом, тепличка... Потом, в конце восьмидесятых, когда приходилось рыскать по магазинам в поисках хоть каких-то продуктов, наше желание оформилось отчётливей.

В самом деле, можно ли так зависеть от цивилизации, как городской человек? В деревне посадил огород – и осенью с картошкой, капустой и многим другим. Принёс из колодца воды – и нет тебе дела до того, работает или не работает водопровод. Заготовил на зиму дров – и в доме тепло. Ты почти не зависишь от других людей, от того, что власть устроила со страной.

Окончательным толчком стал пострестроечный бардак. На ту зарплату, которую мы со Светой с задержками получали, едва удавалось сводить концы с концами. Танюшка как-то сказала, не по-детски вздохнув: «Мы в этом году даже яблок не ели». Так что долго думать не пришлось, когда появилась возможность уехать на Север – там (вернее, здесь) Свете обещали место бухгалтера в деревенской администрации. Со временем надеялся найти работу и я. Собрались и переехали мы быстро, будто спасались от стихийного бедствия.

Новичков везде принято дурачить. Я не удивлюсь, если сегодняшние шаги на чердаке тоже из этой серии. Не могу без улыбки вспоминать смятение, в которое

приводило моих дам таинственное постукивание в окно. Началось это в августе, когда мы только что приехали и вселились в пустующую избушку. По вечерам неожиданно раздавалось: тук-тук... Пауза, и опять: тук-тук... Я откидывал занавеску, всматривался в темноту, но никого не видел, естественно. Тогда выходил во двор, но и там никого не было. В конце концов, оказалось, что это «постукалочки». В угол окна пацаны подвешивали на нитке маленькую картофелину, а с другим концом нитки прятались где-нибудь в бурьянах за оградой. Время от времени они дёргали за нитку, и картофелина постукивала в стекло. Так здешние мальчишки заявляли о своём интересе к нашей дочери, но-вой в деревне девочке. Всего лишь.

Были и ещё случаи. Они поначалу тоже казались таинственными, но затем им находилось объяснение...

Спать! Я тушу сигарету, закрываю печную заслонку. Завтра утром поднимусь на чердак и всё выясню. Наверняка и на этот раз обойдётся без мистики.

События следующего дня заставляют меня чесать в затылке. На чердаке я не обнаружил никаких следов. Да и откуда, собственно, им взяться? Если бы наш домик находился в городе, можно было бы предположить, что это бомжи забираются на чердак ночевать – поближе к тёплому дымоходу. И неосторожно при этом топают. Но в деревне бомжей нет. Тогда откуда всё же шаги? Вчера я их слышал отчётливо.

Я ещё раз внимательно осматриваю полутёмный чердак. Обмазанный глиной внушительный дымоход, уходящий вверх, к крыше, какие-то потрескавшиеся старые туфли с задранными носками и полуистлевшее тряпье в углах, брошенное прежними хозяевами избушки... На всём – мохнатый слой пыли...

На мгновение мне становится не по себе. Меня вдруг охватывает чувство, которое я испытал вчера возле печки, когда представил бесконечный тёмный простор вокруг нашего жилища. Ощущение чего-то чужеродного и не очень дружелюбного. Начинает казаться, что у чердака существует своя жизнь, потаённая и непонятная мне, при-

езжему человеку. Чувство это мимолетное, но острое, и я с облегчением вздыхаю, спустившись по лестнице вниз.

– Ну, как? – слышу из-за ограды. – Разобрался?

Это Света. Румяная, разогревшаяся от ходьбы, она стоит у калитки. Неужели уже двенадцать часов, начало обеда в администрации?.. Мне казалось, что пробыл я на чердаке минут десять – пятнадцать, не больше.

– Ветки по крыше стучали, что ещё, – говорю я и смотрю на жену правдивыми глазами. – Сейчас возьму ножовку и спилю.

Света укоризненно качает головой.

– Что ты лапшу мне вешаешь? Ты ветки ещё осенью спилил, когда бури начались!.. Пошли в дом. – И уверенным хозяйским шагом она направляется впереди меня.

Я ещё под впечатлением пережитого на чердаке, тем не менее, усмехаюсь про себя. Никак не могу привыкнуть к тому, как Света за последнее время изменилась. В нашей семье она всегда была на вторых ролях, однако здесь, в деревне, стала другой. У нас с ней всё хорошо, мы по-прежнему всерьёз не ругаемся, но я с удивлением смотрю, как хватко она управляетя с печкой, как моет полы, шлёпая босыми ногами по мокрым доскам и высоко подоткнув халат, как может до пота гонять чай, обмахиваясь ладонью...

Она вошла в деревенскую жизнь так легко, будто выросла здесь. Всё-таки, видимо, сказываются гены бабушек, они у Светы обе были деревенские. И зря, выходит, я боялся, когда мы ехали сюда, – ведь не всякая городская женщина способна осилить здешний быт.

– Это о н, – говорит Света уже в доме, устраивая на плечики свое недавнее приобретение, модную в деревне собачью шубу.

– То есть?

– О н, – повторяет жена и что-то шепчет, преувеличенно артикулируя губами.

– Домовой? – догадываюсь я.

– Тс-с! – Света предостерегающе поднимает палец. – Нельзя вслух говорить, так женщины на работе скажали!.. Ты не смейся, я серьёзно.

– Голимая правда, – подначиваю я, специально употребляя местное словечко.

Жена словно этого и ждала. Она принимается напористо допытываться:

– А как ты объяснишь, что по чердаку кто-то ходит? А почему у меня кастрюли с полки падают постоянно? Почему счётчик шуршит, когда всё в доме выключено?..

– Ты ещё вспомни, как шест с антенной скрипел.

– Ну и что? – не сдаётся жена. – Может, это о н шест качал, а не ветер!..

С телеантенной тоже была история. Когда выпал первый снег и подули северные ветры, моим дамам стало казаться, что вокруг нашей избушки кто-то упорно ходит – настолько отчётливо раздавался скрип снега. Больше всего Свету пугало, что утром никаких следов нельзя было увидеть. В итоге выяснилось, что это тёрся о стену дома и скрипел шест с антенной, раскачиваясь от ветра.

– Женщины на работе говорят, е г о надо задобрить. Мы ведь, как въехали, ничем е г о не угостили. О н недоволен.

– Ты сто граммов поднеси, здесь это любят, – посмеиваюсь я.

Света машет рукой:

– Ну тебя! С антенной ладно, а почему счётчик шуршит?.. Ага!

С электросчётчиком у нас действительно происходят странные вещи. Ни с того ни с сего он вдруг начинает тихо пощёлкивать, журчать, словно заводит одному ему понятную песенку. И это при всех выключенных лампочках. Сначала я думал, что счётчик неисправен и позвал здешнего электрика. Оказалось, всё нормально. Света считает, что это домовый со счётчиком играет. Логика у неё железная: раз объяснить не могу, значит – домовый.

– Делай что хочешь, – в свою очередь машу рукой я. – Ублажай своего домового. Только пообедать не забудь, полчаса до конца перерыва осталось.

Вечером Света непривычно долго возится на кухне. Ложась в постель, она говорит:

– Ночью не ходи курить, ладно? Ты е г о спугнёшь.
– В её голосе слышится странная умиротворённость.

– Кого? – не сразу понимаю я. – Домового, что ли?

– Смейся, смейся. – Света устраивается поудобней, она уже вся в предвкушении «Санты-Барбары», очередная порция которой вот-вот начнётся по телевизору. – А ты обратил внимание, что сегодня никто по чердаку не ходит?..

– Когда всё выяснится, ты сама будешь смеяться.

Жена не считает нужным отвечать, таинственная улыбка бродит по её лицу. Мне интересно знать, что она придумала, но засыпаю я на этот раз быстро, раньше, чем заканчивается «Санта-Барбара». И лишь утром, собирая Танюшку в школу, обнаруживаю на кухоньке ломоть хлеба и чашку, полную молока.

– Это для кого?

– У мамы спроси.

– Я знаю! – вдруг радостно шепчет Танюшка и делает большие глаза. – Это мама е г о угощала!..

В её словах столько интереса и веры, что я невольно хмурюсь. Похоже, игра зашла слишком далеко. А Танюшка огорчённо добавляет, внимательно осмотрев чашку с молоком и хлеб:

– Не стал есть. Опять будет хулиганить!..

На следующую ночь мы просыпаемся от грохота. На кухне упала с полки кастрюля. На моё ворчание, надо, мол, хорошо ставить посуду, Света и прибежавшая из-за своей перегородки в ночной рубашке Танюшка не реагируют. Они только понимающе переглядываются. А через день у нас дома появляется котёнок с непомерно большими ушами, которого дочь выпросила у кого-то из одноклассников.

– Кошки с домовыми дружат, – авторитетно поясняет она. – Домовые от этого добрее становятся.

– Ну-ну, – хмыкаю я. Однако уверенности во мне поубавилось. Счётчик у нас по-прежнему шуршит даже при выключенных электроприборах, и раза два в неделю обязательно слышны шаги на чердаке.

Зимние вечера в здешних местах удивительны. В

полнеба полыхает закат, чёрные ели пестры от лежащего на ветвях снега, занесённые по окна избы будто при-сели, прячутся в сугробах...

От всего вокруг веет покоем и древностью. Так было, наверно, и сто, и тысячу лет назад. Этот неохватный закат, тонущая в снегах деревня, неспешная, скучноватая, но всё же до конца непостижимая жизнь за стенами домов...

От города у нас осталась привычка гулять по вечерам. Если, конечно, не выюжит и мороз позволяет. На этот раз Танюшка взяла с собой котёнка. Она его закутала в старое махровое полотенце, время от времени заботливо склоняет к нему голову и спрашивает, не замёрз ли он. Котёнок испуганно смотрит на снег, на свернувшихся клубком у калиток больших лохматых псов, и глаза у него величиной с блюдце.

– Какой домовый с таким трусом подружится! – фыркает Света.

Танюшка принимается защищать котёнка. Разговор у них возвращается к любимой теме. Мне мои дамы надоели со своим домовым до чёртиков, но ничего сказать я не могу. Сразу начинаются ехидные вопросы, как я объясню то-то и то-то. И главное, почему ничего не делаю, чтобы это прекратилось. Но что можно сделать, если сам не можешь ничего понять?..

– Всё! Хватит, – вдруг говорит Света и решительно останавливается посреди деревенской улицы с высокими голубыми сугробами по обочинам. – Идём домой. Я с н и м сама поговорю.

– С домовым, мам? – голос у Танюшки замирает от ужаса и восторга.

– С домовым. Только, чтоб не мешали. Слышишь, папа?

Я пожимаю плечами. Положение у меня дурацкое. Относиться к этому всерьёз не позволяет здравый смысл, а возразить нечего.

– Идите, я сейчас, – говорю уже у нашей избушки. Нахожу себе работу: беру лопату и принимаюсь отбрасывать снег от калитки.

Дома я появляюсь через полчаса. Топаю, отряхиваю с валенок снег, растираю прихваченные морозом уши.

– Тихо! – ещё в тамбуре встречает меня дочь и ведёт за руку в комнату, усаживает на диван. – Посиди здесь.

Я слышу Светин голос на кухне, но что она говорит – понять невозможно. Угадывается лишь тон, интонация. Жена то напевает, то её голос вдруг переходит на шёпот и его почти не слышно, то она произносит что-то повелительное, властное, то опять появляются уговаривающие нотки...

Слышать всё это странно, даже дико, но я молчу. Что-то древнее, непостижимое начинает чудиться в голосе жены – почти такое же, как простор вокруг избушки, как сокровенный свет зимней зари, как затаённая жизнь забытой в снегах деревни.

– Поговорила. – Света наконец появляется в комнате. Она такая же, как обычно, может – чуть бледнее. «Пошаманила?» – так и подмигивает меня спросить, но я сдерживаюсь, понимаю, насколько это сейчас неуместно.

– Чаю хочешь?

– Хочу, – говорит жена и тяжело опускается рядом. – Устала... Покрепче сделай.

Интересней всего то, что с тех пор непонятные события в нашем доме прекратились. Не падает больше посуда с полка. Никто не ходит по чердаку, и даже счётчик перестал напевать свои странные песенки.

Иногда я ловлю себя на том, что пристально смотрю на Свету. Самый, казалось бы, близкий человек, знакомый во всех подробностях, до мельчайших складочек на теле...

– Ты что так смотришь? – перехватывает мой взгляд жена.

– Ничего. Тебе показалось. – Я быстро отвожу глаза.

И чувствую, как ознобный холодок пробегает между лопатками.

ЧЕРТОВЩИНА

Конечно, над этим случаем можно было посмеяться. Деревенские мужики так и делают. Ситуация всем понятна, поддали Игрунов с Федуну на посту, им всякая хренотень и стала мерещиться!..

А что ни один, ни другой особой дружбы со змием не водят и уж тем более до белой горячки никогда не допивались, это наших мужиков не колышет. «Посиди на посту две недели, не хочешь, а потянет расслабиться, – рассуждают они. – Кто меру знает, хорошо. А кто нет, у того и глюки начнутся».

Одним словом, Игрунову и Федуну никто в деревне не верит. Они особенно и не стараются своё доказать. Федун недавно из зоны, до сих пор исподлобья на всех смотрит и желваки катает. Такой вступать в лишние разговоры считает западло. Игрунов тоже помалкивает. О неграх с острыми головами, которые из-под земли выскакивают, рассказал Гошка-шаман. А к нему какое доверие? Вот кто бухает не просыхая! В любой час дня и ночи к нему можно зайти с бутылкой. Гошка всех принимает с радостью.

Лично меня эта история заинтересовала вот почему. Уж очень она совпала с кое-какими мыслями насчёт нашего края, гремевшего раньше на всю страну, а теперь тихо доживающего. У меня перед глазами прямо-таки стоит такая картина. Затянутое ряской озеро, а в него вдруг падает здоровенный камень. Заколыхались водоросли, разбежались в стороны водомеры, метнулись мальки и другая озёрная живность. Но вот успокоилось всё, опять затянуло ряской место, где упал камень, вернулись водомеры и рыбёшки. Опять пошла жизнь, которая была в этом озере испокон веку...

Короче, мне очень хотелось узнать, что у Игрунова с Федуну случилось на посту. С Федуну дело глухо, не

расскажет, а вот на Саню Игрунова я надеялся. Он мужик нормальный – если с подходом, расколоть можно.

Как-то в феврале дней пять мороз стоял под сорок. Колонка замёрзла, и люди ходили за водой к нам в котельную. Игрунов пришёл тоже. Слово за слово, хреном по столу, я его позвал в операторскую, заварил чай, стал расспрашивать, почём купил новые гусьнки для своего «Бурана» и всё такое. Потом перевёл разговор на недавний случай, когда одна наша старушка отказалась жить в своём балке. Он у неё стоял на отшибе, у самого леса. Старушка жаловалась, что ей то ли черти, то ли пришельцы стали являться. Дело кончилось тем, что старушке дали комнату в заброшенном общежитии нефтяников. Всё ближе к людям. В свой балок старушка возвращаться категорически отказалась – боюсь, мол.

– А чего, я ей верю. Почему люди думают, что такого не бывает?.. Учёные говорят, есть параллельные миры, которые пересекаются с нашим. В точке пересечения и случается всякая чертовщина.

Я говорил всё это, а сам поглядывал на Игрунова. Ключет или нет?.. Видно, у мужика и у самого накипело, а может, мой чай располагал к доверительности. Короче, забыл Саня о фляге с водой, что в котельной набрал, и стал рассказывать.

Недели две назад ему позвонил Федун. Саня в тот день дотемна ставил под лёд сети, намёрзся и потому на телефон посмотрел недовольно – отдохнуть не дают. Но телефон звонил так настойчиво, что пришлось взять трубку. «Тряпочкин в деревне! – рявкнул по телефону напарник. – У Шамана оттягивается. Говорил я тебе, не давай денег, подставит!..»

Федун был злой и, в общем-то, по делу. Только вчера они отвезли нашего деревенского бича Тряпочкина на пост, чтобы сидел вместо них и в положенное время выходил на связь с диспетчером. А тот, оказывается, вернулся обратно. Получалось, на посту теперь никого нет. За такие дела Саню с Федуном могли уволить. Сейчас это запросто, кругом сокращения.

«Я к Гошке-шаману, – сказал Саня жене. – Тряпоч-

кин у него пьёт, пойду шугану, пусть обратно возвращается». Жена хлопнула себя по ляжкам: «Вот козёл!..» Они в тот вечер собирались пораньше лечь, всё-таки не виделись больше недели и от воздержания у обоих челюсти сводило. Сане было досадно, но он всё же удивился. С чего это Тряпочкину не сидится на посту? Дома у него шаром покати, а они с Федуном ему рюкзак продуктов оставили. Неужели пятьдесят рублей торопится пропить?..

Когда Игрунов шёл к Гошке-шаману, он думал, что Тряпочкин сразу начнёт извиняться. А тот посмотрел, как на пустое место. Это Саню больше всего задело. «Не понял! – сказал он. – Ты где должен быть?!» Тряпочкин вдруг сполз с табуретки и стукнул о пол коленками. «Не пойду я туда!.. Полтинник я тебе отработаю, огород тебе посажу, картошку окучу, только не посылай!..» Сане даже неловко стало. Всё-таки пожилой мужик, а на коленях. «Э, сломался, – подал голос Гошка-шаман. Он уже был порядком пьяный. – Слабый ты, Тряпицын!.. Это не черти, это наши боги пришли. Раньше вы их гоняли, теперь они вас гонять будут... Ты, Тряпицын, кто такой? Ты, Тряпицын, ЛЭП тянул, у сейсмиков работал – богов пугал, спокойно жить не давал. Теперь типа они...»

Игрунов на Гошкину болтовню внимания не обращал. «Ты нас с Федуном подставил, понял? Нас с работы турнут, врубаешься?» Тряпочкин опять запричитал: «Не пойду, не заставляй! Боюсь я, меня водка не берет!..» Бесплезно разговаривать. Саня с досады плюнул и хлопнул дверь Гошкиной избушки. Звезданулся мужик!.. Делать однако нечего, ему или Федуну надо срочно ехать на пост.

С Федуном тоже проблема. Когда он узнал, что Тряпочкин не хочет возвращаться на пост, глаза у него стали бешеными. «Уделаю гада! – Федун сорвал с вешалки куртку, чтобы идти разбираться. – Он у меня дерьмо будет хавать!..» Саня едва уговорил, чтобы Федун не горячился, а сел на «Буран» и ехал на пост. Завтра он его сменил, только сети с утра проверит.

А следующий день всё ещё непонятней стало. Часов в девять Игрунов услышал, как возле дома остановился «Буран». Жены уже не было, довольно напевая, она час назад ушла на работу. Расслабленному Сане вставать не хотелось, но он всё же приподнялся и посмотрел в окно. Снегоход был Федун. Сам Федун сидел на нём прямой как столб и не двигался. «Ты чего? На посту был?» – сказал Саня, по-быстрому одевшись и выйдя на крыльцо.

Федун помял пятернёй красное от мороза лицо и посмотрел на него задумчиво. «Понимаешь, здоровая такая жаба. И какие-то люди с острыми головами. Я стреляю, а им хоть бы хрен. «Буран» нефтью измазали». – «Ты про пост, что ли?» – «В натуре, не думал, что такое может быть. – Федун вопроса будто не слышал. – Главное, картечь не берёт. Ни жабу, ни тех с острыми головами».

Саня молча постоял. Похоже, на посту и в самом деле что-то происходило. Федун просто так не пройдёшь, увидал мужик на зоне всякого. «Может, показалось?» – на всякий случай спросил он. Хренотень какая-то. Скажи диспетчеру, в конторе точно решат, что на посту перепились. «Тоже показалось? – Федун мотнул подбородком на залитый нефтью капот «Бурана». – Где только её взяли? Нефть давно вокруг выкачали... И что интересно, по-хантыйски говорят».

– И тут, понимаешь, меня будто током шибануло! Вспомнил, как перед этим Гошка-шаман насчёт их богов что-то такое говорил. Ты не думай, я в это особо не верю, но как-то всё одно к одному...

Игрунов внимательно посмотрел на меня. Он будто ждал, не усмехнусь ли я. Даже кружку с чаем в сторону отставил, так ему важно было, как я себя поведу. А как я мог себя вести, если мне интересно и я смысл в этом чувствую?... Игрунов успокоился.

– Так вот, Федуну говорю, давай, мол, к Шаману. Делать что-то надо!.. Шаман, понятно, ещё спал. Возле печки на телогрейке кемарил Тряпочкин. Ну и запах соответственный, всю ночь они пили. Я Шамана толкаю: «Похмелиться хочешь?» Ему два раза повторять не надо. «Почему

бы и нет?» – говорит. Настроение у меня не то было, но я даже засмеялся. С Гошкой мы учились в одном классе, он всегда был прикольный. Мать его от кого-то из нефтяников родила, но Гошка считал себя чистокровным хантом. Ходил в малице, не стригся и даже смастерил себе бубен по рисунку из книжки, чтобы шаманить. У него и кликуха потому такая. «Короче, – говорю, – бери с собой бубен и поехали». – «Куда?» – «Где наливают».

Дорогу на наш пост ты знаешь. Там ещё несколько законсервированных кустов с качалками встречается. Сейчас кусты снегом занесло, смотреть тоскливо. Пару лет назад всё по-другому было, всё работало... Ладно, едем. Впереди Федун газует, у него ружьё за спиной расчехлённое. У меня на заднем сиденье Шаман с бубном... Кто бы посмотрел со стороны – цирка не надо, сбрендили мужики! В таком виде на пост!..

Наш вагончик мне ещё издали не понравился. В чём дело, сказать не могу, но увидел и чувствую – вражда какая-то от него. Нормально, да? Дежурю шестой год, он мне родным стал, а такое. Ближе к кусту подъехали – японский бог! Будто Мамай прошёл!.. Стёкла в вагончике побиты, стены облиты нефтью, всё ценное оборудование с кустов, которое мы с Федеуном должны охранять, разбросано. А это тонны веса!.. Федун ружьё снимает и как саданет с обоих стволов в воздух. «Ты чего?» – «Они шума боятся».

У меня сомнений уже нет. Люди такого не могли сделать, пост в глухом урмане и подъездов для техники никакой. «Давай, – говорю Гошке, – шугани злых духов или как там вы их называете. Ты по этой части вроде спец». Шаман неторопливо с «Бурана» слез, обошёл наш вагончик и головой качает. «Однахо, тяжёлый случай, – солидно так говорит. – Люти Ным-ху из Нижнего мира прихотили. Польшая сила требуется, чтобы их прогнать. Подкрепиться, однахо, нато». И по горлу себя щёлкнул. Никогда у него акцента не было и «однако» не говорил, а тут прорезалось. «Ты без базара!..» – заиграл желваками Федун. Гошка быстро сориентировался. «Всё понял. Костёр раскладывайте, бубен буду греть».

Пока костёр разгорался, я заглянул в вагончик. Здесь разор ещё хуже. Очень надо быть злым на людей, чтобы такое устроить. Слышу, Гошка начинает бить в бубен. Выглядываю в разбитое окно, он топчется вокруг костра и стучит по бубну колотушкой. Серьёзный такой, капюшон малицы откинут, длинные волосы развеваются, и что-то Гошка напевает по-хантыйски. Вот не думал, что он язык знает!.. Смотрю, понемногу заводится, всё сильнее в бубен лупит, прыгать стал и выкрикивает какие-то слова.

Что интересно, мне смотреть на это совсем не смешно. Наоборот, мурашки по телу. Дальше ещё чуднее. Два каких-то ханты из леса выскакивают и – к Гошке. Похожи друг на друга, как близнецы, в одинаковых длинных рубахах с орнаментом и делают всё одинаково. Присядут вместе, встанут – как по команде. Зубы щерят.

Смотрю, ни хрена себе, они привязаны друг к другу ремнём. «Этих ещё не было, – шепчет Федун. Он, оказывается, уже рядом со мной и бледный, как стенка. – А эту падлу видел». Из-за навеса с оборудованием ползла на полусогнутых здоровенная жаба, с наш вагончик величиной. Горло у неё раздутое, как пуховая подушка, глаза красным светятся. Жаба как прыгнет, задними лапами навес снесла и оказалась рядом с Гошкой. А там кроме двух привязанных друг к другу придурков уже какой-то дед в чёрном и с головой, как колун остриём вверх. Типа, клином. Хватает Шамана за ноги и пробует повалить на снег. Ему маленькие с чёрными лицами помогают, штук десять. А рядом старуха с седыми космами плачет, вся трясется, кулаки сжаты – неизвестно, кого жалеет. То ли Гошку, которому вот-вот кранты, то ли эту нечисть.

«Ну я вас!..» – закричал Федун и ружьё вскинул. Он дикий стал. «Гошку не задень!» Громыкнуло так, что остаток стёкол в вагончике посыпались. Всю нечисть будто ветром смело. Одна старуха осталась, от плача трясётся. Смотрю – нет, не старуха, а чахлая сосёнка на ветру дрожит...

«Говорил, сил много надо. Просто так их не возь-

мёшь. – Это Гошка появился в вагончике. Едва живой остался, а вида не подаёт, что испугался. – Считайте, Ным-ху, Анки-пугас, их слуги...» – «Откуда знаешь?» – «В книжках читал, однахо. Как насчёт опохмела? Обещал! Я что, зря рисковал жизнью?..» Пришлось налить. Я всегда с собой бутылку под сиденьем вожу. Мало ли какой случай...

Мазута в морозы мы не жалеем. Пламя в котлах гудело так, что в операторской, где мы с Саней Игруновым чаевничали, ложечки в кружках брэнчали.

– На этом кончилось? – спросил я у Сани.

– Какое там. Гошка слабый шаман оказался. Сам понимаешь, самоучка... Нам вертолёт помог.

– Вертолёт?..

– Ну. За всей этой ерундой про связь с диспетчером мы забыли. В конторе всполошились, МИ-2 послали. Оборудование на посту всё-таки ценное... Вертолёт в самое время появился. После того, как Федун начал стрелять, нечисть исчезла, но ненадолго. Минут через десять опять вагончик окружили. Федун саданет ду-плетом, они разбегутся, какое-то время пройдёт, опять здесь. Весь запас Федун просадил. А вертолёт как затархтел, вся свора смылась. Если б не он, не знаю...

– С начальством, наверно, пришлось объясняться?

Игрунов поморщился.

– Не напоминай... Но мы не лохи, не стали всё рассказывать. А то бы точно уволили. Или в дурдом... – Он поднялся, скучно осмотрелся. Скользнул глазами по столу с пустыми кружками. На меня Саня старался не смотреть. Я понял, он уже жалеет, что разоткровенничался. Случай-то действительно странный...

Проводил я его до выхода из котельной. А тут и Гошка-шаман по улице идёт с рюкзаком и лыжами-подволоками на плече.

– Здорово! Ты куда в такой мороз?

Гошка значительно посмотрел на нас.

– На стойпище, отнахо, иту. Олешек пасти путу, пелок стрелять... Как теты наши жить путу. – Гошка достал из расшитого бисером кисета медную трубку, ко-

торуую я отродясь у него не видел, и принялся набивать табаком. – Слышали, ещё на отин пост наши похи приходили? Знак нам тают.

Выглядел он, надо сказать, экзотично. Просторная малица, заиндевшие длинные волосы, эта старинная трубка с кисетом... Ещё акцент, которого у него никогда не было.

Порисоваться Гошка, конечно, любит – это за ним всегда водилось. Но у меня перед глазами опять вдруг возникла прежняя картинка. Разбежались по озеру круги, поколыхались и успокоились водоросли, опять затянуло ряской место, где упал камень...

Прежняя тишина и неподвижность. Лишь снуют у поверхности мальки и суетятся водомеры. Как сто, как тысячу лет назад. Как испокон века в лесном озере было.

1999

РЕКА

Менять русло Река стала задолго до появления на рыбоучастке Олега. Дембель восемьдесят второго года, он завербовался на рыбоучасток, чтобы заработать на мотоцикл, и уже тогда Река подмывала старую чёрную контору, а противоположный берег был низкий и плоский, словно по нему долго елозил бульдозер. Это Река отступала в одном месте, чтобы рушить берег в другом. Противоположный берег пустым однако не был, он давно превратился в заливные луга, а по краю порос тесным тальником, но ощущение скучного голого простора оставалось. Легко верилось, что когда-то там текла вода и плавали чебаки, сорога и щуки.

Олег осваивал немудрящую профессию рыбака, пил водку с другими вербованными, среди которых встречались недавние зеки, как-то его порезали, и он почти два месяца пролежал в районной больнице. После случившегося мечту о «ИЖе» пришлось забыть – тяжело работать Олег больше не мог, пить тоже. Его поставили на женскую должность, приёмщиком рыбы, появилось свободное время, и Олег стал задумываться о вещах, которые раньше не приходили в голову. Это уже при нём рухнула в воду старая контора, большими глинистыми пластами обваливался высокий берег, особенно в половодье, которое в здешних местах приходилось на июнь и захватывало часть следующего месяца. Потом наступила очередь ледника, тот погибал медленно, вкривь и вкось висели над обрывом ещё крепкие бревна с ошмётками слежавшегося тёмного мха. Видеть это было неприятно.

– А и хрен с ним! – говорил бондарь Киндинов, замечая Олегов взгляд. Когда не было работы, они сидели на лавке у бондарки и курили, отгоняя дымом комаров и мошку. Из помещения остро, скипидарно пахло

свежими заготовками для бочек, от оставшегося после половодья озера слышались ломкие голоса. Там горел костёр, возле него, сунув руки под мышки и зябко подняв плечи, грелись выскочившие из воды пацаны в обвисших мокрых трусах. В Реке здесь не купались, слишком холодная. – Чего его жалеть, ледник этот, теперь у нас морозильная камера на пять тонн. Мало мы жили с кабаном рвали? Считай, одной пердячей силой, техники никакой. Тебе не пришлось, а мне – эге!.. Теперь-то чего, теперь нормально, теперь до нас прогресс дошёл.

«Кабаном» называли прямоугольные глыбы льда в тонну-полторы весом, их раньше пешнями выдалбливали в зимней Реке. Потом хитрыми приёмами вылавливали из воды, чтобы погрузить на сани и отвезти в ледник, в котором рыба хранилась летом до того, как её забирали на рыбозавод на переработку. Рассказы об этом и многом другом, что было прежде, Олег слышал не только от бондаря, но и от рыбаков. В рассказах было немало удивительного. Соль, говорили, помогала поддерживать в леднике нужную температуру. А чебаков и щук, чтобы не теряли в весе, покрывали ледяной глазурью, окуная для этого в воду. Ещё раньше, когда не было рыбозавода, копали большие садки и выпускали туда летний улов, чтобы зимой взять его неводом и отправить в Тобольск или даже Тюмень обозом... На рыбоучастке и рядом в деревне с интересным названием Рябинки шла жизнь, которую ни во время службы, ни тем более в доармейские годы Олег даже представить не мог. И это тоже казалось удивительным.

На мотоцикл он всё же накопил, однако для этого пришлось работать несколько сезонов. Но в конце концов купил не его, а лодку и мотор «Ветерок». Когда денег собралось достаточно, Олег вернулся было в родной посёлок на Тамбовщине, но там ему показалось как-то тесно и многолюдно, от чего он на Севере отвык. Большинство друзей женились, холостые каждый день пили, и мечта гонять по широким пыльным улицам на «ИЖе», которая за годы после армии и без того потускнела, теперь вовсе сошла на нет. Недолго погостив

у родителей, поскучав во время застолий (не пил), он вернулся на рыбоучасток и у одного рябинковского мужика купил моторную лодку. Тайная жизнь Реки притягивала его, хотя Олег этого толком ещё не осознавал.

Бензин в середине восьмидесятых стоил копейки. Запасаясь несколькими канистрами, Олег на десятки километров поднимался вверх или спускался вниз по течению, побывал в редких деревнях и объездил все окрестные старицы, по-местному, соры. Странно было думать, что Река текла когда-то здесь, а не там, где течёт сейчас. Олег пробовал понять, отчего так происходит, что заставляет её менять русло, какие неизвестные силы направили течение возле Рябинок на высокий и, казалось, несокрушимый берег, но у него не получалось.

– Хе, запросто! – отвечал бондарь Киндинов, с которым Олег сошёлся ближе, чем с другими мужиками. – Нефтяники песок для своих кустов намывали? Намывали. А где его взять? Карьер, что ли, открывать, дорогу отсыпать, самосвалами возить?.. Ага, сейчас – из реки! Бросили трубы – и вперёд! Стрежень поменялся, стал бить в наш берег. От стрежня вся вшивость, говорю тебе. Не нарушили бы – всё нормально сейчас было!

Такое объяснение казалось Олегу слишком неинтересным, пресным, что ли. В нём не было сумеречной жизни ям с родниками, в которых собиралась во время заморозов рыба, завихрения глубинных струй, выходящих на поверхность полированным неслышным бурлением, равнодушной мощи воды, неспешно двигавшейся с востока на запад. Олег спрашивал:

– А раньше почему? Стариц вон сколько. Тогда, наверно, и люди здесь ещё не жили, а река менялась, текла по-другому.

Бондарь на секунду опускал голову, растирал сапогом бычок, потом стремительно вскидывал глаза:

– Охота тебе мозги сушить? Молодой парень, а стариковским делом занимаешься, думаешь-гадаешь. Лучше пошли сегодня к Марго, она двоих принимает тоже.

Киндинов был лысый, с курчавящимися над ушами остатками полуседых волос, однако оставался завязя-

тым ходоком. Прилепи ему рожки – настоящий сатир, которого в детстве Олег видел в книжке древнегреческих мифов. Марго, бабёнка со щербатым ртом, была известна в Рябинках любвеобильным нравом. Имя у неё такое было или просто кличка, никто точно не знал, разве что в сельсовете.

– Или ты свою Кирилловну боишься? О, та наkostenяет, мало не покажется. Рука у неё – ого! Всё остальное тоже. – Киндинов подмигивал, азартно подавался вперёд. Он сел на любимого конька, сбить с которого было невозможно.

– Что мне её бояться?

– Это ты кому другому расскажи! Не захочешь, такая сама оприходуется. С голодухи, небось, зубы сводит. После Октябрьских третий год пошёл, как мужик у ней утоп... Было у вас, нет?.. Нет? Ну и дурак! Жизнь-то идёт. – Бондарь на секунду замолчал, пылливо смотрел на Олега. – Или ты на её Женьку глаз положил?.. А чего, нормально, только молодая. Гляди, за малолетку срок схлопотать можно!..

У Валентины Топорковой, которую из-за комплекции звали по отчеству, Игорь стал снимать угол, когда после больницы ушёл из общаги. Она работала на рыбоучастке засольщицей, без труда ворочала полные бочки, её дом стоял на берегу Реки, чем Олегу сразу понравился. Возле него в ледоход собирались рябинковские мужики, курили, переговаривались и смотрели вверх по течению, прикидывая, скоро ли очистится вода. Настроение передавалось Олегу, он тоже смотрел на Реку, слушал разговоры, шуршание и лёгкий звон касающихся одна другой льдин, и внутри у него начинало мелко дрожать. Будто и он больше полугода ждал этого времени, и ему тоже предстояло спускаться на воду лодку и куда-то плыть. Олег не только купил моторку, но и обзавелся ружьем и сетями на стерлядку, которая заходила из Оби. Ружье и сети купил в основном для того, чтобы не говорили, что своими поездками вверх и вниз по течению мается дурью.

Часто он брал с собой Валерку, сына Кирилловны. Се-

рьёзному этому подростку, отличнику местной школы, тоже нравилась долгая езда вдоль поросших тальником берегов или «материка» с кондовыми остроконечными елями и кудрявыми кедрами, мимо вдающихся в Реку светлых отмелей (по-местному, песков), среди намытых течением недолговечных островов. Олегу казалось, Валерка тоже думает о тайной жизни Реки, приводящей к переменам. Как и он, помнит о ней даже тогда, когда они стреляют уток на старицах, ставят на дальних песках стерляжьих сети, а в половодье пригоняют к Рябинкам подмытые Рекой деревья, чтобы затем, когда большая вода спадёт, распилить и топить зимой печку.

Похоже, смерть ушедшего под неокрепший лёд вместе с «Бураном» отца не сделала Реку враждебной для Валерки. Смущаясь, он называл реки важными транспортными артериями, дорогами жизни, особенно в давние времена. Так было написано в учебнике. В самом деле, как ещё связаться между собой людям, если болота и леса намертво отрезали населённые пункты друг от друга, словно запирали на замок. А ни железных дорог, ни обычных тогда ещё не было, самолётов и вертолётов тем более. Только по рекам. Транспортные артерии, дороги жизни.

В горбачёвские годы нефтяники организовали в Рябинках подсобное хозяйство. С продуктами становилось всё хуже, рабочих же на месторождениях надо было кормить. Платили в подхозе нормально, и многие рыбаки и засольщицы перешли туда, стали работать скотниками, доярками или на свиноферме. Тем более что рыбоучастку оставалось недолго. Река подмывала уже новую контору, подбиралась к бондарке и морозильной камере. Над обрывом повисли крайние венцы склада, из которого пришлось забрать сети, запас соли и остальное. Всё чаще тяжёлые пласты высокого, на вид вечного берега с грохотом рушились в воду. По ночам это напоминало далеко разносившиеся пушечные выстрелы. Рыбозаводское начальство вместе с райисполкомом планировали берегоукрепительные рабо-

ты, составили даже смету, но наступили времена, когда стало не до того.

– Что деется, что деется... – слабым голосом сокрушалась свекровь Кирилловны, коричневые мешки под её глазами тряслись. Старуха давно болела, в основном, лежала, целыми днями слушала радиоточку, транслирующую съезды народных депутатов и другие перестроечные передачи. Смотреть недавно купленный чёрно-белый телевизор она не могла, жаловалась, что кружится голова. – В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к чёрту на кулички упекут. А сейчас...

Олег улыбался:

– Дальше на Север, что ли?

– А что ты думаешь. Тятину семью из-под Увата сослали, тоже не юга. Тятя говорил, бьют и плакать не дают...

Старуха с паузами, передыхая, принималась рассказывать, как было раньше. Рябинки назывались Юртами Рябинковскими, до спецпереселенцев здесь жили одни ханты. Воровства не было, вместо замков прислоняли к двери батожок, дескать, никого дома нет. Продавать за деньги рыбу, кедровый орех или ягоду принято не было – давали так, в другой раз ты мне дашь. Спецпереселенцев записали в колхоз, выращивали всё, даже пшеницу. Работать приходилось тяжело, но жили неплохо, чтобы голодать, этого не было. После войны жизнь снова переменялась. Колхоз распустили, на Севере, дескать, невыгодно, открыли рыбоучасток. Ничего, люди приспособились и к этому. А то не приспособишься, когда детей растить надо, самим жить. Чего эти по радио сейчас кричат? Каких таких перемен им нужно? Главного не переменяешь, что ни случись, а жить надо. Уж как казалось тяжело, когда тятину семью разорили, в дикое место сослали, а жили... Старуха замолкала, настораживалась.

– Чего это? Опять рушится?

Олег отрывался от дела, на несколько секунд застывал тоже. Но чтобы обваливался подступавший к дому Топорковых берег, слышно не было.

– Показалось.

– Какой показалось! У меня каждый раз внутри прыгат. Говорю Вальке, раскатывай избу, перебирайся отсюда пока не поздно. О Валерке и Женьке подумай, сама ещё не старая!..

Олег чинил сети, вполуха слушал хозяйкину свекровь, поглядывал в телевизор – и чувствовал себя странно. В доме будто зависло, напластовалось время. Старуха с коричневыми подглазьями, жившая, когда ещё не было его родителей; сам он, двадцатипятилетний молодой мужчина, живущий сейчас; что-то другое, новое, которое за бревенчатыми стенами обещала подмывающая берег Река. В одном и том же доме сети, которые чинили и двести, и триста лет назад. И недавно появившееся в Рябинках телевизор. И то неизвестное, что ещё только в начале, в самом зародыше, но к чему вела вся предыдущая жизнь.

Удивительно. Странно.

В доме последнее время часто переругивались. Кирилловна подворовывала в подхозе комбикорм, свекровь, обнаружив в кладовке новый мешок, принималась выговаривать. Передвигалась она медленно, держась за стены, тёмные подглазья резко выделялись на бледном лице.

– Ты чего себе думаешь, ведь посадят!

Хозяйка лениво огрызалась:

– Ага, уже идут за мной, суши сухари... Чем поросянка кормить?

– Взяла бы да купила. Совесть у тебя есть?

– Совесть? – Кирилловна выпрямлялась. – Это ты у других спроси насчёт совести. У них на этом месте хер вырос. Ты тут лежишь, что творится кругом, не знаешь. Да что с тобой говорить!.. – Хозяйка замолкала, продолжала заниматься домашними делами.

Старуха жаловалась Олегу:

– Раньше ничего такого не было. Ну, пару чебаков домой принесёт, так это можно. Сейчас-то чего? Ведь посадят, мешками таскат. Чего деется, чего деется...

На новое место дом перевезли в год, когда Олег стал жить с Женькой. Женька была младше брата, рослая приветливая девчонка, она хорошо пела, и когда несколько лет назад в окружном центре открыли школу-интернат для одарённых детей, её пригласили туда. «Не пущу, – отрезала Кирилловна. – Скурвится». Ездившие по сёлам женщины из отборочной комиссии были в шоке: так говорить о дочери... «Ребята будут под пристомом, не беспокойтесь. Ничего такого мы не допустим». – «Пусть дома остается. Пусть в клубе поёт». Олега, когда брала на квартиру, Кирилловна сразу предупредила, чтобы держался от Женьки подальше. «Чего это я буду к ребёнку приставать?..» – Олег смотрел отчуждённо. «Ты не будешь, зато она слишком ласковая. В общем, гляди мне».

Женьке было пятнадцать, когда Кирилловна застала её с Олегом в бане. Однако ни кричать, ни бить дочь обтрёпанным и оттого особенно хлётким березовым веником не стала. «Ну, чего будем делать?.. Жить с ней будешь?» Олег закинул ногу на ногу, прикрывая тёмный треугольник паха. «Выйди, дай одеться». Женька, конечно, глуповата, но девчонка хорошая, ему нравилась. В принципе, можно жениться. Кирилловна сразу из бани не вышла, постояла, глядя то на Олега, то на дочь: «Ладно. Мне заботы меньше».

К разобранному и перевезённому с берега дому сделали пристройку из новых брёвен, в ней и стали жить молодые. Расписывать их в сельсовете (по новому, в сельской администрации) отказались, свадьбы Кирилловна тоже делать не стала – незадолго до этого умерла свекровь. Говорить-то перенести дом старуха говорила, однако сама на новом месте прожила недолго. С ней словно ушло время, в котором она жила. По крайней мере, ни от кого о сороковых, а тем более о тридцатых годах Олег рассказов больше не слышал. Жизнь, казалось ему, стала плосковатой, лишилась сокровенной глубины.

Женька продолжала ходить в школу, Олег же устроился линейным обходчиком на трубопровод, который качал куда-то попутный нефтяной газ. Рыбоучасток

к тому времени закрыли, рыбозавод тоже не работал. Его то ли приватизировали, то ли обанкротили, толком никто не знал, слухи ходили тёмные. Слова «рыночная экономика», «ваучер», «дивиденды», «общечеловеческие ценности», которые без усталости повторяли радиоточка и телевизор, стали привычными.

На свой пост Олег ездил на лодке. Можно было вместе с другими обходчиками каждые две недели (работа была вахтовая) летать на вертолёт, но он предпочитал своим ходом. Возвращаясь к деревне, пристально смотрел на высокий берег. С воды обрыв выглядел особенно впечатляюще. На первый взгляд, менялся мало. Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он казался освеженным боком огромной туши, цветом напоминал старый подкожный жир. Нависавший сверху дёрн походил на остатки шкуры. Окончательно сползли в воду последние строения рыбоучастка, обрыв подбирался к росшей выше кедровой гриве.

Всё, казалось, было как две недели назад, но Олег знал, впечатление обманчиво. Так кажется, что часовая стрелка стоит, и нужно время, чтобы заметить ее медленное упорное движение. С каждым летом обрыв всё больше входил в материк, а пески противоположного берега всё очевидней вдавались в Реку, образуя зарастающий тальником мыс. Там появлялась своя жизнь. Несмотря на близость деревни, мыс облюбовали ондатры, а летом там гнездились речные чайки халеи, они с истошным криком пикировали на проезжающие лодки. Одна жизнь теснила другую.

Ликвидация подхоза вызвала в Рябинках намного больше эмоций, чем то, что закрыли рыбоучастка. В начале девяностых нефтяники перестали в подхозе нуждаться – в страну в изобилии пошли продукты из-за границы. Нефтяники не мелочились, подхозовский скот, технику и строения передали тем, кто решил стать фермерами. Было много крика, женских слёз, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, полезало наружу. Доходило до драк и стрельбы. Один

из свежеиспеченных фермеров захватил гараж с тракторами и другой техникой и стрелял в каждого, кто пытался подойти. На уговоры не поддавался. Пришлось вызывать из города ОМОН.

– Интересное, говорю тебе, время! Главное, сопли не жевать, соображаловкой шурупать!.. – Киндинов звучно шлепал себя по лысине и смеялся. Как раньше в разговорах о женщинах, он азартно подавался вперед, подмигивал. – Такой шанс раз в сто лет дают. Думай, голова, думай, шапку куплю!.. – И опять хлопал себя по лысине и смеялся.

Киндинов один из первых оформил фермерство, предлагал Олегу вступить в долю. Но тот не захотел. Как и на рушащийся берег, он предпочитал смотреть на происходящее с расстояния. Если очень близко подходить, смазывалась картина, глаз цеплялся за мелочи. Да и опасно было подходить слишком близко. В новогоднюю ночь, подперев снаружи дверь, Киндинова сожгли вместе с домом. Обуглившийся труп невозможно было узнать. Поджигателей не нашли, да и не особенно искали. Времена, действительно, наступили интересные.

– Ты вот чего, – сказала однажды Кирилловна. – Долго ещё Женька яловой ходить будет? Сделай ей ребёнка.

Олег озадаченно посмотрел на тещу. К её прямоте он привык, но здесь было что-то ещё.

– Так ведь учится, выпускной класс.

– С ребёнком у ней хоть забота появится. Не то что сейчас.

Кирилловна после подхоза долго не могла устроиться, в деревне работы не было. И лишь недавно стала летать на дальнее месторождение, её взяли в столовую посудомойкой. Женька оставалась дома одна, Валерка второй год учился в институте и приезжал домой только на выходные. Кирилловна что-то недоговаривала.

Олег стал забирать жену с собой на пост. Но там ей было скучно, она просилась обратно в Рябинки. Как-то он взял у напарника широкие охотничьи лыжи подво-

локи и, отмахав по заснеженной Реке десятка полтора километров, неожиданно появился домой. Женьку он застал с одноклассником. Избив обоих, зло допытывался у жены:

– Потерпеть две недели не могла? Этот салага лучше, что ли?

– Он динамичный, – закрываясь подушкой, всхлипывала Женька.

– Что? – от неожиданности Олег остановился. – Это какой – динамичный? Лучше как мужик, что ли?

– С ним интересно. Ты старый.

Оказалось, одноклассник был у Женьки не единственный. В отсутствие Олега в их пристройке побывали и другие рябинковские ребята. Жить после этого с Женькой Олег не захотел. Он уехал в город, стал снимать комнату. Жалко было оставлять лодку, старицы, Реку с её таинственной жизнью, но ловить на себе насмешливые взгляды тоже не хотелось.

Потом была ещё много всего. На какое-то время Олег даже уезжал на родину, но жить там не смог. В конце концов опять вернулся на Север, подкопил денег и поступил на дорогие курсы слесарей по ремонту КИП и А. По окончании побывал едва ли не на всех нефтяных месторождениях, объездил автономный округ вдоль и поперёк. Уже за тридцать женился на медсестре с ребёнком, вскоре у них родилась дочь, которую в честь погибшей в авткатастрофе английской принцессы назвали Дианой.

Однажды бригаду командировали на ближнее от Рябинок месторождение. По пути обратно Олег попросил вертолётчиков высадить его в деревне. Рябинки заметно отступили от Реки. На улицах появились светильники. Потеснив тайгу, выросло несколько новых, обшитых металлопластиком домов. Вышка релейной станции была унижена ретрансляторами мобильной связи. На улицах почти никого не было видно, а те, кто встречался, Олега не узнавали. Наверно, потому, что своим сорока пяти он располнел и стал носить очки от дальнорзости. Вместо рыбоучастка и подхоза новых

производств в Рябинках не появилось, но люди продолжали как-то жить, деревня существовала.

Заходить к Кирилловне Олег не стал, хотя её дом нашёл сразу. Возможно, Женька до сих пор жила с матерью, а встречаться с ней не хотелось. Он вышел к Реке. Чистое заснеженное пространство раскинулось в обе стороны. Синели редкие следы «Буранов».

Насколько берег продвинулся вглубь материка, судить было трудно – полную картину скрадывал снег. Тальник на той стороне стал ближе, а это значило, Река продолжала менять русло. Но внешне выглядело всё спокойно, даже умиротворённо. Жизнь и здесь, и в деревне не смотря ни на что устраивалась, разве что становилась другой. Непривычной только для тех, кто в Рябинках долго не был, а для остальных примелькавшейся, обыденной. Однако думал об этом Олег уже спокойно.

2010

СУВЕНИР ИЗ ГЛУБИНКИ

С девицами Виктор Семёнович угадал. Увидев их, Большев-младший живо оглянулся:

– Полукровки?.. Нормально!

Виктор Семёнович развязно подмигнул:

– Москвички, наверно, надоели?.. – Он чувствовал себя не в своей тарелке. Всё-таки старше Большева лет на пятнадцать, а надо держаться на равных, этским плейбоем. – Девочки, знакомьтесь, наш столичный гость Дмитрий Олегович. Ценитель женщин и деловой...

– Какой ещё Олегович! Просто Дима, – перебил Большев. – Отличный парень и незаменимый товарищ!..

Девицы на заднем сиденье смотрели, как принцессы крови, высокомерно и неприступно. «Может, у них так полагается, – подумал Виктор Семёнович, полчаса назад заказавший их по телефону. С путанами дел он ещё не имел. – Раззадоривают клиента».

– Гузель. Айни, – промолвили девицы.

– Э, так не пойдёт! – Большев-младший распахнул дверцу джипа. – Одна ко мне, вторая сидеть. Я между!..

Джип резко взял с места. Виктор Семёнович со сдержанным недовольством покосился на водителя. И этот хочет показать свою крутизну перед сыном шефа!.. Сам тем не менее оглянулся на заднее сиденье, с поспешной улыбкой поинтересовался:

– Устроились? Всё нормально?..

– Где шампанское, Семёныч? – Большев-младший уже обнимал девиц, с обеих сторон прижимая к себе. Те как-то враз потеряли своё высокомерие и хихикали, будто от щекотки. Угрюмоватая хантыйка низко, с сипотцой, татарочка кокетливо. – Что за знакомство всухую! Дамы хотят шампанского! Доставай, Семёныч!..

Пришлось остановиться. Посуда была, но Большев

настоял, чтобы все пили из горлышка. «Последние анализы были нормальные. Спид – не грозит. О, стихами заговорил!.. – хохотал он, передавая тяжёлую, тёмную стемную бутылку девицам. – Не дай себе засохнуть!»

Большев-младший выглядел рубахой-парнем, и Виктор Семёнович тихо хмыкнул. Оба дня до этой поездки на пикник сын генерального был другим. Дотошнее проверяющего он не видел, хотя парню и тридцати нет. Бульдожья хватка. Больше-младший и внешне смахивал на бульдога: выпуклые бесстрашные глаза, тяжёлая челюсть, небольшое, но крепкое тело. Харизма. Лидер от природы. Виктор Семёнович недолюбливал таких людей. Наверно, потому, что в жизни всё время приходится им подчиняться.

Быстро выехали за город. Стоял июль, единственный тёплый месяц в их краях. С обеих сторон бетонки тянулся белый песок с коренастыми, крепко вцепившимися в почву соснами. В салон врывается смолистый запах нагретых на солнце стволов.

Можно было поехать в пансионат нефтяников, где весь джентльменский набор – от сауны до бара и бильярда, – но Виктор Семёнович передумал. Этого добра и в Москве хватает. Судя по девицам, Больше-младший любит экзотику. Будет ему экзотика.

– За семнадцатым километром поворот на грунтовку, – сказал Виктор Семёнович водителю Славе. – Там свернёшь.

Лет пять назад он возил туда, на хантыйское святилище, ребят из педколледжа. Хорошее было время, тогда в колледже неплохо платили. Если бы ему в ту пору сказали, что придётся заниматься унитазами и биде, он бы рассмеялся в лицо.

Пришлось. И ещё постоянный страх, что уволят, не объясняя причины.

При подъезде к семнадцатому километру Слава объявил, поглядывая в боковое зеркало:

– Менты. Нас тормозят.

– Откуда взялись? – Виктор Семёнович встревожено оглянулся. Любая неожиданность, а тем более встре-

ча с обнаглевшими в последние годы гаишниками, была сейчас ни к чему.

– Откуда... В засаде, козлы, сидели, скорость засекали. – Слава съехал на обочину и остановился. – Гадство, никто из встречных не помигал!..

Гаишник был молодой и белобрысый, с тщательно выбритыми скулами. Он вылез из милицейской «восьмерки» и стоял, похлопывая по ладони полосатым жезлом. Второй гаишник оставался в машине.

– Ограничительный знак видели? Чего нарушаем?... Документы!

Виктор Семёнович, отодвинув в сторону Славу и чувствуя угодливую улыбку на своём лице, быстро заговорил:

– С кем не бывает, товарищ сержант! Обещаю, всё будет хорошо, никаких больше нарушений. Заходите в «Палаццо», будем рады, вот моя визитка...

– Командир, какие проблемы? – От джипа вразвалочку приближался Больше-младший с недопитой бутылкой шампанского в руке.

«Всё испортит, здесь не Москва!..» Виктор Семёнович сделал движение навстречу, чтобы задержать его. Не замедляя шага, Дмитрий вполголоса бросил:

– Забирай секьюрити – и в машину. Быстро!

Не послушаться было нельзя, но и оставлять гостя один на один с гаишниками Виктор Семёнович не мог. Он в нерешительности остановился. Больше-младший о чём-то заговорил с белобрысым милиционером, потом оглянулся на джип и нетерпеливо махнул рукой. Виктору Семёновичу пришлось открыть дверцу и сесть рядом со Славой.

– Ты меня удивляешь, Семёныч, – попенял через минуту Больше, пряча в джинсы свернутые на американский манер и перехваченные резинкой деньги. – Кому свидетели нужны? Такие дела с глазу на глаз делаются. Держи свои корочки, секьюрити!.. Я прав, птички? Что вы на этот счёт думаете?

Девицы, которые не теряли времени даром, быстро убрали косметички и с готовностью подались к Большеву. Они давно поняли, кто здесь главный.

Хантыйское святилище находилось на высоком берегу реки. Ствол стоящей у самого обрыва сосны был в следах выстрелов. Следы затекли смолой и с земли были едва различимы. На тянущем с реки сквознячке болтались полоски полуистлевшей материи, завязанные на нижних ветках. Немного в стороне висела на жерди шкура лошади. Вернее, оставшиеся от неё бурые лохмотья.

– Подарки богам, это понятно. – Дмитрий выбрался из джи́па и зорко поглядывал то на полоски материи, то на лошадиную шкуру. – А стреляли в дерево зачем? Я не врубаюсь.

– У них обычай такой. Выражают таким образом признательность священному месту и богам. Раньше стреляли из луков, позже – из ружий...

– Хороша признательность!.. – засмеялся Большев. – Так ты предлагаешь здесь поляну раскинуть? Заразы не подцепим?

– Ну что вы, Дмитрий Олегович. Здесь особая энергетика. Ханты не зря это место выбрали.

Большев почти не слушал. Он подставил лицо приятному ветерку с реки, глубоко, всей грудью вдохнул. Его крупные ноздри по-звериному чутко раздулись, литое тело подобралось. Виктор Семёнович отвёл глаза. Сейчас сын шефа особенно походил на молодого, полного сил бульдога.

Между тем Слава достал топорик и направился в лес за сушняком. Девичьи подошли к краю обрыва и, смеясь, развели в стороны руки, будто собирались лететь. «Нормальные девчонки», – вскользясь подумал Виктор Семёнович, невольно присматривавшийся всё время к ним. Такие же когда-то у него учились. Почти такие...

– Говоришь, даже стрелы есть? – Дмитрий с любопытством посмотрел на священную сосну.

– Стрелы сгнили, наконечники остались. В ствол вросли. У хантов они, как вилки, с двумя остриями.

– Интересно. Надо бы парочку увезти. Секьюрити из леса придёт, пусть займётся... Ладно, Семёныч, давай спиннинг, пойду побросаю. Люблю природу!..

Когда Большев с единственным щурёнком поднялся на обрыв, уха уже кипела. Виктор Семёнович уважительно принял улов, и через несколько минут выпотрошенный щурёнок отправился к захваченной из дому стерляди. Щурёнок мог испортить уху, но поступить иначе было нельзя. Добыча гостя.

Под уху выпили, на этот раз водки. Большев-младший ел и пил с удовольствием, и Виктор Семёнович подумал, что пикник, кажется, удался. Всё, даст бог, будет хорошо.

– Расслабься, Семёныч, – насмешливо-понимающе сказал Дмитрий. – Успокойся. Не всё у тебя в филиале о кей на сто, но стараешься. Вижу. Так генеральному и доложу... Перспектива у тебя есть!

Кровь бросилась Виктору Семёновичу в лицо. Было оскорбительно, что этот нагловатый парень так легко разобрался в его чувствах. И в то же время отлегло от сердца. Когда шеф присылал сына с проверкой, нельзя было знать, что за этим последует. Виктор Семёнович слышал, его предшественник слетел с места именно после такой проверки. Говорят, больше года ходит без работы.

Они выпили ещё, и Виктор Семёнович сам полез на сосну у обрыва искать наконечники. Смотреть вниз было страшно, выпачканные смолой брюки наверняка придётся выбросить, но наконечники, которые перед этим добыл из ствола Слава, теперь представлялись ему неказистыми.

Большев-младший показывал с земли на наплывы на стволе, где могли быть наконечники, потом это ему надоело. С татарочкой он направился вниз к реке.

– Мазь от комаров возьмите, а то задницы искусают! – бросил вслед Слава. Он не пил, но вёл себя по-свойски и компании не портил.

– Не покусаят, не ссы! – как равному ответил ему Большев.

Налегая на нож, Виктор Семёнович позавидовал им. Вот что значит один возраст! Между ним и этими молодыми мужиками постоянно ощущалась дистанция, как ни старался он сделать так, чтобы ее не было.

Сколько ни заставляй себя, сколько ни насилуй, всё равно он чужой в этой новой жизни! А с другой стороны, куда денешься?..

К вечеру стала донимать мошка. Усевшись вокруг костра, ещё раз выпили и закусили. Нужно было возвращаться в город, но сделать это оказалось не так-то просто. Красный от водки и от того, что целый день провёл на солнце, Большев-младший уезжать не желал. Виктор Семёнович едва уговорил его, пообещав завезти по дороге на летнее хантыйское стойбище.

– Там есть что взять? – требовательно допытывался Большев. – Наконечники ерунда! Что-нибудь такое, чтобы ни у кого не было!..

Оказывается, в своём подмосковном доме он собирал старинные вещицы, не только русские. В конце концов, он патриот, все народы, которые живут в России, ему братья. Надоели эти американцы с их компьютерами и резиновыми бабами!..

Виктор Семёнович давно заметил, что у татарочки, которая спускалась с Большевым к реке, тушь на глазах размазана. Плакала? Но что можно сделать с путаной такого, чтобы она обиделась?.. В любом случае требовалось что-то предпринимать, иначе придётся иметь дело с «крышей».

Большев его опередил. Когда они сели в джип, он напористо заговорил:

– Брось дуться, всё нормально! Хочешь за моральный ущерб?.. Держи! Хватит?.. У тебя спрашиваю, хватит? Теперь нормально?..

Зажав в кулаке деньги, девушка молчала, отвернувшись к стеклу.

Каждый раз раньше, когда привозил на стойбище студентов, Виктор Семёнович ловил себя на странном чувстве. Оббитое толем приземистое летнее жилище, загон для оленей с тлеющей и густо дымящей гнилушкой, глиняная печка для хлеба, покосившийся амбар на четырёх высоких ножках с приставленной лестницей... Казалось, времени со всеми его переменами здесь не существовало. По пути из города оно запуталось в чёр-

ном ельнике, утонуло в болотах, не смогло перебраться через просторные озера.

Что-то похожее Виктор Семёнович почувствовал и сейчас. Залаяли собаки, из толевого жилища выглянул и быстро нырнул обратно низкорослый паренёк.

– Ханты народ застенчивый, деликатный, – стал пояснять Виктор Семёнович, будто в джипе с ним сидели студенты. – Подождите, сейчас хозяин появится.

Через минуту и в самом деле из-за двери показался средних лет мужчина в энцефалитке и, не смотря на жару, в резиновых сапогах. Виктор Семёнович вышел из машины, пожал ему руку.

– Здравствуйте. А где Парфён Прокопьевич?

Ханты что-то сказал собакам, те перестали лаять и уселись в стороне.

– Умер отец. Два года нету.

Виктор Семёнович на секунду замешкался.

– Жаль, хороший был человек. Как-то охотились вместе, до Сабуна дошли...

Ханты молчал, выжидательно поглядывая.

– Тут с нами гость из Москвы. Интересуется, как живут ханты. Покажете?

– Смотрите... – Мужчина пожал плечами.

В помещении Большев-младший сразу шагнул к широкому старинному ремню с ножнами и медными украшениями. Ремень висел на дощатой стене, Дмитрий по-хозяйски снял его с гвоздя, тряхнул зазвеневшими украшениями.

– Сколько?

– Чего? – не понял ханты.

– Сколько стоит, спрашиваю?

– Не знаю. Отец не покупал, сам сделал.

– А ты за сколько продашь?

Ханты непонимающе оглянулся на Виктора Семёновича, на притихшего на чурбаке в углу паренёка.

– Почему я должен продавать?

– Брось! Знаешь, сколько водки на него можно купить?.. Вы же любите это дело.

Лицо у ханты стало замкнутым. Он ничего не ответил.

– А это продашь? – Слава, вошедший вслед за Большевым, показал на самовар, который стоял на столике у небольшого окошка. На боку самовара были выдавлены полустёршиеся медали. – Ты не бойся, нормально заплатим. Ты видишь, мы не отнимаем, а по-человечески, за деньги.

Хозяин продолжал отчуждённо молчать, и Большев вдруг с пьяной хитрецей улыбнулся, широким жестом приобнял его за плечи:

– Извини, не подумал! Извини!.. Пошли к машине, у нас есть выпить. А то в самом деле, мы приняли, нам хорошо, а ты... Баксы видел? – Он сунул руку в карман и вытащил перехваченный резинкой рулончик. – На них что хочешь можно купить! Всё!.. Тебе хорошее ружье нужно? Ты охотник, правильно?.. Нет проблем! Какое надо? Будет!

Ханты освободился от объятя. Лицо у него оставалось неподвижным.

– Не продам.

– Да ты чего, в натуре?! Почему?

– Не хочу.

– Тебе что, деньги не нужны? Богато живёшь?..

Хозяин опять не ответил.

Слава, который явно хотел произвести впечатление на Большева, сунул руку в карман ветровки, сказал, играя голосом:

– Знаешь, что у меня здесь?.. Кругом лес, никто не услышит. Секёшь?..

Ханты кивнул настороженно наблюдавшему за происходящим пареньку. Тот бросился в тёмный угол и через мгновение стоял с двустволкой в руках.

Дело принимало нешуточный оборот. Кажется, это поняли все. Матерясь и удивлённо косясь на хозяина, Большев толкнул дверь. За ним, не вынимая руку из кармана, отступил Слава. Последним вышел Виктор Семёнович.

– Ублюдок! – Большев тяжело завалился на сиденье джипа. Девуцы взвизгнули, но, почувствовав его настроение, притихли. – Деньги не нужны! Ба-а-

ксы!.. Семёныч, ты понял, да? Вообще, куда ты меня привёз?!

– Бедные, но гордые, – попытался сострить Слава, включая зажигание.

– Какой хер гордые! Дикие!.. Ничего, сейчас ментов возьмём, вернёмся. Пусть покажет разрешение на ружьё. Он ещё не знает Большева!..

Странно, но Виктор Семёнович ни беспокойства, ни досады не чувствовал. Минут через пять Большев утомонится и заснёт, надо будет только дать ещё выпить. Такой тип молодых мужиков был ему знаком. На заднее сиденье Виктор Семёнович старался не оглядываться, смотрел прямо перед собой в ветровое стекло. Что-то вроде улыбки проступало на его лице.

«Ошибочка вышла, господа? Не ожидали? Облом случился?..» – со всей возможной ядовитостью спросил он.

Правда, не вслух. Про себя.

1999

ОТСТАВНОЙ ПРАПОРЩИК ФАТЕЕВ

Ангелы оказались совсем не такими, какими их представляют. Никаких белых хламид, никаких крыльев. И лица скорее озабоченные, а не благостные. Ангелы взяли его под руки и вроде как полетели. А может, вместе с ним телепортировались. Они о чём-то между собой говорили, слова были русские, но он ничего не понимал.

Времени там не существовало, всё происходило без всякого смысла, кусками. Какое-то пространство, вроде как большой зал, не светлый и не тёмный. Появлялись зелёные фигуры ангелов, произносились фразы, значение которых было непонятно. Сколько так продолжалось, он не знал. Потом, видно, его вернули. Решили, что рано. И вот тогда он очутился в реанимации, лежал совершенно голый под капельницей. Оказалось, на работе потерял сознание. Обширный инфаркт.

Понятно, Фатеев испугался. Выписавшись из больницы, сразу подал заявление. Директор школы отпустить не хотела: «Как же мы без вас, Евгений Герасимович? Я за вами была как за каменной стеной». Он вежливо улыбался, однако заявления не забрал. Слышать такие слова приятно, но пожить ещё хочется. Зам по хозяйству собачья должность. Мало того, что с техническим персоналом воюешь – халтурят или прогуливают на почве пьянки. Так ещё в последние годы развелась уйма писанины. Чтобы купить, скажем, упаковку мощного средства, нужно сто бумажек оформить. Понятно, сердце не выдерживает. А если учесть, сколько лет ему пришлось иметь дело с солдатами, так вообще.

Томиться Фатеев начинает с утра. Казалось бы, спи хоть до двенадцати, с толком завтракай, никуда не спеши...

Не получается. Просыпается он затемно, радиоточка на кухне ещё молчит. «Старческая бессонница», – усмеяется Фатеев. Старым он себя не чувствует.

Какое-то время он лежит в постели, прикидывает, чем можно заняться. Дел никаких, но заснуть больше не получается. Летом нормально. Летом пошёл на участок, там всегда найдётся чем заняться. Подшаманил будку, прополот грядки, выкосил траву вдоль штакетника. Всё не спеша, спокойно, прислушиваясь к самочувствию. А вот зимой или в межсезонье...

Это сейчас не спится, а как тяжело было подниматься в детстве. Мать не раз подойдёт, потормошит. Кажется, уже встал, оделся, пошёл в туалет. Лишь подпустив в трусы, поймёшь, что это снится. Или когда ходили за смородиной к бывшей мельнице. Подниматься надо было часа в четыре, самый сон, по дороге вымокнешь в росе, холодно, зубы чечётку выбивают.

Полёты в космос, интернет – ерунда. Вот если бы человек научился складировать время, а потом брать сколько надо – это было бы да! Сейчас время приходится убивать, грубо говоря. В детство бы его, в утренние часы. Или к отпуску, когда работал.

Телевизор в комнате не включишь, Валентина проснётся. Она ещё работает, пусть поспит. Фатеев поднимается и осторожно, стараясь не скрипеть полом, уходит на кухню. Включает свет, принимает утреннюю порцию таблеток. Это обязательно, Валентина проверит. Потом садится за стол и берёт в руки газету. Начинает изучать с первой до последней страницы. В том числе скучное приложение, официальный бюллетень районной администрации.

Кухонное окно по-прежнему чёрное, глухое. Фатеев, поглядывая на свое отражение в тёмном стекле, принимается осторожно рыхлить землю в горшке на подоконнике. Здесь растёт огурец. Семечко он посеял в конце января, росточек слабый, не хватает света. Фатеев каждый день по несколько раз подходит посмотреть, как огурец себя чувствует. Всё интерес в нынешней жизни.

Он дожидается, когда проснётся Валентина. Пред-

ставляет, как жена зажжет лампадку, грузно, обтягивая ночнушкой бедра, опустится перед складнем на колени. Вот уж никогда не думал, что жена с возрастом станет религиозной. Уже несколько лет она ездит в город в церковь, на Пасху – обязательно. «Что за грехи у тебя такие, чтобы отмаливать?» – «У каждой женщины есть, – отвечает Валентина. – У мужчин, между прочим, тоже». И смотрит со значением. В молодости, ещё когда жили в гарнизоне, она сделала аборт. Забеременеть с того времени больше не могла, живут они вдвоём.

Фатеев в бога не верит, но увиденное во время инфаркта не даёт покоя. Конечно, в таком состоянии всё что угодно может показаться. В газетах и по телевизору рассказывают, типа, тоннель, по которому несётся душа. А некоторые видели со стороны, как над их телами хлопчут реаниматоры. Человеческая психика явление тонкое, малоизученное. Прохиндеев, желающих погреть на этом руки, хватает. Но так явственны были и сумрачное пространство, и непонятные разговоры, и зелёные ангелы. А их самих хоть рукой трогай.

«Может, меня вернули с какой-то целью?..» – натывается Фатеев на беспокойную мысль. И тут же хмыкает: от Валентины заразился! Конечно, хорошо, что не сдубился, копыта не отбросил, но что такое он натворил, чтобы вернуться искупать? Если даже предположить, что бог есть. Ну, гонял солдат, когда был старшиной. Не давал спуску техникам и дворнику со столяром – тоже да. Зато был порядок в школе, и казарма блестя, как котовы яйца. На него обижались, называли куском. После того, как уволился из школы, многие в упор не видят. Так что, надо было поощрять разгильдяйство, лишь бы нравиться? Популизмом заниматься? Вот это и был бы грех, если уж серьёзно!

Мысли уверенные, чёткие, на них стоит жизнь Фатеева. Но что-то всё же не даёт покоя. Он не из тех, кто к старости начинает креститься и ходить в церковь – на всякий случай. Его воспитали в атеизме, при таком характере это на всю жизнь. Старого пуделя новым фокусам не выучишь. Но, может, действительно вернули для чего-то?

Для чего?..

Воду кипятить рано, Валентина поднимается в половине седьмого. Однако нужно чем-то занять себя. Фатеев натягивает на кран патрубков фильтра, подставляет чайник и слегка поворачивает барашек. Чем меньше напор, тем чище вода. Опять же время идёт. Напитки у них с женой теперь разные, у неё кофе, у него чай. Раньше Фатеев тоже пил кофе, но сейчас нельзя. Чай он заварит сразу, пусть настаивается, а кофе Валентине делает, когда она сядет завтракать.

Последнее время мысли всё чаще сворачивают на детство. Почему – неизвестно. Можно подумать, ничего другого хорошего в жизни не было. Глядя на льющуюся в чайник тонкую струйку, Фатеев представляет, как ходили за смородиной. Кусты одичали, стояли в высокой росистой крапиве, чтобы пройти к ним, нужно было её раздвигать, выставив вперёд локти. От дома мельника остались полуразвалившиеся бревенчатые стены, от самой мельницы несколько чёрных свай в воде. Это, когда он был пацаном. А лет двадцать до того гудели жернова, подрагивал пол, пахло мукой. Белый мельник выходил во двор, там полно было телег и колхозных ЗИСов, кивал следующему по очереди. Парень или молодой мужик торопливо взваливал на спину мешок, тяжёлым шагом двигался к тёмному проёму мельничной двери. Поднимался на помост, развязывал мешок и сыпал шуршащее зерно в бункер над жерновами... Мамин брат дядя Серёжа рассказывал.

И ведь жили когда-то эти незнакомые люди, разное с ними случалось, всё, что полагается в жизни, испытали – и никого уже нет. Дяди Серёжи давно.

Фатеев недоволен поводит головой. Ему всего пятьдесят три, отец прожил восемьдесят, хотя работал в колхозе. Рано о смерти думать.

Наконец оживает радио. Сначала, естественно, гимн. Как теперь, Фатеев не знает, а раньше в «Родной речи» печатались слова. Пацаны переиначивали: союз нерушимый, бежал за машиной... Учительница ругалась, стыдила. А им было до лампочки. В сентябре пар-

ты пахнут масляной краской, белёные стены классов известкой, ребята за три месяца вытягивались, вздохлеб вразли о летних приключениях...

Любимая игра осенью была в каштаны. В углу школьного двора выкапывалась ямка, в неё требовалось попасть каштаном. Под деревьями их, коричневых и гладких, словно полированных, было полно, но весь смак в том, чтобы выиграть. Карманы и портфели лопались от них. Потом каштаны ссыхались, теряли глянец, становились ребристыми...

Вообще-то странное дело, вера. Любая. В его роте был солдат, который не хотел принимать присягу. Христианин, но какого-то особого разлива, им нельзя брать в руки оружие. Кто только с этим парнем ни говорил – и замполит, и в военную прокуратуру регулярно таскали. Отказывался. Из нарядов на кухню не вылезал, пропах посудомойкой, а всё равно. Подобное поведение Фатееву понравиться, конечно, не могло, но вызывало уважение. Крепкий орешек. Потом парня куда-то из роты забрали, как сложилось у него дальше, неизвестно.

Или такое. По телевизору рассказывали, что первых христиан травили дикими зверями, а они не отрекались. Считай, те же революционеры. Сейчас насчёт большевиков много чего выяснилось, а ведь тоже на смерть шли. Потому что верили, жизнь может быть честной и справедливой. Не их вина, что вожди кинули.

«Для чего всё-таки вернули?..»

– Валя, в реанимации персонал в чём ходит? В зелёном? – спрашивает он у жены, когда та садится завтракать.

Валентина внимательно смотрит на него. Она только что из ванной, лицо свежее, моложавое.

– Чего это ты вдруг?.. Лекарства пил?

Насчёт лекарств Фатеев пропускает мимо ушей. Ему важно подтвердить или опровергнуть догадку об ангелах. Но и волновать Валентину лишний раз не стоит. Она сама чуть не слегла, когда он попал в реанимацию.

– Интересно. Ты медик, должна знать.

Он делает вид, что спросил как бы между прочим.

Хлопочет у стола, режет хлеб, намазывает маслом, сверху накрывает колбасой. Это себе, Валентина постится. В её кружке Фатеев заваривает растворимый кофе, в свою наливает жидкий чай. И всё это с озабоченным лицом, будто никаких других мыслей у него нет. Но Валентину не обманешь.

– Жень, мы с тобой договорились. Не зацкливайся. Просто надо беречь себя, такое время настало.

– Я не зацкливаюсь. В чём персонал в реанимации ходит?

– Ты как репей, честное слово! Откуда я знаю? В школе уже столько лет. Когда в гарнизонном госпитале работала, все в белых халатах ходили.

Фатеев на секунду останавливается, прикрыв глаза, раздувает ноздри. Запах кофе заполнил кухню. Но нельзя.

– Ну, ты хитрованка!.. Не хочешь – не говори.

Валентина искренне удивляется:

– С какой стати мне скрывать? В самом деле не знаю. Может, как раньше, в белом ходят, может, в чём другом. Я теперь столько знаю, сколько ты.

Фатеев снисходительно усмехается. Давай-давай!..

Отношения у них с Валентиной правильные. Он и раньше уважал её, не гонял, как другие прапорщики жён после полочки. Теперь тем более – им вместе доживать. А то, что нет детей, заставляет особенно беречь друг друга. Никому они не нужны, только самим себе. Такое не говорится вслух, но понятно обоим.

Однако это не значит, что отношения у них простые. Валентине, похоже, надо, чтобы Фатеев поверил, что побывал там. И зелёные действительно были ангелы, а не врачи и медсёстры в реанимации. Он не против её молитв и поездок в церковь, но Валентине, наверно, хочется, чтобы и он стал верующим, молился и ездил с ней.

– Вообще-то зелёные куртки и брюки у хирургов. Нет, погоди, салатные. По телевизору показывали, – говорит жена.

Фатеев с понимающей ухмылкой кивает. Переводит стрелки Валентина. Операцию-то ему не делали!..

Они сидят друг напротив друга, завтракают, и жена опять начинает говорить о вчерашнем. В школе залезли в компьютерный класс, украли два компьютера. Для их посёлка это событие. Пришлось вызывать милицию, по-новому, полицию. Выяснилось, сторожа ночью на месте не было. Валентина рада, что не залезли в её медкабинет, слава богу. Брат там особенно нечего, но всё равно. Замом по хозяйственной части директор приняла свою родственницу, а у той ни опыта, ни характера. Технички работают спустя рукава, дворник до сих пор не сбросил с крыши снег, хотя скоро начнёт таять, залёт классы на втором этаже. О столяре говорить нечего, неделями в запое.

– Обнаглели! – возмущается Фатеев. При нём такого не было. – Чего их директор не выгонит к чёртовой матери?!

– А кого вместо братья? Все нормальные мужики у нефтяников.

– Ладно, а технички, сторожа? Сколько женщин в посёлке без работы!

– Это ты у неё спроси. Аньку Антонцеву, наверно, уволит, она вчера сторожила. Ещё удержит за компьютеры.

Фатееву сторожа жалко, но он об этом не говорит. Валентина всем хороша, но ревнивая. Через Антонцеву многие мужики в посёлке стали молочными братьями. Любвеобильная бабёнка.

Валентина уходит к восьми, и опять встаёт вопрос, чем заняться. Посуду Евгений Герасимович моет тщательно, кухонный стол вытирает не спеша, со всей возможной старательностью. Но всё равно это минут десять, от силы пятнадцать.

Квартиру пылесосить рано, только вчера убирался. Белья ещё не накопилось, чтобы стирать. Валентина ругается, типа, береги сердце, но ему нужно что-то делать. Газета прочитана, а радио в это время лучше не слушать. Часа два сплошная реклама: биорезонансная терапия, кремлёвские таблетки, лекарства от гипертонии, катаракты, эректильной дисфункции и много чего ещё. Главное, успеть позвонить в ближайшие полчаса, будет скидка.

Фатеев хмыкает: прохиндеи! И выключает радио. Помогут лекарства или нет – вопрос. А то, что рекламу придётся оплачивать пенсионерам, однозначно. На них она и рассчитана, остальные в такое время на работе. Это плюс к стоимости самих лекарств. Оборзели!..

«Как другие мужики живут?! Не один же я пенсионер! – в сердцах думает Фатеев, слоняясь по квартире. – Кто в гаражах не пьёт, бабами не интересуется, хоккеем не смотрит!..»

Самое тоскливое время суток. За окнами едва светает, медленно, неохотно, будто из-под палки. Вообще на Севере крайности, летом бесконечный день, зимой бесконечная ночь. Разве дело, когда в десять ещё темно, а в начале третьего уже темно? Чёрт занес их сюда после службы. Можно подумать, без северных надбавок не прожили бы.

Как-то по телевизору показывали фильм «Война и мир», ещё старый, советский. Батальные сцены Евгению Герасимовичу очень понравились, но по-настоящему зацепило другое. Один из героев поднимался по лестнице и думал о жизни. Люди придумали себе занятия, чтобы не чувствовать пустоты. Один увлекается лошадьми, другой охотой, третий политикой, четвёртый ещё чем-нибудь.

Его жизнь и ту, что показывали в фильме, сравнивать нельзя, но Фатеева будто током пробило. Служба, а потом работа в школе нужны были, чтобы тоже заполнить пустоту?.. После гарнизона он мог вообще не работать, военную пенсию получает. Для чего вообще жизнь, если пустота? Не только у него – у каждого. Чтобы есть, гадить и размножаться?.. Не может такого быть. Человек не лошадь и не собака. Должно быть что-то ещё.

Пробившая тогда мысль немного сгладилась, но Евгений Герасимович то и дело натывается на неё. И, словно от боли, щурит глаза. А тут ещё зелёные ангелы, вернувшие в реанимацию. «Может, неспроста совпало?» – думает Фатеев.

Дождавшись, когда на улице станет более-менее светло, он одевается и направляется в магазин. Теперь в семье продуктами занимается он, пусть Валентина ворчит сколько угодно. Выправка ещё осталась, Фатеев

шагает бодро, с удовольствием дышит морозным воздухом. Сердце работает ровно, наполнение хорошее, нигде не болит. Март, но весны ещё не чувствуется, даже в середине дня будет минусовая температура.

В магазине в этот ранний час почти никого. Лишь Анька Антонцева покупает своим погодкам сникерсы. Иначе они не соглашаются оставаться в детском саду.

– Здорово, орлы! – приветствует семейство Фатеев и по привычке прикладывает ладонь к шапке. – Опять мамку доите?

Погодки избалованы, привыкли, что разные дяди с ними веселы и говорливы, поэтому на слова Фатеева не реагируют. Антонцева мельком смотрит на него. Веки припухли, лицо бледное, но Анька держит фасон. Разбитным голосом говорит:

– А кого мамке ещё баловать?.. Жизнь не побалуует, пусть пользуются, пока у мамки есть возможность!..

Фатеева тянет сказать, что такой возможности у неё практически не осталось, но он сдерживается. Анькин моральный облик оставляет желать лучшего, это да, но и судьба бабёнке досталась непростая. Первого мужа похоронила – рак, второй работал вахтовым методом в Лангепасе, познакомился там с какой-то женщиной, ушёл к ней. С третьим ещё что-то случилось. Анька по характеру лёгкая, простаивать своей мохнатке не даёт – жизнь-то уходит. Жаль только, что дети всё видят. На что будут жить, если мать уволят? Ещё за компьютеры придётся платить, вряд ли милиция-полиция найдёт воров.

– Бывайте! – говорит он вслед Аньке с её погодками, зажавшим в варежках по сникерсу. И опять прикладывает ладонь к шапке.

Его голос звучит сочувственно, и Антонцева оглядывается.

Фатеев знает, что нравится женщинам среднего возраста. Он похож на благородного грузина: нос с горбинкой, усы, седина на висках. Валентина ревнует не зря, она и аборт сделала, что была в нём не уверена, – погуливал, когда жили в гарнизоне.

Внешность ещё не всё, к женщинам надо иметь подход. Фатеев прикидывает, с чего начать разговор. Нужно, чтобы всё выглядело так, будто он зашёл по пути. Сумка с продуктами кстати. Если директор откажет, будет не так неудобно, если бы зашёл специально.

«Симпатичные пацаны», – думает Фатеев про погодков. У них с Валентиной тоже могли быть такие. Уже внуки. Мысль неприятная, щемящая, и Фатеев старается не думать об этом. Ничего не изменишь.

Татьяна Семёновна встречает его приветливо, хотя катавасия с компьютерами, похоже, ей тоже достаётся нелегко. Лицо не выспавшееся, оплыло, косметика не в силах это скрыть. Однако сорокалетние женщины особенно чутки к словам о своей внешности, и Фатеев говорит, что она отлично выглядит.

По глазам директора ясно: она всё прекрасно понимает, но слышать такие слова всё равно приятно.

– Дамский вы угодник, Евгений Герасимович, честное слово!..

Фатеев согнутым пальцем поглаживает усы, говорит с акцентом:

– Честью джигита клянусь!..

Директор смеётся, Фатеев улыбается. Контакт есть, но важно не перегнуть палку. Татьяна Семёновна всё-таки начальник, по армейскому ранжиру, не меньше, чем командир роты. Вести себя с ней, как с обычной женщиной, нельзя. И Фатеев сгоняет игривую улыбку. Субординация.

– Жаль пацанов, – говорит он, вздыхая, и опускает глаза. – Они не виноваты, что мамаша такая. На что теперь будут жить, неизвестно... Вы ведь Антонцеву уволите?

Директор тоже перестаёт улыбаться.

– Придётся.

Но баба остаётся бабой, даже если начальник. К тому же по своей природе они нуждаются в мужском руководстве. И Фатеев принимается развивать мысль о том, что дети не должны страдать из-за непутёвой матери. И попадает в яблочко, дети – чувствительная точка для любой женщины. Фатеев поворачивает

мысль так и этак, пока в лице директора что-то не изменится.

– Хорошо, я оставлю Антонцеву, – говорит она. – Но при условии, что вы займётесь ею. И другими тоже.

– В смысле? – Фатеев выпрямляется, без улыбки смотрит на директора. Что было, то было, но в этом посылке он оснований для подобных намёков не давал.

Татьяна Семёновна отводит глаза, ей забавна его реакция.

– Всего лишь предлагаю вам вернуться в школу. Человек, которого я взяла после вас, написала заявление... Сама поняла, что не тянет.

К такому повороту Фатеев не готов.

– Мне нужно подумать.

– Конечно, Евгений Герасимович, конечно. Но думайте быстрее. Работа запущена, надо исправлять.

Когда Фатеев выходит на улицу, в голове у него полный кавардак. Хваткая бабец! Сколько вместе работали, а он даже не подозревал, что до такой степени. Опять же этот намёк на грани фола... При нём вызвала секретаршу и распорядилась подготовить на Фатеева приказ. Типа, пусть полежит вместе с приказом на увольнение Антонцевой. Она подпишет какой-нибудь один.

Хочется найти себе дело, очень хочется! Но что сказать Валентине? Начнётся: вдовой меня сделаешь, одну оставишь!.. Слёзы. А ещё неизвестно, от чего быстрее можно отбросить копыта – от дела или безделья. Но попробуй Валентине докажи.

Нужно всё хорошо обдумать, и Фатеев замедляет шаг, неторопливо идёт по посёлку. Сумку с продуктами он держит в правой руке – так вес не давит на сердце. День разошёлся, даже солнце порой проглядывает. Оно пока ходит над самым горизонтом, но весна не за горами даже в здешних краях. Скоро вороны прилетят. Где-то весной прилетают грачи, а здесь вороны. Север.

У детского сада ему встречается Антонцева. Анька разве что не бросается на шею.

– Евгений Герасимович, выручили! Спасибо вам большое, миленький!..

Понятно, секретарша успела позвонить, Анька уже в курсе. Фатееву приятно видеть её радость, но он Антонцеву остужает:

– Не торопись, я ещё не решил. Второго инфаркта мне с вами не хватало!..

Анькино лицо тускнеет, но лишь на секунду. Неистребимая жизнерадостность, привлекающая в ней мужчин, берёт своё.

– Не будет инфаркта, Евгений Герасимович! – горячо уверяет она. – Разве в школе не понимают? Мы люди или кто?..

По всему видно, Аньке хочется сказать что-то ещё. Она, намекаяще взглянув исподлобья, поводит плечом, прикусывает губу... Нельзя сказать, что это не действует на Фатеева. Ему всего пятьдесят три, одна молодежь думает, что это много.

– Я могу вас отблагодарить...

– Чего несёшь, дура! – взрывается Фатеев. – Не понимаешь ни хрена! Нужна мне твоя благодарность!..

Оставив растерянную Аньку, он крупным шагом уходит. Вот дурища, к чему всё сводит! Ради её мохнатки он согласился, что ли?.. В смысле, почти согласился.

Понемногу Фатеев успокаивается. Минут через пять думает, что зря сорвался. Во-первых, сердце надо беречь. Во-вторых, кто виноват, что у Аньки это единственный способ отблагодарить. Может, со временем по-настоящему поймёт, что к чему в жизни. Ему самому нужно было дожить до пятидесяти с гаком, инфаркт перенести, ангелов увидеть, чтобы забрезжило.

«Что Валентине скажу?» – думает Фатеев. И эта мысль занимает его сейчас больше всего. Как-никак жена, родной человек, вместе проживать.

Краем сознания мелькает: хорошо бы помочь рассчитывать за компьютеры. Не Антонцевой помочь – её пацанам. Кое-что у них с Валентиной отложено, да и другие в школе должны понять.

Всё-таки люди.

В УСТЬ-САБУН И ОБРАТНО

Тамаре снится, будто она утёнок. Маленький, жёлтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара её не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебную тёмную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы. Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отбивает, почему не прогонит страшную утку?!. Тамара захлёбывается, вода врывается в лёгкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснётся Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камин хантыйские луки и стрелы, может, потому. Обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утёнка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь остриё на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело, топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

Сквозь тюль на окне во всю светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть ещё, но не получается. Сон про утку, которая её топит, не даёт. Всё в нём так осязаемо, явственно, будто происходило на самом деле: жёсткая хватка сильного клюва, упругость озёрной воды, ужас... Нет, не заснёт, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бёдра.

– Отстань.

Сашка открывает глаза и удивлённо смотрит.

– Ты чего?..

– Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов, брюнет с голубыми глазами, был когда-то такой.

– Дело хозяйское.

И отворачивается к стенке. Обиделся. Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему – не поймёшь. Тамара в ночной рубашке принимается ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью «Puma», прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто, подарки можно купить на месте, были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится, зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше всё-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом узи показало: двойня, мальчик и девочка, Тамара связала ещё один. Хорошо бы из своей шерсти. Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тело под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух – и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трёхлитровую банку белых грибов, и скорей назад. Банку она завернёт в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно

с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть, результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

– Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит.

Сашка тоже встал, умывается на кухне под раковиной. Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару весёлыми васильковыми глазами. У Сашки ещё одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

– Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с оленьком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать...

Сашка никак не отойдёт от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и ещё один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка лёгкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается, в их краях Сашка скрывается от алиментов.

– Загадку хочешь? – вдруг спрашивает он и заранее смеется. – Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви сообразительность!..

Тамара отмахивается.

– Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте всё-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

– У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намёк (а что, зимой приходится, удобства на улице), но Тамара знает, Сашка это от простоты, и смеётся тоже. Интересно, почему он к ней прибился? Потому, что она в администрации работает? Работала.

Пока собралась, позавтракали – начало девятого. Сашка ушёл к себе в пожарку, а Тамара берёт мобильник. Можно звонить Викторине, та уже на работе.

– Начальник отделения почтовой связи... – заунывным голосом начинает трубка.

Тамара смеётся:

– Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

– Не говори! – голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. – Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

– Значит, угодила?

– А то нет! И вино, и водка, и пиво... Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утёрла!

– Ну, пока только в отпуск.

– Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься... Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто ещё так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Всё, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворённо улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторина какое-то время молчит, потом уточняет:

– Утка какого цвета была?

– Ну, дикая, какого они цвета – серая.

– А мать?

– Я её не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.

– Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала. – Однако к её проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит: – Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как хорошо там, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара соображает не сразу: почему накрылся?.. А, ей больше не полагается санаторно-курортное лечение – всё, не бюджетница. В Кисловодске действительно

хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторовой они в прошлые годы побывали в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске – компенсация за скудное северное лето, – но в Кисловодске лучше всего. Викторова ещё и романы крутила.

– А чего мне жалеть? Подкоплю, съездим.

– Ага, с пенсии!.. – иронизирует подруга. – Я, например, боюсь с работы уходить. Так авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведёт. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеётся:

– Не уведёт! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.

– Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если б не подруга, я бы... Не боись, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлёстывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но и только. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться. И смешно – с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

– Я за Сашку спокойна, – говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего собственно звонит: – Слушай, Маш, мне самой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчёт сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

– Не вопрос! – щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторова. – А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчёт билета звонила?

– Какой он мой...

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторова права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок на аэроплощадку. Бывший муж солидно произносит:

– Вас слушают.

– Мне в Усть-Сабун сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трёх дочерей родили.

– Ну и что?

– А ничего, место оставь.

– В порядке живой очереди. – И Анатолий кладет трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козёл, всегда любил повыпендриваться! Потомок сибирских казаков, видишь ли!..

– К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! – говорит она, нажав кнопку повторного вызова. – Не понимаешь, что ли?!

– Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется. – И бывший муж опять кладёт трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унижить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара метиска, отец у неё ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать – белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на неё и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил чёрного чая

и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятый человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своём обласе обогнал пароход «Антонин Зырянов». Это про Тамариного отца. Капитан «Зырянова» пожалел аборигена, окликнул через жестяной рупор, предложил подвезти. «Нет, мне, однахо, быстро ната», – якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда «Антонин Зырянов» шёл, – тот уже спал пьяный у мыр-лавки. Оказывается, Натальин отец спрямлял себе путь, переносил лёгкий осино-вый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десятков различных должностей, в том числе специалиста по работе с коренным населением. Районный бюджет позволял – не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно, до Путина. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трёх человек, и она теперь называется отделом.

Тамарину должность не сократили – в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой «Puma» Тамара идёт к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего ещё не значит. Ночью был ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечет оленина в сумке. Вообще-то май самый лучший месяц. Без морозов – и комаров с мошкой ещё нет.

– Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? – В голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Чёрные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжёлую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

– В Усть-Сабун надо, внуков ещё не видела.

– Выписали уже? – продолжает радостно удивляться Лыткина.

– Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжёлые.

Лыткина смеётся:

– Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей... То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

– Как твои нижевартовцы поживают? – продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. – Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать...

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется – неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не метит ли Лыткина на её место. Лыткина она по мужу, а так

ханты, окончила институт, кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы, первый с третьим, второй с четвёртым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

- Ладно, побегу, а то билета не достанется.
- Сегодня боинг или вертолёт?
- Дак четверг, вроде боинг.
- Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на «здрасьте» редких встречаемых, дышит пахнущим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает, дворы у ханты не такие, как у русских. В русских теплицы, грядки, а хантыйские пустые, с полегшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подворий, громко стукнув дверь, появляется заросший растрёпанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены её побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушкину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодёжь. Она выросла в интернате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодёжь спивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее Викторовна. Удобная всё-таки штука, мобильник, с ним всегда на связи. Ещё недавно было странно видеть человека, который идёт по улице и сам с собой разговаривает, – крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

– Чего, Маш?

– Слушай, что в соннике про уток пишут. – И подруга принимается монотонно читать: – Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай...

– Самое оно. Насчёт морских поездок и большого северного урожая.

– Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток – предвестие резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были подстрелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела... Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

– Ладно, Маш, потом, – говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

– Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнется вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топала её. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

– Больше ничего про уток нет?

– В этом соннике нет, я в других посмотрю.

– Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

– Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлётного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминным экспонаты, замок. Не торопятся девчата на работу. И осуждать их тяжело – обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера – всё-таки аборигенам работа. Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с фи-

нансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

– В Багдаде всё спокойно! – рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это ещё не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стёклами, она у него капитальная, отапливается. А чего не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здоровается.

– Почему в Багдаде? – спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. – Мы в деревне живём.

Рогожников ухмыляется.

– Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издёвкой. Станный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевёлся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такой язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чём?

Уже видно, как по взлётной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли лётная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлётном поле, показатель: рейс состоится, боинг уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса – здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по «Тойоте», машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнётся летом, когда бюджетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибаются, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек поступил подло, понимает это, но вместо того, чтобы исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

– Выписывает? – Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там же сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыбкооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетаёт?..), но мимоходом, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достаёт из куртки паспорт и молча кладёт на стол. Так же молча садится – не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть мандавошки этой нет, его жены. Анатолий оформил её кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает постное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щёлкает в рации, вызывает борт. Говнитса, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у неё Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей – и пожалуйста, снюхался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достаёт портмоне, отчуждённо спрашивает:

– Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлёте, ответил, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

– Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на неё глаза, называет сумму.

– Ого! – вырывается у Тамары. Ей давно не пришлось летать, с прошлого ноября.

– А чего хочешь, керосин дорожает, – быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, её удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, её настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Не спросил, скотина!..

Самолёта ещё не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют ещё пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, боинг ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счётчик, десяток экземпляров оббежала, а здесь всё волынят, не хотят врезать. Ещё бы, цеху невыгодно, по счётчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё ещё подводящей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у неё впереди такие же проблемы. Тепловой счётчик в доме не установлен, а пенсия это не зарплата работника администрации. Ещё Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похожее? Может, тоже есть необычные способности, просто Тамара об этом не догадывается?.. И как, наверно, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

3

Боинг – отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный АН-2. Он прилетает раз в неделю, и билеты на него дешевле, чем на вертолёт. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в боинге, когда он на земле, приходится мало того что в тесноте, так ещё перекобочившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины – она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, непустишь его ногу между своими, не так поймёт. В салоне боинга полутемно. Салон – слишком шикарное название для узкого низкого пространства. Как в гробу, думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба лётчика, слишком весёлые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадёжным самолёт кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом – и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько не сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда весёлые лётчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо ещё, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Усть-Сабуне Тамара выбирается из АН-2, словно выпила. Слава тебе, господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянётся, что никогда больше на боинге не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась, страха натерпелась?! Подождали бы внуки, вертолёт через два дня.

Тамару встречает зять Василий. Прямо у самолёта он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

– Всё нормально, мама?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе «мамо», когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока наконец не вспомнила – писаря на картине «Запорожцы пишут

письмо турецкому султану». Постриги ещё под горшок – копия! Похож не столько усами, сколько понижающим, лукаво затаённым выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геолого-разведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокопильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Посёлок Усть-Сабун, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой «Газель» Василий подогнал почти к боингу. Он ставит сумку в машину и распахивает перед Тамарой переднюю дверцу.

– Садитесь, мамо.

– Уф! – выдыхает Тамара. – Подожди немного, дай на земле постоять. – Но тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. – Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Всё нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

– Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

– А с весом как?

– Почти набрали.

– Грудь берут?

– Наташа потом даёт. Тоже едят.

Тамара смотрит, как боинг, высадив в Усть-Сабуне часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нём!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей в город. Жаль, не получилось у них погадать.

– Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза весёлого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чём-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим

сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется, дольше. Наверно, потому, что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но всё равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрёжа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай бог, месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да сё. Основная связь с большой землёй по воздуху, «Антонин Зырянов» тоже давно не ходит. А из Усть-Сабун до города дорога круглый год, бетонка. Цивилизация.

Неподалёку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых берёзок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Усть-Сабуне всюду, тёмный торф бросается в глаза.

– Что, парк у вас решили сделать?

– Вроде того.

– Ещё бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляетесь!..

Говорится это с полушутивым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

– Всё равно коровы сожрут.

– Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять.

А ты – коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно весёлый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от неё скрывают, или зять просто не высывается. Всё-таки двое грудников.

– Поселение... – говорит, тормозя у подъезда деревняной двухэтажки Василий. – Ещё бы зоной назвали. Реформаторы...

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмёт на руки двойняшек, зароеется лицом в пелёнки, вдохнет сладкий

детский запах. Верно говорят, к внукам отношение особое. Когда свои дети растут, сама ещё молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара ещё не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

– Ну, где они, показывай! – заявляет она в прихожей, едва сняв куртку.

Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

– Тс-с-с... Спят.

Она молодец, не опустила, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причёсанная. Не поцеловала, а приложила, как в американских фильмах, свою щёку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодёжь, у них так теперь принято.

– Ну хоть взглянуть, – тоже переходит на шёпот Тамара.

Наташка манит её за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и ещё раз прижимает палец к губам.

– Тимка такой чуткий, от малейшего звука...

Дети спят в одной кровати, но места в ней всё равно ещё много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задёрнуты, полумрак и тишина.

– Господи, – шепчет Тамара, на глазах у неё слезы. – Господи...

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иглками истыкали, бедные мои... Но она справляется с собой.

– Тимка? – едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребёнка.

– Нет, Ангела... – Наташка на цыпочках тянет её к двери. – Насмотришься ещё, пошли...

Всё-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материному приезду накрыть стол. Через несколько

минут они втроём уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

– А себе?... Наташка ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай!

Молодые переглядываются, дочь вступает за мужа:

– У него ещё дела, не надо его заставлять... Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, выпивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвращается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

– Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся... С юбилеем, мамуля! Чтобы ты ещё пятьдесят лет прожила нам на радость.

На этот раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеётся. Всё-таки хорошие они у неё. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живёт, а эти... Не подарок дорог, внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

– Нет, ты посмотри, посмотри! – настаивает дочь. – Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт. Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достаёт его, открывает. Какая-то несерьёзная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу надпись: 50 евро. О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

– Мы подумали и решили, – говорит дочь, – ты сама себе купишь, что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета

работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

– Обратите внимание, мамо, – поддерживает зять, – у вас пятёрка с нулем и здесь пятёрка с нулем. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятёрки с двумя нулями!

Тамара машет на него рукой

– Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

– Не прибежняйтесь, мы вас ещё замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удаётся. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подают голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пелёнки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берёт внука и внучку на руки, принимается расхаживать с ними по квартире. Врёт Василий, не набрали они ещё своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчили дочерей.

– Как у тебя хорошо получается. – Наташка стоит в дверях, с улыбкой наблюдает за ней. – Я первое время боялась. Такие маленькие...

– Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

– Я поставила подогреть.

– Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко полезнее.

Дочь отводит глаза.

– Что молчишь?

– Молоко пропало, – после паузы отвечает она.

– Почему? Давно?

– Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обеих рук идёт следом.

– Почему пропало?

– Ты сядь, – говорит Наташа и трясёт бутылочки,

взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. – Думаешь, куда Вася поехал?

– Куда – работа, наверно. А что?

– Если бы работа... В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

4

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то она Сталина, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про неё сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно. Организовать для заочников культпоход, выступить на собрании, купить подарки преподавателям – это Сталина. Одно время Тамара была у неё в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамариной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно её избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила её в приемной и сразу пригласила в кабинет:

– Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдалённой деревни. – Это говорится для остальных, ожидающих в приёмной. – Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того, как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щёчки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрывай крупными бусами. Ну, так бывшая однокурсница и старше. А вообще-то, видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, причёска.

– Слушай, мне сказали, ты увольняешься, – говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливает-

ся, это уже в кабинете, удивлённо смотрит на Тамару.

– Правда, что ли?

– Пока в отпуск...

– Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девяностые, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

– Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимают вспоми-
нать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

– Ты ко мне по делу?

– Даже не знаю, как сказать...

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, пере-
двигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

– Говори как есть. – Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто её и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совеща-
ниях в коопзверопромхозе Кулызина могла кому-ни-
будь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьёзно, холодно. Словно отодвигала человека, говорила, что её улыбка ничего ещё не значит. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у неё получалось неважно.

– У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокопильный цех, слышала, наверно...

– И Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых муж-
чин, по виду не местные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на при-
обретение продукции – обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех,

однако это Василия не насторожило. Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий засме-
ялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. По-
купатели не хамили, не угрожали, посоветовали не то-
ропиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор... Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостат-
ков. В конце концов санэпидстанция заставила оста-
новить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли дру-
гих поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях ещё хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли каби-
нет Василия, опечатали сейф и отключили компью-
тер. Когда прибыла соснинская милиция, старший по-
казал решение суда об удовлетворении материального иска поставщика рыбы. Всё как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянётся, никто из поставщи-
ков в суд на него не подавал.

– Да, мне уже говорили. – Лина Степановна кивает.
– Спор хозяйствующих субъектов.

– Какой спор, Сталина?! Отобрать цех хотят, не мы-
тьём, так катаньем. Там одного оборудования на четы-
ре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кулызина несколько секунд молчит.

– Ему нужно найти хорошего адвоката.

– Так он уже несколько раз ездил в город к проку-
рору!..

– И что?

– Говорят, ждите.

Лина Степановна громко, искренне удивляется:

– Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Проку-
ратура солидный орган, разберутся! Понимаю, была бы ещё нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьёзные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решается:

– Ты не могла бы помочь?

– Как ты себе это представляешь? – Лина Степановна выключает улыбку, её лицо становится чужим.

– Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город...

Тамара знает, как решаются вопросы в их деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

– Ты ещё советские времена вспомни! Это тогда звонками всё решалось. Теперь не так, теперь демократия... – И снисходительно, как неразумному ребёнку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет право вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберётся.

Тамара понимает, Сталина помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчинённого человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как сама не сообразила. Ей неудобно, что побеспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

– Извини, – говорит она, поднимаясь. – Не буду отрываться от дела. Вон сколько людей в приёмной.

– Ну что ты. – Кулызина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. – Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

– Передам.

«Спасибо» Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждёт Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Усть-Сабуне и в самом деле взялись серьёзно. В будущем парке с голыми берёзками женщины в комбинезонах с надписью на спинах «Жилищно-коммунальное хозяйство» насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон централь-

ной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами «майна», «вира» и налегают на троса, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на всё это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

– Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! – со смехом говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у неё ведро и совок. – А что делать, огород удобрять надо. Здесь голимый песок, сын торфа привёз, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливала внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, её тоже запомнила.

– Что, коров в посёлке много?

– Есть. Вот смотри, почти целое набрала. – Соседка показывает ведро со свежим навозом. – Говорят, стайки скоро сносить будут. Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то ещё рай, а у нас...

Соседка рассказывает, что сын перевёз её с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом, забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. «Заелись мы, – думает она. – Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..». И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталины помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от неё ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у неё несчастное.

– Мам, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а... Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тама-

ра молча идёт в ванную, не спеша берёт мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берёт заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к её телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

– У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами.

– Я что, виновата?..

Тамара не торопится её успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец дети засыпают. В таком возрасте они почти всё время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в администрацию. Тамара коротко пересказывает разговор с Кулызиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

– Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разъедутся, а хороший муж на всё время. Да и на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

– Пойди поспи пока.

– Я борщ варить поставила.

– Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку, пробует. Ещё сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильника, слушает гудки. Наконец Сашка отзывается.

– Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

– Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть...

– Чего это вдруг? – Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

– А хрен поймёт. Из города комиссия.

– И как?

– Вроде нормально.

– Ладно, – говорит Тамара. Ещё одна забота, ломай теперь голову. – Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

– Сегодня полью, ничего с ними не случится.

– Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура...

– Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведующую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на неё начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебку в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустраивать...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинается вроде как с шутки:

– Ань, ты на моё место никого не взяла? А то смотри, я, может, ещё передумаю.

– Внуки уже надоели? – бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Чтобы ни случилось – авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят, – Конкина всегда спокойна.

– Ну что ты, как эти солнышки могут надоесть!..

– Тамара на время обо всём забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и мысль: Конкина должна понимать её положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

– Не знаю, – отвечает Конкина. – Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела...

Тамара представляет лицо начальницы. На нём постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берёт ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением – никто не пишет на неё, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка как-то заявил: «А чего мне здесь ловить? В случае чего, ноги в руки и до свиданья. Классные отделочники везде нужны». Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу – дом строился для хантыйской семьи, на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: «А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?» Тамара попробовала отшутиться: «Нашёл к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!» – «Э, они не такие». – «Чем же это я лучше?» – «Вы серьёзная женщина. Положение у вас». – «Смотри какой!.. Да у меня зятя такие, как ты». – «Ну и что?»

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямодушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер всё и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно – начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от неё зависит. Должен понимать.

«Блин! Да я же увольняюсь!» – вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль бьёт по голове, будто поленом.

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своём желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

– Вася обедать придёт?

– Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

– Тогда садись, поедим.

Пообедав, Тамара говорит:

– Ты вроде пасьянсами увлеклась. Не забыла ещё?

– Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Ещё об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживлённой, в глазах появляется интерес:

– Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

– Китайская?.. – Тамара в сомнении поднимает плечи.

– Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

– Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

– Значит, так. Бери копейки, трясина в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир... Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своём вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать – с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясёт в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

– Так, ищем, – наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. – Читай.

«До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займёт прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благоприятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанностью, впоследствии вы станете хозяином положения...» И ещё несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

– Ещё раз можно?

– Подожди, сейчас я, – отвечает Наташка и принимается трясти монеты. Выпавший вариант она читает молча.

– Ну что?

– А, так себе! – Дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: – Вообще-то любое гадание это так, развлечение!.. Ещё раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно и если бросят перчатку, не поднимать её. Пусть всё идёт своим порядком, тогда наступят мир и покой, и Тамара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджать хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросала на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское бельё, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

– Мам, – говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, – ты обратила внимание, Анжела на хантыку похожа? Лицо круглое, и смуглая.

– А чего удивляешься. Дед у тебя хант, гены должны сказаться... Ладно, иди, простудишься. Мастита ещё не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять во-

зится под окнами. Узкая полоса чёрной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

– Убей бог, не могу без дела! – смеётся она. – Картошку дешевле купить, а я сажать надумала – всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить...

И старуха рассказывает о том, что раньше у неё была забота, внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать чего-то хочется. Сын у неё хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа – желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и её, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена её жизни, той, что настоящая, заняли место?..

От такой мысли Тамара перестаёт качать широкую двухместную коляску и останавливается. Нет, она не согласна! Она ещё сама жить хочет! Нет!..

– Ты гордая какая-то, – недовольно бросает старуха. – Слова от тебя не дождёшься.

Тамаре не до неё. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колёса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого.

От открывшейся правды всё в ней оцепенело.

Не хочу, не согласна, сама ещё жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чём-то разговаривают. Судя по всему, весёлого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм американский, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остаётся, что пойти сдать. Но он не идёт, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов всё заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскрёба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

– Кино... – от долгого молчания или ещё от чего-то сипло говорит Василий. – Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают своё? Государство так устроено, у них можно?..

– Ладно, Вась. – Наташка берёт мужа за руку. – Проживём без цеха.

Но тот уже не может остановиться:

– Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать! Головой, руками! А на меня смотрят, как... Хоть на стенку лезь, всё схвачено. Пустой дом какой-то, кричи не кричи – никто не отзовется! Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю...

– Ва-а-сь, – тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. – Ну, вернёшься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрём...

Зять выдёргивает руку.

– Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось, делал! Почему такое отношение? Все понимают, а делают вид...

– Он вдруг поворачивает отчаянно весёлое лицо к Наташке. – Может, взять ружьё и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

– Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь поломаешь и семье!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

– Вот что, – говорит Тамара, – сегодня дети пусть у меня спят. Перевезём кровать в эту комнату. И давай-те ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоём. Выспятся, и вообще, стресс снимут. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрёпкой, наверно, забыли, как это делается. Выпить бы ещё им.

6

И опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и её жёлтые пушистые братья и сёстры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головёнками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов. Тамара не думает об этом, её тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней ещё одна и ещё, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют её, принимаются топить, но мать уже несётся навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьёт крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надёжней и роднее. Всё, никуда от неё, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит...

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кровать. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встаёт, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоём.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому, что закончилось хорошо? «Это мне предупреждение», – думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой. «Поторопилась!». Но ещё не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглашает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

– Что-то у меня на душе беспокойно, – говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепеленаты и накормлены. Тамара берёт их по очереди на руки, держит «столбиком», чтобы срыгнули лишнее. – Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахоть огород скоро пора, картошку сажать...

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

– Ладно, давайте вместе позавтракаем, – говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. – А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые её решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она ещё прилетит. А вот насчёт того, чтобы уйти на пенсию... Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка ещё энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатали глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

– Да, Маш?

– Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

– Откуда знаешь?

– Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром...

– Подожди, – останавливает Тамара. – Комиссия где ночевала?

– К тебе домой Сашка повёл, куда ещё?!.

– А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

– Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У неё мужика уводят, а она!..

– Что-то ты слишком заботишься обо мне, – сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчёт женской дружбы Тамара давно не заблуждается. – Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

– Я? Сплетни?!. Будешь ещё локти кусать, да поздно будет! – И отключается.

Завтракают молча. Ещё одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он всё же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсионерка. Пустое место. Ничто. Ноль.

– В аэропорт подбросишь? – спрашивает она у зятя. Тот, не поднимая головы, кивает.

– Прямо сегодня, мам?.. – Наташка смотрит тоскливыми глазами.

– Я не надолго. Кое-какие вопросы решу, и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успевает. И с билетами проблем нет – летит вертолёт, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с боингом не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сидения на два человека, чистые круглые, будто иллюминаторы, окошки.

– Садись ко мне, – хлопает по сидению рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбокоопы, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолёт поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно ещё, как суд решит.

– Испугаются жэкашники судиться! – говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. – Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал? Испугаются, точно говорю! Даже не думайте!..

Бывшая продавщица, а ныне гадалка в сомнении пожимает плечами.

– Испугаются, испугаются! – напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. – Суды у нас демократичные, справедливые! Там всё по закону, честно! Я вам говорю!..

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она ещё не переписала, но уже чувствует себя уверенно, твёрдо. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы желание. И даже то, что под вертолётном сотни метров ледящей душу пустоты, Тамару теперь не пугает.

2007

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ

Рассказ

– Валь, а что нужно делать? – спрашивает Ира и уверенно смотрит на подругу.

– Ну, ты даёшь, мать! – Валентина даже всплескивает полными руками. – В поезде никогда не ездила? Не знаешь, что проводники делают?.. Билеты проверила, бельё разнесла, титан раскочегарила – делов-то! Что, не сможешь? Запросто!

Ира опускает голову и задумчиво мешает ложечкой чай. Она всё ещё сомневается.

– А если пьяный или без билета лезет? Я пьяных боюсь.

– Бригадир на что? Ссадили с поезда и все дела. Или в милицию на станции сдали, у нас особо не понаглеешь. – Валентина смотрит на подругу и добавляет веский аргумент: – Подработать можно, навар всегда есть. Я из поездки без лимона не возвращаюсь.

Ира бледно улыбается.

– Ты про бутылки, что ли?

– Бутылки тоже. И другое кое-что, потом расскажу. Да ты соглашайся, не думай!..

Ира и Валентина – противоположность друг другу. Ира высокая, сухопарая, рассудительная. Валентина низкорослая, полная, с авантюрной жилкой. Ира до последнего держалась в заводском архиве, пока жизнь на предприятии окончательно не захирела, а Валентина где только за перестроечные годы не успела поработать. Даже салом возле универса торговала.

Познакомились, как у женщин бывает, благодаря детям. Обе родили в одно время и, гуляя с колясками во дворе своего многоэтажного дома, разговорились. Дети выросли, но Валентина с Ирой подругами быть не перестали. А тут ещё общая беда, развод с мужьями. У Иры муж ушёл с завода, стал челночить, в Польшу, куда

ездил за товаром, познакомился с какой-то женщиной и остался у неё.

У Валентины вышло по-другому. Собственно говоря, развод с мужем несчастьем она не считала. Валентина только официально выходила замуж четыре раза и смотрела на очередное расставание спокойно, дескать, на её век мужиков хватит. Ира про себя удивлялась такой уверенности – это при Валентининых-то данных!.. Однако ничего ей, понятно, не говорила.

Делать было нечего, нужно было соглашаться. Бывший муж ни денег, ни вещей из Чехословакии не прислал, сын Виталька, окончив школу, на работу устраиваться не стал – ждал, когда заберут в армию. А тут ещё архив закрыли, пересох даже этот скудный ручеек зарплаты.

– Чего ты ещё думаешь! – сердится на Ирину нерешительность Валентина. – Не знаешь, как в нашем возрасте устроиться тяжело?.. Она думает!

Ира молча смотрит на белый пластик кухонного стола. Наконец говорит:

– Надо, наверно, в отдел кадров обратиться?.. Расскажи хоть, как к ним добраться.

– А чего рассказывать, – обрадовалась Валентина, – завтра вместе и поедем! Я за тебя слово замолвлю. Это раньше всех подряд брали, а сейчас с разбором. Фирма у нас солидная, зарплату платит вовремя, сама увидишь.

Ира, водя ложечкой в давно остывшем чае, некоторое время ничего не говорит. Лицо у неё несчастное.

– Валь, я хочу с тобой. Хотя бы первое время.

– И я тоже хочу! Попрошу бригадира, чтобы к нам взял. Будешь у меня напарницей. Да не трусь ты, ей-богу!..

У себя дома Ира долго стоит у окна. Витальки нет, опять куда-то смотался, в квартире тишина. Ира смотрит во двор, и ощущение неприкаянности становится всё острее. Снег растаял, двор от этого кажется особенно неуютным, серым, деревья голые. А в их углу на работе уже почки на сирени, наверно, лопнули, мать-

и-мачеха зацвела. Угол между двумя стенами заводоуправления, там затишек, солнце практически целый день светит, так что всё распускается раньше.

Ира вздыхает. В эту пору, если не было срочной работы, она в их углу разбивала клумбу и аккуратно высаживала выращенную на подоконнике рассаду цветов. Теплынь, пахнет влажной землёй, солнышко плечи греет...

Видно, никогда этого уже не будет. Ира чувствует, что может заплакать, но берёт себя в руки и лишь ещё раз вздыхает.

Обстановка в отделе кадров ей нравится – это уже на следующий день, когда Ира вместе с Валентиной приезжает в резерв проводников. Держа в руках бумаги, сотрудницы с озабоченным видом стучат каблучками по коридору, иногда перебрасываются короткими деловитыми фразами. В большинстве это молодые, в тесных джинсах девчата. Чувствуется, работа в резерве проводников кипит. Об унынии, в котором последнее время находились работники Ириного завода, здесь и речи быть не может.

– А мы к тебе, Марья Сергеевна, – поёт Валентина, заходя с подругой в один из кабинетов. Ира и не знала, что Валентина может быть такой сладкоголосой. – Здравствуйте, девоньки! – здороваются Валентина с остальными сотрудницами, столы которых тесно, один к одному, стоят в кабинете. – Вы как к трюфелям относитесь? По глазам вижу, положительно. Это вам к чаю. – И Валентина достаёт из пакета и кладёт на стол Марьи Сергеевны красивую коробку. – Ох, девоньки, выручайте хорошего человека, на вас одна надежда! Завод закрыли, без работы моя подружка осталась. Ещё муж-кобелина сбежал.

Насчёт мужа, конечно, лишнее, да ещё кобелина, но Ира улыбается, старается понравиться. Разбитная, способная без мыла влезть в любую щель Валентина её порой раздражает, но чаще – особенно в последнее время – эта способность вызывает у Иры зависть. Она так

не умеет. С застывшей улыбкой Ира садится на стул, пишет заявление и заполняет анкету. С такой же скованной улыбкой отдаёт их Марье Сергеевне.

Большинство сотрудниц в кабинете молодые, как и те девчата, что встречались в коридоре. Ира неуверенно поглядывает на них. Раньше она не думала о том, что старше, но после того, как несколько раз, когда пыталась устроиться на работу, услышала, что берут женщин до сорока, стала чувствовать себя чужой. Хорошо, хоть Марья Сергеевна не первой молодости, может, отнесётся с пониманием.

– Я с тобой за такие конфеты до конца жизни не рассчитаюсь, – говорит Ира, когда они спускаются по лестнице на улицу.

– А! – легко отмахивается Валентина. – Не такие уж дорогие. Ты лучше на поездку настраивайся.

– Так когда ещё приказ будет. Если подпишут...

– Не бойсь, всё путём! Марья постарается, она мне должна.

Ира помолчала.

– Деньги, что ли?

– Ну ты даешь, мать! Что ты всё на деньги сводишь! Отношения дороже любых денег. От отношений и деньги бывают... Выручила я её как-то. – И Валентина замолкает, в подробности не вдаётся.

Следующие несколько недель проходят в хлопотах. Приказ о том, что Ира принята на курсы проводников, подписывают быстро. Потом учёба, инструктажи, получение и подгонка формы, другие дела. Ира едва дождалась, когда Валентина вернулась из очередной поездки, – будет у неё проходить практику.

И вот подруги опять сидят на кухне, на этот раз в Ириной квартире, и пьют не чай, а итальянское вино. Ира заняла, но купила – как-никак событие, устроилась наконец-то на работу, пусть пока это и практика.

– Тебе форма идёт, – оценивающе разглядывая подругу, говорит Валентина. – Ты стройная, пассажиры кадриться будут.

– Вот ещё! – смеётся Ира. Она, чтобы привыкнуть и показать подруге, надела форму и уже знает, что Валентина договорилась с бригадиром, они будут работать вместе в плацкартном вагоне. Настроение у Иры приподнятое. Она рада и немного нервничает – неизвестно ещё, как всё будет.

– А чего? Мы ещё нестарые, ко мне кадрятся, – развивает тему Валентина. – Бывает, приглашу к себе в купе, ну и...

– Да ты что! – Ире неловко и в то же время интересно. После развода она думала, что мужчины для неё больше не существуют. Оказывается – нет, существуют. Только как-то слишком легко у Валентины всё получается, несерьёзно.

– А чего? Я свободная женщина, ты, кстати, тоже... Орден всё равно не дадут!

Но всё это так, мимоходом, полушутя. Хотя и выпили, но женщины они взрослые, для них есть темы поважнее. У Иры на шее Виталька, а у Валентины целая семья – дочь с ребёнком, родила в десятом классе, надо помогать. Валентина возит с оптового рынка в Екатеринбурге ходовые вещи, там они дешевле, и сдаёт знакомой в киоск. Кое-какую копейку на этом имеет. Или те же бутылки из-под пива и водки. Сейчас всё больше пластмассовые «полторашки», но и стеклянные поллитровки пассажиры оставляют, собирай и сдавай. Надо крутиться, время такое. Опять же китайки...

– Китайки – это китайцы-женщины? – не понимает Ира. Вино ударило в голову, но она старается внимательно слушать подругу. Хочешь не хочешь, тоже придётся этим заниматься, деньги ой как нужны. Пока искала новую работу, последние запасы с Виталькой проели.

– Да нет, бельё такое... Потом расскажу.

Разговор прыгает с одного на другое, долго на одной теме не задерживается. Подруги отдыхают, отводят душу – день сегодня такой, расслабуха, как говорит Валентина.

Бригадир похож на Якубовича, разве что не седой. Живой, быстроглазый, с такими же, как у Якубовича, усами. Ире кажется, бригадир вот-вот бодро крикнет: «Откройте следующую букву! Подарок в студию!..»

– Так вот она у нас какая, Ирина Викторовна, – говорит он, заходя в их плацкартный вагон, ещё пустой и тихий. Он мимолетно, но внимательно смотрит Ире в глаза и касается пальцами усов. – Считайте, вам повезло, с лучшей проводницей будете работать. У неё есть чему поучиться.

– Да ладно тебе, Ген!.. – свойски машет на него рукой Валентина, отрываясь от пересчёта одеял, стопками сложенных на верхней полке. Чувствуется, ей приятно.

– Почему, ладно? Толковых работников мы ценим. Особенно, если они толковые во всех отношениях...

Бригадир улыбается, задерживает на Валентине взгляд, и Ира догадывается, что у слов есть какой-то смысл ещё. Но думать об этом некогда, нужно всё как следует подготовить к поездке. Работа в архиве приучила Иру к аккуратности, да и характер у неё такой, ответственный.

Бригадир и Валентина перекидываются короткими, не очень понятными фразами, а Ира направляется к дальнему туалету. Надо проверить, всё ли там в порядке, чисто ли. Она уже знает, что надо делать, принимая вагон, на курсах научили.

– Генка тебя просил зайти, – говорит подруга, когда Ира возвращается в купе проводников.

То, что Валентина называет начальство по имени, Иру не удивляет – подруга быстро сходится с людьми и почти сразу начинает говорить «ты». Удивительно то, что она вдруг понадобилась бригадиру. Ведь только что был здесь.

– Чего это?

– Говорит, в какой-то ведомости расписаться должно... Шестой вагон.

Недоумевая, Ира надевает ладную форменную куртку, спускается из вагона. Состав стоит в тупике, до отправки ещё около часа. Слышно, как на вокзале

гулко объявляют об отправлении пригородных электричек, пахнет угольной гарью – это в вагонах топят печки... Ничего, вроде бы, нового, Ира десятки раз бывала на вокзалах и ездила в поездах, но сейчас ко всему, что происходит вокруг, имеет отношение она сама.

Ей тревожно и радостно, как в молодости.

– Прошу, – говорит похожий на Якубовича бригадир и заводит в своё купе. – Раздевайтесь, здесь тепло. Я помогу.

Ира отстраняет его руку.

– Я так.

– Нет, у нас так не положено, – улыбается бригадир и расстёгивает молнию на её куртке. – Валентина тебе говорила, у нас полувоенная организация? Начальник приказал, надо выполнять. И вообще с начальством надо дружить...

Слова Иру настораживают, она подбирается. А Геннадий, расстёгивая куртку, задерживает руку на её груди дольше, чем нужно, приговаривает:

– Сегодня я взял тебя в бригаду, завтра могу откататься, желающих хватает. Я, например, бальзаковский возраст уважаю, а другие бригадиры молодых любят, они, типа, шустрей... Ну чего ты, как неживая? Давай, до посадки ещё полчаса, успеем.

Как Ира выскочила из бригадирского вагона, она не помнит. Пока возвращалась в свой, немного отошла. На Валентину посмотрела пристально: знала или нет, для чего вызывают? И почему не предупредила, если знала?..

Подруга занимается странным делом. Из большого серого мешка достает простыни и наволочки, по одной раскладывает на полке, брызгает из пульверизатора и в несколько раз складывает. Стопка влажного белья растёт. Трагедии из бригадирского поступка Валентина делать не собирается, говорит просто:

– К тебе, значит, тоже?.. Это у него хобби такое, наш возраст, вся бригада через него прошла. Не мытьём так катаньем... А вообще-то, смотри проще. Взрослая женщина, не убудет.

Ира отводит глаза. Если по-человечески, с уходом, с цветами, она, может, отнеслась бы по-другому, мужчина бригадир внешне вроде ничего. А так – пособачьи, на ходу... Ещё шантажирует. Выражение Ирино лица не нравится Валентине, она резко, почти со злостью бросает:

– Ты среди своих инженеров избаловалась, настоящей жизни не видела!.. Не девочка, привыкай!

Ира не отвечает. Ладно, сегодня выкрутилась, думает она, а потом?.. И пожаловаться некому, не в резерв же проводников идти жаловаться. Только опозоришься.

Посадка отвлекает Иру. Как всякая женщина, она немного актриса, ей нравится роль радушной хозяйки. Тем более, что купившие билеты в их вагон в основном приятные, симпатичные люди. Молодая мамочка с годовалым на вид малышом, пенсионер в потёртой дублёнке, две женщины где-то её, Иры, возраста, солдат, возвращающийся из отпуска...

Как её учили, Ира проверяет на билетах номер поезда и дату, смотрит, чтобы фамилия на билете и в паспорте соответствовали.

– Пожалуйста, заходите... Семнадцатое место, это нижняя полка, как раз для вас, – говорит она пенсионеру в потёртой дублёнке.

Тот добродушно усмехается:

– Что, старый? Наверх не залезу?

– Я не в этом смысле... – смущается Ира.

Пенсионер ободряет её:

– Всё нормально, не тушуйся!

Мамочку с годовалым малышом никто почему-то не провожает, Ира поднимает в вагон её довольно объёмистую сумку и просит солдата:

– Молодой человек, помогите девушке, у неё девятое место... Спасибо.

На женщин её возраста Ира смотрит с особым расположением. Может, тоже остались без работы и сейчас челночат, а что делать, приходится. Мотаются по поез-

дам с большими клетчатými сумками, мерзнут на рынках, боятся воров и рэкета... По нынешним временам, самый несчастный возраст. И до пенсии ещё далеко, и уже немолодые, на работу особенно не берут. Ире хочется этим женщинам сказать или сделать что-нибудь хорошее, но она не знает что и просто здороваются:

– Здравствуйте!..

Когда наступает время отправления, в тамбуре появляется Валентина. Отправление – дело ответственное.

– Поднимайся, – командует она. – Иди пока в купе.

Придерживаясь за поручень, Ира поднимается по насквозь просвечивающим ребристым ступенькам в тамбур. Ей приятно. Кажется, справилась с посадкой неплохо. Не боги горшки обжигают.

В купе проводников за откидным столиком она видит мужчину. «Ещё один?..» – мелькает испуганная мысль. Но мужчина ведёт себя скромно. Поднимает голову, мельком смотрит на Иру и опять принимается за кроссворд.

Ира возвращается в тамбур и спрашивает, кивая в сторону купе:

– Кто это?

– Безбилетник, – спокойно отвечает Валентина. – И нам хорошо, и ему – за полцены едет.

– А если контроль?

Валентина придавливая крепкой, с тугой икрой ногой рифлёную площадку над ступеньками, захлопывает дверь в вагон.

– Ты, мать, вообще! – Она с сожалением, как на неразумное дитя оглядывается на подругу. – Слышала поговорку, кто не рискует, тот не пьёт шампанское? Или вообще кладёт зубы на полку. Этого хочешь? Не надоело?..

Но самое плохое начинается, когда Ира принимается раздавать бельё. Валентина не успела – едва собрала билеты, как по внутрипоездному вещанию объявили, чтобы от каждого вагона к бригадиру явился проводник.

– Нам бы бельё, – первой обратилась одна из тех двух женщин, на которых Ира обратила внимание при посадке.

До вечера, конечно, далеко, но люди хотят лечь отдыхать. Когда Ира сама была пассажиркой, она тоже так делала – мерное постукивание колёс клонит в сон. А что ещё в вагоне делать?

За женщиной стали подходить за бельём другие. Не прошло и нескольких минут, как женщина вернулась.

– Девчата, что это у вас с бельём? Мокрое какое-то, в жёлтых пятнах... Замените.

Ира заменила комплекты. Про себя подсадовала, плохо прачечная работает. Но и эти комплекты не устроили женщин. Вскоре появилась вторая из них. Эта была настроена решительно:

– Вы что нас дурите! Мы что, не имеем права за свои деньги получить нормальное бельё? Вы знаете, как нам эти деньги достаются?.. Бессовестные!

Иру будто кипятком ошпарили. Таких слов она не заслужила.

– Мы-то при чём? Такое бельё из прачечной поступило.

– Не делайте из нас дур! Это же китайки! Бизнес на нас устроили. Немолодая, совесть должна иметь, а туда же!..

Ира не знала, куда деться от стыда. А тут ещё безбилетник оторвался от своего кроссворда и усмешливо посмотрел в её сторону. Вот, оказывается, что такое «китайки»! Это их делала из использованного белья Валентина, когда Ира вернулась от бригадира. Тогда было не до того, переживала и по-настоящему не обратила внимания. О, господи!..

А тут и пенсионер подоспел, от его добродушия не осталось и следа:

– Мы-то ладно, а детям за что? Вон их сколько в вагоне, запросто позаражаются! Может, туберкулёзные на этих наволочках спали и полотенцами вытирались. Совсем обнаглели! Сталина на вас нет!.. – И чуть ли не в лицо швырнул «китайки».

Молодая мамочка, которой Ира помогала подняться в вагон, ругаться не пришла, но выглядывала из своего отсека осуждающе.

Когда Валентина вернулась в вагон, Ира всё для себя решила. Подруга быстро замяла конфликт – оказывается, у неё в запасе были нормальные, неиспользованные комплекты. «Кто тебя просил, подождала бы!» – шёпотом подсадовала она на Иру. Та ничего отвечать не стала, вышла в тамбур, принялась молча смотреть в окно.

Под ногами тупо бились колеса, за стеклом бежали перелески. Нет, не умеет она так. Из другого она теста, не её это дело, ловчить и обманывать. Как-то жила раньше и сейчас проживёт. А работу она себе найдёт. Да хоть подъезды пойдёт мыть, там на возраст особо не смотрят.

Лишь бы по-человечески всё было.

2007

ЯСНАЯ ЖИЗНЬ

В детдомовском своём детстве Маша знала точно, откуда появляется Дед Мороз. Она знала, но не говорила этого подружкам, потому что те не верили, те смеялись и сквозь смех уверяли, что Дед Мороз – это баянист Коля только с приклеенной бородой и усами. А Маша знала совершенно точно, что Дед Мороз приходит из зелёного торца большого зеркала в девчачьем умывальнике, и часто, когда никого не было, останавливалась и заглядывала в торец, в его зыбкую зелёную даль. Она всё надеялась увидеть, чем сейчас занимается Дед Мороз, она даже знала, чем он может сейчас заниматься, но хотела удостовериться в этом лишний раз.

В детдомовской столовой висела большая картина, на которой было много весёлых бойцов, по краям, в лесу, виднелись остановившиеся танки, а посередине всех сидел Василий Тёркин и что-то интересное рассказывал. Маша знала, вот так же сидит в таинственном салатом торце и Дед Мороз. Только он один, но лицо у него такое же весёлое, и он почему-то обязательно переобувается. Таким Маше постоянно Дед Мороз представлялся, и она верила в это, потому что как же не верить в то, что есть на самом деле.

Когда Маша стала постарше, и Дед Мороз не то чтобы забылся, а, смутный и уменьшившийся, отодвинулся, отплыл куда-то в сторону, с салатовой глубиной зеркального торца стало связываться у Маши представление со словом «деревня». Их детский дом находился в городе, и о деревне Маша слышала только по радио или читала, это красивое непонятное слово должно было жить в таинственном торце, и Маша опять шла в умывальную комнату поглядеть. Она видела в зелёной дали глухую улицу с нависшими над ней клубами высоких деревьев (в д е р е в н е – д е р е в ь я!), и высокие

эти деревья должны были быть акациями. От старших, а также из книг Маша знала, что «деревня» и «село» обозначают одно и то же, но никак не могла представить «село» в торце зеркала. Потому что это слово было каким-то сухим и определённо пыльным. Сухость и мелкую светлую пыль его содержал в себе первый звук этого слова, и ни «е», ни ласковое «л», ни округлое и доброе «о» ничего уже не могли изменить.

Прошло много лет, и по окончании культпросветучилища Маша получила направление в библиотеку одного из сёл на Подолье. Детские представления о словах «деревня» и «село» остались только в памяти и иногда приходили на ум. Но Маша насмешливо не улыбалась. Она понимала и относилась с сочувствием к себе маленькой.

Село, в которое ехала работать Маша, находилось в балке, а вокруг села и далеко за ним лежали возделанные поля, яркие, сочные и безлюдные. Маше казалось, что село, такое маленькое в обычное время и почти потерявшееся в полях, должно временами расширяться, растекаться, как убежавшее тесто, по этим полям, тогда ещё голым и пепельным. А когда приходило время уйти назад – сжиматься, и из-под него, видимо, и появлялись эти ухоженные, аккуратные нивы.

Так казалось Маше, девочке, выросшей в городе, девушке, верящей в чудеса.

При въезде в село стоял транспарант, вкопанный узловатыми деревянными ножками в землю, и на нём по довольно выгоревшему красному фону белыми крупными буквами были написаны слова: «А видел ли ты, как всходит солнце?» Маша улыбнулась доброй улыбкой, прочтя эти слова, и что-то радостное и светлое утвердилось в её душе, которая и раньше-то была безоблачна.

Библиотекарша, на место которой приехала Маша, была русской в этом украинском селе. Она имела полный рот серовато поблескивающих металлических зубов и на штапельном платье носила колодку боевых наград. Позже Маше суждено было узнать, что библи-

отекарша уезжает к своему мужу на Север, который отправился туда на заработки да так и остался там, а вообще-то он местный, сельский, что сюда библиотекарша с мужем приехала после войны, на которой они оба потеряли первые свои семьи, и что сначала селяне посмеивались над этой русской женщиной, которая первое, что спросила по прибытии в село, это: «А где же ваши трёхэтажные дома?» И муж, не лишившийся юмора, несмотря на пережитое, ответил: «Пол – первый этаж, припечек – второй, а печь – третий». (Ещё ухаживая за ней, муж весело врал, что в селе у него трёхэтажный дом.) Всё это и многое другое Маше суждено будет узнать позже, а пока с уважением и даже робостью она поглядывала на колодки боевых наград, слушала прозрачную чёткую русскую речь и одновременно делала дело: принимала книги, и весь процесс сдачи-приёмки у неё окрасился в цвет смущения.

Когда, наконец, всё было окончено, и Маша осталась в библиотеке одна, она села за свой стол, расслабленно опустила на него руки и сказала, медленно и отдельно, для себя: «Ну, вот я и дома...»

Пахнущая книгами тишина стояла в библиотеке.

Жить Маша стала у бабки Юхимихи. Сыновья поставили старушке дом, чтобы доживала она в тепле и достатке оставшуюся жизнь, которая совсем уж не была лёгкой. Сыновья поставили дом, чтоб и самим не отрываться от родительских корней, чтоб знать, что где-то там, за дымными пределами их города, есть село, затерявшееся в полях, а в селе у них мать и хата, готовые принять, укрыть и пожалеть в неласковые времена. Сыновья поставили большую хату. А сами жили в городе, и бабке Юхимихе было скучно в гулких полупустых комнатах одной. Когда Маша стала интересоваться насчёт квартиры – её сразу направили к бабке: «У неё спроси, девушка. Она принимает квартирантов». Юхимиха оказалась старушкой с сухоньким личиком, но ещё шустрая и улыбчивая, она сразу же согласилась взять Машу на квартиру, сказав:

– Живи-живи, дочка. И тебе будет хорошо, и мне веселей.

Голос у неё оказался неожиданно звонким, без старческой надтреснутости, будто у девочки-пятиклассницы. Она пожалела Машу:

– Такая молодая, а уже пошла в свиты...

Маша не понимала сначала многое из её разговоров, как не поняла сейчас это «в свиты», но сама старушка ей понравилась, и она всегда улыбалась в ответ на её постоянную улыбку.

Быть квартирантом в селе, да ещё в таком большом доме, как у бабки Юхимихи, это совсем не то, что в городе.

– В какой комнате хочешь, там и поставим тебе кровать, – говорила бабка Юхимиха, водя Машу по всем шести комнатам дома. – Если хочешь, то и в двух комнатах живи... И не стесняйся, – бабка с удовольствием оглядывалась на скромную девушку, ей нравилась её молодость, – не стесняйся. Если надо чего, у меня спроси.

Маша выбрала себе комнату с двумя окнами, выходящими на огород. В комнате стоял неуклюжий, но широкий и упругий диван – продукция, по всей вероятности, какой-нибудь артели районного центра, стоял стол, ничем не примечательный, два венских стула, даже на вид скрипучих, зато на стенах висело несколько картин, писанных маслом, хотя и без рам.

– Это сын мой рисовал, – с достоинством сообщила бабка Юхимиха, когда заметила, что Маша рассматривает картины. – Он сейчас художником в городе, при Доме культуры.

Она стояла у стены, сложив руки на животе, скромно гордая за своего сына. Картины были копиями с известных полотен. На одной из них три охотника устроили себе привал, один самозабвенно врал, второй ему не верил, а третий с пылкостью юности переживал рассказываемое. На заднем плане занималась чем-то своим худая, с подтянутым животом собака. На второй – девочка с толстыми босыми ногами и с братцем за спиной убегала от грозы, и складки на её лице от крыльев носа до уголков губ, которые должны были говорить о страхе, походили на усы.

– Он ещё с детства всё рисовал, – слышала Маша далёкий голос хозяйки. – Малюет – ну и пусть малюет, думала я, ребёнок ведь... А оно вон во что перешло: сейчас это его кусок хлеба...

Хозяйка говорила, и хотя она стояла рядом, голос её, казалось, идёт откуда-то издалека, потому что Маша тем временем думала, что это хорошо – в комнате есть картины. Потому что вечером она будет смотреть на них и думать об этой девочке, убегающей от грозы. И о каждом из трёх охотников. Об убитой дичи на переднем плане и об их глянцевающих ружьях. Потом охотники и девочка с моржовыми усами перейдут в её сны и станут понятнее и объёмнее, а к утру опять будут уходить на холсты и располагаться там в своих привычных позах. Да так, будто и не уходили никуда...

Бабка Юхимиха одобрила выбор Маши.

– Правильно. Хорошая комната, светлая, – закивала она головой и добавила со спокойной житейской мудростью: – Ты молодая, хлопцы к тебе придут – так есть где посидеть.

На эти слова Маша пожала плечами.

– Нет, – ответила она, – ко мне хлопцы приходите не будут. У меня жених в армии, – и ясными глазами взглянула на хозяйку. – Я его жду.

Сначала, пока Маша не привыкла ещё к новой своей жизни, дни были странные и долгие, без конца и края, а как пообвыкла – побежали, замелькали они, словно шпалы на железной дороге. Привычной ей стала и её библиотека с длинными стеллажами и тишиной, пахнущей книгами, и дом бабки Юхимихи с прохладными и гулкими комнатами, и немногочисленные здешние читатели, которым нравились книги про любовь. К одному здесь не могла привыкнуть Маша – к небу. Оно всегда её изумляло. Выходила ли она из дому, направляясь по утрам на работу, помогала ли хозяйке на огороде, терпеливо учась деревенским заботам, просто ли шла по улице в задумчивости, с неясными умиротворёнными мыслями, стоило неожиданно поднять голову – и она шептала, поражённая:

– Господи, а небо-то!..

Пусть думала она до этого о чём-то совершенно другом, вспоминала ли детский дом или читателя, который несколько месяцев не сдавал книги, стоило неожиданно взглянуть ей вверх, как все эти трезвые мысли отваливались, как корка высохшей грязи при резком движении, и она останавливалась, преисполненная восхищения, и восторженным шёпотом произносила: «Господи! Какое небо...» Над ней стояло небо, чистое, неохватное и такого пронзительного голубого цвета и мудрое, что хотелось плакать. Она стояла под этим небом и чувствовала, что вот стоит она, Маша, человек, и кругом тоже люди, человеки, жизнь которых совпала с её жизнью, что их много, но небо для них одно – общее небо, сближающее.

Она бежала в хату, порывисто целовала бабку Юхимиху в костлявую скулу, а бабка Юхимиха непонимающе, но всё же с улыбкой смотрела на неё, а затем стирала ладонью со скулы след поцелуя.

– Бидна дытына... С детства не знала от матери ласки... Кто в тому детдоме приголубит её, пожалеет, – и, пригорюнясь, качала головой.

Бабка не понимала Машу, потому что всю жизнь прожила под этим небом. И оно не казалось ей удивительным, а таким, как положено ему быть, каким было оно раньше, при родителях-небожчиках, и каким, наверно, останется после неё.

Маша, конечно же, не сидела всё время в своей тихой библиотеке. У неё была обязанность, которую она радостно выполняла: обязанность ходить в бригады, ланки, носить туда книги. А иногда и прочесть интересную статью из газеты. Маша выходила за село, шла стёжкой по просторным светлым полям и дышала на полную грудь степным воздухом. За спиной оставались последние деревья села, а впереди распахивалась солнечная ясная даль, безграничная и чистая, и верилось, что можно сейчас плавно взлететь и парить, если очень этого захотеть, и радость бурлила в груди и выплески-

валась песней. Маша шла среди сизостебельной пшеницы, клонящей головы-колосья к стёжке, шла долго, слышала непрерывный шорох задевающей за её платье нескончаемой линии колосьев и, не оглядываясь, знала, как они покачиваются из стороны в сторону, будто укоряют за беспокойство. Наконец слева с каждым шагом подпрыгивающе выростала лесозащитная неширокая полоса, и Маша знала, что совсем уже рядом плантация сахарной свёклы, но что увидеть её густой сочный цвет она сможет при самом выходе из пшеничного поля, метров за десять-пятнадцать. И в самом деле, всё оказывалось так, как Маша предполагала, и вскоре она выходила к дороге, отделяющей пшеничное поле от свекольного. Дорога была в глянцевающих следах обитых железом тележных колес, а по сочно-зелёному ковру свекольной плантации разбросаны ярко-белые платки. Белые платки были на головах у женщин, сапающих буряки, и Маша, приглядевшись, в каком направлении женщины двигаются, шла к тому месту плантации, где они должны были выйти, и начинала ждать.

Воздух был до того невидим, что казалось странным, как это может удерживаться в нём жаворонок. И что, должно быть, он неспроста так трепещет, бьёт крылышками, а вдали по наклонному полю полз трактор «Беларусь», и виден был голубой дымок от него, и слышно было далёкое, не нарушающее общей умиротворённости, татахканье.

Женщины одна за другой выходили к Маше, разгибаясь и потирая поясницы, откладывали сапы в сторону и подсаживались к ней. Маша вынимала, раскладывала на траве книги, которые приносила с собой в большой сумке, купленной ещё в городе, и молодые женщины и девушки раскрывали их, перелистывали и отбирали каждая себе подходящую. Женщины же постарше любили, чтобы им чего-нибудь почитали, и, когда вся ланка выходила к Маше, они поднимались все разом и шли во влажную тень лесопосадки, где женщины, развязав сетки, начинали закусывать, а Маша читала им статью о международном положении или что-нибудь поинтересней из женского журнала.

Это было звено или, как говорили здесь, ланка свекловодов известной на всю республику Марии Тарасюк, об этой ланке читала Маша на транспаранте с деревянными узловатыми ножками, когда в первый раз въезжала в село, потому что под словами «А видел ли ты, как всходит солнце?» по изрядно выгоревшему фону шли другие слова, помельче, рассказывающие, что ланка Марии Тарасюк каждый восход солнца встречает в поле, потому-то каждый год эта ланка собирает не меньше как по пятьсот центнеров свёклы с гектара и что в этом году она взяла обязательства получить по шестьсот центнеров корнеплодов с одного гектара. Сама Мария Тарасюк была здесь же, вместе со всеми закусывала и вела себя так просто, ни в чём не проявляя своё право командовать, что Маше казалось странным и почти невозможным видеть в этой пожилой, несколько полноватой женщине человека, о котором пишут газеты и который заседает в Верховном Совете республики. Проходило с полчаса, Маша оканчивала читать, и женщины, отдохнув, брались за сапы и шли продолжать своё нелёгкое и нужное дело, а Маша собирала оставшиеся и возвращенные книги, и путь её лежал дальше, от ланки к ланке, от птицефермы к тракторной бригаде.

Просторно и легко было в полях. Заливались жаворонки над ласковой заслушавшейся землёй.

Однажды Маша пошла в клуб на танцы. Её вызвался провожать Петро, светловолосый круглолицый парень, не особо бойкий в разговорах. Танцы были не в самом клубе, а в прихожей, где обычно раздевались перед концертами, но и этого помещения хватало, потому что молодежи было не так уж много. Большинство ночевало в полях, в свежеобмолоченных скирдах, чтобы не тратить сил и времени на возвращение в село. Машина библиотека находилась в том же помещении, что и клуб, и Маша решила пойти посмотреть, как проходят танцы здесь, рядом с её библиотекой, заплатила двадцать копеек за вход и стояла, смотрела, как шаркали подошвами по

плиточному полу танцующие под радиолу. Маша мало с кем была знакома, хотя многие лица ей и примелькались уже, зато её знали почти каждая и, особенно, каждый на этих танцах. Сюда ходили девочки с четырнадцати лет, а местные парни были скромны и немногословны, и если хотели проводить после танцев девушку, то не говорили об этом прямо, а осторожно спрашивали: «Нам не по дороге?..» Так спросил и Петро во время одного из танцев, и Маша, посмеиваясь над его осторожностью и нерешительностью, ответила задорно:

– Если вам к бабке Юхимихе – то по дороге!

Петро не обиделся, а ровным голосом сказал:

– Ну, не совсем чтобы к бабке Юхимихе... Я там рядом живу. – И добавил, не глядя Маше в глаза: – Я сколько раз уже вас видел.

Во дворе на чёрном небе ярели звёзды, и было так темно, что появилось сомнение, есть ли у акаций, начинающих в ста метрах от клуба, кроны. В окнах света давно не было, потому что в страду все спать ложатся рано, даже собаки молчали, будто им передавалась людская тяжёлая усталость. Петро шагал рядом, но под руку взять не решался, а с большими паузами рассказывал, как служил совсем недавно в армии, возил на ГАЗ-69 командира части, как работает сейчас в колхозе шофёром и какие интересные истории ему приходилось слышать и самому видеть за время службы. Маше было приятно и спокойно слушать его, но, уйди он сейчас, она бы не расстроилась и совсем бы не помутился её душевный покой. Просто хорошо было идти среди темноты, чувствовать возле себя человека и слышать его голос. Возле калитки Маша не стала долго задерживаться, она знала, что долгое стояние даже самых робких парней делает решительней, и потому сказала сразу же: «Ну, до свидания. Я пошла» – и чувствовала спиной, что Петро не уходит, а стоит и смотрит ей вслед.

Вот с того-то вечера Петро и стал часто заходить к Маше, и они сидели на каменном крыльце бабки Юхимихи, а перед их глазами закат развешивал пурпурные полотнища, и тонко пахло в тёплом воздухе молоком

и яблоками из садов. В селе раньше был такой обычай, чтобы приходиться парням всем вместе к какой-нибудь девушке, усаживаться в хате, шутить, выпить самогона из бутылки, заткнуть кукурузным кочаном, и чтоб девушка приглядывалась к каждому из них, и чтоб каждый из них мог приглядеться к девушке. Называлось это «вечерницами» или «идти до дивки», но последние лет пятнадцать изменилось что-то в селе, и молодёжь встречалась большей частью в клубе, и там завязывались нити большинства супружеских уз. Но до сих пор не считалось зазорным парню на правах соседства зайти к девушке и посидеть в комнате или вот так на крыльце и вести скромный, но полный недомолвок разговор. Все дневные дела были переделаны, часто выходила и подсаживалась к Маше и Петру бабка Юхимиха, но долго не сидела, потому что понимала, они молодые, у них свои разговоры. Маша видела, что она Петру нравится, но это её никак не трогало. Покойной и ясной оставалась её жизнь.

Однажды Петро пришёл позднее обычного, тогда, когда закат уже густел и вскоре должен был сойти на нет, и пришёл не только позднее обычного, но какой-то странной скованно-решительной походкой. От него привычно пахло бензином. И был он в продольно-полосатой новой футболке. Петр строгим голосом заговорил, что ему уже за двадцать, что армию он отслужил и что пора ему жениться, потому что в селе, не в пример городским, женятся рано, но вот до недавнего времени всё не мог найти подходящей девушки, а сейчас, кажется, нашёл... Петр говорил все это, а Машино внимание отвлекала его полосатая футболка, ей очень хотелось заглянуть Петру за спину, чтобы узнать, есть ли на этой футболке настоящий футбольный номер. И она попросила его повернуться. Она не хотела ничего этим сказать, потому что была слишком бесхитростна, но Петро понял, что говорить о женитьбе этой простой и беспощадной девушке бессмысленно, и вскоре ушёл, неся на своих плечах десятый номер нападающего.

Ему было очень горько, и ночью он плакал, несмо-

тря на то, что служил в армии и бывал во всяких переделках, а Маша спала спокойно и видела во сне трёх охотников с картины Перова.

С двух до четырех Маша закрывала библиотеку на обед. Она клала ключ в карман и шла по тихим и жарким полуденным улицам, сворачивала в глухие переулки, в которых онемевшими, остановившимися струями стекал с заборов колючий повий. Солнечная одурь была в этих густых ветвях кустарника... первоначально и сонно гудели редкие пчелы среди мелкого блекло-сиреневого цвета... млели на солнце безразличные ко всему красные плоды – «бруньки»... И казалось, что прошедшие времена нашли покойный приют в этих частых и гибких побегах.

Баба Юхимиха уже ждала Машу, поставив в холодильник старинный казанец густого борща, или Маша сама готовила обед и вызывала хозяйку из недр огорода, из джунглей кукурузы своим сильным спокойным голосом. Хозяйка безмолвно выходила к дому, держа в одной руке натруженную сапу, а в другой нежные стручки молодой фасоли, и пот блестел на коже её морщинистого лба.

Обедали они в небольшой теневой комнате, сумрачность и прохладная клеёнка которой делало приятным нахождение в ней таким жарким августовским днём, а кроме того, у комнаты было ещё одно достоинство, столь ценное Машей. Достоинство это состояло в том, что комната выходила окном на дорогу. И Маша могла спокойно обедать и следить, не появится ли в окне, в его искажающем крае, долгожданный почтальон.

Она ела борщ, поглядывала в окно и совсем не задумывалась над тем, почему почтальон Иван Бурковский, заслуженный инвалид Отечественной войны, выбирал для разноски писем и газет эту жаркую половину дня, она не задумывалась, а если б и задумалась, то объяснила бы это тем, что скучно, должно быть, жить, если действовать только разумно.

Почтальон часто проезжал мимо на неторопливом своём велосипеде, но иногда останавливался и глядел

в отражающее тёмное окно, уверенно поджидая Машу. Маша выскакивала из-за стола, выбегала к Ивану Бурковскому и выхватывала письмо из его крепких рук хромого человека. Маше писали друзья по детдому, писали подруги из культпросветучилища, но самыми желанными были для неё письма в конвертах без марок и с синими треугольными штемпелями «солдатское». Это писал ей её жених Володя, а история их любви началась три года тому назад и выдержала уже около двух лет переписки.

Маша влюбилась в Володю первой и простодушно не скрывала этого ни от подруг, ни от него, а он, лучший студент училища, парень умнее и старше, ходил безразлично мимо и лишь изредка здоровался. Машу задевало это его равнодушие, и однажды она решительно вошла в их мужскую общежитейскую комнату и сердито заявила Владимиру, что она его любит и что её возмущает то, что он не обращает на неё никакого внимания. Соседи по комнате, опустив головы, прятали конфузливые улыбки, а Володя серьёзно глядел на неё и ничего не говорил, он вообще был молчаливым, над его койкой висел девиз: «Молчи, если не можешь сказать что-то стоящее».

Он безмолвно позволил Маше бывать у них, а потом – и с ним, и Маше этого было вполне достаточно, лишь иногда некоторые его фразы, над которыми из-за редкости их долго думала, ставили в тупик, приводили к мысли, что если этот человек и любит, то совсем по-иному, не так, как она. Он говорил: «Ты очень непосредственна, и это для других может быть счастьем или же сильным горем». Маша спрашивала: «Ну ты-то счастлив?!», на что Владимир сперва ничего не говорил, но потом отвечал: «Да, – и грустно глядел на неё. – Но надолго ли твоя любовь?..»

Своей самоотверженностью завоевала его Маша.

Почтальон Иван Бурковский, немного шокированный Машиными резкими движениями, некоторое время ещё стоял и с недовольством глядел на неё, но затем, подбрав и решив, что, видно, очень уж ждёт «библио-

текарка» от солдата весточки, садился на свой дамский велосипед (с его хромотой на велосипед с перекладной не взобраться) и ехал дальше. Он надеялся успеть к шести вечера на станцию, что в четырёх километрах от села, к московскому поезду со своими забавными деревянными игрушками, оттого и развозил почту в самую жару. А Маша тем временем успевала разорвать конверт и, осторожно ступая к дому, принималась за чтение письма. «Двадцать восемь дней осталось до приказа, – писал Володя, любя Машу и гражданскую свободную жизнь, – двадцать восемь дней до нашей встречи, милая...» Маша отрывала от письма просветлённое лицо, невидяще глядела вдаль, и безоблачный покой её освещался счастьем.

Она никогда не сомневалась, что в её жизни всё будет прекрасно, а вот сейчас эта уверенность начинала понемногу превращаться в реальность. Маша знала, что наступит осень, и в селе появится подтянутый парень в парадно-выходной форме с буквами СА на погонах, и люди, завидев его с Машей рядом, будут перешёптываться о том, что это жених библиотекарши и что председатель обещает ему должность завклубом.

Маша стояла под жарким солнцем и не чувствовала его, а из солнечного половодья, от сарая с нагретыми деревянными дверьми доносились приглушённые вскрики снесшейся курицы. Доносились будто сквозь сон, будто из дремучих солнечных зарослей, будто из зелёного зеркального торца детдомовского умывальника.

1972

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Почти по Стерну

НАРУШИТЕЛИ ГРАНИЦЫ

Зрелище было забавное. Над неказистым речным паромом гордо развевались два государственных флага, украинский и молдавский.

Паром был прямо-таки из нашего ямпольского детства: неуклюжая прямоугольная посудина с дощатым настилом. Бликовали на солнце далёкие легковушки – паром стоял под противоположным берегом, – хвост желающих переправиться вытянулся далеко по дороге. Правда, телег-каруц с унылыми мериными на пароме видно не было. Он их оставил в нашем детстве.

Я присматривался, надеясь заметить трос (по нему эта громоздкая посудина раньше ходила между берегами), но обнаружить его не было суждено.

– Ага, пан начальник, – вполголоса сказал Лёня. – Приготовились.

От пограничного КПП с достоинством государственного человека в нашу сторону двигался крепыш в форме. Был он в расцвете сил, этак между тридцатью и сорока, камуфляж ладно подогнан, берцы горели чёрным огнём.

Мне почему-то вспомнилось армейское: хохол без лычки, что справка без печати. Хотя это был прапорщик. Да и что, собственно, иронизировать? Сам хохол и до сержанта в своё время дослужился. Тем не менее я сказал:

– Орёл!..

– Зря веселишься, – заметил брат. – Граница. Всё настоящему.

Каюсь, до сих пор не могу привыкнуть, что живём мы теперь в разных государствах. Затянувшейся игрой

кажется мне заполнение деклараций на границе, когда еду к Лёне в Черновцы, все эти проверки паспортов, озабоченно деловитые пограничники, таможенники... Несерьёзно как-то.

Оттого и здесь, в Ямполье, без особых раздумий потянул брата к Днестру. Он в этих местах разделяет Украину и Молдавию. У нас много воспоминаний, связанных с этой быстрой мутной рекой. Но раньше Днестр границей был номинально, а сейчас, похоже, иначе. Не зря нас предупредили, чтобы на прогулку взяли с собой паспорта.

Приехать в Ямполь было моей давней задумкой. Человек я ностальгирующий, постоянно существующий в двух временах, теперешнем и прежнем. Когда был Советский Союз, всё собирался побывать в Баку, где прошло наше с братом раннее, ещё доямпольское, детство. Не сложилось. Сначала денег на поездку не было, потом Союза не стало.

А так хотелось взглянуть на посёлок Ази Асланова, что в пригороде азербайджанской столицы! Всё гадал, стоят ли по-прежнему щитовые дома из вагонки, то ли немецкие, то ли финские. Так же гонит ветер шары верблюжьей колючки бесснежной зимой? Скрежещет ли летучий апшеронский песок в замочных скважинах? Играет ли разноцветными огнями маяк на близком каспийском берегу?.. У меня был любимый цвет, среднее между зелёным и синим. Он мне казался волшебным.

А главное, живут ли до сих пор в нашем офицерском посёлке Витька и Шурка Неклюдовы, другие ребята? И моя детская, но самая настоящая любовь Лиля Чеснокова? Какими стали? Или их отцов, как нашего, тоже уволили из армии во время знаменитых хрущёвских сокращений? И увезли их родители кого куда?..

Так и осталось неизвестным. Теперь уже навсегда.

Украина не Азербайджан. Ближе и по менталитету титульного, как принято говорить, населения, да и географически тоже. Опять же в Украине живёт брат (именно так: «в», а не «на» говорят теперь здесь и пишут). Лёня выбрал время, и на исходе сентября мы на

автобусе добрались из Черновцов до Могилёва-Подольского. А там и до Ямполья было рукой подать.

И вот стоим у переправы через Днестр, смотрим на вальяжно приближающегося служивого. Тишина, осеннее разбавленное солнце, покой и умиротворённость вокруг.

Ничего плохого в такой день случиться не может по определению. Хотя чем чёрт не шутит. Времена-то новые.

ЧЕГО НЕ ПРЕДВИДЕЛ ГОГОЛЬ

К переправе мы вышли не сразу. Сначала минули окраинные ямпольские улочки, где нет асфальта, а жизнь почти сельская. Пыльные яблони и сливы за заборами, по дороге бродят непуганые куры. Поросят в лужах не видно, да и самих луж нет, но специфический запах тем не менее присутствует. И то сказать, что за украинец без сала.

– Василь, таки надумав воду до хаты провэсты?

У каменного забора (по-ямпольски, мура) двое голых по пояс парней копали траншею. Один, с порослью на незагорелой груди, но с загорелым лицом, оглянулся на вопрошавшего через дорогу соседа.

– Та ж трэба встыгты.

– А чого?

– Ихаты скоро.

– Эгэ ж. Португалия сумуе за тобою. – Пожилой сосед засунул руку под рубашку и с удовольствием почесался. Его голос был добродушно насмешлив.

Парень в тон ответил:

– Точно. Вона бэз мэна нэ можэ. – Его загорелое до черноты лицо казалось приставленным к сметано белому телу.

Почты по Гоголю. Разве что про заработки в Португалии у Николая Васильевича ничего нет. В самостийной Украине я не первый раз и знаю, что изрядный процент украинцев работает за границей. Мужчины, как правило, строят, женщины сиделками при лежачих

больных, домработницами. Кое-что, надо полагать, на родину привозят. Иначе откуда в том же Ямполье дворцы в два этажа с гаражами в полуподвалах. Да и обилие магазинов в центре говорит, что деньги у земляков водятся. Это при том, что все жалуются на низкие местные зарплаты.

Этакая своеобразная интеграция Украины в Европу.

По-европейски корректно повёл себя и пограничник. Представился, попросил документы. На его груди отсвечивал бейджик с фамилией и званием, лицо выражало значительность. Увидев мой российский паспорт, прапорщик принялся внимательно изучать копию заполненной на границе декларации. И тут я позволил себе вольность:

– На русского шпиона вроде не похож?

Мой шуточный вопрос был не так уж безобиден. К тому времени всего лишь несколько месяцев прошло, как Ющенко перестал быть президентом. Что это были за годы в отношениях между нашими странами, напоминать не надо. Многие украинцы (не только «западэнцы») считают, что нам не по пути. Европа – вот к какому берегу следует прибаваться. А Богдан Хмельницкий с его присоединением к России – историческая ошибка.

– Вы нарушили пограничную зону, – сухо сказал прапорщик. То ли он был из тех, кому Европа милее, то ли так вести себя предписывали служебные инструкции. – Я должен доставить вас в отряд.

И всё-таки тихий осенний день к резким действиям не располагал. А может, причиной послужило врождённое хохляцкое добродушие.

– Но... Забирайте, Артёмович, свой документ назад, – по-свойски вдруг сказал он. И протянул паспорт. Возможно, увидел в нём, что я стопроцентный земляк, родился в совсем не далекой от Ямполья Дзыговке. – Идите себе домой. И не нарушайте больше приграничный режим.

– В гостиницу. Дом у меня теперь в других краях.

– Нехай будет в гостиницу, – всё так же миролюбиво согласился прапорщик.

Заметив в нём перемену, брат поинтересовался:

– А к Червоным скалам мы здесь пройти можем? Рыбачили там когда-то.

Да уж. Именно на островке у Червоных скал Лёня вытащил самую большую в нашей рыбацкой биографии марену – почти в метр. Сумерки, поплавок почти не видно, пора домой, и вдруг Лёнин крик – то ли радость, то ли боль. Встревоженный, приподнимаюсь. Брат держит перед собой что-то большое, в сумерках не понять, но голос счастливый, и я понимаю – поймал! Неужели в Днестре такие крокодилы водятся?!. «На берег, на берег выбрасывай – вырвется!», – испуганно кричу я и бросаюсь к протоке, вязну по колено в иле, выскакиваю на остров.

В четыре руки держа усатую добычу, осторожно переносим её к Червоным скалам. Нас лихорадит. Азарт такой, что опять забрасываем удочки, хотя уже практически темно. Естественно, ничего больше не попадается. Возбуждённо переговариваясь, сматываем снасти и возвращаемся в Ямполь. Над обрывом справа старое кладбище, говорят, время от времени обрыв осыпается и тогда становятся видны полуистлевшие гробы со скелетами, но нам не страшно. Предвкушаем, как принесём марену домой, а потом будем хвастаться своей удачей перед пацанами...

Такие вещи не забываются.

– Э, нет, туда нельзя. Пограничная зона. – Прапорщик покачал головой. Весь его вид говорил: хотя вы земляки и, возможно, неплохие люди, но служба есть служба. Не положено.

Оставалось разве что издали посмотреть на поворот Днестра, где Червоные скалы. Там начинались пороги и вода бурлила и клокотала, бешено неслась дальше. К селу, которое так и называется – Пороги. А ещё ниже по течению Цекиновка, через реку – молдавский городок Сороки со знаменитой крепостью, будто сошедшей с картинки учебника средневековой истории.

В Сороках и Цекиновке (не от венецианской ли монеты цехина название?) я побывал, когда наш класс ходил в поход. Среди полей обрушился ливень, все до

нитки промокли, в ближнем селе мы вытрясли из карманов мелочь и выпили кислого местного вина, чтобы не простудиться (слышали, так надо делать), пионервожатая нас потом отчитала...

Собственно, Червоныя скалы и скалами-то в привычном понимании не назовёшь. Это несколько огромных, обточенных водой гранитных валуна неподалёку от берега. Но всё равно жаль, что пройти к ним теперь было нельзя.

Отдельное спасибо участникам Беловежского соглашения.

– Прапорщик тебе кого-нибудь напоминает? – спросил я, когда мы с Лёней двинулись обратной дорогой.

За окраинными улочками шла местность, которая в наше время именовалась почему-то Царской долиной. По этой самой Царской долине мы сейчас и возвращались. Чахлые прутики (их когда-то всей школой сажали вдоль Днестра) превратились в могучие деревья. Под ними – сочная трава начальной осени. Отличное место отдыха. Но сейчас здесь отдыхали разве что несколько упитанных коров с лоснящейся красноватой шерстью.

– Напоминает – имеешь в виду, из знакомых?

– Да.

Не сговариваясь, мы с братом всматривались во всех встречаемых. Не столько потому, что надеялись увидеть бывших одноклассников – вряд ли сейчас узнали бы. А вот в молодёжи, даже относительной, как прапорщик, могли проступить черты наших одногодков давней поры. Молодёжь – ниточка, которая могла вывести на старых знакомых.

– Нет, вроде не похож.

– Будем искать, – ответил я фразой из «Бриллиантовой руки».

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

«Как сердцу выразить себя?..» Пишу эти заметки и вслед за классиком задаюсь подобным вопросом.

Ну, Ямполь, ну, перемены, ну, ностальгия. Это для

нас с братом всё, связанное с малой родиной, близко и дорого. Другим-то что до всего этого? У них свои воспоминания, своя память. Скользнут мои слова по поверхности чужого сознания, не задев и не растревожив его.

Как передать чувства, заставившие сесть к компьютеру? Как сделать так, чтобы они вошли в чужое сердце и стали почти его собственными? Не будет этого – зачем трать время и силы? Сакраментальное самовыражение?..

Я не шибко верующий человек. Но понимаю людей, которые молятся, прежде чем взяться за важное дело. Остаётся и мне просить (у Бога? судьбы? у звёзд, чтобы встали как надо?) нужную меру таланта. Потому что лишь искусство способно убрать стену отчуждения, существующую между людьми. Да ещё, пожалуй, любовь.

Нет этого – тогда уж действительно «молчи, скрывайся и таи и мысли, и дела свои».

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОСЧЁТ, или БИБЛИОТЕКА – ЛУЧШИЙ ДРУГ ПИСАТЕЛЯ

Собственно, выйти на одногодков мы могли проще. Беда в том, что вовремя не сориентировались. А судьба между тем давала стопроцентный шанс.

Утром первого октября мы вышли из гостиницы в надежде отыскать библиотеку – какой я писатель, если не загляну в храм литературы. И тут-то услышали «Катюшу». На просторном крыльце недалёкой городской администрации играл духовой оркестр.

С удовлетворением отметив, что культурное пространство наших стран всё ещё во многом совпадает, мы поинтересовались, где теперь в Ямполье библиотека. Нам и указали на здание администрации.

В фойе были расставлены сервированные столики, по углам томились принаряженные пожилые люди. Женщин, как среди пожилых водится, было заметно больше. Судя по всему, все ждали начала какого-то мероприятия. Мы появились явно не вовремя.

Однако желание попасть в библиотеку было сильнее. Двигаясь галсами между столиками, поднялись на второй этаж. А последовавшее затем общение с милыми девушками библиотекарями и вовсе свело нашу с братом неловкость на нет.

О Сибири и в России-то знают не много, что уж говорить о моих земляках. Я подарил библиотеке свою книгу и как мог рассказал о сибирской деревенской жизни. О кедрачах, морозах, всё ещё богатых рыбой реках, о коротком комарином лете, об усыпанных ягодой кочках на клюквенных болотах, о «Буранах» и вертолётах как средстве передвижения... Всё-таки живу среди всего этого почти двадцать лет.

Порадовался за ямпольских литераторов. Как и в России, у них появилась возможность издавать свои сборники. Если, разумеется, найдут спонсоров. Но дороже всего то, что тяготы постперестроечной жизни не отбили у земляков желания сочинять. Другое дело, что их произведения мало кто читает. Молодёжь с головой ушла в виртуальный мир Интернета, а людям постарше как-то не до литературы. Ну разве что женские романы.

Что ж, и в этом Украина не отличается от России.

Непонятым образом слух о нас распространился по зданию администрации. В библиотеке появилась курирующая культуру дама, сказала приличествующие случаю слова. И пригласила вниз, за столик – сегодня отмечается День пожилых.

Мы с Лёней переглянулись – в самом деле, ведь первое октября!.. День пожилых, оказывается, и в Украине таким является. Спуститься вниз имело прямой резон. Наверняка среди собравшихся были наши одногодки.

Что нас остановило, до сих пор не пойму. Не пошли вниз потому, что уютно чувствовали себя в библиотеке – как-никак вокруг близкие по интересам люди? А может, сыграло роль подспудное сопротивление? Вопреки паспорту все ещё не считаем себя пожилыми?..

Как бы там ни было, стопроцентный шанс встретить одноклассников мы тогда упустили. Зато после библиотеки побывали в редакции районной газеты.

Не зайти туда я тоже не мог. Земля пухом Василию Ивановичу Побигаю, редактору «Надднестрянского коллективиста», напечатавшему в своё время мои первые заметки и стихи. Только пишущий может понять чувство, с каким я брал в руки свежий номер районной газеты. Избиты, убоги клише «сердце готово было выскочить из груди», «едва не терял сознание», «руки предательски дрожали». Но было! И руки дрожали, и сознание почти терял, и сердце едва не выскакивало. А какое счастье, если видел свой опус напечатанным! Внизу – солидным типографским шрифтом: Сергій Луцкий...

Счастье, по-другому не скажешь. И бог с ними, клише.

Мой интерес к «Ямпольским вестям» (так сейчас именуется бывший «Надднестрянский коллективист») был вызван ещё одним обстоятельством. Более десяти лет своей жизни на Севере я отдал районной газете. Захотелось посмотреть, как живут и работают украинские коллеги.

Неважно живут. Штат – несколько человек, редактор сама верстает полосы, зарплата ведущего журналиста две тысячи гривен (порядка восьми тысяч наших рублей). Выживает газета в основном за счёт платных объявлений и спонсорской помощи. Выходит два раза в неделю, тираж три тысячи экземпляров. Районная администрация покрывает лишь часть необходимых для существования «Ямпольских вестей» затрат. Однако руководит и направляет, как в прежние времена райком ...

Вот и ещё одно сходство. Но у нас власть хоть финансирует щедрее. По крайней мере, на Севере.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рыбалка, писатель, Апшеронский полуостров, Дзыговка... Похоже, мое сочинение будет смахивать на слоёный пирог. Одними ямпольскими впечатлениями не обойтись, коль уж коснулся таких разных вещей. Ружья на стенах должны стрелять.

Картинка, многое в жизни предопределившая. Поселок Ази Асланова, мне лет девять. Солнечное утро, тени молодых тутовых деревьев. Не отрываясь, наблюдаю, как исчезают муравьи, выползшие на зацементированный пятак вокруг крана для полива. Рядом жаба, но исчезновение муравьёв я с ней не связываю. Земля за пределами пятачка тёмная, влажная, растёт трава, жабе в этом уголке нашего участка вольготно.

Я поражён, как необъяснимо, стремительно пропадают муравьи. Только что был – и нет его! Вылетающий язык жабы глазом не ухватить, да и находится она от муравьёв в стороне, но те один за другим исчезают. Лишь остаются влажные пятнышки на сером цементе.

Я зачарован и не помню в тот момент, как отец и мама (мы с Лёней в меру сил тоже) носили плодородную землю на песок вокруг нашего щитового дома, то ли немецкого, то ли финского. Как небритый муж мадонницы азербайджанки привозил навоз на двухколёсной арбе, запряжённой смиренным ослом, казавшимся таким маленьким и несчастным рядом с высокой арбой. Из головы напрочь вылетает, что вокруг посаженные папой тутовые деревца, инжир, карабкающийся по деревянной решетке виноград и неизвестно откуда взявшийся куст хлопчатника с выпирающей из коричневых коробочек ослепительно белой ватой.

Я поглощён чудом исчезновения муравьёв. Это так удивительно, так поражает воображение, что заставляет меня, ученика второго класса, сесть и НАПИСАТЬ об увиденном. А в школе заявить, что буду писателем.

У Катаева в одной из поздних повестей есть упоминание о том, что подтолкнуло к писательству его. Цветная картинка в детской книжке, изображающая штурм крепости. Конечно, крепость и штурм благороднее, чем охота жабы на муравьёв, но речь не об этом.

Из мусора растут не только стихи, но и писательские судьбы. Счастливые и не очень. Порой трагические. Из такого вот мусора.

Собственно, к этому следовало быть готовым. Искать и не находить – удел каждого, кто отсутствовал долгое время. И дело не только в знакомых.

Центр города нашего детства теперь напрочь перестроен. Главная улица закрыта для транспорта, по сторонам – новые пятиэтажки, которых в Ямполе отродясь не водилось. Рядом упоминавшееся уже основательное здание городской администрации с памятником Ленину перед фасадом – надо полагать, бывший райком. Магазины, которым больше подошло бы название торговые центры. Снесён кинотеатр, куда за десять копеек мы с Лёней ходили на дневные сеансы. Тихие улочки на месте парка. Можно представить, сколько стоит земля под особняками на этих уютных улочках...

Нет и памятного для меня молочного магазина. Там я увидел Валю Шанявскую, вторую после Лили Ческовой мою любовь. Девочка в вязаном берете с бидончиком в руке стояла за несколько человек передо мной. Я видел её сначала со спины, потом очередь делала поворот, и я увидел Валю в профиль. За время стояния за молоком и влюбился в неё, как ни курьёзно подобное звучит. Было это в шестом классе.

Экий, скажут, влюбчивый, да ещё в таком несерьёзном возрасте! Клянусь, это тоже была самая настоящая любовь. Вторая и, если уж по большому счёту, последняя.

Чувство, которое нас с братом поначалу охватило в Ямполе, можно назвать так: отторжение. Но, как неумелый пловец пытается нащупать ногами дно, так и мы искали хоть что-нибудь привычное и знакомое. Недоумевая и путаясь, нашли бывшую улицу Дзержинского, на которой наша семья какое-то время снимала квартиру. У хозяйки была приметная фамилия – Лупша. Тётя Лена Лупша.

Самого дома за высоким забором и разросшимися деревьями толком было не рассмотреть. Похоже, рядом построено что-то ещё. У проходящей мимо женщины

мы спросили, кто здесь теперь живёт. Она назвала ничего не говорящую фамилию. О Лупше не слыхала, хотя свою хату на Дзержинского купила более двадцати лет назад.

А вот ещё одна смутно узнаваемая улица. Но сбивал с толку никогда на ней не стоявший спортивный комплекс. По идее, где-то здесь здание начальной школы, в которой мы оба учились. Находим. Здание окружено не существовавшими прежде строениями. И это уже не школа, а молельный дом католиков. Вид у бывшей школы обшарпанный, на двери замок. Дела у католиков в православном Ямполье, похоже, идут неважно.

– Слушай, так на этой улице жили Вовка Винокур и Сёма Трахман!..

Тот и другой одноклассники брата. Я с усмешкой поглядываю на Лёню. Винокуру и Трахману он классе в третьем обменял мою драгоценность, кусок медного колчедана. Я его нашёл ещё в Ази Асланова, спрятал среди вещей в контейнере, когда наша семья переезжала в Ямполь. Я считал, что это золотой слиток. Потом Лёня долго не признавался, что втихую обменял моё сокровище.

– Кажется, вон тот дом. Зайдём узнаем?

– Наверно, уехали.

– Зайдём, чем чёрт не шутит!

Забор у дома Трахманов необычный. Это не традиционный ямпольский мур, а вкопанные в землю обтёсанные каменные плиты метра в полтора высотой. Я остаюсь у калитки, а Лёня поднимается на крыльцо. Через несколько минут возвращается.

– Какая-то бабка лежит в коридоре на матрасе. Одна, никого нет... О Трахманах ничего не знает. Говорит: ты что так слабо дверь дёргаешь, не обедал?..

Улыбнулись юмору, не покинувшему старуху даже в её незавидном, судя по всему, положении. Конечно, уехали Винокуры и Трахманы в Израиль. Как, видимо, и бывшие мои одноклассники Толик Зальцман и Веня Крайзман, которого мы звали Нончиком. Ямполь в этом смысле схож с Черновцами. Черновцы тоже покинули практически все евреи.

Впрочем, и неевреев-одноклассников найти в Ямполье мне не удалось. Толик Белинский переехал куда-то в Львовскую область, ещё один Толик – Гречковский, говорят, в Виннице, Вити Бурковского уже нет...

Был ещё поход к речке Русаве. Это скромный приток Днестра. Там мы тоже рыбачили, дёргали пескариков и красноперых голавлей. До сих пор помню вкус жареной на сковороде рыбы, залитой утинными яйцами.

Памяти только дай волю, она сама собой начинает раскручиваться – и появляются картинки, запахи, цвет. Уток мы переулками (ноги по щиколотку в податливой, тонкого помола пыли) гоняли на Русаву, потом с большим трудом обратно домой – они не хотели выходить из воды... Берега, поросшие вербами, заветные места, где ранней весной мы ловили самую первую после зимы рыбу, слизистых ершей, ямпольское название которым шмаркачи... На Русаве после пятого класса мы с закадычным моим дружкой Толиком Белинским научились плавать. Это удивительное чувство, когда вдруг понимаешь, что вода держит тебя, что не тонешь, а словно паришь и даже понемногу продвигаешься вперёд...

– Ты смотри, что с мельницей. – Лёня остановился, озадаченный.

Озадачен был и я.

В своё время мне довелось побывать в Дрездене. Там неподалёку от знаменитой картинной галереи находился дом. Вернее, оставшаяся от него полуразрушенная стена с зияющими проёмами окон – следствие известной англо-американской бомбардировки. Немцы оставили её как памятник войне.

Не знаю, чему была памятником мельница на Русаве. Те же высокие голые стены с пустыми глазницами, сквозящие стропила. Мерзость запустения, как сказали бы в девятнадцатом веке. Но войны-то в наше отсутствие в Ямполье не было!..

На берегу пас корову какой-то мужичок в телогрейке. Как и мы, пенсионного где-то возраста. Подошли, угостили сигаретой, спросили, что с мельницей.

– А нэ потрібна.

Мы переглянулись. Это в Ямпольском-то районе, где собирают (собирали?) по пятьдесят центнеров пшеницы с гектара и больше – мельница не нужна?!. Мужичок повертел сигарету в руках.

– Росийська?

– Она самая.

– Бачу, шо вы не мисцэви, а то б не пытали... Гоно-ривський цукровый завод знаетэ?

Ещё бы не знать сахарный завод в Гоноровке. В нашу пору на него свозили свёклу со всех окрестных колхозов. Ямпольский район в семидесятые гремел на весь Союз урожаями сахарной свеклы. И хотя мы к тому времени жили в других краях, всё равно было приятно. Земляки!

Мужичок махнул рукой:

– Вин такой зараз стоить, як оцей млын. Теж нэ трибэн.

На языке вертелось: чудны дела твои, Господи!.. Но говорить я не стал. Общее место. Только ленивый нынче не сетует на ситуацию на постсоветском пространстве. Промышленность в упадке, товарного сельского хозяйства практически не существует... Но не это, на мой взгляд, самое скверное.

Не видно сил, которые были бы заинтересованы в восстановлении промышленности и сельского хозяйства в масштабах советского времени. Власть занята другим, а люди, сделавшие миллиардные состояния на оптовых поставках из-за границы, перекроют кислород любому, лишь бы ситуация не менялась.

Да и заграничные производители разве захотят уходить с новых рынков?.. Не допустят. По крайней мере, будут всячески противодействовать. Не говорю уж о геополитике, в которой бывшим советским республикам отведено вполне определённое место.

Джин из бутылки выпущен. Загнать его, набравшего силу, назад поди попробуй. И опять я ловил себя на мысли: ситуация один к одному. Что в Украине, что в России.

О ТОМ, ЧЕМ ВСЁ-ТАКИ ОТЛИЧАЕМСЯ

Уже хотя бы тем, что в Украине парламент всё ещё место для дискуссий. Моя поездка в Ямполь совпала с отменой закона времен Ющенко о перераспределении полномочий между президентом и премьером. По процедуре, инициатива нового президента Украины должна была пройти через Верховную Раду. Украинское телевидение регулярно транслировало все её заседания.

Мы от таких вещей отвыкли. Когда я смотрел и слушал то, что происходило в Верховной Раде, не мог избавиться от ощущения дежавю. Нечто подобное было в Советском Союзе в конце восьмидесятых. И в России начала девяностых. Заседания Верховных Советов не только транслировались без купюр – к микрофону допускались представители всех политических сил.

Я уже почти не представляю себе Зюганова, выступающего с трибуны Думы. Не показывают. Как не показывают и представителя «Справедливой России». Хотя, казалось бы, чего уж эсеров-то, этот кремлёвский проект, по мнению многих политологов, держать в чёрном теле? О «Яблоке» и «Правом деле» просто не говорю, они в Думу не допущены. Как и на ТВ вообще. Мелькнёт порой на думской трибуне хитромудрый Владимир Вольфович, и то в основном тогда, когда поддерживает власть.

Я не знаток политической палитры Украины. Но в дискуссиях о возвращении полноты власти президенту Украины участвовали и «Партия регионов», и «Блок Юлии Тимошенко», и коммунисты, и проющенкоовские депутаты, и представители других парламентских партий. И так дискутировали, что с оппонентов перья летели! «Партии регионов» говорились нелицеприятные вещи: вместе с Януковичем хочет, мол, узурпировать власть, похоронить демократию и т.п. Допускаю, что это тоже театр. Но очень уж похоже на реальную политическую борьбу.

Есть и другие отличия между нашими государствами. Из приметных назову такое. Сколько написано и сказано и российском рэжете. О подвигах крепких пар-

ней в малиновых пиджаках, ставших в конце концов легальными (и не очень) бизнесменами средней руки. В девяностые годы они обкладывали данью практически всех – от торговцев на рынках до владельцев промышленных предприятий.

В Украине иначе. По крайней мере, рэкет таким махровым цветом не расцвёл. В Черновцах о нём разве что слышали. Лёня, до ухода на пенсию занимавшийся полиграфией, удивился, когда я спросил, приходилось ли ему платить рэкетирам. Ни он, ни другие мелкие предприниматели с этой проблемой не сталкивались.

Или такое отличие, на мой взгляд, очень важное. Бывшего президента Кучму не так давно привлекали к суду по делу об убийстве журналиста Гонгадзе. Виноват Кучма или нет – я так и не понял, по крайней мере, он на свободе. Однако сам факт примечателен. У нас же первым шагом преемника Ельцина стали гарантии неприкосновенности предшественника. Хотя у того на совести не одно, а сотни, может, тысячи убийств. Достаточно вспомнить расстрел Верховного Совета в 93-м. И ничего, никто с Ельцина не спросил!

Взялись в Украине и за бывшего премьера Юлию Тимошенко, вменяют ряд неблагоприятных дел. Что ж, отвечать надо, если вышел за пределы дозволенного, будучи даже чиновником самого высокого ранга. В Европе всё обстоит именно так.

Единственное, что заставляет задуматься. Не стало бы это сведением счётов с утратившими власть политическими противниками. Возможен ведь и такой поворот. Остаётся надеяться, что нынешнее руководство Украины избежит подобного соблазна.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Понимание, что всё уходит, появилось у меня в довольно зрелом возрасте. Не умозрительное, а на уровне образов и ощущений. Умозрительно-то все это понимают.

Приснился сон. Большое вспаханное поле, отвалы чернозёма с лоснящимися, будто полированными следами от плуга. Отвалы уходят за горизонт. Я стою на краю поля. За спиной осенняя лесополоса, которую не вижу, но знаю, что она есть. Как твёрдо знаю и то, что неподалёку хаты Дзыговки, нашей с отцом родины.

Обычная картинка вспаханного под зябь поля, которую не раз видел наяву. Но откуда эта сдавившая сердце тоска? Откуда пронзившее знание конечности всего в мире? И почему это горькое озарение вызвал вид поднятой плугом земли?..

Много чего можно домыслить, отталкиваясь от этой картинки. Но пусть остаётся так: просто бескрайнее поле, лоснящиеся отвалы земли, в которую все уходим, – и навалившееся удушливое понимание, что всё в нашей печальной жизни конечно.

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ямполь нашего детства всего лишь частный тому пример. А ведь был ещё Ямполь шестнадцатого века, когда появилось первое письменное упоминание о нём. Но жили здесь люди и много раньше письменного упоминания. Пацаны, округляя глаза, рассказывали, что на месте нынешнего рынка находили человеческие кости огромных размеров. Якобы там когда-то было кладбище населявших наш городок великанов...

Фантазии фантазиями, но место для жизни в самом деле удобное. Днестр, плодородный чернозём, высокие холмы, защищавшие от ветров (в Ямполье всё вызревает раньше, чем в окрестных сёлах). Люди испокон веков возделывали здесь землю, сажали на склонах холмов виноград, держали скот. По Днестру проплывали заморские купцы (возможно, те же венецианцы с их уже упоминавшимися цехинами), они готовы были как торговать, так и грабить. Хотя вид купцам открывался, думаю, не слишком к грабежу располагающий. Хаты с подслеповатыми окошками, соломенные крыши, кри-

вые улочки, непролазные весной и осенью из-за грязи. Да и народ умел за себя постоять. Иначе было нельзя: окраина Речи Посполитой, южнее – дикая степь, крымчаки, неожиданно налетавшие и грабившие, убивавшие, уводившие на невольничьи рынки.

По причине местоположения и неуступчивости жителей Ямполь не раз приходил в запустение. В середине семнадцатого века его до основания разрушили. Но не крымчаки и не турки, а некий брацлавский воевода Станислав Лянцкорунский. Чем ямпольчане перед ним провинились – неизвестно. Тогда погибло множество людей. Были времена, когда население местечка едва превышало сотню человек. Но оно отстраивалось, стекались со всех концов новые насельники – уж на очень хорошем месте Ямполь стоял.

В восемнадцатом веке здесь появились пристань и склады для товаров, доставлявшихся по Днестру с Чёрного моря. После очередного раздела Польши Ямполь стал уездным городом Российской империи. А ещё через век насчитывал 910 усадеб и около шести тысяч жителей. Имел городское двухклассное училище, 2 православных церкви, 1 костёл, 4 синагоги, 2 больницы на 22 койки, аптеку и 9 разного рода мелких производств. Они в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона комплиментарно именуется заводами и фабриками.

Цепенеешь, когда думаешь, что всё это смыло Время. Волны, накатывающие на песок и стирающие рисунок, оставленный предыдущими человеческими волнами.

И я задаю себе вопрос: стоит ли печалиться о прошлом? Чем мы лучше предшественников, чтобы всё оставалось, как есть? Тем, что живём сейчас?.. Но как убедить в этом сердце.

У измерения, которое я про себя называю четвёртым, существует ещё одна ипостась – будущее. Помню, как классе в восьмом мы писали сочинение, каким Ямполью быть через десять лет. Вот уж где разыгрывалось буйное молодое воображение!

Ямполь у нас становился цветущим городом с широкими проспектами и одетыми в гранит берегами Днестра. К существующим плодоконсервному заводу, мельнице и промкомбинату, мы добавляли шелкоткацкую фабрику (в районе в ту пору стали разводить шелководных червей), авторемонтный завод (а что, всё прибывающую колхозную технику надо будет где-то ремонтировать, МТС одна не справится), плюс станкостроительный завод и много чего ещё.

Удивительно, собственное счастье мы связывали с тем, каким станет Ямполь. Будто одно от другого зависит, более того – обуславливает. Смешные... Самые отчаянные собирались открыть несколько техникумов и вузов, а также перенести из Винницы к нам центр области.

Нью-Васюки, да и только! Но я не усмехаюсь. Таков был пафос хрущёвской семилетки. Уж чего-чего, а социального оптимизма в советские годы хватало. Да и грешно смеяться над наивностью юности. Ямполь, теперь уж вполне очевидно, стагнирующий городок. Более чем за век его населения не так уж чтобы и прибавилось, а промышленность и вовсе в упадке.

Пусть вышло всё иначе. Но как там у классика: тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. Особенно в молодости.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Гипотетический читатель пробурчит: дались ему эти отступления! Затейник какой!.. В оправдание процитирую Лоренса Стерна, обозначенного в подзаголовке этого эссе. «Отступления, бесспорно, подобны солнечному свету – они составляют жизнь и душу чтения». И ещё: «Произведение моё отступательное, но и поступательное при помощи отступлений».

Робея, и я тем не менее посягаю на нечто подобное. Мои отступления – вытяжки из жизни, её суть. По крайней мере, какими мне открылись и насколько

ко в подобном тексте уместны. Но это вообще. Здесь речь пойдёт о частностях. Говорю об исчезнувших домах и улицах, о знакомых, которых не смог найти. Но ускользающее время это ещё каждодневный быт, будни, ямпольский лад, как они выглядели в пору нашего детства.

Калейдоскоп.

Запряжённая лошадьми зелёная фура, на которой развозили по магазинам хлеб. Правил фурой старик с суровыми провалами вместо щёк. Он же, переодевшись в синий халат с тесёмками на спине, доставал из фуры лотки с буханками, заносил в помещение. Зимой хлеб парил, душистая волна обдавала очередь, и в ней всегда находился кто-то, подобострастно бросающийся завязывать старику тесёмки. Буханки были тяжёлыми, вязкими, плохо резались – в муку уже добавляли горох. Хрущёвская семилетка в апогее.

Песни той поры. Как сказали бы сейчас, хиты. «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?», «Тот, кто рождён был у моря...», «Ландыши». От «Шагайте, кубинцы, вам будет счастье родины наградой!..» (как песня называлась, не помню) у нас загорались глаза и мороз шёл по коже. Эти песни часто передавали по радио – телевидением Ямполь ещё охвачен не был. Существовали и вольные переделки: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная червонцев и рублей?..» Были и похлеще, особенно повезло «Ландышам», их приблатнёнными голосами пели старшие ребята. Целый пласт подростковой субкультуры. Почему-то в основном об американской жизни. От «Тигры и гориллы, львы и крокодилы рты поразевали до самых ушей. Но увидев галстук, стильный и красивый, мило улыбнулись, рявкнули: «Окей!..» – до душераздирающего «Сталь за сверкала в руках у Джона, Мэри упала тихо, без стопа. Гарри вскочил на ноги, Джон заслонил дорогу, в Гарри кинжал вонзил». Красиво жить не запретишь.

На майские праздники на Днестре появлялся прогулочный катер. Белый, уютно небольшой, на нём так заманчиво было переправиться в лес на молдавской

стороне. До ямпольского леса далеко, а здесь заплатил двадцать копеек – и ты на крутом склоне, густо поросшем деревьями. Молдавские кодры. Толстый слой прошлогодней листвы, запах прели, лес только-только распустился, под деревьями белеют такие нежные ландыши. Но оставаться здесь долго тягостно. Место глухое, к тому же чужое. Пацаны из молдавского села Косоуцы, что напротив Ямполья, народ вроде незадиристый, цепляться не станут, но дома всё же спокойней. С облегчением встречаем очередной рейс, радостно забираемся на катер с букетиками ландышей в руках. Подарим кому-нибудь.

Керогаз. Он стоял в коридорчике, мама летом готовила не на печке, а на нём. Тёмный, с железным двухслойным цилиндром, который накрывал круглый фитиль; регулируемый рычаг; на другом его конце бачок с керосином. Ходить за керосином была наша с Лёней обязанность. Им торговал толстый Зингер. Сам он, его магазинчик, даже подступы были пропитаны резким керосиновым запахом. Зингер делал свой гешефт – недоливал пацанам вроде нас. Он быстро опрокидывал в воронку полную литровую мерку керосина, но не до конца. Сразу же возвращал её в бак, поспешно зачерпывал снова. Время от времени кивал кому-нибудь из пацанов, и мы, польщенные доверием, принимались качать насос. Керосин по шлангу откуда-то из подвала пульсирующе бил в бак. Литровая мерка Зингера была медная, яркая, она светилась в сумрачном воздухе магазинчика.

Одежда нашего детства: телогрейки и кирзовые сапоги. Их носили даже девочки – жили в Ямполье небогато. Дешёвенькие хлопчатобумажные костюмчики были не у всех ребят. Но штанины уже стали перешивать на «дудочки». Суживали брюки в первую очередь старшеклассники, младшие ещё жили незатейливой животной жизнью. Самые продвинутые суживали до такой степени, что брючины без мыла не налезали. Директор выводил таких перед всеми на школьных линейках, называл стилистами, насмехался. Помогало мало. Тех, кто продолжал ходить в широких брюках, мы презирали...

Господи, сколько всего! И это только мизерная часть. И ничего уже нет. Смыто.

Так по-настоящему и начинаешь понимать, что всё проходит. По-настоящему – сердцем.

НЕГРЫ ИЗ ЛИПОВЦОВ

У меня есть повесть «Страсти по Василию». В ней речь о справедливости. А футбол, вокруг которого разворачиваются события, был всего лишь поводом сказать об этом. Место действия повести – южнорусская станица Солончаковская.

Так вот, признаюсь в подтасовке. Никакая это не Солончаковская, а Ямполь. Перенёс же события в несуществующую станицу я из соображений корректности. Ко времени публикации повести Украина была уже независимым государством. А с чего это русскому литератору говорить не слишком приятные вещи о гражданах другой страны?..

Но в чем я не погрешил против истины, так это в том, что любовь к футболу в Солончаковской была точь-в-точь, как в Ямполье. Футбол до сих пор здесь спорт номер один. Это кумиры ямпольских болельщиков моего времени представлены в повести под именами Вани Шевчука, Эдика Подгурского, Стёпы Басистого, Серёжи Гурджаняна. В моей подростковой памяти прототипы персонажей остались исполинами, почти мифическими героями. От их ударов ломались штанги, они в одиночку могли обфинтить всю защиту противника, а ямпольские вратари брали даже теоретически не берущиеся мячи.

Оттого-то сладко трепыхнулись наши с Лёней сердца, когда на центральной улице мы увидели объявление о встрече команды земляков с командой Липовцов. Это ещё один райцентр Винницкой области.

Решение было принято мгновенно и бесповоротно: идём смотреть! И опять на свет божий всплывала осевшая в памяти картинка. Ямпольский стадион, с него

только что выгнали коз, предвечернее низкое солнце, зелёное поле и красные футболки парней. То и другое под уходящим солнцем необыкновенно ярко и празднично. От всего этого ощущение радости, даже счастья.

Минут за пятнадцать до начала матча мы с братом входили в широко распахнутые ворота. Стадион находился на прежнем месте, а вот сборная города название носила новое – «Тирас». Видимо, спортивное начальство сочло, что древнегреческое название Днестра звучит солидней. «Мавзолей», фигурирующий в моей повести, претерпел изменения, но был всё ещё узнаваем. Не удивлюсь, если с его трибуны нынешнее руководство Ямполья толкает перед согражданами речи, как это делали их советские предшественники в прежние знаменательные даты.

Сейчас от «мавзолея» доносились усиленные трансляцией объявления по стадиону. Трансляции раньше не было. Как практически не было и лавок для болельщиков. Теперь они террасами опоясывали поле. Для районного центра стадион выглядел вполне презентабельно. Ничего удивительного, прогресс. вкупе с комфортом пришли и сюда. В том числе в виде баночного пива, которым в изобилии запаслись болельщики.

– А ведь мы с тобой здесь самые старшие, – сказал брат.

– Брось, – отозвался я. Деликатный Лёня словом «старшие» заменил «старые».

– А ты посмотри.

Я огляделся внимательнее. В самом деле, на лавках сидели в основном парни между двадцатью и тридцатью, некоторые то ли с жёнами, то ли с подругами. Пили пиво, переговаривались, ждали начала игры. И никого из близких нам по возрасту мужиков.

– Хреновое дело, – резюмировал я, до конца не понимая, почему это сказал. Возможно, потому, что на стадионе мы с братом действительно были самые старые. А может, мне не понравилось отсутствие одноклассников, которых всё ещё надеялся найти. Скорее, то и другое вместе.

(Нота бене. Не потому ли так часто упоминаю о несостоявшейся встрече с одноклассниками, что они синоним ушедшего? Его, как и детских друзей, мы в Ямполье не нашли. Ловушка подсознания, только сейчас сообразил.)

Впрочем, моё недовольство было направлено и на себя. Превентивная мера. Не заискивать перед молодостью, не чувствовать себя чужим на карнавале жизни!.. По значимости этот абзац мог бы стать полноценным отступлением, однако на этот раз обойдусь. Вспомнился старик в санатории. Вполне благополучный человек, но смотрел на нас, компанию относительно молодых мужчин, зависимыми собачьими глазами. Мы были для него существами высшего порядка. Так смотрят на здоровых лежащие больные, инвалиды на людей с руками и ногами.

Конечно, это лучше, чем впасть в старческую озлобленность. Но упаси Боже и от унижительного заискивания! При всём безмерном будущем молодости, которого у людей моего возраста не так уж и много осталось.

– Пан пограничник, – сказал Лёня. – Семейный культпоход.

– Где?

– А вон. – Брат кивнул на лавку в недалёком ряду.

В самом деле, прапорщик, остановивший нас у переправы. Рядом – двое ребят в возрасте, когда появляться с родителями ещё не стесняются. Прапорщик был в гражданском и делал вид, что нас не узнаёт.

Ох уж этот ямпольский стадион! Он мне памятен по множеству причин. Здесь я установил рекорд района среди пионеров в беге на шестьдесят метров – 7,8 секунды. Продержался рекорд долго, я уже служил в армии, а он всё ещё не был побит. Становился я также чемпионом в прыжках в длину и высоту. Однако не только с триумфами связан стадион в моей памяти. Случалось здесь и то, что неловко вспоминать. Я панически боялся проиграть, не стать первым. Моему подростковому самолюбию это было нож острый. Оттого порой малодушно уклонялся от соревнований – приплясывался больным...

И вот с «мавзолея» несётся бессмертный футбольный марш, очередной привет из советских времён. То, что происходит с его первыми тактами, трудно укладывается в сознании. На поле выбегают... негры. В липовецкой команде их добрая половина.

Мы с братом изумлённо переглядываемся. Откуда? Почему?.. Неужели у скромного райцентра Липовцы есть деньги, чтобы приглашать игроков из Южной Америки? Или хотя бы из Африки, футбол которой тоже на подъёме?..

Забегая вперед, скажу, это так и осталось для нас загадкой. Никто из ямпольских болельщиков причину появления негров в липовецкой команде объяснить не мог, а сами футболисты после игры тотчас уехали, узнать у них тоже не удалось. Можно разве что предположить, чернокожие парни по межгосударственной договорённости учатся в каком-нибудь липовецком техникуме сельскохозяйственного профиля. Ведь не переселилось же в украинский городок племя с берегов Танганьики. И на мулатов ребята были мало похожи, чтобы предположить в них детей любви, – заметно темнее.

Ещё одна интеграция Украины? На этот раз не в Европу, а в Африку? Или Африки в Украину?..

Земляки наши победили. Даже негры липовчанам не помогли. Но буду откровенен, игра мне не понравилась. В прежнее время всё было как-то ярче, что ли, азартней.

Или оттого такое впечатление, что не бывает в подобных случаях объективности? В молодости, как известно, и сахар слаще, и вода мокрее.

Может, так оно и есть?..

ДОБЫЧА. ОЧЕРЕДНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

С удивлением замечаю, что добрая половина моих детских интересов была связана с рыбалкой. И не только в Ямполье. Что это – инстинкт? Генная программа?

Неосознанное стремление насытиться и, следовательно, жить?.. До сих пор пробивает током, когда вижу обтекаемое тело в толще воды, тёмную спину, плавное движение хвоста. Схватить, не дать выскользнуть, сжать, упоительно ощутить трепет!..

В детстве было стократ острее.

Рядом с посёлком Ази Асланова проходила железная дорога, с обеих сторон насыпи – наполненные водой неглубокие канавы. В них водились рыбёшки величиной с мизинец. Старшие ребята ходили на море, со свай ловили настоящими крючками и леской головастых каспийских бычков, пахнувших нефтью. А мы у железнодорожных канав обходились прутиками и обычной ниткой, к концу которой был привязан червяк. Желательно, подлиннее.

Рыбёшке надо было позволить заглотать червяк как можно глубже, затем прутик дёрнуть на себя – и она вылетала из воды. Важно было рыбёшку вовремя подхватить, потому что без крючка она долго на червяке оставаться не могла, срывалась в воду. Для этого требовалась фуражка, в которую рыбёшка и подхватывалась.

Азарт – до дрожи!

Корысти от такого улова было мало. Даже для кошек. Мы держали рыбёшек в банках, подкармливали дафниями, которых ловили марлевыми сачками в забранных деревянными настилами азиаслановских бассейнах, – там на всякий случай хранился запас пресной воды. Или отпускали рыбёшек в эти самые бассейны и потом наблюдали за ними сквозь солнечные щели настилов.

А вот уральский Михайловск, мамина родина, куда наша семья как-то приехала в отпуск. После выжженного солнцем Апшерона он казался необыкновенно зелёным, влажным – благодатным. Михайловск пахнул брёвнами, которые плавали в пруду, как гигантские разбросанные спички. Но интересней всего было другое – в пруду водилась большая рыба. Ловить её мне не хватало терпения, жди, когда клюнет. То ли дело местная речка. Мальков в ней было столько, что они щипали ноги, когда заходил в воду. Моей мечтой было

наловить их целую банку, уложить один к одному, как укладывают в бочку селёдку. Наверно, где-то такую картину видел.

Инстинкт добытчика проснулся к тому времени и в Лёне. Не спросясь, брат как-то взял мою удочку и ушёл один на речку. Ему досталось вдвойне – от меня и мамы.

И снова Ямполь. С подростком Лёней направляемся в верховья Русавы. Здесь она петляет в широкой балке между валунами. Всё утро дёргаем пескарей, с тяжёлыми длинными низками (по-ямпольски, сылянками) возвращаемся домой. Низки приходится держать в полусогнутых руках, иначе они метут дорогу. Тушки пескарей сморщились, сухо глянцевают, брюшки вздулись, у некоторых лопнули – пескари рыба нежная. Нас обдают горячим ветром и бензиновой гарью обгоняющие машины. Полуденная жара, хочется пить, в животах бурчит – с утра мы ничего не ели...

С моей теперешней точки зрения, удовольствие ниже среднего. Но отказаться от таких походов мы были не в силах. Лиши нас их, чувствовали бы себя самими несчастными пацанами в Ямполе.

А для рыбалки на Мурафе (это в нескольких километрах от Ямполья) и вовсе надо было подниматься за темно. Считалось, Мурафа более рыбная, чем Русава и даже Днестр. Велосипедов у нас с Лёней не было, и мы шли пешком. В каждом придорожном кусте нам чудился бандит, а лесополоса перед Мурафой и вовсе кишела криминальным элементом... Это правда: охота пуще неволи. В данном случае, инстинкт.

Сейчас иное. Сердце ещё отзывается при виде рыбины в глубине, но – платонически. Думаешь о том, что раньше не приходило в голову. Всё так, мир жесток, все живы смертью других. И люди в этом смысле не далеко ушли от животных.

Но зачем убивать, если сыт? Все эти охоты, рыбалки... Да и телят с поросятами жалко. Или оттого такие мысли, что клыки стёрлись, инстинкт ослабел? Ведь в основе своей он и есть воля к жизни. Звончок оттуда?..

Кто-то из французов сказал: не мы избавляемся от пороков, а пороки покидают нас. Остроумно. И очень близко к правде.

МОЗАИКА

Конечно, побывали мы и на могиле нашей бабушки Глафиры Матвеевны.

О бабушках, как правило, воспоминания у всех самые добрые – что в жизни, что в литературе. Но наша была на самом деле удивительной. Даст Бог, когда-нибудь напишу о ней отдельно, не буду здесь комкать. Скажу только, что «светлая память» – это о ней. Не только у нас с Лёней, но, думаю, и у других её внуков и внучек.

Похоронена бабушка в Дзыговке, откуда пошёл наш род и где появился на свет отец, а потом и я. Хорошим октябрьским днём мы ехали в это село, находящееся в десятке километров от Ямполья. По сторонам дороги тихие осенние поля, летящая паутина со скользящим по ней солнцем. Кое-где трактора, поднимающие землю под зябь.

Я ловил себя на ощущении: где-то здесь, стоит внимательней всмотреться, лесополоса из моего сна. И дальше до самого горизонта – отвалы чёрной земли с лоснящимися, будто лакированными, следами от плуга...

Печаль полей. Печаль жизни.

К бабушкиной хате мы не пошли, там сейчас живут чужие люди и всё уже не так. А вот могилу отыскали, приспособили к памятнику купленные в Ямполье венки и образки. Бабушка смотрела на нас с керамической фотографии, как уже много лет молча смотрит на кладбищенские деревья, на кресты, на крыши дзыговских хат под горой. Пожилая круглолицая крестьянка в теплом платке с бахромой.

Над её фотографией фото деда, на которой тот намного моложе жены. Деда я не застал, Феодосий Иванович погиб в сорок четвертом, на памятнике фото той поры. Лежит где-нибудь в безымянной братской моги-

ле, так пусть хоть фотография будет здесь – так решили отец и дядя Коля, когда ставили памятник.

Земля всем им пухом. Теперь уже и папе с дядей Колей.

Разумеется, не только печаль вкрапилось в мозаику моих впечатлений о малой родине. Были приятные, забавные моменты – жизнь есть жизнь, она разнообразна. Осталась в памяти молодница лет под тридцать, которая помогла Лёне вернуть мобильник в лоно украинского оператора. Здесь, на границе, молдавский сигнал был сильнее, требовалась перенастройка. Что наша приятная во всех отношениях землячка и сделала. «Сколько мы вам должны за помощь?» – «Два раза», – был ответ. Мы приняли игру: «Ну, разве что вдвоём. Годится?» Молодница засмеялась и направилась по своим делам. Ах, лукавая, повстречайся ты нам хотя бы на пару лет раньше!..

Ямпольский базар – самый что ни на есть гимн жизни в её полноте и изобилии, да простится мне высокопарный слог. Пусть он по колоритности и не дотягивает до сорочинской ярмарки у Гоголя, но богатство украинской земли здесь было представлено более чем впечатляюще. В этом мы с Лёней убедились, побывав на базаре в воскресный день.

Тугие капустные вилки, скрипящие в руках, словно новые галоши; краснобокие яблоки, при взгляде на которые невольно вспоминаешь седобородого кудесника Мичурина в учебнике ботаники; картофель величиной в детскую голову; сладкий перец гогошары, влияние соседней Молдавии, который особенно хорош, если его нафаршировать свиной; будто тельняшки полосатые, хрустящие под ножом, истекающие соком арбузы; тяжёлые сетки с эллипсоидными, как сама Земля, золотыми ядрёными луковицами; ещё один перец, красный, стручковый, от одного вида которого всё во рту горит...

О впечатляющих размеров свёкле, моркови, о разнообразной зелени, черносливе, семечках (тыквенных и обычных), мешках муки, круп, фасоли, гороха, флягах подсолнечного масла и прочая, прочая, прочая – просто не говорю. А пожилой мужичок в камуфляжной куртке продавал живую рыбу – должно быть, из мест-

ных ставок. С особой гордостью продемонстрировал нам щуку. В его взгляде читалось: эх, евреи уехали! Оторвали бы с руками!..

И опять невольные мысли: при такой-то земле и трудолюбивом народе что же это творится с Украиной? Ведь на одном из последних мест в Европе по уровню жизни.

И что было бы с нами, если бы не газ и нефть?..

ЕЩЁ ОДНО ОТСТУПЛЕНИЕ

Или не так. Это я всё о первотолчке. Не обязательно из мусора.

Проснулся, три часа ночи, полная луна уставилась в окно. Белые прямоугольники на полу. И не надо усилий, я уже там, с мальчиком Никитой и его Лилей. Крадёмся по холодным лунным прямоугольникам через тёмные комнаты деревенского барского дома. Не дыша, запускаю руку в вазочку, нащупываю кольцо – и со всех ног обратно! Втроём несёмся по белым полосам сквозь комнаты, дыбом волосы, старик с фамильного портрета вот-вот схватит, сердито машет вслед трубкой с длинным чубуком, бесшумно проносится кот Василий Васильевич, обгоняет нас...

Алексей Толстой. «Детство Никиты».

Сначала нам с братом читала мама, потом уже сами, и не по разу. Книга была роскошная – богатый переплёт, отличная бумага, цветные иллюстрации приклеены на отдельных страницах, каждая под полупрозрачной папиросной полосой... Как довоенная книга издательства «ACADEMIA» попала в нашу семью – не пойму. Наверно, папа где-то достал, он знал в этом толк. Но всё же не вид книги был для меня главное, хотя имел значение. Умение писателя войти в душу, остаться в ней. Непонятное волшебство, когда впору рассматривать страницы на свет. Алексей Толстой посейчас один из любимых моих писателей. Потом прочту про Буратино, вырасту – роман о Петре, но первым ляжет в сердце и навсегда в нём останется «Детство Никиты».

Говорят о литературоцентричности русской интеллигенции. Может, Лиля Чеснокова потому и первая моя любовь, что девочку с таким именем любил герой Алексея Николаевича? И уж вполне осознанно младшего своего сына я назвал Никитой. О влиянии Толстого на меня как литератора судить не берусь.

Зависимость. Но сладкая.

СУХОЙ ОСТАТОК

Такого жесткого и нелицеприятного анализа от случайного знакомого я не ожидал.

Из Черновцов в Могилёв-Подольский и обратно нас вёз один и тот же водитель. Он был из тех сметливых быстроглазых мужчин, которых немало среди моих земляков. Поначалу я и предположить не мог, что между нами состоится столь запомнившийся разговор.

Началось с комплимента. Наш водитель предположил, что мы с братом отставные военные. Причём не ниже полковников. На обратный рейс в Черновцы мы прибыли из Ямполья заранее, свободные полчаса оказалось и у этого быстроглазого человека. Вот и разговорились.

Слова водителя польстили, но отчего он так решил – Бог весть. Может, потому, что мы всё ещё достаточно подтянуты, особенно Лёня. Да и держались, видимо, несколько иначе, чем другие. Я не стал водителя разубеждать. Писатель, надеюсь, стоит полковника. И предприниматель тоже, пусть даже не из крупных и уже, как говорится, отошедший от дел.

По-настоящему меня озадачило другое. Выяснилось, рейс Черновцы – Могилёв-Подольский обслуживает только ПАЗ нашего водителя. А это почти пять часов дороги в один конец и практически сразу надо ехать обратно. То есть десять часов напряжённой работы – работы, от которой зависят жизни людей. И это не фигура речи, так на самом деле. Причём каждый день. Без выходных и без напарника, который мог бы подменить в дороге.

– А КЗОТ так позволяет работать? – чувствуя но-стальгию по развитому социализму с его социальными гарантиями, полюбопытствовал я.

– О чём вы говорите! Какой КЗОТ!.. – Водитель стремительно вздернул плечи, бросил на меня сожалующий взгляд. – У начальства один ответ: не нравится – уходи. А куда уйдёшь? Семью кормить надо.

– А если в профсоюз обратиться? – Я понимал, что говорю благоглупости. Полковнику, даже отставному, полагается быть умнее. Но бес противоречия не позволял замолчать. – Ваш профсоюз должен отстаивать права водителей. Тем более что они напрямую связаны с безопасностью пассажиров. Профсоюзы для того и существуют.

– То в Европе и Штатах, у нас иначе. Или в России профсоюзные боссы себя не жалеют, лишь бы людям было хорошо?.. – Наш водитель снисходительно прищурился. – И хозяева отакие профсоюзы терпят, ещё не разогнали?.. Знаете, кто самые забытые люди в Европе? Хохлы и москаля. Ну, ещё белорусы – славяне, короче. Октябрьская революция была после трёх лет войны, она всех достала, а то бы терпели ещё. И Горбачеву надо было долго людей раскачивать, пока Союз развалил. Славяне – нация рабов. То не я сказал, то Энгельс.

Впору было почесать в затылке. Политизированных людей сейчас что в России, что в Украине хватает. Но экий всё же славянофоб наш водитель! Ещё и Энгельса приплёл.

– Извините, вы кто по национальности?

– Не думайте, чистый хохол. Я радуюсь, когда такое говорю? Не хочется, но правда!.. Скажу вам так, не будет ни в России, ни в Украине хорошего, пока такой народ. А власти выгодно, чтобы он таким оставался. Наше терпение – её ресурс.

Опять понимая легковесность своих слов, я встал:

– От разговоров ничего не изменится. Взяли бы и организовали настоящий профсоюз. Закон позволяет.

– А кто поддержит? Я, скажем, готов, а кто со мной? Люди ж не дурные, понимают, сразу станут врагами и

начальству, и старому профсоюзу. С работы выгонят. И власти зачем нестабильность. От забастовок прибыль предприятия упадёт, значит, и поступления в бюджет. Так что закон – законом, а по жизни... Вы замечали, выходит, например, новый закон. А действовать начинается не сразу, суды ждут инструкций и разъяснений. А чего ждать, когда вот он, закон, всё прописано?!.. – Водитель поднял палец и, тонко улыбаясь, опустил лицо. – Не-е-т, ждут... Вот так оно, с законами у нас.

Из дальнейших его слов следовало, что недавняя победа Януковича на президентских выборах очень характерный показатель. Россия и Штаты договорились, чьей зоной влияния будет Украина. Первую победу Януковича Штаты и Европа не признали, организовали Майдан и оранжевую революцию. А теперь иначе. Значит, в чём-то серьёзном и Россия уступила Штатам. Сторговались. А выборы – это для очень доверчивых. Какие надо цифры, такие для легитимности власти изберкомы и нарисуют.

– Украина пойдёт по российскому пути, это я на сто процентов уверен. У нас всегда так, только с опозданием. Наш Янукович это в будущем ваш Путин. Через пару лет СМИ в Украине поприжмут, суды станут ещё больше зависимые, партий останется две-три, правящая, понятно, «Партия регионов» Януковича... – Водитель остро взглянул на меня. – Я вот думаю, что такое в России есть, что от неё все республики шарахнулись? Имперские амбиции – понятно, но то половина правды. Понимаю и другое, мелкота ищет сильных покровителей, а Россия сейчас Штатам не конкурент. Сдаётся мне, главное в другом. Вы в азиатчину тянете. А Прибалтика, даже наши соседи, молдоване несчастные, в Европу хотят... Скажу прямо, я русским не завидую.

Задетый за живое, я поинтересовался:

– Любопытно, почему?

– Все ваши силы, весь прибуток от нефти и газа, думаете, пойдут на то, чтобы люди хорошо жили?.. Эге! Вам свою территорию до Дальнего Востока держать надо. Кавказ задабривать, мусульманского экстремиз-

ма в Поволжье бояться, терактов! Много чего ещё. А то ж всё силы и гроши. И ладно, если бы это только судьба России – дело ваше, как хотите, так делайте. Россия хочет Украину за собой потянуть, а чего ж нет – Штаты дали зелёный свет! А нам, скажите, какое дело до ваших Курильских островов, до Чечни с Дагестаном? Украине оно как зайцу триппер!..

Пушкин где-то обронил, что сам бывает готов позлословить о недостатках Отечества. Но всё в нём встаёт, когда слышит это от иностранцев.

Не Бог весть какой иностранец был наш водитель, однако слышать его и мне было неприятно. Я как мог возражал, приводил контрдоводы. Не уверен, что переубедил. Сделать подобное тем более трудно, если в душе бываешь с оппонентом во многом согласен.

Но одно для меня стало совершенно очевидно. Всё, мы окончательно разные государства! Украина – отрезанный ломоть!.. Слова водителя убеждали в этом больше, чем все пограничники и таможенники вместе взятые.

И ЕЩЁ ОТСТУПЛЕНИЕ, ПОСЛЕДНЕЕ

Сейчас я понимаю, что у подоплёки моего желания побывать в Ямполье было несколько слоев.

Да, вернуться в места, где прошли часть детства и отрочество. Повспоминать, сладко попечалиться.

Да, увидеть одноклассников, узнать, как сложилась их жизнь. По глазам понять, довольны судьбой или нет – ведь как ни бодрись, дело к финалу.

Да, почувствовать новые времена Ямполья. Если удастся, понять, каков у них привкус.

Однако всё это на поверхности, общие для каждого прожившего человека желания. Если, конечно, эмоционально тот не полный тупица.

Было ещё одно, самое, быть может, потаённое, важное, тёмное. Решить наконец, нужен ли мне этот груз. Не поставить ли точку, не обрубить концы, не выбросить ли из памяти? Чтобы не мучила ностальгия – всё,

чужой городишко, не думать о нём. Жизнь не закончена, а человеческая память сродни компьютерной – не стирая устаревшую информацию, не внесёшь новую. И ещё суеверное, пугающее: опасно так плотно быть в прошлом. Не торопись.

Что в итоге?

Отчуждение первых дня-двух перешло в интерес к новому Ямполью. А вскоре – может, и не вполне ещё в приятие, но в некоторую всё же симпатию. Поживи я в нынешнем Ямполье дольше, не знаю, вытеснил ли бы он в душе Ямполь моего детства. Но совершенно точно, чужим для меня перестал бы быть. И ушло бы тёмное подспудное желание избавиться от воспоминаний.

Или лукавлю я? То, что пишу о поездке – и есть освобождение? Переболел, оторвал от сердца прежнее, почти забыл?..

Как это и случается с законченным произведением.

2010

Основные публикации вошедших в первый том произведений

«Параллельные миры». Отдельные миниатюры и эссе цикла впервые опубликованы в еженедельнике «Литературная Россия» (1998 г., № от 19 июня).

Произведения цикла публиковались также в журналах «Наш современник», «Югра», «Свет» («Человек и природа»), «Зарубежные записки», в антологиях «Литература Югры. 1930–2000. Проза», хрестоматии для учащихся 9–11 классов школ Югры, альманахе «Эринтур», коллективных сборниках, газетах.

Отдельным изданием «Параллельные миры» вышли в 2008 году (из-во «Баско», Екатеринбург).

«Случай с Олей Густешовой». – Впервые в журнале «Мир Севера» (1999 г., №5–6). Рассказ публиковался также в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Чаша круговая», коллективных сборниках.

«Осколок империи». – Впервые в журнале «Мир Севера» (2004 г., №1). Публиковался также в журналах «Югра», «Наш современник», в хрестоматии для учащихся 9–11 классов школ Югры, коллективных сборниках.

«Чертовщина». – Впервые в еженедельнике «Литературная Россия» (1999 г., № от 4 июня).

«Лёнъка и Миша-безногий». – Впервые в альманахе «На Севере Дальнем».

«За тридевять земель». – Впервые в авторском сборнике «Яблоко в жёлтой листве».

«Яблоко в жёлтой листве». – Впервые в еженедельнике «Литературная Россия». Вошёл в антологию «Литература Югры. 1930–2000. Проза»

«Мы с Толиком Белинским». – Впервые в журнале «Мир Севера» (2000 г., №5).

«Отставной прапорщик Фатеев». – Под названием «О зелёных ангелах и заслуженном отдыхе» впервые опубликован в журнале «Урал» (2013 г., №5). Публиковался также в альманахе «Эринтур».

«С утра до вечера». – Под названием «Вера Тимофеевна» напечатан в журнале «Октябрь» (1994 г., №12). Вошёл в хрестоматию для учащихся 9–11 классов школ Югры.

«Ясная жизнь». – Впервые опубликован в журнале «Юность» (1973 г., №1).

«Счастье». – Впервые в альманахе «Врата Сибири» (2012 г., №2). Опубликован также в альманахе «Эринтур».

«Сувенир из глубинки». – Впервые в еженедельнике «Литературная Россия» (1999 г., №24). Журнал «Наш современник» (2008 г., №12).

«Стратег». – Впервые журнал «Югра» (2007 г., №6). Публикации в журнале «Наш современник», альманахе «Врата Сибири» и других изданиях.

«Домовой». – Впервые в журнале «Югра» (1998 г., №12). Еженедельник «Литературная Россия», хрестоматия для учащихся 9–11 классов школ Югры.

«Река». – Впервые в журнале «Наш современник» (2011 г., №8). Альманах «Эринтур».

«Только две зимы...» – Впервые в еженедельнике «Литературная Россия» (2000 г., №43).

«В Усть-Сабун и обратно». – Под названием «В Соснину и обратно» впервые опубликован в журнале «Урал» (2008 г., №10). Журнал «Наш современник».

«Бальзаковский возраст». – Впервые в альманахе «Врата Сибири» (2008 г., №1). Журнал «Наш современник».

«Сентиментальное путешествие». – Впервые в журнале «Урал» (2012 г., №7). Альманах «Эринтур», коллективные сборники.

СОДЕРЖАНИЕ

Деревенские этюды

Мэрка, хлеб и свобода.....	58
Последняя гулящая.....	58
Живое.....	59
Пир в начале зимы.....	61
Зимние закаты.....	61
Дрейфующий во льдах.....	62
Тревожные птицы.....	63
Минус пятьдесят.....	64
Посиделки.....	64
Воробьиный скок.....	65
Тропинки.....	66
Ждут и надеются.....	66
О зимней свободе передвижения.....	67
Так хочется в лето!..	68
Весна света.....	69
Утки.....	69
Весна воды.....	70
Время.....	72
Контрасты.....	72
Ночная кукушка.....	74
А черемуха.....	74
Меньше меньшего.....	75
Соперница бамбука.....	76
Родные и приемные дети.....	76
Сорочонок.....	77
Вахтовики из Африки.....	78
Картошка цветёт.....	78
Непостижимое.....	79
Рэкет в малиннике.....	80
На грани.....	80
Десант в лето.....	81

Простые вещи

Благодарение.....	84
Об относительности понятий.....	84
Бои в арьергарде.....	85

Память крови.....	86
Страда.....	87
Мера.....	88
Щенок.....	88
Клыки вырастают раньше.....	89
Доброе слово.....	90
Предосеннее.....	90
Цивилизация.....	91
Время и место.....	92
Давний случай.....	92
Обычное.....	93
Вера.....	94
Один хороший день.....	95
Новосёлы.....	96
Потому что пора.....	97
Избыточность.....	97
Стадо.....	98
Голубиная история.....	98
Общее место.....	99
Любите искусство, господа!..	100

С природы

Муравей.....	102
Предприимчивая бурёнка.....	102
Беломор.....	103
Друзья по несчастью.....	104
И вот такая весенняя примета.....	106
Кто сказал, что рыба дорогая?..	107
Ситуация.....	110
Хитрая северная география.....	110
Квартирный вопрос.....	111
Комар.....	112
Охота пуще неволи.....	113
Путь сомнений.....	114
Прогноз на завтра.....	115
Город, картошка, очередь... ..	116
Воробьи купаются.....	117
В автобусе.....	118
Сослуживец.....	118

Колыбель для имеля.....	120
Заветное желание.....	121
Гордость бедных.....	121
Психолог.....	123
Простые души, 70-е годы.....	124
Чем богаты.....	125
Мысли по поводу.....	125
Как мы с синицей пересмешичили.....	126

Мимоходом

Как в первый раз.....	128
Ничтожна и неистребима.....	128
Безответные.....	129
Вечное.....	129
Без названия.....	129
Образ.....	130
«Чуть помедленнее, кони!..».....	130
Небесный вампир.....	76
Всего лишь воздух с ваших губ.....	131
Душа лета.....	131
О пользе чтения.....	132
Оттаявшие запахи.....	132
Горячий привет из мезозоя.....	133
Оратор.....	133
Нравы.....	134
Подлость.....	134
Поколение next.....	135
Иван-чай.....	135
Бессмертное.....	136
Простое желание.....	136
Табель о рангах.....	137
Счастливец.....	137

50+

Любовь по Эсамбаеву.....	140
Грустный анекдот.....	141
«...Деспот среди людей».....	141
О профессионализме.....	142
Монолог.....	143

Первое марта.....	144
Обманка.....	144
Акме.....	146
Старые истины.....	146
О хорошем царе и плохих боярах.....	147
Министерство правды.....	148
Выбор.....	149
Анатомия успеха.....	150
Третий ключ.....	150
«Остановись, мгновенье...».....	151
С изумлением и благодарностью.....	152
Терпение буксиров.....	153
Покой.....	154

Рассказы

Случай с Олей Густешовой.....	156
Осколок империи.....	173
За тридевять земель.....	188
Дембельский бог.....	202
Лёнька и Миша-безногий.....	223
Мы с Толиком Белинским.....	242
Яблоко в жёлтой листве.....	257
Только две зимы.....	274
Счастье.....	291
Стратег.....	299
С утра до вечера.....	308
Домовой.....	331
Чертовщина.....	339
Река.....	347
Сувенир из глубинки.....	359
Отставной прапорщик Фатеев.....	368
В Усть-Сабун и обратно.....	380
Бальзаковский возраст.....	415
Ясная жизнь.....	426
Сентиментальное путешествие.....	439

Литературно-художественное издание

Луцкий Сергей Артёмович

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА
Первый том

Компьютерная вёрстка, корректура
Луцкая Г.А.

Фото Семёнов А.С.